

...25 года чер
разведчик Сидней Рейли. С
куща Штейнберга.

относительно организации и
разведок и, поскольку
русской эмиграции и

СССР, Рейли ведет
видом уроженца
ленинградский
партии. Здесь

(Из книги
иностранные

РУССКИЕ СТРАИНЫ

Сидней Рейли
убит 28 сентября
войсками ГПУ
деревни Аллекюль
в России

АВАНТЮРИСТ И ЛЮБОВНИК
СИДНЕЙ РЕЙЛИ

РУССКИЕ СТАЙНЫ

**ЮЛИЯ СЕМЕНОВА
АЛЕКСАНДРА ЮНКО**

АВАНТЮРИСТ И ЛЮБОВНИК СИДНЕЙ РЕЙЛИ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛИМП
МОСКВА
1998

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Семенова Ю., Юнко А.

С30 **Авантюрист и любовник Сидней Рейли. – М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 480 с. – (Русские тайны).**

ISBN 5-7390-0381-4 (общ.)

ISBN 5-7390-0762-3 (Олимп)

ISBN 5-237-00383-4 (АСТ)

Жизнь известного британского шпиона Сиднея Рейли — загадка для историков. События в ней переплетались с невообразимой причудливостью — дипломатическая деятельность соседствовала с бизнесом, географические исследования со шпионской работой, причем сразу на несколько правительств, любовные интриги сменяли одна другую, словно в калейдоскопе. По разным сведениям он даже находился одновременно во многих местах! И над всем этим витал дух Авантюры.

ББК 84(2Рос-Рус)6

© «Олимп», 1998

© Оформление.

ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998

ПРОЛОГ

Общеизвестно, что дважды два — четыре, лошади кушают овес, Волга впадает в Каспийское море, а Сидней Джордж Рейли — матерый английский шпион, ярый борец против Советской власти, побежденный нашими доблестными чекистами.

Что он

«...родился в 1874 году, вблизи Одессы, незаконный сын матери-польки и некоего доктора Розенблюма, который бросил мать с ребенком, после чего очень скоро она вышла замуж за русского полковника. Учение он бросил и начал вести авантюрную жизнь, ища опасностей, выгоды и славы. Уже в 1897 году мы видим его агентом британской разведки, куда он причалил после немалых приключений и путешествий. ...Вплоть до войны 1914 года он в основном жил в России, был со многими знаком, бывал повсюду и водил дружбу с известным журналистом и редактором «Вечернего времени» Борисом Суворинным, сыном издателя «Нового времени», владельца крупного издательства в Петербурге. Он был активен в банковских сферах, знал крупных петербургских дельцов, знаменитого международного миллионера, ворочавшего всеевропейским вооружением, грека по рождению сэра Базиля Захарова, строившего военные корабли и продававшего их и Англии, и Германии одновременно. Рейли имел также близкое касательство к петербургской фирме Мандроховича и Лубенского, ко-

торая занималась главным образом экспортом и импортом оружия. ...Рейли разводов не признавал, но был три раза женат. Последним браком Рейли женился в 1916 году на испанке, Пените Бобадилья. В это время он жил в Германии, ездил в США, Париж и Прагу. Паспортов у него было достаточно для всех стран, воюющих и нейтральных. Затем, в 1918 году, английское правительство послало его снова в Россию. В эти годы Рейли, судя по фотографиям, был высокого роста, черно-волос, черноглаз, слегка тяжеловат, с крупными чертами самоуверенного, несколько надменного лица.

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Что он

«...родился в Клонмэле (Ирландия). Отец — капитан морской службы. Постоянное место жительства — Лондон. Последнее время — Нью-Йорк. Капитан британской армии. Жена — за границей. Образование — университетское. Университет окончил в Гейдельберге — философский факультет и в Лондоне — Королевский горный институт, по специальности — химик. Партийность — активный консерватор».

(Из протокола допроса С. Г. Рейли 7 октября 1925 года.)

Что он

«...покинув в 1907 году старинные залы Оксфордского университета, переселился в пансионат девонширской школы «Интеллидженс Сервис». В 1910 году вновь испеченный офицер английской королевской авиации командировается в Россию. Царское правительство поручило Рейли консультировать строительство первого русского аэродрома в окрестностях Москвы».

(Из книги В. Минаева «Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР».)

Что он

«...был привезен Кромби из Петрограда в мае 1918 года и введен в круг людей, составляющих теперь внутренний круг «наблюдателей». Они все — и англичане, и фран-

цузы — принадлежали консульствам, бывшим или еще существующим, к военным миссиям, к «обозревателям».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Что

«...Рейли и Локкарт стремились наладить связи с латышскими стрелками, которые несли охрану Советского правительства. Строились далеко идущие планы антибольшевистских действий в Москве в расчете на помощь с севера английских войск под командованием генерала Пуля. ...Для подкупа латышских стрелков завербованным было передано около двух миллионов рублей. Но эти суммы тут же оказались в совсем неожиданном для плативших деньги месте: в ВЧК, по заданию которой действовали все три латыша. ...ВЧК занялась расследованием дела. В конце ноября в Москве начался суд Верховного революционного трибунала над иностранными представителями, занимавшимися подпольной антисоветской деятельностью. Это дело получило название «заговора послов». Локкарт и Рейли были заочно приговорены к смертной казни».

(Из книги Н. Думовой и В. Трухановского «Черчилль и Миллюков против Советской России».)

Что

«...в Англии его считали «вторым Лоуренсом», «асом среди шпионов». Заочно приговоренный к расстрелу... по делу о «заговоре трех послов», Сидней Рейли (Розенблум) осенью 1918 года бежал из Москвы, добрался до Англии, где был сразу же награжден орденом. Он стал доверенным лицом Уинстона Черчилля, советником по русским вопросам английской делегации на Парижской мирной конференции. С тех пор и вплоть до конца 1925 года, перейдя из военной разведки в «Интеллидженс Сервис», Сидней Рейли ни на день не прекращал своей шпионской и подрывной деятельности против Советской страны».

(Из книги Д. Голинкова «Крах антисоветского подполья в СССР».)

Что

«Летом 1925 года через финляндскую границу на советскую территорию был переброшен уже известный нам английский разведчик Сидней Рейли. Он имел при себе паспорт на имя купца Штейнберга».

(Из книги И. Сейерса и Н. Кана «Тайная война против Советской России».)

Что в том же двадцать пятом году

«Сидней Рейли убит 28 сентября войсками ГПУ у деревни Аллекюль в России».

(Из некролога в газете «Дейли экспресс».)

Что 30 октября 1925 года Сидней Рейли написал следующее заявление:

«Председателю ГПУ Ф. Э. Дзержинскому.

После происшедших с В. А. Стырне разговоров я выражаю свое согласие дать Вам вполне откровенные показания и сведения по вопросам, интересующим ГПУ относительно организации и состава великобританских разведок и, поскольку мне известно, такие же сведения относительно американской разведки, а также тех лиц русской эмиграции, с которыми мне пришлось иметь дело».

Что

«5 ноября 1925 года приговор Верховного революционного трибунала в отношении Сиднея Рейли от 3 декабря 1918 года был приведен в исполнение».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Что

«Арестованный ОГПУ в 1927 году, Рейли показал, что «он приехал в СССР в 1925 году со специальной целью организации террористических покушений, поджогов, восстаний и т. д.».

(Из книги И. Сейерса и Н. Кана «Тайная война против Советской России».)

Что

«находясь в СССР, Рейли ведет свою гнусную работу. Ему удалось под видом уроженца России «товарища Реллинского» пробраться в Ленинградский уголовный розыск и пролезть в кандидаты партии. Здесь его и настигла карающая рука ОГПУ».

(Из книги В. Минаева «Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР».)

Нет также никакого сомнения, что Рейли одновременно служил в военной разведке и в «Интеллидженс Сервис», в авиации и на флоте, в одно и то же время находился в разных регионах земного шара, совершал коммерческие аферы, организовывал крупные промышленные фирмы, подкупал, поджигал, взрывал, совершал террористические акты, грабил музеи, свободно владел европейскими и восточными языками, участвовал в русско-японской, первой мировой и гражданской войнах то на одной, то на другой стороне, фигурировал под именами Реллинского, Розенблюма, Массино, Железного, Штейнберга, дружил с Савинковым, чекистами, Черчиллем, Муссолини, членами советского правительства и белогвардейцами, а в свободные от этих хлопотных дел дни и ночи переживал бурные любовные приключения, обольщая прекрасных дам. Элегантно одевался и любил посидеть в ресторанах.

Будучи глубоко законспирированным разведчиком «Интеллидженс Сервис», он довольно бойко написал и опубликовал мемуары о тех событиях, которые мог припомнить.

О нем написаны десятки книг, сняты фильмы и сериалы.

Жаль только, что о знаменитом разведчике нет ни одного упоминания в Британской энциклопедии и в «Красной книге ВЧК».

А ведь приключений Рейли хватило бы не на одну, а на несколько жизней...

1. ПЕПИТА БОБАДИЛЬЯ, ВДОВА

«Последним браком Рейли женился на испанке Пепите Бобадилья».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

«Но Пепита Бобадилья, как и та японка, которая была влюблена в Рихарда Зорге, искренне убеждена, что Рейли любит только ее одну...»

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

1979 год

Москва, пункт приема вторсырья

№ 398/2

Эдик скучал. Он рассеянно следил за ногами прохожих, шлепающих по лужам, в сером квадрате полуподвального окна.

«Во всей России вряд найдете две пары стройных женских ног», — перевирая Пушкина, пробормотал он, провожая глазами бледные щиколотки очередной незнакомки.

И перелистнул страницу Эсхила, которого вчера вместе со старыми «Огоньками» сдала в макулатуру очкастая интеллектуалка, взамен получив вождевленную «Анжелику».

Дверь с грохотом распахнулась.

— Утиль здесь принимают? — поинтересовался здоровенный мужик, с трудом втаскивая два мешка всякой рухляди.

— Ну, — Эдик отложил Эсхила в сторону и лениво поднялся. — Только новых поступлений нет.

— В смысле? — насторожился амбал. — Вы шо, не плотите?

— Почему? — профессионально обиделся Эдик. — Вот преЙскурант. Бумага — две копейки кило, текстиль — в зависимости от состава...

— Шо за цены? — возмущился мужик. — Дешевле на помойку выкинуть.

— Вольному — воля, — хмыкнул приемщик, снова опускаясь на табуретку и пододвигая к себе Эсхила.

Мужик задумчиво поскреб в затылке:

— А, один хрен. Не тащить же обратно.

— Выкладывай, — не отрываясь от «Прометея прикованного», велел Эдик. — И сортируй.

— Вот пердун старый, — бурчал себе под нос амбал, вываливая из мешков пачки газет, связки журналов «Политическое самообразование», стопки общих тетрадей и всякие тряпки.

— Ничего путного, — он с размаху отшвырнул в сторону нейлоновую рубашку и дырявые капроновые носки.

— Слышь, парень, вешай давай!

— Бумаги пятнадцать, хлопка три, шерсти полтора кило, — подытожил Эдик. — Итого, — он с размаху перекинул костяшки счетов, — пятьдесят четыре коп.

— Твою мать! — с глубоким чувством сказал амбал. — Жил человек, жил, даже на пол-литру не оставил.

— Пить — здоровью вредить! — приемщик театральным жестом показал на засиженный мухами плакат, украшавший обшарпанную стену. — Крышки хочешь?

— Чего? — мужик выпучил глаза.

— Для консервов. Знаешь, какой дефицит? Или туалетной бумагой возьми.

— А можно? — обрадовался амбал.

— Ну. Два рулона... Доплачивай 16 коп.

Посетитель растерянно пошарил по карманам.

— Но у меня нет мелочевки... Пустой... Я ж только из дому и обратно... Вишь, в тапочках...

— Ладно, чего уж там! — великодушно махнул рукой Эдик. — Я тебе так дам.

— Вот спасибо так спасибо. А то моя все время пилит: бесхозяйственный, мол... — довольный собой амбал сунул в карманы рулоны туалетной бумаги и покинул помещение приемного пункта вторсырья.

Эдик зевнул. И неторопливо принялся перетаскивать на склад новые поступления.

— Черт! — бечевка разорвалась, и пачка общих тетрадей рассыпалась по полу. — Связать как следует не мог!

Он поднял с пола одну тетрадку. В глаза бросилась надпись на картонной обложке: «БЛОКЪ-НОТЬ». Из пожелтевших страниц выпала на ладонь открытка со сдвоенным профилем Ленина — Сталина.

— Может, марка есть? — заинтересовался Эдик, переворачивая карточку.

Но на обратной стороне марки не было. Видимо, открытку отправляли в конверте.

«Дорогой Александр Михайлович! — писал неизвестному адресату неизвестный корреспондент. — Поздравляю Вас с двадцатой годовщиной великой пролетарской революции, делу которой Вы преданно и честно служили всю свою жизнь. Желаю Вам и впредь оставаться верным сталинцем и не жалеть сил в борьбе с мировой буржуазией.

Здоровье мое все не идет на поправку. Особенно беспокоит старая рана в плече. Да и ходить стал с трудом. Приволакиваю ногу. А как Ваши дела? Черкните при случае пару строк. С приветом к Вам С. К.».

— Коммунисты — вперед, — ухмыльнувшись,

Эдик перелистнул блокнот в поисках конверта с маркой.

Мелькали какие-то даты, числа, инициалы...

— Дневник, что ли?

Он пробежал глазами страницу.

«...когда и встретил Черчилля. Спросил его, не может ли помочь, указав подходящих людей со средствами. Он, по-видимому, был искренне озабочен и просил меня ему написать, т. к. завтра утром уезжает...

Я немедленно связался с Борисом Викторовичем. Ведь мы действительно в одной упряжке, и от того, какую сумму сумеем набрать, зависит успех нашего общего дела.

Вообще с годами укрепилось мое мнение о Савинкове. Это самый близкий мне человек. И по духу, и по цели, и по отношению к жизни. Порой мне так не хватает его, и нет вокруг никого, кто хоть сколько-нибудь приблизился бы к этому идеалу. Кровь Бориса, этого гениального, на сотую долю не оцененного человека, на руках его палачей, большевиков, этих подонков от революции.

7 июня 1927 года.

Давно не садился писать. Было некогда. Весь май напряженно работал. Приходил домой и валился в кровать, как подкошенный. Утром просыпался с головной болью и снова на службу.

Наше управление все более напоминает обычное советское учреждение с его бюрократией, горами ненужных бумаг и служебной иерархией. Еще бы выдали каждому по паре нарукавников да конторские счета. Товарищ П. просто вылитый бухгалтер. В его порослячьих глазках так и мелькают цифирки, цифирки, входящие-исходящие, дебет-кредит... А ведь подумать только, когда-то он был лихим рубакой, пламенным оратором и вел за собой массы. Куда все подевалось?

...Да, что время делает с людьми — уму непостижимо. Третьего дня заходила ко мне Е. Ш. Была в Москве проездом и на Киевском встретила Рене собственной персоной. Хитрая лиса черкнул ей адресок: он всегда старался мне насолить.

В первую минуту, когда позвонили в дверь, я решил, что сия особа пришла наниматься в домработницы. К счастью, мне не дали и рта раскрыть. Хорошо бы я был, если бы сразу принялся вести речь о жалованье!

— Жорж! — воскликнула Е. Ш., борясь с одышкой. — Я знала, что мы еще встретимся! Майн готт! Вы нисколько не изменились!

И устремила на меня взгляд, полный страстного обожания. Признаться, только по нему я и распознал былую красавицу, некогда блиставшую в петербургских салонах и сводившую с ума миллионщиков и гвардейцев.

А ведь ей не так уж много лет, мысленно прикинул я. Даже если сделать поправку на женское кокетство в отношении паспортных данных, Е. Ш. теперь не более сорока пяти. Но где, позвольте спросить, персиковая кожа, лилейные ручки, некогда пылко обнимавшие меня (как, впрочем, и других)? Где гибкость стана и изящество ножки?

Передо мной стояла грузная старуха в поношенном платье и стоптанных ботинках. Вокруг когда-то прелестной шейки уныло обвилась траченная молью чернубурка. Е. Ш. нервно обмахивалась ее мертвой оскаленной мордой.

Разговор вертелся вокруг самых незначительных вещей.

Говорили о здоровье, о ценах на рынке, перебирали общих знакомых. Этот уехал, тот умер, третьего расстреляли, четвертого сослали... Насколько я понял, Е. Ш. давно развелась по советским правилам и нынче находится в стесненных обстоятельствах. На-

до отдать ей должное: напрямую она помощи не просила.

Поддавшись невольному чувству жалости, я предложил Е. Ш. чаю. Она не отказалась. Больно было смотреть на то, как эта женщина, обжигаясь, с шумом отхлебывала кипяток и, роняя на платье крошки, с жадностью поглощала бутерброды, сооруженные мною на скорую руку.

Я проводил Е. Ш. без всякого сожаления, а оставленную ею бумажку с армавирским адресом смял и бросил в помойное ведро.

— Сик транзит gloria мунди! — как говаривал незабвенный друг мой Борис Савинков...»

— Так примете или нет? — с досадой повторил женский голос.

От неожиданности Эдик выронил «БЛОКЪ-НОТЬ». Прямо перед ним стояла вчерашняя очкастая интеллектуалка с двумя огромными связками макулатуры.

«Хосефа Эстер Бобадилья рождена 2 сентября 1874 года в уездном городе Рославль Смоленской губернии. Мать — Елизавета Бобадилья, урожденная Дубровская, по происхождению дворянка, по вероисповеданию унионистка. Отец — Хосе Мигель Бобадилья, по происхождению дворянин, по вероисповеданию католик. Младенец крещен по католическому обряду в церкви св. Терезы (Вильно) 29 сентября 1874 года».

(Из архивов городской управы г. Рославля.)

Хосефа никогда не могла понять, что понесло ее отца, идалго из обедневшего дворянского рода, в далекую северную Россию и как угораздило красавицу Елизавету Дубровскую, блиставшую в свое время в петербургском свете, связать свою судьбу с этим бродягой и пьяницей. Вечно мотался Хосе Бобадилья по городам и весям и нигде подолгу не задерживался.

Из российской столицы — в грязную уездную дыру, из Вильно — в Ревель, из патриархальной купеческой Москвы — в легкомысленный Париж...

Пока девочке не исполнилось девяти лет, родители повсюду таскали ее за собой. Хосефе нравилась такая жизнь. С детской любознательностью впитывала она новые впечатления и радовалась переездам. Она прекрасно говорила на нескольких европейских языках, но лучше других знала, естественно, русский и испанский.

Девяти лет от роду Хосефу отдали на попечение «христовых невест» в монастырь святой Елены. Но учение впрок не пошло: несмотря на строгие монастырские нравы, девочка росла дерзкой и своенравной.

В ней бурлила гордая и авантюрная кровь испанских предков, и монастырская келья казалась ей настоящей тюрьмой. В пятнадцать лет у Хосефы обнаружили повышенный интерес к молодому сеньору Лопе Льяносу, учителю музыки и регенту церковного хора. Ненастной ноябрьской ночью 1890 года она сбежала из монастырской неволи и вместе со своим возлюбленным уехала в Мадрид.

Так началась полная приключений жизнь этой загадочной женщины.

Лондон, 1892 год

«Сотрудникам Скотланд-Ярда наконец удалось задержать преступницу, промышлявшую грабежом в отелях и пригородных гостиницах. Ею оказалась некая Хосефа Бобадилья, известная в преступной среде под кличкой Пепита — проститутка, промышлявшая в дорогих ресторанах и казино. Она заманивала мужчин в гостиницы, подсыпала им в питье снотворное и, бессовестно ограбив, исчезала. Преступница арестована и в настоящее время находится под стражей».

(Информация из газеты «Санди таймс» от 12 июля 1892 г.)

— Только тихо, — долговязый прыщавый конвоир Джон Гиннес приложил палец к губам и кивком головы велел Пепите следовать за собой. Хосефа на цыпочках дошла до конца длинного и узкого тюремного коридора, спустилась по лестнице вниз и оказалась во внутреннем дворике, со всех сторон окруженном высокой каменной стеной.

Джон склонился к подвальному окошку, запустил руку в открытую форточку и вытащил заранее приготовленный и аккуратно уложенный в кольцо толстый канат.

— Отойди, — шепотом приказал он, и Пепита послушно отодвинулась в сторону.

Хоп!

Джон быстро размотал канат и, раскрутив над головой, ловко закинул один его конец на самый верх стены. В лунном свете блеснул альпинистский крюк.

— Готово, — на всякий случай Гиннес подергал канат и убедился, что крюк крепко уцепился за край тюремной ограды. — Давай.

Пепита деловито подоткнула юбку, поплевала на ладони и взялась за толстую веревку.

— Эй, милашка, — в голосе Джона послышалось разочарование, — и это все?

Пепита подошла и поцеловала его.

— Спасибо, — поблагодарила она, — ты меня выручил.

— Я разыщу тебя завтра в Уайтчапле, — тяжело дыша от возбуждения, сказал долговязый. — В трактире мистера Смита. Ты запомнила адрес?

— Уайтчапл, трактир мистера Смита, — повторила Хосефа.

— Там тебя никто не найдет...

— Ты очень добрый, Джонни...

И, обдирая руки и колени, Пепита Бобадилья начала карабкаться вверх по толстому канату. По другую сторону стены ее уже ждала повозка с сеном, кото-

рой заправлял ближайший друг Джонни Мак Коллинз.

Трясаясь по камням, повозка покатила в сторону Уайтчапла.

— Эй, — вдруг сказала Пепита, когда они проезжали мимо вокзала Ватерлоо. — Останови!

— В чем дело? — обернулся Мак.

— По нужде, — коротко объяснила девушка.

— Тпру! — Мак натянул поводья.

Пепита спрыгнула с повозки и скользнула в тень станционных строений.

Напрасно прождав ее целый час, Мак вздохнул и повернул в сторону Уайт-стрит, где он жил вместе со своим отцом.

Париж, 1895 год

— Прошу вас, мсье, — метрдотель подскокил к красивому молодому человеку в форме офицера британской армии и приветствовал его почтительным поклоном.

— Меня здесь ждут, — сказал посетитель на безукоризненном французском. — Мсье Шарль де Роже...

Метрдотель подвел английского офицера к столику, где Шарль Роже коротал время в обществе очаровательной молодой женщины в сильно декольтированном платье.

— Знакомьтесь, — сказал Шарль, поздоровавшись с приятелем. — Дорогая, это Джордж Рейли, лейтенант королевской британской гвардии. А это, Джорджи, мадемуазель Жозефина де Совиньи...

— Весьма польщен, — англичанин почтительно склонился над благоухающей ручкой красавицы.

В этот вечер он был несказанно красноречив и остроумен. Шарль не узнавал обычно сдержанного Джорджа, а Жозефина не сводила с офицера своих темных бархатных глаз.

— О, англичане весьма забавный народ, — смеясь, рассказывал Рейли. — У них специфическое чувство юмора, и когда вам говорят о тонких английских шутках — не верьте. Вот, например, анекдот, который заставляет хохотать самых чопорных пуритан. Миссис Эйдж попросила своего супруга, профессора математики, сварить яйцо, разумеется всмятку. «А сколько это займет времени?» — испуганно спросил профессор, не знакомый с правилами кулинарного искусства. «Ровно четыре минуты, — ответила миссис Эйдж, — четыре минуты в крутом кипятке, не больше». Педантичный профессор вооружился часами, стал у плиты и принялся ждать. Ровно через четыре минуты его жена зашла на кухню и, к ужасу своему, обнаружила, что муж варит в кипятке брегет, а в руке держит сырое яйцо!

Шарль расхохотался. Пепита слегка улыбнулась. А Джордж вдруг почувствовал, как под столом ее изящная ножка в туфельке коснулась его ботинка!

Взяв извозчика, они с Шарлем отвезли Пепиту, у которой вдруг разболелась голова, в отель «Палас», а сами отправились кутить дальше.

— Это потрясающая женщина, — сообщил Шарль заплетающимся языком, когда они допивали третью бутылку бордо в маленьком ресторанчике на бульваре Капуцинов. — Единственная наследница мсье Совиньи, одного из крупнейших поставщиков французских вин в Новый Свет. Правда, у нее с папá возникла ссора, и своенравная девчонка, чтобы досадить ему, укатила из Булони в Париж. Меня познакомил с нею один мой старый приятель, швейцарец, уехавший недавно в Лозанну. Перед отъездом попросил позаботиться о Жозефине, по крайней мере до тех пор, пока ее отец не образумится. Должен тебе сказать, дружище, — подняв бокал, Шарль сквозь стекло любовался игристой темной жидко-

стью, — что мадемуазель де Совиньи — настоящая легкомысленная француженка! Пока ее жених гуляет по Лозанне, она времени даром не теряет. То есть мы... — он бросил на Джорджа лукавый взгляд. — Ты понимаешь меня, приятель? Женщины более страстной я не знавал!

Только к ночи Рейли с большим трудом отделался от назойливого и болтливового Шарля. Распрощавшись наконец с ним, Джордж взял экипаж и велел ехать к отелю «Палас».

Пепита еще не спала...

Нью-Йорк, начало 1896 года

— Нет, — сказала Пепита, — ты не сможешь, не посмеешь оставить меня!

Джордж погладил ее по щеке.

— Да об этом и речи не может быть, милая. Пойми сама, я человек военный, подневольный... Начальство требует — я обязан выполнить...

— Но у тебя же отпуск, — капризно повторила женщина.

В темноте ей показалось, будто Джордж усмеется.

— Вот ты за меня и отдохнешь. А я завтра же отправлюсь в Лондон и, если нет ничего срочного, вернусь обратно...

— А вдруг не вернешься?

— Тогда ты приедешь ко мне. В феврале, как и договаривались... Ну все, давай спать.

— Я люблю тебя, — Пепита положила руку ему на грудь.

— Я тебя тоже, — сонным голосом отозвался Рейли. — Спокойной ночи...

Всю ночь Пепита не сомкнула глаз. А наутро Джордж уехал из Нью-Йорка. Напрасно она прождала его весь январь. Он не вернулся.

Англия, февраль 1896 года

В начале месяца Пепита с документами на имя мадемуазели Жозефины де Совиньи, француженки, появилась в Лондоне и пошла по известному ей адресу, где Джордж уже несколько лет снимал квартиру. Но там оказались совсем другие люди.

— Мистер Рейли здесь больше не живет, — сообщила консьержка. — Он съехал еще в середине января.

Разгневанная Пепита без лишних раздумий направилась прямо в военное министерство. Она представилась дежурному офицеру как миссис Джордж Рейли, которая якобы вернулась от парижских родственников и не обнаружила мужа в Лондоне. Озадаченный лейтенант долго ходил по кабинетам, оставив ее в приемной. Наконец он вернулся и сообщил, что в настоящее время мистер Рейли находится в Берлине, куда он командирован вышестоящим начальством.

Берлин, декабрь 1901 года

С неожиданным для себя энтузиазмом Пепита включилась в работу подпольной социал-революционной организации. Она дежурила по ночам в типографии, замаскированной под частную квартиру, правила корректорские ошибки в листовках и воззваниях, переодевшись в неприметное дорожное платье, ездила курьером по всей Германии и даже участвовала в политических диспутах.

Здесь, в Германии, она познакомилась со многими русскими. Ни один из них ей не приглянулся. Какие-то серые ущербные личности, без всякого полета мысли.

Больше всего Пепиту раздражала пучеглазая Надя, которая приехала в Цюрих вместе со своим нека-

зистым и капризным, самодовольным мужем Володей. Целыми днями он что-то писал, закрывшись в одной из комнат, а по вечерам за чаем разглагольствовал о том, какие ошибки делает правительство и что надо предпринять, чтобы их исправить. Он ел и говорил очень быстро. При этом постоянно жестикулировал. Однажды Володя задел Пепитин стакан, и горячий чай вылился ей на платье.

Это было в тот период, когда Хосефа была вынуждена целую неделю прожить в Цюрихе, дожидаясь оказии, чтобы передать в Россию партию нелегальной литературы.

Судя по всему, самую Надю нисколько не раздражал этот мерзкий тип. Напротив, она боготворила Володю, заглядывала ему в рот и согласно кивала в такт каждому его слову. Целыми днями, пока он писал, жена передвигалась по дому на цыпочках и заставляла Пепиту поступать так же.

— Ах, как много Володя работает, — сокрушенно шептала Надя, проходя мимо закрытой комнаты. — Совершенно не отдыхает. А у него такое слабое здоровье!

Она была чертовски предупредительна по отношению к мужу, зато с прислугой превращалась в сварливую бабу и мелочную, придирчивую хозяйку.

Однажды Пепита пошла с Надей на базар. Это было нечто невообразимое! Надя так торговалась из-за каждого пустяка, что продавцы готовы были все отдать даром, только бы она отстала. Мотовка Пепита чувствовала себя крайне неловко, а Надя наставительно говорила:

— Даже человек со средствами должен быть экономен и скромен в быту. Никаких излишеств — вот мой девиз. Зря вы улыбаетесь, товарищ Хосефа! Когда у вас будет своя семья, вспомните мои слова.

После этой поездки в Цюрих Пепита поняла, что революционная деятельность не по ней. Она появлялась на общих собраниях все реже и реже, а потом

вовсе исчезла с революционного горизонта, укатив в Париж с бароном Альфредом Бритенбергом, пожилым и очень богатым.

Гейдельберг, 1905 год

Хоронили барона в его родном городе. Гроб должны были вот-вот опустить в фамильный склеп. Закрыв лицо черной вуалью, Пепита скромно стояла в сторонке, пока родственники по очереди прощались с незабвенным Альфредом. Все они с ненавистью поглядывали на грязную шлюху, сократившую господину Бритенбергу жизнь на несколько лет и имевшую наглость явиться сюда в такой торжественный и печальный день!

И лишь толстозадая дочь барона и его обезьяноподобный сын нехорошо улыбались: согласно завещанию, все состояние барона делилось пополам между его детьми.

Правда, они не знали, что их покойный папаша приобрел для своей возлюбленной небольшой, но очень дорогой особняк вблизи Нанта, во Франции. Зато не оставил ей ни гроша наличными.

На следующий день после похорон Пепита познакомилась с выпускником Гейдельбергского университета, российским подданным Вадимом Штейнбергом, которого его приятели называли почему-то товарищем Железным.

— Это мой подпольный псевдоним, — признался он.

К счастью, новый знакомый вовсе не был похож на тех революционеров, с которыми Хосефа зналась в Берлине и Цюрихе. Во-первых, он был весьма обеспеченным человеком, во-вторых, не питал склонности к аскетизму. В-третьих, оказался недурным любовником.

Они сняли квартиру на улице Спасения и вели добропорядочную семейную жизнь. Вадим обожал

Пепиту: выполнял любой ее каприз, забрасывал дорогими подарками, водил по самым фешенебельным ресторанам.

Однажды в ресторане «Интермеццо» Пепита увидела... Джорджа Рейли собственной персоной! Она поперхнулась от неожиданности.

— Что с тобой? — заботливо склонился к ней Вадим. — Тебе плохо?

— Нет, — Пепита потерла лоб рукой. — То есть голова закружилась!

Вадим встревожился:

— Дорогая, может быть, лучше пойти домой?

— Нет-нет... — Пепита поднялась с места. — Подожди, я сейчас...

Пошатываясь якобы от головной боли, Хосефа дошла до столика, за которым сидел Джордж, и, словно случайно, задела его юбкой. Рейли поднял голову.

— Извините, — мелодичным голосом пропела Пепита.

— Господи, — выдохнул Джордж, — Жозефина! Ты откуда?

Но Пепита, явно не слыша его, торопливо направлялась к туалетной комнате.

Джордж догнал ее в холле.

— Жозефина! Как ты здесь оказалась?

— Нет, это как ты сюда попал? — красавица гордо подняла голову. — И куда ты делся тогда, когда я ждала тебя в Нью-Йорке, а потом искала в Лондоне и Берлине? И где ты пропадал все это время?

Джордж смутился:

— Жозефина, ты же знаешь мою службу... Ну, прости меня, прости... Господи, ты совершенно не изменилась за все эти годы! Даже еще лучше стала!

Хосефа слегка улыбнулась:

— А ты остался все таким же дамским угодником... Ты здесь опять по делам службы?

— Да. А ты здесь живешь? Вышла замуж?

— Да, — не моргнув глазом, соврала Пепита. — Здесь я со своим мужем.

— Как бы нам встретиться и поболтать? — умоляющим тоном спросил Рейли. — Может быть, приедешь ко мне в гостиницу?

— Адрес, — женщина протянула руку. На обратной стороне визитной карточки офицер торопливо набросал адрес отеля. — Мне пора, — сказала Хосефа и, не оборачиваясь, направилась в зал.

Той же ночью она, прихватив с собой все драгоценности и содержимое кошелька Вадима, покинула господина Штейнберга. А ранним утром уже тряслась в поезде, направляясь из Гейдельберга в Мюнхен вместе с капитаном английской королевской гвардии Джорджем Рейли.

Мюнхен, март 1906 года

— Вам ведь уже немало лет, фрау Бобадилья, — сказал доктор. — Поэтому я советую быть крайне осмотрительной. Вы должны соблюдать режим, отказаться от острого и соленого и ни в коем случае, фрау, ни в коем случае не поднимать тяжести. Сейчас очень опасный период, очень опасный!

Хосефа подозревала, что она беременна от Вадима. Хотя и не исключала возможности, что отцом ее будущего ребенка был Джордж. Остановившись посреди улицы и подняв глаза к небу, Пепита принялась подсчитывать. Но так и не пришла ни к какому выводу: зачать она могла как от одного, так и от другого.

— Впрочем, это не имеет ровно никакого значения, — вполголоса произнесла женщина.

Теперь-то тридцатидвухлетней Пепите не нужно будет намеками подталкивать Джорджа к мысли о необходимости узаконить их отношения. Она просто сообщит ему о своей беременности, и капитан Рей-

ли, как благородный человек, обязан будет жениться.

Хосефа вернулась домой в самом радужном настроении.

— Джордж! — позвала она, открыв дверь. — Джордж!

Никто не отзывался. Странно, в это время Рейли обычно дома.

Пепита прошла в гостиную и зажгла свет. На большом круглом столе, покрытом бархатной скатертью, лежала внушительная пачка немецких марок и английских фунтов стерлингов, а рядом записка от Джорджа:

«Я должен срочно уехать, дорогая. Ищи меня в Лондоне. Не скучай. Целую, твой Дж.».

«Определив меня в частный пансион, мать продолжала вести бурную, полную приключений жизнь. В поисках моего отца она объездила полсвета, попадая в самые невероятные ситуации и заводя знакомства с самыми разными людьми. Бывала в Нью-Йорке, Париже, Берлине... Дружила со знаменитым авантюристом месье Массино, несколько раз встречалась с одним из руководителей ВЧКЯ. Петерсом... У нее был кратковременный роман с русским чекистом Реллинским. Общалась с известным производителем и поставщиком оружия Мандроховичем... По ее рассказам, находясь в Сорренто, неоднократно бывала в доме русского писателя Горького. Попав в Москву вскоре после революции, она под именем Иустиньи Кругловой работала сестрой милосердия в Покровской общине, где лечился в то время один из активистов антисоветской организации «Союз защиты родины и свободы» Иванов... В начале двадцатых мать узнала, что русские чекисты заподозрили ее в связях с английской разведкой, и ей пришлось бежать из страны. Она потом со смехом рассказывала о том, как ее приняли за агента «Интеллидженс Сервис».

(Из воспоминаний Сэмьюэла Бобадиля.)

Лондон, 1920 год

Несмотря на то, что Пепита Бобадилья никогда не была ограничена в средствах и обделена мужским вниманием, ей многого в жизни не доставало. Например, славы. Не той дешевой популярности, о которой очень быстро забывают, едва женщина стареет и перестает блистать в обществе, а настоящей мировой славы, которая переживет и ее, и ее сына. Ей не хватало также мужа. Женщина в ее возрасте уже не может порхать бабочкой от одного к другому. Сорок пять лет — не шутка. Старость не за горами. Конечно, Хосефа может выйти замуж за любого из тех кретинов, которые вьются вокруг нее, словно пчелы вокруг пирога. Но ей нужен другой супруг. Который может стать знаменитым. В любой области, хоть в революционной. Ведь сумела же Надя Крупская сделаться известной всему миру. Почему же не воспользоваться удачным замужеством и Пепите Бобадилья?

Хосефа взглянула на себя в зеркало и осталась весьма довольна. Она добьется своего, чего бы это ни стоило!

1979 год

*Москва, приемный пункт вторсырья
№ 398/2*

— Вот, — сказала интеллектуалка, опуская на пол связки старых газет.

— «Анжелики» кончились, — Эдик бросил макулатуру на весы. — Девять восемьсот... Ну ладно, будем считать, что десять. Берите крышки на двадцать копеек.

— Зачем мне крышки? — девица поправила очки. — Я ничего не собираюсь консервировать...

— На туалетную бумагу не хватит, — Бодягин отсчитал четыре пятака и звякнул ими об стол.

Интеллектуалка с независимым видом взяла деньги и не сдвинулась с места.

— Что-то еще? — удивился приемщик, опускаясь на табурет и снова принимаясь за «БЛОКЪ-НОТЬ».

— Простите, я вчера случайно не сдала вместе с макулатурой трагедии Эсхила? — девушка выразительно покосилась на томик античного классика. Он лежал на столе рядом с квитанциями.

— Вот ваш Эсхил, — Эдик не глядя подвинул ей книгу.

— Благодарю. Вы знаете, я просто обыскалась... А потом вдруг вспомнила, что по ошибке могла принести его сюда...

— Бывает, — бросил Бодягин, демонстративно углубляясь в «БЛОКЪ-НОТЬ».

Девушка взяла книгу... И не ушла.

— Большое спасибо. Вы не знаете, как меня выручили... Если бы не вы...

— Что, античностью интересуетесь? — вынужден был откликнуться приемщик, над головой которого красовался плакат: «Ничего не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость. М. Сервантес».

И чего она прицепилась, как банный лист?

— Конечно! — с энтузиазмом воскликнула интеллектуалка. — Ведь это же моя профессия! Я и «Анжелику» взяла специально, чтобы обменять на томик Плавта.

— Филологический? — с плохо скрытым раздражением осведомился Эдик.

— Нет! Я студентка историко-архивного института, — охотно сообщила клиентка. — Кроме того, я работаю архивариусом... Это так увлекательно! Каждый день открываешь для себя...

Бодягин зевнул. Но девушка этого просто не заметила.

— Вероятно, и среди макулатуры встречаются интереснейшие находки... Ведь история — она непре-

рывна. Она происходит вот сейчас, сию минуту, происходила вчера, позавчера... Даже вот эта ваша квитанция — уже исторический документ. Какая-нибудь открытка может оказаться ценнейшим памятником той или иной эпохи...

Эдик не разделял ее энтузиазма. Интеллектуалка перестала заливаться соловьем и на некоторое время замолчала. У Бодягина появилась слабая надежда, что, если он выдержит паузу, назойливая архивариусница наконец свалит.

— А, кстати, что это вы так увлеченно читаете? — интеллектуалка склонилась над его коленями, всматриваясь в «БЛОКЪ-НОТЬ». Бодягина обдало мощной волной нелюбимого им запаха дешевых польских духов «Быть может». — О! Бумага пожелтела, чернила выцвели... Это старые записи... Вы их тоже нашли в макулатуре?

— Да, — выдавил приемщик. — В ней.

— Позвольте-ка взглянуть, — и девица бережно, но цепко ухватила за старую тетрадь. — Что это? Дневник? Двадцать седьмой год, с ума сойти... Вы уже прочитали?

— Только начал...

Интеллектуалка с видом знатока перелистала страницы, повертела в руках открытку с Лениным — Сталиным, поводила пальцем по строчкам.

— Вам это очень нужно? — спросила она.

Эдик пожал плечами:

— Да как сказать? Так, почитываю от нечего делать... У меня этого добра, вон, целая куча...

— Какая удача! — от восторга у девушки даже очки сползли на самый кончик носа. — Редкое везение. Как правило, такие бытовые документы выбрасывают в мусор, а они могут рассказать так много... Отдайте это мне!

Хоть бы кто пришел сдавать чего-нибудь, совсем затосковал Эдик. А вслух сказал:

— Не могу. Я отчитываюсь за каждый грамм.

— Да, конечно, — закручинилась интеллектуалка. — Это ваш профессиональный долг. Простите... — она на мгновение замялась. — Если вас это не стеснит... Можно, я посижу тут в уголке, ознакомлюсь?..

Бодягин с надеждой взглянул на часы. До обеда было еще далеко. А уйти так просто якобы на базу или куда там еще он не мог: вчера за длительные отлучки в течение рабочего дня получил от начальства последнее предупреждение. Чего доброго, выгонят к чертовой матери... Тогда точно статья за тунеядство и «прощай, любимый город»...

Он тяжело вздохнул и кивнул в сторону сброшенного в угол тряпья:

— Там садитесь...

— Спасибо, — интеллектуалка осторожно опустилась на груды вещей. Она брезгливо откинула туфелькой чей-то траченный молью старый свитер и углубилась в чтение.

Эдик уставился в окно. Там по-прежнему моросил дождь.

— Простите, — вдруг сказала клиентка. — Вы не скажете фамилию человека, который это написал?

— Я паспортов не спрашиваю, — угрюмо ответил Бодягин, не оборачиваясь в ее сторону.

2 . ДЖОРДЖ РЕЙЛИ, БРИТАНСКИЙ АГЕНТ

«...и о таком-то блестящем лейтенанте Британская энциклопедия поскупилась дать хоть несколько строк!»

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

«...он стал доверенным лицом Уинстона Черчилля».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Глава 1

ВСТРЕЧА НА МАЛАКАДАНЕ

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Политика — прекраснейшая игра», — как любил говаривать старина Винни.

Азарт — великое дело. Азарт — как талант. Он руководит тобою вопреки твоим желаниям, потребностям и обстоятельствам внешнего бытия. Он — как норовистый конь. Неопытного, безвольного седока сбросит, растопчет своими копытами, и существо, прежде гордо именовавшее себя человеком, превратится в прах, в пыль, в ничто... Лишь сильная воля и трезвый расчетливый ум могут удержать эту непреодолимую страсть к игре, подчинить ее и сделать своим союзником.

Винни умел управлять своими страстями, он

умел и побеждать, и проигрывать с честью. О, он был выдающимся игроком!

Какой это был год? Девяносто седьмой или девяносто шестой. Не помню... Впрочем, это не имеет никакого значения. Он был никому не известным начинающим журналистом, к тому же без всякого образования. К слову, в школе Хэрроу, где мы вместе грызли гранит науки, его считали самым тупым учеником. Но однажды Винни поразил всех, прочитав на память и без единой ошибки 1200 строк из книги Маколея о Древнем Риме. Превосходная память со служила ему в дальнейшем хорошую службу.

Итак, то ли в девяносто шестом, то ли в девяносто седьмом мы с Винни и еще двумя приятелями, одного из которых звали, кажется, Сэм, а другого Майкл, изрядно подвыпив, отправились в бордель. Были мы все молоды и бедны, и денег у нас хватало лишь на самый дешевый притон в Ист-Энде. Поблуждав по отвратительным лондонским трущобам, мы наконец нашли то, что искали — грязный публичный дом, где было устроено также некое подобие казино.

Боже! Что за публика собралась вокруг карточного стола! Бездомные бродяги с лицами профессиональных убийц, шулеры самого низкого пошиба, из тех, что облапошивают доверчивых селян на рынках, безногие матросы, некогда добывавшие славу британскому флоту, а нынче выброшенные на обочину... Но более всего меня поразили не они, а мой товарищ Винни. Я никогда не видел его таким. Глаза его загорелись фанатичным огнем, лицо покраснело, даже голос осип. Черт возьми, как мне самому знакомо это состояние!

Но играть я все же не сел. Следом за Сэмом и Майклом выбрал себе шлюху помоложе и почище и поднялся с ней в помещения, которые здесь именовались «нумерами».

Никакого удовольствия я, разумеется, не получил.

Рассчитавшись с проституткой, я спустился вниз и увидел следующую картину.

— Все, — твердо сказал Винни, подымаясь из-за стола и сгребая к себе несколько бумажных банкнот и горстку пенсовиков. — На сегодня, пожалуй, хватит.

Бедняга наступал на горло собственной песне. Он готов был играть до утра, до завтрашнего вечера, неделю напролет. Я видел, я чувствовал это.

— Э-э, — остановил его рыжий ирландский матрос с деревяшкой вместо правой ноги. — Так дело не пойдет. Я хочу отыграться.

— В другой раз, приятель, — коротко бросил мой товарищ. И обратился к нам (Сэм и Майкл тоже уже освободились и стояли теперь рядом со мной): — Ну что, друзья, пойдем дальше?

И первым направился к двери.

Но путь ему перегородил один из завсегдатаев притона — здоровенный, заросший щетиной детина с косым шрамом через все лицо.

— Сэр, — прорычал он, — это не в наших правилах. Здесь принято быть вежливым и обходительным. Вы должны дать партнеру возможность отыграться.

— Уйди с дороги, дружище, — спокойно посоветовал ему Винни. — К сожалению, сегодня, именно сегодня, я не хочу и не буду больше играть. Примите мои извинения, господа.

И он попытался обойти бродягу.

Но тот не дал Винни и шагу ступить.

— Ах вот как, сэр! — он схватил моего приятеля за грудки. — Вы будете играть, сэр, до тех пор, пока мы сами не решим, что хватит!

Мы не успели даже ничего предпринять, как Винни ловким приемом высвободился из цепких пальцев здоровяка и так ударил его по челюсти, что послышался хруст.

Тот, правда, тоже в долгу не остался, и из носа Уинстона двумя ручьями потекла кровь.

— Ну, ты, — не стерпел я, обращаясь к бродяге, — немедленно выпусти нас! — и, сжав кулаки, шагнул к дерущимся.

— Что?! — взревел за моей спиной ирландец, подымаясь и опрокидывая карточный стол. — Ах, мерзкие твари! Пришли устанавливать свои порядки?!

Так началось побоище.

Я вошел во вкус и совершенно не чувствовал боли. Лупил руками и ногами, направо и налево, — по чьим-то рукам, ногам, спинам и головам. Сэм отбивался своей тростью, словно мушкетер шпагой. Майкл взял на себя изувеченного ирландца. А Винни дрался, как лев. О, сколько раз я вспоминал этот день, наблюдая впоследствии, как он сражается со своими политическими противниками!

Мне кажется, все продолжалось долго, очень долго. Хрустели под ногами обломки карточного столика, летали над головами пивные кружки, метался между потными телами беспомощный хозяин — кривой и плешивый старикашка, дурными голосами визжали перепуганные шлюхи. И вдруг я почувствовал, как что-то острое и горячее вошло в мое левое плечо и тут же услышал пронзительный свист, доносившийся снаружи, из-за закрытой двери.

— Полиция! — обрадовался хозяин, продираясь к выходу. — Полиция!

Толпа вынесла нас на улицу одновременно с ним. И все тотчас же бросились врассыпную. Мало что соображая, я бежал за кем-то по темным переулкам, слыша за собой топот десятков ног. Я совершенно не понимал, где нахожусь, когда вдруг увидел впереди тусклый фонарь и мелькнувшее в его луче лицо Майкла.

Он обернулся и крикнул мне на бегу:

— Тут экипаж! Скорее!

Я запрыгнул в кеб следом за Майклом, а за мною влезли еще люди. Кони зацокали копытами по черной мостовой.

Немного привыкнув к темноте и отдышавшись, я различил подле себя три силуэта.

— Все здесь? — спросил я, обращаясь к Майклу, который был тут наверняка.

— Все, — слышался голос Винни. — С тобой все в порядке?

— Кажется, — ответил я и едва не потерял сознание от боли в плече.

— Да уж, попали в историю... — усмехнулся Сэм, сидевший, оказывается, напротив меня.

— Это я виноват, — вздохнул Винни. — И надо было садиться играть!

— Да брось ты, — успокоил его Майкл. — Зато приключение. А здорово мы все-таки их!

— Или они нас, — мрачно заметил Сэм. — Еще неизвестно, чем бы все закончилось, если б не этот полицейский свисток.

— Будем считать, что сыграли вничью, — собравшись с силами, выдал я, и все расхохотались.

— Но я, друзья, обещаю вам больше никогда не садиться за карточный стол, — отсмеявшись, сказал Винни самым серьезным тоном.

Потом, помнится, он играл только в поло.

А рана от ножа в моем плече оказалась неглубокой. Она быстро зажила, и только в старости начинает ныть к плохой погоде».

Немного истории

В 1880 году площадь Британской империи (вместе с колониальными землями) составляла около 20 миллионов квадратных километров с населением 200 миллионов человек. На каждого жителя метрополии приходилось в среднем 10 рабов в колониальных землях. Агрессивная политика правящих

кругов вызывала ожесточенное сопротивление на захваченных территориях. Нарастала напряженность в самой старой колонии — Ирландии. Началось национально-освободительное движение в Индии.

Индия, Бангалор, ноябрь 1896 года

— Винни? — Джордж Рейли не мог прийти в себя от изумления. — Какими судьбами?

Двадцатидвухлетний лейтенант британской королевской гвардии Уинстон Черчилль удивился не меньше:

— Господи, Джордж! Я служу здесь, но ты-то как сюда попал?

— Откомандирован начальством в Индию, в Бангалорский гарнизон.

— Не может быть! Наш батальон тоже в составе этого гарнизона! Джордж, дружище, как я рад!

От избытка чувств приятели обнялись.

— Черт! — внезапно Винни передернуло, словно от сильной боли. — Плечо!

— Да я о нем и думать забыл, — поспешил уверить его Рейли. — Вот, смотри, — он сделал несколько энергичных взмахов левой рукой. — Рана зажила буквально за неделю...

— Я о твоём плече тоже думать забыл, — усмехнулся Черчилль. — У меня тут своя история. Когда высаживались в Бомбее, штормило. Я стоял в лодке и сдуру схватился за кольцо, вделанное в пирс. Лодка — из-под ног, я повис и вывихнул плечо. Уже месяц прошел, а болит... К тому же полковой врач, безмозглая тупица, уверял меня несколько дней, что это растяжение связок. И только потом начал вправлять... Да Бог с ним, с плечом, оставим эту грустную тему. Ты надолго?

Рейли неопределенно развел руками.

— Значит, надолго, — констатировал Винни. — Успеешь познакомиться со всеми прелестями здеш-

него бытия. Должен тебе сообщить, что гарнизонная жизнь глупа, скучна, неинтересна. Свободного времени хоть отбавляй, делать абсолютно нечего.

— Отлично! Ты не представляешь себе, как я мечтал хотя бы о неделке отдыха. Лежать, поплеывая в потолок...

— И на другой же день взвыть от безделья, — подхватил лейтенант. — Оставь, дружище, такой, с позволения сказать, отдых — не для нас с тобой. Мы натуры слишком активные, чтобы смириться с подобным времяпрепровождением.

— Но ведь другие живут как-то...

— Другие! Что ты сравниваешь? Для других здесь — рай. Офицеры неделями напролет играют в поло. Для них это даже не игра, а серьезная жизненная цель. Любое другое занятие раздражает: еще бы, приходится отрываться для докладов начальству, несения караулов и прочих никчемных дел, когда это время можно было бы потратить с пользой для игры.

— Что за ирония, Винни? Ведь ты же сам заядлый игрок, если, конечно, мне не изменила память.

— Игрок, да. Но сколько можно? Ты не представляешь, как я рад, что встретил тебя здесь! Меня угнетает общение с тупыми, невежественными солдафонами. Знаешь что? Пойдем теперь ко мне: мы должны отметить нашу неожиданную встречу.

— С ума сойти! — воскликнул Рейли, увидев бунгало, окруженное большим садом с яркими тропическими растениями. — И ты здесь один?

— О, содержат нас здесь недурно, — Черчилль опустился в бамбуковое кресло-качалку. — Условия, как видишь, далеки от полевых. К тому же прислуга... У каждого из нас свой дворецкий и мальчик для услуг. На трех офицеров — один садовник, три водоноса, четыре прачки и сторож. Видишь ли, иногда я и в самом деле ощущаю себя лордом Мальборо! Грум! — позвал он и хлопнул в ладоши.

Мальчик-индеец в чалме и набедренной повязке вырос словно из-под земли.

— Да, сагиб, — он сложил под подбородком ладони и низко опустил голову.

— Принеси нам коньяк, — распорядился хозяин. Рейли с интересом рассматривал жилище своего лондонского приятеля. Обстановка была добротной, но скромной, ничего лишнего. Зато противоположную от окна стену полностью занимали книжные стеллажи. Полки сгибались под тяжестью томов.

— И все же ты зря времени не теряешь, — одобрительно заметил Джордж, разглядывая надписи на корешках книг.

— Компенсирую нехватку университетского образования, — Винни встал и снял с полки один из томов. — А еще неожиданно для себя увлекся энтомологией. Видишь, — он раскрыл перед Джорджем цветную иллюстрацию, — превосходные типы, не правда ли?

Рейли хмыкнул. На дорогой бумаге красовались разноцветные бабочки. Большие и маленькие, пестрые и гладкокрашенные, со строго симметричным рисунком на крыльях и бесформенными пятнами...

— Махаон, — уважительно произнес Черчилль, ткнув пальцем в один из рисунков. — Уникальная окраска... Впрочем, в отношении махаона я могу дать фору самому Брэму: в моей коллекции есть изумительный экземпляр... Э-э, да тебе это неинтересно, дружище...

— Извини, — чтобы скрыть зевок, Джордж достал платок и сделал вид, будто протирает им лицо. — Но, право же, я никогда не понимал страсти коллекционеров... Тем более если речь идет об аквариумных рыбках или о бабочках. Первые, конечно, доставляют эстетическое наслаждение, но до того тупы и бездушны... А бабочки или, например, жуки — это вообще варварство... Живое существо — и на иголку...

Винни обиженно засопел и захлопнул книгу.

— Я развлечь тебя хотел, — укоризненно сказал он, ставя том Брэма на прежнее место. — Но объяснить страсть к коллекционированию — все равно что объяснить страсть к игре...

Рейли почувствовал себя неловко. Зря обидел такого славного парня. В конце концов мог бы сделать вид, будто крайне заинтересован...

— Коньяк, сагиб, — мальчишка говорил по-английски с сильным акцентом. — Еще чего-то желаете, сэр?

— Иди, — буркнул Уинстон. — Я позову тебя, когда понадобится...

— Славный мальчуган, — сказал Джордж, чтобы как-то сгладить неловкую паузу. — А что вообще здесь за народ?

— Индусы простодушны, как дети, наивны и доверчивы... Во всяком случае, так мне кажется. Ими очень легко управлять на самом-то деле, но своей агрессивностью англичане восстановили против себя всех здешних жителей. Кнут должен чередоваться с пряником, а так как мы этого не делали, то, в конце концов, добились того, что имеем. Здесь нас все ненавидят... Ты не представляешь себе, что делается на севере и северо-востоке! Позавчера там восстало одно из племен патанов. Этих полудиких аборигенов держали в совершенно нечеловеческих условиях. За любую провинность — побои до полусмерти. Никакой социальной помощи, никаких врачей... В периоды эпидемий несчастные гибнут десятками, сотнями... Конечно же, в один прекрасный день чаша терпения оказалась переполненной. Причина-то в том и заключалась, что какой-то чиновник распорядился — с самыми благими намерениями, кстати, — во время очередной эпидемии лихорадки отобрать младенцев у матерей и содержать их отдельно. Но как это делалось! Патанам ничего не объяснили, и они решили, что детенышей собираются убить. Из искры

разгорелось пламя — так, кажется, сказал кто-то из русских... Патаны восстали, убили троих англичан, сожгли несколько домов, захватили небольшой гарнизон, расположенный в той местности, вблизи Малакаданского перевала... Самое поганое, что с повстанцами очень трудно бороться: чуть что — они сразу в горы. Знают там каждую тропку, могут пройти по ней с завязанными глазами... Две бригады гвардейцев уже отправлены на Малакадан, формируется третья. Я обратился к генералу Баду с просьбой включить меня в состав экспедиции, но так как штаты уже укомплектованы, меня берут лишь в качестве военного корреспондента. Я договорился с газетой «Пионер» в Аллахабаде, а матушка — с лондонской «Дейли телеграф», где обещали печатать мои корреспонденции. Мне уже оформили отпуск из полка и завтра я отправляюсь в экспедицию...

— Едем вместе, — ухмыльнулся Рейли.

— То есть? — не понял Винни.

— Я откомандирован на Малакаданский перевал военной разведкой, — объяснил Джордж.

Глава 2 ОКО ЗА ОКО

*Индия, Малакаданский перевал,
декабрь 1896 года*

Вторую ночь Джордж не смыкал глаз. Хотя повстанцы не нападали, в лагере англичан сохранялась крайне напряженная обстановка. Разведка донесла, что готовится новое наступление, для которого стягиваются силы из соседних племен. Но когда оно произойдет — неизвестно. Говорили, будто повстанцы со дня на день должны получить партию оружия и боеприпасов, переданных им с территории Персии. Задачей Рейли было выяснить каналы, по которым это оружие переправляется.

Он сидел возле палатки, вглядываясь в темноту. Сади как в воду канул. Не исключено, что, возвращаясь после прошлого посещения лагеря англичан в горы, он был замечен дозорными патанов и убит. Если это так — дело осложняется. Придется искать нового агента. Теперь это практически невозможно: индусы ненавидят англичан так люто, что даже большие, деньги не переманят никого на сторону противника. К тому же из местных жителей в деревне осталось лишь несколько стариков. Все, кто мог, включая женщин и детей, ушли в горы.

Джордж совсем было отчаялся, когда услышал за палаткой чьи-то осторожные шаги. Сади? Лейтенант достал маузер и обернулся.

К нему приблизилась черная, почти сливающаяся с ночью, тень. Послышался шепот:

— Сагиб, это я.

— Слава Богу, — облегченно выдохнул Джордж, пряча оружие. — Я думал, что-то случилось.

Он приподнял полу палатки и легонько подтолкнул Сади внутрь. Свечу на всякий случай зажигать не стал.

— Почему тебя так долго не было?

— Беда, сагиб, — возбужденно зашептал Сади. — Кажется, отец о чем-то подозревает. Пока он ничего мне не говорит, но, когда к нему приходят люди из наших, он уединяется с ними и не допускает меня до беседы. А вчера ночью велел мне спать в его хижине, словно чувствовал, что я должен уйти. Днем отец находит для меня всякую бессмысленную работу, чтобы я все время торчал на глазах. Но все же я узнал кое-что для вас.

— Выкладывай.

— Наступление начнется завтра ночью. Так они решили, — Сади показал пальцем наверх. — У них есть винтовки и патроны. Оружие привезли вчера. Продавцы не из наших, они очень плохо говорят

по-английски. Место, откуда они приехали, называется Баки.

— Баки? — переспросил Рейли. — Это же Россия.

— Не знаю, сагиб. Но точно, так называется. Еще они сказали, сагиб, что Массино хочет золото.

— А кто такой Массино?

— Не знаю, сагиб. Они сказали так: «Он требует золото или драгоценности из храмов. Ему нужны реликвии». А что такое реликвии, сагиб?

— Это... — Джордж щелкнул пальцами в воздухе, пытаясь доходчивее объяснить, — это... я думаю, ему нужны святыни, которые хранятся в ваших храмах.

— Но их же нельзя выносить! — испугался юноша.

Рейли усмехнулся. Зачем знать мальчишке, откуда берутся деньги на вооружение людей его племени?

— Не бойся, — мягко сказал он. — Твой отец знает, как ответить наглецу Массино. А что еще говорили эти люди?

— Что через шесть дней они из Бомбея отплывают обратно. И что Массино будет ждать их в другой стране. Она называется Турция, сагиб. Я слышал про нее...

— Молодец. Ты очень умный, Сади. Но Турция большая. Как называется город?

— Город? У него странное название.

— Стамбул?

— Да-да! Он так называется. А еще они сказали, что этот канал всегда открыт. А больше, сагиб, они ничего не говорили. То есть говорили, но отец увидел, что я кручусь возле гостей, и прогнал меня.

— Спасибо, Сади. — Джордж протянул юноше заранее заготовленную банкноту. — Ты мне очень помог.

Сади взял деньги и сунул их под чалму.

— Мне надо идти, сагиб. Я должен быть в лагере до рассвета.

Рейли отодвинул полог палатки и вслед за Сади вышел в темноту. И в этот самый момент послышался оглушительный бой барабанов и звук горна.

— Тревога, сэр! — крикнул ему на бегу какой-то солдат. — Они наступают!

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«...и тратил на это свои собственные деньги. Я был беден, но честолобив, чертовски честолобив! Конечно, до Винни мне было далеко, и я всегда отдавал себе в этом отчет, мое честолобие было иного, быть может, более авантюрного плана, и я все-таки добился своего. Сади, мир праху его, был первым, кто открыл мне глаза на великую силу денег. Бедняга собирался жениться, у них там это происходит рано, ему было всего шестнадцать, а невесте и того меньше. Но его отец, занятый освободительной борьбой, и слышать об этом не хотел. И тогда мальчишка решил рискнуть. Он задумал разбогатеть и сбежать со своей возлюбленной из племени. Он сам нашел меня, когда я как-то ночью шифровал в своей палатке донесение в Лондон. Пришел и предложил свои услуги. Признаться, я подумал вначале, что это провокация. Но другого выбора у меня не было. И я одно за другим дал ему несколько пустяковых заданий, которые Сади выполнил весьма успешно. Тогда я начал сотрудничать с ним по-настоящему. Он добывал для нас ценные сведения, причем за мизерную плату. За все время сотрудничества я потратил на него не более ста фунтов стерлингов. И готов был заплатить ему больше и, право же, сделал бы это, если бы не та злополучная ночь. Неизвестно, почему повстанцы перенесли время

наступления. Быть может, отец Сади, подозревавший юношу в шпионаже, нарочно назвал при нем другой час, чтобы ввести англичан в заблуждение. Как бы то ни было, бедняга не успел скрыться из нашего лагеря, когда повалили толпы патанских воинов. И Сади нос к носу столкнулся со своим отцом. Ни слова не говоря, тот вытащил саблю и зарубил ею сына. Юноша упал замертво. Все это происходило на моих глазах. Мне долго потом снилась эта страшная картина.

Побоище было ужасным...»

«Экспедиция была трудной. Восставшие дрались ожесточенно и несли большие потери. Черчиллю пришлось участвовать в настоящем сражении, и он проявил себя энергичным и инициативным командиром, обнаружив незаурядную личную смелость. Его статьи в обеих газетах свидетельствовали, что он неплохо уловил общую обстановку на северо-восточной границе Индии.

Корреспонденции, подписанные «Молодой офицер», читатели встретили благожелательно. Это навело Черчилля на мысль использовать собранный в походе материал, как он впоследствии заметил, для «постройки небольшого литературного дома»... Начиняющий автор работает быстро, и в течение двух первых месяцев заканчивает свой первый труд. Рукопись посылается в Лондон матери, которая находит издательство, готовое опубликовать книгу. В марте выходит в свет первая книга Уинстона Черчилля под названием «Повесть о малакаданской полевой армии. 1897 год. Эпизод пограничной войны». Она составила том примерно в 300 страниц. Книге сопутствовал успех. В 1899 году вышло второе, тщательно переработанное автором издание».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

Генерал Биндон Блад поднял голову от бумаг.

— Лейтенант Джордж Герберт Рейли прибыл по вашему приказанию, сэр!

Генерал поднялся, обошел стол, приблизился к застывшему в дверях молодому человеку и сердечно пожал ему руку.

— Здравствуйте, лейтенант. Рад видеть вас в добром здравии. Я доложил о ваших успехах в Лондон и думаю, начальство не оставит мой доклад без внимания.

Джордж расплылся в улыбке.

— Благодарю вас, сэр!

— Поступил приказ направить вас в Судан, в распоряжение сардара сэра Герберта Китченера, — продолжал генерал, протягивая лейтенанту бумагу. — Все указания получите на месте.

— Есть, сэр!

— Теперь мне нужно поговорить с вами, — Биндон Блад указал Джорджу на кресла и первым опустился на обитое кожей сиденье.

— Да, сэр? — Рейли приготовился внимательно слушать.

— Джорджи, — проникновенно начал генерал, глядя в глаза молодому человеку, — долгие годы я добывал славу империи, движимый патриотическими чувствами. Я прошел сквозь огонь и воду, мне довелось участвовать в жесточайших сражениях, я познал все тяготы полевой жизни... Впрочем, ты и сам прекрасно осведомлен...

— Да, дядюшка, — ответил Рейли, не совсем понимая, к чему клонит генерал.

— Надеюсь, ты веришь, я ни секунды не жалел о том, что выбрал для себя карьеру военного, — продолжал сэр Блад, — и рад также, что ты пошел по моим стопам. Но видишь ли... — он на секунду заду-

мался, — мне не очень хотелось бы, чтобы ты продолжал службу...

— То есть? — Джордж не мог прийти в себя от изумления.

— Мир изменился, — генерал взял его за руку, — мир изменился, Джорджи, и то, что еще вчера считалось величайшей славой Британии, сегодня воспринимается как ее позор. Я участвовал в захвате колониальных земель, свято веря, что совершаю благо не только для своей родины, расширяя ее границы и укрепляя могущество, но и для аборигенов колоний. Я думал, мы несем им цивилизацию, просвещение, культуру... А вышло совсем наоборот... Теперь, исполняя свой военный и гражданский долг перед империей, я в глубине души сочувствую тем народам, против которых приходится бороться...

— Да, я тоже на Малакадане понимал чувства патанов, — признался Рейли. — Здесь, в Индии, я ощутил в себе ирландскую кровь моей матушки. И если в Лондоне я искренне возмущался начавшимися беспорядками в Дублине, то здесь...

— Но я хотел сказать не о том, — прервал его дядюшка, взглянув на часы. — Оставь политику для политиков, а чувства для духовников. Джорджи, ты видел, что такое Малакадан, ты знаешь, сколько англичан, сколько молодых здоровых людей погибло на этом перевале. Ты и сам рисковал своей жизнью, участвуя в сражениях. Так вот, я хочу, чтобы этого больше не повторилось. Ты — единственный сын моего единственного брата, и Томас не переживет, если с тобой что-то случится...

— Но... — попытался было возразить Рейли.

— Никаких «но»! — генерал предостерегающе поднял вверх указательный палец. — Сначала выслушай. Мне не нравятся все эти игры с военной разведкой, все эти псевдонимы...

— Рейли — не псевдоним! Это фамилия моей матери! — обиженно воскликнул Джордж.

— Не надо так горячиться, мальчик мой, — примирительным тоном сказал сэр Блад. — Я вовсе не хотел тебя задеть. Да, это фамилия твоей матери, женщины весьма достойной, которую я уважаю всей душой, но, право же, мне было бы более по вкусу, если бы ты под своим настоящим именем Джорджа Герберта Блада вел добропорядочную и спокойную жизнь, занимаясь наукой или сочинительством, к которому ты проявляешь склонность.

— Простите, дядюшка, — не выдержал Джордж. — Но я не смогу вам угодить...

— Теперь тебе ехать в Судан, — втолковывал генерал. — Ты не представляешь себе, Джорджи, что это такое. Фанатичные мусульмане — это не индийцы. Они хитры, коварны и кровожадны. Они настоящие изуверы. И если ты попадешься к ним в лапы...

— Я не попадусь! — самоуверенно заявил лейтенант.

Генерал резко поднялся с места.

— С тобой невозможно говорить! — сердито воскликнул он. — Ты чудовищно упрям и самоуверен. Люди нашей профессии не застрахованы ни от каких случайностей, и никто не может знать, что будет с ним завтра!

Рейли тоже встал.

— Не в моем характере, дядюшка, отступать от намеченной цели. И вы прекрасно это знаете!

Сэр Блад утомленно махнул рукой:

— Делай, как хочешь. Но учти — я тебя предупредил. И запомни также: если с тобой что-нибудь случится, я пальцем о палец не ударю... Попадешь в переделку — рассчитывай только на себя... Вы поняли, лейтенант?

— Да, сэр! — откозырял Джордж, вытягиваясь и щелкая каблуками. — Разрешите идти, сэр?

— Идите!

— Упрямый осел, — пробормотал сэр Блад, возвращаясь к письменному столу. — Черт бы его побрал...

Немного истории

Захватив в семидесятых годах прошлого века Египет, английские войска расширили южные границы новой колонии, распространив влияние Британии на Судан. Однако уже в конце семидесятых там начались беспорядки, спровоцированные появлением человека по имени Махди, который объявил себя посланником Аллаха на земле, новым Магомедом. В 1881 году в Судане под его руководством вспыхнуло восстание, которое переросло в длительную национально-освободительную борьбу, носившую также религиозный характер. Суданцы вели себя крайне жестоко по отношению к захватчикам: взятых в плен англичан сжигали живьем, сажали на кол, расчленяли на части... Мусульманам удалось одержать ряд значительных побед и к 1885 году практически полностью очистить страну от колониальных войск. Был убит губернатор Судана генерал королевской британской армии Гордон.

В Англии эти события вызвали взрыв шовинистических настроений. «Око за око!» — требовали газеты. «Наш долг — отомстить за смерть сэра Гордона!» — взывали с трибуны парламентарии.

Военные власти провели тщательную подготовку к войне, которая началась осенью 1896 года. Накануне лейтенант Рейли отбыл из Бомбея.

*Судан, Омдурман,
начало сентября 1898 года*

Черная, скрывающая лицо сетка мешала дышать. Под плотной паранджой было невыносимо жарко, и Джордж вымок до такой степени, что ниж-

нее белье можно было выжимать. Мелко семена ногами и низко опустив голову, он приблизился к часовому и замер возле него.

— Женщина? — удивился невысокий плотный араб. — Чего тебе здесь надо? Уходи!

Джордж молчал. Рука его под паранджой сжимала рукоятку ножа.

— Убирайся прочь, я сказал! — часовой начал злиться. — Ты что, не слышишь? Пошла вон! — и он предостерегающе поднял руку.

Рейли сделал шаг вперед и, не дав караульному опомниться, молниеносно воткнул ему нож прямо в горло. Внутри что-то булькнуло, и араб свалился за-мертво.

Путаясь в складках паранджи, Джордж добежал до горной расщелины и, укрывшись в ней, наконец скинул жаркое покрывало.

— Уф, — облегченно выдохнул он, вытирая потное лицо.

Времени на отдых не было. Рейли только немного ослабил пояс, к которому была привязана тяжелая кривая сабля, нахлобучил на голову куфию, понизе, на самые глаза, опустив концы белого полотнища, и осторожно выбрался из своего убежища. Очень скоро он шел по каменистой горной тропе, оставив труп часового под палящими лучами солнца.

В лагере дервишей было многолюдно. Здесь царило оживление: войска халифа готовились к решающей схватке с англичанами. Вооружены воины были точно так же, как сто, двести, триста лет назад: кривыми мечами, наподобие турецких, и копьями. Окрыленные прежними победами, арабы рассчитывали на то, что смогут победить небольшую, но оснащенную по последнему слову техники армию англичан своей многочисленностью...

Немного истории

Этого не произошло. Кроме технического оснащения, армия англичан была подкреплена египетскими войсками, и сражение под Омдурманом превратилось для суданцев в кровавое побоище. «Теперь мы видим, — писал по этому поводу молодой журналист и начинающий писатель Уинстон Черчилль, — то, что в свое время видели крестоносцы». Войска дервишей были разгромлены, и после битвы победители-англичане, которыми командовал генерал Китченер, несколько раз прошли по полю боя, добывая раненых.

*Судан, Омдурман,
начало сентября 1898 года*

На Рейли никто не обращал внимания, и он беспрепятственно обошел практически всю территорию лагеря. Шатер сардара охранялся часовыми, но Джорджу повезло. Как раз к тому времени, когда он приблизился к штабу, началась смена караула. Этот ритуал не был отработан столь тщательно, как у гвардейцев перед Букингемским дворцом в Лондоне. Возникло некоторое замешательство, когда воины на посту сменяли друг друга. Воспользовавшись этим, никем не замеченный Джордж проник внутрь.

Несмотря на полевые условия, шатер был обставлен с восточной роскошью, располагавшей к неге и отдыху. Но Рейли некогда было осматриваться. Отодвинув плотную шелковую портьеру, отделявшую одно помещение от другого, он оказался в некоем подобии кабинета, основную часть которого занимал обширный письменный стол. Выдвинув поочередно все его ящики, Джордж обнаружил в них только чистую бумагу, отточенные перья и томик Корана с золотыми застежками.

— Черт возьми! — выругался он, уставившись в сейф.

Работа с шифром займет несколько часов. Придется ждать ночи.

Он вернулся в первое помещение шатра и проводно заполз под широкий и низкий диван, обитый шелком. Лежать под ним было жестко и неудобно, зато не жарко. Джордж прижался щекой к прохладному полу и затаился.

И очень вовремя. Потому что снаружи послышались чьи-то голоса и в шатер вошли несколько человек. Они о чем-то оживленно беседовали. Рейли еще плохо владел арабским, но кое-что все же разобрал. Речь шла о донесениях суданской разведки, сообщавшей о расстановке сил у англичан. Судя по всему, сардара мусульманской армии не очень расстроили эти сообщения, потому что он сказал:

— В таком случае люди Омана ударят с тыла...

И, не прекращая обсуждения, начальники отрядов ушли в кабинет, откуда их голоса звучали глухо, и слов невозможно было разобрать.

У Джорджа от неподвижного лежания затекли руки и ноги, но он боялся даже слегка пошевелиться, чтобы не выдать себя.

Халиф и его приближенные покинули штаб за полночь. Рейли выждал, пока один из часовых совершил обход помещения, и только потом выполз из-под дивана. Ныла спина. Морщась от боли, Джордж бесшумно проскользнул в кабинет и в крошечной тьме, вслепую добрался до сейфа.

Пальцы ощупали прохладную металлическую дверцу. Зафиксировав в уме расположение дискового номеронабирателя, лейтенант зажег спичку и, прикрывая огонек рукой, разглядел в его свете комбинацию цифр. Память у него была превосходная, и он приступил к работе, едва догорела спичка.

Через пятнадцать минут послышался щелчок.

Есть! Первая цифра — пять. Рейли начал искать вторую.

Он не слышал, как сзади подошел часовой и ударил его по голове чем-то тяжелым.

1979 год

Москва, приемный пункт вторсырья

№ 398/2

— Стой, безумец! Я только пламя! Пла-мя сме-ерти!.. Эвриди-ка! — мурлыкал себе под нос Эдик то, что помнил из рок-оперы «Орфей и Эвридика». Он увлеченно сортировал чье-то старое тряпье и даже не слышал, как пришла Вика.

— Труссы губят меня-а-а! — подпела она.

— Ну, наконец-то, — обернулся Бодягин. — Где пропадала?

Вика поправила очки.

— Сессия, — она выкладывала на стол какие-то свертки и баночки. — Сдавала зачет. И зачем только готовилась, он все равно «автомат» поставил... — она протянула Эдику пирожок. — С капустой. Салат в банке...

— Много еще осталось? — поинтересовался он с набитым ртом. — И включи чайник...

— Опять стакан за собой не помыл, — проворчала Вика, тыкая вилку в розетку. — Нет, два зачета и один экзамен.

— Ты хоть ела? — спохватился Эдик, выгребая из банки остатки оливье.

— Перекусила, — отмахнулась девушка, устраиваясь в своем уголке.

— А ко мне сегодня опять из психушки приходили, — Эдик многозначительно посмотрел на Вику.

— Да ну? Зачем?

— Так я у них на учете. Как социально опасный элемент, — Бодягин хотел сказать это как можно небрежнее, но получилось очень весомо и даже гордо.

— Почему? — испугалась Вика.

— Да, долгая история... Старые дела с гэбэшниками...

— Ты что, диссидент? — замирая от ужаса и восторга, прошептала девушка.

— Так они считают, — скромно заметил Эдик. — Поэтому из университета выперли...

— А где ты учился?

— В Питере, на философском... Сейчас уже закончил бы. А так с третьего курса... Чао, бамбино, сорри!

— Ты никогда не рассказывал...

— Да ничего интересного... Поехали на картошку, выпили, как водится... Ну, один там слишком много выступить стал. Я спьяну дал ему в морду. Так отметел, что он потом в больницу загремел.

— И из-за этого выперли? Да в худшем случае — взыскание какое-нибудь, — возмутилась Вика.

— Та сволочь была комсоргом и стукачом по совместительству. Выписался — и в КГБ. Так, мол, и так, у Бодягина целый склад самиздата и порножурналы. А я, идиот, сам ему давал «Архипелаг» читать... Короче, меня из университета, из комсомола, а за распространение нелегальной литературы... — он соорудил из четырех пальцев решетку и посмотрел сквозь нее на Вику.

— Ты сидел? — сочувственно спросила девушка.

— Могли и посадить. Спасибо предкам. Мать достала какие-то липовые справки, и меня просто в психушку... Полгода провалялся... Диагноз — МДП, маниакально-депрессивный психоз. Так что берегись, я маньяк! — Эдик скорчил страшную рожу и протянул руки к Вике.

— Ой-ой-ой! — притворно взвизгнула она, вжимаясь в утильсырьё.

Пальцы Эдика сомкнулись на ее хрупкой шее.

— Молилась ли ты на ночь?..

Их лица оказались так близко, что оба замолчали

и стали серьезными. Эдик осторожно снял с девушки очки. Ее глаза сразу сделались большими и беззащитными. Было очень тихо.

— Есть кто живой? — в дверь протиснулась тетка с большим тюком. Широкое, накрашенное, как у матрешки, лицо обрамляли мелкие кудряшки химической завивки. Модная короткая маечка обтягивала мощную грудь.

Вика испуганно отпрянула и быстро нацепила очки.

— Что у вас? — сухо спросил Эдик.

Тетка со значением покосилась на Вику. Девушка поспешно уткнулась в «БЛОКЪ-НОТЬ».

— Странно, — заметила она, когда клиентка наконец ушла. — Должно быть, это записывал какой-то иностранец. Он столько ездил... встречался с такими людьми... Кто это тебе принес?

— Да какой-то забулдыга, — вспомнил Бодягин. — Вроде у него сосед умер...

— Жаль... Интересно было бы с ним поговорить. А знаешь, в принципе несложно вычислить, кто это писал. Если как следует порыться в архивах, можно раскопать что-нибудь. — Она немного подумала. — И я, пожалуй, так и сделаю. У меня есть доступ даже в спецхраны.

— Да ну, — отмахнулся Эдик. — Ну выяснишь, кто такой Рейли — и что?

— Не знаю... — пожалала плечами Вика. — Просто интересно...

Глава 3 ПО СЛЕДАМ ЧЕЛОВЕКА С ПЯТНОМ

Лондон, январь 1899 года

— Поздравляю, — сухо сказал генерал Китченер. — Вы достойны нового звания.

— Благодарю, сэр, — сдержанно отозвался новоиспеченный капитан.

— Надеюсь, мы с вами еще встретимся на театре военных действий, — генерал изобразил на лице некое подобие улыбки.

— Возможно, сэр...

— Что ж, капитан, пока отдыхайте...

И, едва кивнув, сэр Китченер отправился по своим делам. Капитан Рейли с ненавистью посмотрел ему вслед. Этот жестокий человек, руководивший английскими войсками в Судане, сумел восстановить против себя всех — от полковника до рядового, несмотря на то, что он был грамотным полководцем и подчиненные ему войска вышли из боев с минимальными потерями.

— Он может быть генералом, — заметил как-то Винни Черчилль, участник последней в английской истории атаки кавалерийских полков против пешего войска мусульман под Омдурманом. — Он может быть генералом, но не может быть джентльменом.

Уинстона, как и Джорджа, как и других офицеров и рядовых, возмущало то, как повел себя сэр Герберт Китченер по отношению к поверженному врагу. По приказу генерала была осквернена и срублена с землей могила Махди Суданского, которую жители страны почитали как святыню. Командующий велел выкопать останки Махди и отделить голову от туловища. Тело утопили в Ниле, а голова, переходя из рук в руки, попала в Каир, где и была оставлена англичанами в качестве любопытного трофея.

«Таково было рыцарство победителей, — писал потом Уинстон Черчилль. — Ни один человек, который придерживается блестящих традиций старой либеральной партии, ни один человек, который симпатизирует идеям прогрессивного торизма, не может одобрить такое поведение».

Рейли вздохнул. Встреча с Китченером в коридорах военного ведомства, куда Джорджа вызвали для

объявления о присуждении нового звания, испортила настроение.

— Мерзейший тип, — вздохнул он, выходя на улицу.

Экипаж брать не хотелось. Джордж вышел на Пикадилли и теперь праздно брел между прохожими погруженный в свои мысли. Вчера его, профессионального военного разведчика, пригласили для беседы в «Интеллидженс Сервис».

— Мы осведомлены о ваших успехах на военном поприще, — сообщил ему сухощавый седой человек в очках с толстыми линзами, руководитель службы внешней разведки сэр Генри Уильямс. — И хотим предложить вам сотрудничать с нами. Насколько мне известно, вы владеете русским языком.

— Да, сэр. Мой отец, мистер Джеймс Томас Блад, несколько лет служил в английском посольстве в Петербурге, и я провел в России все свои детские годы.

— Учились вы в Оксфорде, — полувопросительно-полуутвердительно сказал Уильямс.

— Да, сэр. После университета поступил на военную службу. С 1896 года работаю в разведке.

Уильямс заглянул в свои бумаги.

— А также вы владеете немецким, французским, арабским языками и хинди...

— Да, сэр.

— Если вы согласитесь сотрудничать с нами, то для начала будете получать 200 фунтов стерлингов в месяц. Вас устраивает эта сумма?

Джордж улыбнулся:

— Это большая честь для меня, сэр...

— Следовательно, — удовлетворенно сказал Уильямс, — вы согласны.

Рейли придал своему лицу выражение глубокой задумчивости. Он даже мечтать не мог о таком предложении. На работу в «Интеллидженс Сервис» попадали лишь избранные, да и то им приходилось прой-

ти множество испытаний. А тут — удача сама идет в руки!

— Согласен, сэр, — сказал он, стараясь, чтобы голос не выдал его волнения.

— Превосходно! — ни один мускул не дрогнул в лице руководителя внешней разведки. — Но прежде чем взять вас в штат, мы дадим вам одно задание, и от того, как вы с ним справитесь, зависят наши дальнейшие отношения.

— Да, сэр...

— Сейчас я ознакомлю вас с задачей, а прежде позвольте задать вам еще несколько вопросов.

— Я слушаю, сэр...

— Ваше настоящее имя?

— Джордж Герберт Блад. Родился в 1874 году в Клонмэле, в Ирландии. Отец — Джеймс Томас Блад, — прежде чем перейти на дипломатическую службу, был капитаном королевского британского флота. Мать — миссис Джеймс Блад, урожденная Мьюриэл Рейли, дочь...

— Довольно, — прервал его Уильямс, сверившись со своими бумагами. — В каких военных кампаниях вы участвовали?

— Был в Индии в 1896 году. Участвовал в сражении под Малакаданским перевалом. В том же году был откомандирован в Судан, где в 1898 году накануне битвы под Омдурманом был взят в плен дервишами во время выполнения задания.

— Почему вас не убили? — Уильямс снял, протер, снова надел очки и строго заглянул в глаза Джорджу. — Ведь мусульмане вели себя по отношению к англичанам крайне жестоко, тем более что вас застали на месте преступления...

— Случайность, сэр. Дервиши решили, что я важное лицо в армии Герберта Китченера, и, прежде чем посадить меня на кол или с живого снять кожу, собрались допросить. Меня бросили в яму, выдолб-

ленную в камнях, и приставили караульных. Не знаю, почему они продержали меня в этой своеобразной тюрьме целые сутки. Возможно, у военачальников Халифа были другие, более важные дела. А на другой день под Омдурманом началась битва. Я понял, что мусульмане понесли громадные потери в первые же часы. Они не были готовы к этому. Поднялась суматоха, и обо мне, вероятно, забыли... Как бы то ни было, сидеть в яме мне просто надоело, к тому же ужасно хотелось пить. Я не знал, что делается наверху. Несколько раз позвал часового, но ответа не получил. Тогда я решил попробовать выбраться. Я знал, что иду на риск, наверху мне запросто могли одним ударом сабли снять голову, к тому же стены каменного мешка были вертикальными и гладкими... Но ничего другого мне не оставалось... Согласитесь, сэр, обидно было бы погибнуть от жажды и голода накануне победы над мусульманами... Как говорят русские, охота пуще неволи... Я вспомнил, что в университетские годы немного занимался альпинизмом, и, цепляясь за многочисленные, едва заметные уступы, медленно полез наверх. Несколько раз я срывался и падал, к счастью, с небольшой высоты, и в конце концов выбрался. Около моей тюрьмы не было ни одного человека. Сбежали, что ли? Я так ничего не понял. Так как я был в одежде дервиша, мне все же удалось остаться незамеченным и, пользуясь всеобщей паникой, проскочить к соотечественникам. Правда, и тут меня чуть не пристрелили, приняв за суданца. Мне едва удалось увернуться от пули...

— Звучит неправдоподобно, — с неудовольствием заметил Уильямс.

Рейли развел руками:

— Согласен, сэр... Похоже на приключения героев Жюль Верна. И тем не менее это так.

— Наши люди проверят ваш рассказ... — Уильямс снова заглянул в свои бумаги. — Ваша партийность?

— Сочувствую лейбористам...

Руководитель вздохнул. Видно, ответ ему не понравился.

— Знаете ли вы кого-нибудь из русской эмиграции в Лондоне?

Рейли подумал:

— Нет, сэр...

— Жаль. Но, может быть, здесь есть ваши знакомые по Петербургу?

— Нет, сэр, я не успел обзавестись там связями. Я был слишком мал, когда жил в России.

— Но знакомые вашего отца?

Джордж потер рукой подбородок.

— Право, не знаю...

— Вы должны выяснить это. Мы хотим дать вам задание внедриться в среду эмигрантов и выяснить, какие царят там настроения. Русские революционеры дурно влияют на наших рабочих. Все эти марксистские кружки, идеи братства и равенства... На окраинах империи и так беспокойно, еще не хватало, чтобы беспорядки начались в Лондоне... Прочтите список вопросов, которые вы должны выяснить, — Уильямс протянул Джорджу лист бумаги, — и сделайте это как можно скорее. Помните, от того, как вы выполните это задание, зависит, возьмем мы вас в штат или нет.

...Рейли брел по Пикадилли, раздумывая о вчерашнем предложении Уильямса. Но, сколько он ни силился, так и не мог вспомнить, кто из петербургских знакомых его отца находится теперь в Лондоне.

— Простите, сэр, — кто-то из прохожих случайно толкнул его плечом, и Джордж поднял голову.

Перед ним стоял мужчина, примерно одних с ним лет, с открытым взглядом голубых глаз и большим родимым пятном на правой стороне лица.

— Простите, — повторил он, приподнимая шляпу.

— Ничего страшного, мистер, — пробормотал Джордж, силясь вспомнить, о чем напоминает пятно на лице.

Незнакомец неторопливо отправился своей дорогой, а Рейли так и остался стоять. Внезапно в его мозгу возникла картина, такая ясная, как если бы все происходило теперь.

...Ему девять лет. Отец взял его с собой в какой-то дом, где собралось много гостей. Их встретила хозяйка — высокая красивая женщина.

— Знакомьтесь, — сказала она, подталкивая вперед мальчика — ровесника Джорджа, чье лицо можно было бы назвать красивым, если бы не большое родимое пятно, охватывающее чуть ли не всю правую сторону. — Это мой сын, Людвиг.

Пока взрослые занимались своими делами, мальчики играли в детской. Людвиг очень понравился Джорджу, он был спокойным, веселым и ни капельки не жадным. На прощание он подарил своему гостю очень красивого деревянного гусара. Этот солдатик долго был одной из самых любимых игрушек Джорджа.

...Потом они встретились в Мариинском театре, куда их взяли с собой родители. Давали «Царскую невесту». Взрослые слушали, а дети скучали. Людвиг все время зевал, а в конце второго акта, кажется, немножко вздремнул. Больше всего мальчикам понравился антракт: в буфете им купили пирожные и угостили газированной водой.

— Людвиг? — Рейли потер лоб рукой. — Нет, этого не может быть. Это совпадение, просто очень похожий человек...

Но помимо своей воли он уже шел следом за человеком с пятном. Тот, видимо, почувствовал на себе чужой взгляд, потому что ускорил шаги. Джордж не отставал. «Людвиг» свернул в какой-то переулок и побежал. Рейли припустился за ним. Незнакомец

нырнул в подворотню и вдруг исчез. Джордж немного потоптался в растерянности, усмехнулся, махнул рукой и пошел обратно на Пикадилли. Даже если это Людвиг, чего на самом деле не может быть, зачем ему этот человек? И что он скажет? «Здравствуйте, Людвиг, вы меня помните? Мы с вами играли в железную дорогу и в солдатиков»? Бред какой-то...

Джордж свернул за угол и нос к носу столкнулся с незнакомцем. «Людвиг» с решительным видом шагнул ему навстречу и холодно спросил:

— Вам что-то нужно от меня, мистер?

— Извините, — смутился Джордж. — Я, вероятно, обознался... Вы мне напомнили одного человека, которого я знал очень давно. Четырнадцать или пятнадцать лет назад...

Незнакомец ухмыльнулся.

— Сэр, — язвительно сказал он, — зря утруждаете себя. Непрофессионально работаете, мистер шпик. Насколько я понимаю, пятнадцать лет назад вы были ребенком. Я очень прошу передать вашему начальству, чтобы впредь для слежки за мною назначали более опытных филеров. Всего доброго...

Он повернулся на каблуках и неторопливо пошел по улице.

— Пойдите, сэр, — Джордж схватил его за руку. — Вы принимаете меня за кого-то другого. Вы и в самом деле напомнили мне мальчика, которого я знал много лет назад в Петербурге...

— В Петербурге? — недоуменно переспросил незнакомец.

— Я понимаю, что это смешно выглядит, сэр. Но коль уж возникла такая ситуация, ответьте мне, пожалуйста, вы никогда не жили в России?

— Предположим... Где? В каком городе?

Молодой человек молчал, внимательно разглядывая Джорджа.

— Ради Бога, не уходите, — Рейли удерживал его за рукав. — Мальчика, которого я знал, звали Людвиг... Мы с отцом были у него в гостях, и он подарил мне разноцветного деревянного гусара...

Незнакомец широко распахнул глаза.

— В лакированном кивере? — изумленно спросил он.

Рейли кивнул:

— У него еще штык был немного обломан...

— Не может быть... — молодой человек подергал себя за мочку уха. — Невероятно... Вы, кажется, Джеймс?

— Джордж... Джордж Герберт Блад.

— Ну конечно же, Джордж! — взволнованно воскликнул Людвиг. — Вот это встреча! Вы здорово изменились с тех пор, Джордж!

— Вы тоже подросли, Людвиг!

Мужчины расхохотались.

Немного истории

В конце прошлого века обстановка в России стала напряженной. Еще со времен Александра III существовал в стране указ «Об усиленной охране», вместо законов во многих губерниях действовали временные циркуляры центральной и местной властей. Административные взыскания применялись без суда и следствия. Власти старались не допускать организованной политической деятельности, любые попытки создать партийную группу пресекались полицией. Главное управление по делам печати внимательно следило за либеральными веяниями в прессе. Газете, где публиковались «крамольные статьи», делалось предупреждение. После третьего предупреждения цензура закрывала издание без права повторного выпуска. «Либерализм казался правительству опасным, — отмечал в те годы «Современник», — но социализм, пока он являлся в теоретической форме,

представлялся безвредным. Вследствие этого учение Маркса в книгах и брошюрах получило широкое распространение среди студенческой молодежи». В России в конце XIX века огромными тиражами издавали легальные и подпольные книги, брошюры, листовки, а «Капитал» Маркса свободно продавался в книжных магазинах.

Одновременно ширилось рабочее движение, усиливалась погоня за его лидерами. Периодически по империи проходила волна арестов. Многие деятели революционного движения вынуждены были эмигрировать за границу. Среди них был народоволец Людвиг Нагель. Его дом в Лондоне стал местом сбора русских эмигрантов.

Лондон, апрель 1899 года

— Лили, позвольте представить вам моего потерявшегося и вновь обретенного приятеля Джорджа Блада, — сказал Людвиг.

Джордж поднялся навстречу новой гостье. Это была красивая женщина бальзаковского возраста с умным волевым лицом.

— О, я много слышала о вас, — улыбнулась дама. — Это ведь вас Людвиг на улице принял за филера охраны?

— Бог мой! — рассмеялся Рейли. — Скоро эта история будет передаваться из уст в уста, как анекдот...

— Скорее, как трогательная легенда, — поправила его Лили. — Представьте себе ее начало: «Давно это было. Жили на свете два юноши...»

— Да будет вам, — почему-то обиделся Людвиг. — Я и в самом деле привожу в пример нашу неожиданную встречу с Джорджем, когда заходит речь о роли случайности в человеческой судьбе. Ведь еще древние заметили: если что-то происходит случайно, значит, это было необходимо.

— Конечно, — кивнула Лили. — Вам и в самом

деле необходимо было встретиться. По крайней мере, Джордж, вы для нашего дорогого хозяина — частичка России, той России, которую Людвиг знал и любил.

Из всей публики, которая появлялась в доме Нагеля, Лили произвела на Джорджа наиболее благоприятное впечатление. Она не была похожа ни на умных, но некрасивых и необаятельных жен народовольцев, ни на эмансипированных революционерок, которые приезжали сюда из России, обуреваемые высокими идеями и жадной борьбой за свободу народа. Рейли не понимал их надежд и чаяний, однако старательно пытался во всем разобраться и определить, чем живет теперь далекий Петербург. Обо всех своих наблюдениях и впечатлениях Джордж регулярно сообщал сэру Уильямсу. Вопрос о приеме в штат «Интеллидженс Сервис» был решен полностью положительно.

Дом Нагелей был по-русски хлебосольным, и скоро гостей позвали к столу.

— А что Михаил? — поинтересовался Людвиг.

— Муж снова болен, — вздохнула Лили. — Он стал желчным и злым. Ничего не хочет знать, никуда не хочет ходить, никого не хочет видеть...

— Может быть, стоит свозить его на воды? — обеспокоенно спросила ее Лариса Вербицкая, русская революционерка, недавно вернувшаяся из Лозанны, где она пыталась наладить выпуск нелегальной литературы и переправку ее в Россию. — Или увлечь каким-нибудь интересным делом? Ведь Михаил так живо откликается на все новое...

Рейли перехватил взгляд Лили и понимающе ей улыбнулся.

— Мы много ездили в прошлом году, — мягко сказала женщина. — К тому же муж сейчас слишком слаб, чтобы отправляться в путешествие... Что же касается дела... Он очень увлечен своим новым заняти-

ем — торговлей антикварными книгами и рукописями. Здоровье... Что ж... последствия ссылки периодически дают о себе знать. У Михаила уже бывали такие периоды, потом все проходило...

— А над чем вы сейчас работаете? — не отставала Вербицкая. — Мне говорили, пишете новый роман...

— О, это только проект... Черновые наброски...

— И все-таки любопытно!

— Я обязательно подарю вам книгу, если, конечно, она когда-нибудь увидит свет, — пообещала Лили.

— Вы упражняетесь в литературе? — заинтересовался Рейли.

— Так, ученические наброски, — скромно ответила женщина. И посмотрела на часы: — Ого! — она поднялась из-за стола. — Я даже не заметила, как пролетело время. Мне пора.

— Я провожу вас, — вызвался Джордж, поднимаясь следом за ней.

— Нет-нет! — запротестовала Лили. — Я возьму экипаж и очень быстро доберусь до дома. Мне было приятно с вами познакомиться.

— Мне тоже, — искренне признался Рейли, почтительно склоняясь к ее руке.

«Войнич, Этель Лилиан, г. р. 1864 — английская писательница, дочь видного английского ученого и профессора математики Джорджа Буля. Выйдя замуж за Вильфрида Михаила Войнича, польского литератора, переселившегося в Англию, Войнич попала в среду радикально настроенной русской и польской эмиграции, где познакомилась с русским революционным движением 80-х годов.

Войнич очень популярна в Англии и особенно в России как автор «Овода» (1897). Остальные романы

Войнич: «Джек Реймонд» (1901), «Оливия Лэтам» (1904) и «Прерванная дружба» (1910) — являются продолжением «Овода» и почти совсем не читаются ни в Англии, ни у нас, хотя и переведены на русский язык...

Войнич, кроме того, принадлежат работы по славянскому фольклору, по музыке и ряд переводов с русского языка: сборник «Русский юмор» (1895), перевод рассказов Гаршина и стихотворений Шевченко (1911)».

(Из литературной энциклопедии 1929 года.)

Отец Лилиан «...женится на Мари Эверест, племяннице известного английского исследователя Гималаев — Джорджа Эвереста, в честь которого была названа высочайшая вершина Гималайских гор.

...В сентябре 1898 года вышло лондонское издание «Овода». Роман вызвал шум в литературных кругах. Редактор солидного журнала «Двухнедельное обозрение» В. Куртни поместил там большую статью об «Оводе». Он же написал об «Оводе» в одной из самых распространенных английских газет — в «Дейли телеграф».

...31 марта 1898 года в Лондоне в «Виктория-Холле» состоялась премьера «Овода». Спектакль был поставлен в виде драматической оперы».

(Из книги Е. Таратуты «По следам «Овода».)

Лондон, апрель 1899 года

На следующий день после знакомства Джордж отправил Лили корзину цветов.

«В 1898 году у него был короткий роман с автором «Овода» Э. Л. Войнич...»

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Глава 4 ПЕРВАЯ СМЕРТЬ ШПИОНА РЕЙЛИ

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«...восхитительна. Мы встречались с Лили едва ли не ежедневно в маленькой уютной гостинице на Уайт-стрит, где нас никто не знал и никто не мог нам помешать.

Впервые в жизни я потерял голову. Если Лили задерживалась, я места себе не находил. Вдруг я в ее жизни лишь случайный эпизод, приятный, но ничего не значащий? Вдруг она по-прежнему любит своего мужа? А если, используя меня, она просто хочет досадить хилому и истеричному Михаилу, мстя ему таким образом за какие-то прошлые грехи? Может, ее замучили угрызения совести? Или что-то случилось, и я больше не увижу ее никогда?

Но Лили приходила. И встречи наши всегда начинались одинаково: сторая от нетерпения, второпях сбрасывая с себя одежду, мы бросались в объятия друг друга, наши тела и души сливались воедино, и на какой-то миг — или вечность? — мы покидали бренную землю, возносясь туда, где царит райское блаженство.

Я любил, обожал, я боготворил ее.

Меня восхищало в Лили все: внешность, жесты, походка, манера одеваться, вести беседу... Умиляла легкая шепелявость и детская привычка грызть ногти, когда она размышляла над каким-то трудным вопросом... Трогали ее серьезное отношение к мелким бытовым проблемам и готовность помогать всегда и всем.

Она всей душой сочувствовала русским революционерам...

Она плакала над умирающим щенком...

Несмотря на разницу в годах (Лили была на десять лет старше меня), я чувствовал себя рядом с ней взрослым человеком, умудренным опытом. Пережив

немало трудностей, обладая незаурядным умом, она сумела сохранить в себе открытость и чистоту и оттого порой казалась такой незащитной... Мне так хотелось согреть ее, укрыть от мелких неурядиц и больших бед...

Я мечтал быть с нею всегда. Я предложил ей руку и сердце.

Но Лили ответила отказом...

— Михаил, — вздохнула она. — Он пропадет без меня.

Напрасно я твердил, что нельзя приносить свою жизнь в жертву другому человеку, что судьба жестоко мстит за это, что Бог свел нас с нею не напрасно...

— Нет, — твердо сказала Лили. — И прошу, больше никогда не говори об этом.

Я ненавидел ее мужа. Я совершенно серьезно размышлял о том, каким способом лучше убить его. Единственное, что останавливало меня, — сама Лили. Она не простит.

Так прошло лето. Незабываемое лето 1899 года. А потом все разрешилось само собой. Лили собралась в Америку, где готовился к постановке ее «Овод».

К слову, писательницей она была неважной. Для всех так и осталась автором одной книги».

Немного истории

«На протяжении нескольких лет Англия пыталась захватить две южноафриканские страны — Трансвааль и Оранжевую республику. Обе они были заселены бурами — выходцами из Голландии, подчинившими себе местное население. Неоднократные попытки Англии превратить эти независимые республики в свои колонии заканчивались провалами, причинявшими ей зачастую большой политический ущерб. Теперь, в 1899 году, английское правительство решило применить

военную силу для достижения своих целей. Особую активность в этом направлении развил министр колоний в консервативном правительстве Джозеф Чемберлен.

В октябре 1899 года началась англо-бурская война, затянувшаяся почти на четыре года».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

*Южная Африка, Кейптаун,
ноябрь 1899 года*

— Капитан Джордж Герберт Рейли прибыл в ваше распоряжение, сэр!

— Отлично! — вопреки уставу, командующий пехотой полковник Холдейн протянул руку вновь прибывшему офицеру. — Надеюсь, вам уже объяснили ситуацию и наши задачи?

— Проникнуть на территорию врага, выяснить численность и расположение сил противника, сэр! — отрапортовал Джордж. — Мое личное задание — узнать о стратегических планах буров.

— В ваше распоряжение поступают пять человек, — Холдейн подал капитану список. — Вы познакомитесь с ними в пути. Все они надежные, проверенные люди.

— Джордж? — послышался сзади изумленный возглас.

Рейли обернулся. Перед ним стоял Уинстон Черчилль.

— Винни?! Какими судьбами? Мне говорили, ты оставил службу в армии!

— Так точно, сэр! — рассмеялся Черчилль. — Я командирован сюда как корреспондент газеты «Морнинг пост», которая платит мне 250 фунтов стерлингов в месяц и покрывает все расходы, которые я несу в Южной Африке.

Джордж присвистнул:

— Твои акции растут, дружище! За такое возна-

граждение и я, пожалуй, добровольно полез бы в лапы к бурам. Но ведь ты хотел вплотную заняться политикой? Кажется, даже выставял свою кандидатуру на выборах?

Уинстон скривился. Черчилль не любил, когда ему напоминали о провалах.

— Да, но первая попытка оказалась неудачной, — не вдаваясь в подробности, ответил он. — Правда, я не теряю надежды. Вот увидишь, я еще буду заседать в парламенте, я добьюсь своего.

— В этом я нисколько не сомневаюсь, — искренне сказал Рейли.

Из трубы паровоза повалил черный дым. Послышался скрежет, а следом за ним — протяжный гудок.

— Эй! — встревоженно высунулся из вагона Холдейн. — Друзья! Отправляемся!

— Бай, Винни! — Рейли вскочил на подножку и махнул приятелю рукой. — Еще увидимся!

Но, к его удивлению, Черчилль резво запрыгнул на ступеньки за ним следом.

— От меня так просто не отделаешься, Джордж. Я тоже еду.

— В разведку? — оторопел капитан. — В тыл к бурам?

— А что тут такого? — пожал плечами Винни.

Бронепоезд набирал ход. Машинист обязан был рассчитать скорость так, чтобы оказаться во вражеском тылу с наступлением темноты. Рейли перебрался на открытую платформу, чтобы познакомиться с поступившими в его распоряжение солдатами и объяснить им индивидуальные задания. Винни, вытащив блокнот, на ходу набрасывал корреспонденцию для «Морнинг пост». Холдейн собрал в своем вагоне командиров подразделений. Все шло своим чередом.

Мимо проплывали унылые африканские пейзажи, в которых Рейли никогда не находил ничего ин-

тересного. Над раскаленной землей пылало раскаленное солнце. И вдруг, как это всегда бывает в тропиках, не признающих полутонов, наступила темнота. Высыпали звезды, яркие, крупные и расположенные совсем не так, как в северном полушарии, а под ними, на самой трубе паровоза, примостился рожками вверх молодой месяц. Вокруг было тихо.

Внезапно мимо уха Джорджа с громким свистом стремительно пролетело какое-то насекомое. И тут же послышался крик:

— Ложись! Буры!

Стоявший рядом солдат резко толкнул капитана, и тот, не устояв на ногах, брякнулся на пол. А над головой уже вовсю свистели пули, и сквозь стук колес можно было уловить топот копыт.

Подобравшись к самому краю платформы и приподнявшись на локтях, Джордж несколько раз выстрелил в темноту. Через минуту он уже начал различать неясные очертания всадников. Один из них несся на своем скакуне вровень с его глазами. Джордж прицелился и...

Скрежет, свист, дым, крики, стоны — ад крошечный. Джорджа что-то подтолкнуло снизу, подкинуло вверх — и он вывалился с поезда прямо, казалось, под копыта перепуганного, взбешенного коня, перекатился по чьим-то телам и камням, ударился обо что-то твердое... И наступила тишина.

«Бронепоезд углубился на занятую бурами территорию, был обстрелян, и несколько его платформ сошло с рельсов. Паровоз и часть платформ оказались блокированными. Черчилль... принял энергичные меры с целью вывезти паровоз и уцелевшие платформы из-под огня, спасти раненых и доставить в безопасное место персонал бронепоезда. Покуда командовавший пехотой старый друг Черчилля Холдейн прикрывал бронепоезд огнем, Черчилль организовал разблокирование пути, и паровоз с уцелевшими платформами двинулся обратно.

Однако отступление завершилось неудачно: сначала Холдейн и его солдаты, а затем и Черчилль были взяты в плен».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

*Южная Африка, Порт Лоренсу-Маркиш,
10 декабря 1899 года*

Пит широко улыбнулся, обнажив идеально ровные белые зубы:

— Слава Богу, мистер Джордж, теперь ваши злоключения позади.

— Спасибо, Друг, — сердечно поблагодарил Рейли. — Право, не знаю, чем отплатить тебе за все, что ты сделал...

Парень махнул рукой:

— О чем вы говорите, сэр!

— Если я тебе понадобится, обратись в Лондоне по этому адресу, — и Рейли продиктовал несколько слов. — А теперь прощай, Пит. Я никогда не забуду, что ты сделал для меня...

Джордж обнял юношу здоровой рукой и поднялся по трапу на пароход, отправляющийся в Европу.

Трап убрали. Пароход дал последний гудок и медленно отошел от пристани.

А произошло вот что.

Очнулся Джордж только утром, когда ярко светило солнце. Нестерпимо болела правая рука, ныл затылок, хотелось пить. Он пошевелился и обнаружил, что рядом лежит еще кто-то. С трудом повернув голову, Рейли увидел человека, одетого в форму вражеской армии. Человек был мертв. Неподалеку валялось тело английского солдата. Собравшись с силами и подползя ближе, Джордж опознал одного из тех ребят, что отдал в его распоряжение Холдейн. Оглядевшись вокруг, он обнаружил еще несколько искалеченных трупов, груды искореженного железа,

две перевернутые платформы... Судя по всему, в живых остался он один.

Теряя сознание от боли, Рейли добрался до одной из платформ, чтобы в ее тени укрыться от палящего африканского солнца. Капитан помнил только об одном: с наступлением темноты отсюда надо убраться. Около часа понадобилось ему на то, чтобы стянуть одежду с одного из мертвецов. И еще столько же, чтобы облачиться в нее самому. На шее мертвого солдата болтался медальон, по которому можно было опознать погибшего. На металлическом кружке было выгравировано: Герард Хайнекен. Джордж взял медальон себе.

Ночью он двинулся в путь по железнодорожным рельсам. Рука распухла и совсем не слушалась. Джордж прошел несколько километров, прежде чем наткнулся на пост.

Приняв его за одного из буров, пострадавших при обстреле английского бронепоезда, офицеры гарнизона немедленно переправили раненого в Преторию, так как во всей округе не было другого госпиталя. Втайне Джордж похвалил себя за великолепную актерскую игру: ни слова не зная по-голландски, он так мастерски притворился контуженым, что его «диагноз» не вызвал сомнения даже у врачей.

Под именем Герарда Хайнекена он провалялся на больничной койке еще двое суток. Рука оказалась сломанной, наложили гипс.

На третью ночь Рейли почувствовал в себе достаточно сил, чтобы сбежать. Ему удалось никем не замеченным выбраться за территорию госпиталя, и он оказался в центре бурской столицы. Остаток ночи беглец провел в каком-то угольном складе, а наутро отправился на поиски гарнизона, который располагался на окраине города.

Следующую ночь Джордж потратил на то, чтобы пробраться в комендатуру и выкрасть необходимые ему документы. К его удивлению, сделать это оказа-

лось гораздо легче, чем он думал. Караульные довольно прохладно относились к своим обязанностям: сидя на ступеньках, солдаты увлеченно резались в карты. С противоположной стороны кирпичного дома не было видно ни одного человека. Рейли проник в штаб через окно. Сейф с документами даже не был заперт. При свете, падающем снаружи от газового фонаря, Джордж бегло просмотрел бумаги, отобрал и спрятал необходимые под куртку. Потом он покинул штаб тем же способом, как попал туда.

Все шло как по маслу. Оставалось только выбраться из вражеского тыла. Рейли вышел к железной дороге и стал дожидаться поезда. Очень скоро послышался стук колес. По рельсам медленно шла дрезина с дорожными рабочими. Увидев солдатика, один из них что-то крикнул Джорджу по-голландски. Рейли промычал в ответ что-то нечленораздельное и на ходу запрыгнул на платформу. К счастью, за всю дорогу рабочие ни разу к нему не обратились.

Наутро его посадили на какой-то станции, и Джордж предпочел поскорей убраться прочь, пока его не разоблачили. Он шел по незнакомому городу с низенькими домишками, похожими на временки, и кривыми улочками. Куда двигаться дальше, он не знал.

Ужасно хотелось есть, ведь в последний раз Джорджа кормили в госпитале. От запахов, доносившихся из домов, у него кружилась голова. Но рисковать было нельзя.

На одной из улиц к нему подошел подвыпивший солдат и что-то спросил по-голландски. Джордж показал на забинтованную руку, постучал себя пальцем по виску, а затем потыкал им в открытый рот. Бур, пребывавший, вероятно, в плохом расположении духа, нахмурился и повторил вопрос. Рейли идиотски улыбнулся. Бур начал выходить из себя, повысил голос и что-то потребовал. Джордж снова

улыбнулся и попробовал обойти солдата с тыла. Но тот, видимо, что-то заподозрив, схватил его за рукав и громко кого-то позвал. На его крик из дома выглянула женщина, а за нею появился молодой человек в гражданской одежде. Бур, крепко ухватившись за Джорджа, начал что-то объяснять этим людям. Рейли не стал дожидаться конца беседы. Ногой он ударил солдата в пах, загипсованной рукой — по шее и рванул вперед.

Молодой человек отодвинул в сторону женщину и побежал за ним. Очухавшийся от боли солдат пропустил следом за парнем.

Погоня настигала. Джордж метался между домами, чувствуя, что силы покидают его. Наконец он юркнул в какой-то переулок и, обнаружив, что преследователи отстали, заскочил в ветхую деревянную постройку, заваленную какими-то ящиками. Рейли пробрался в самый дальний угол и затаился.

Сколько времени он там просидел — неизвестно. По его расчетам, скоро должно было стемнеть. Джордж приготовился было покинуть свое убежище, но тут дверь отворилась, и в помещение вошли люди. Он не мог их разглядеть из-за ящиков.

— Ты подавай, а я буду выносить, Пит, — произнес мужской голос на чистейшем английском.

— Хорошо, отец, — ответил голос, принадлежавший, вероятно, подростку. Послышался звук отодвигаемого ящика.

Свои?

— Ну что ты делаешь? — раздраженно произнес невидимый мужчина. — Смотри, все сыплется. Аккуратнее!

— Извини, отец, я не виноват, — пытался оправдаться мальчик.

Свои!

— Сэр! — опрокидывая ящики, Рейли выбирался из своего угла.

«29 ноября 1899 года при обстреле бурами бронепоезда с английскими военнослужащими погибли и пропали без вести 22 солдата и офицера королевской британской армии. Среди них: лейтенант пехоты Хью Тимоти Вэнс, лейтенант пехоты Джон Сидней Хадсон, капитан гвардии Джордж Герберт Рейли...»

(Из сообщения в газете «Тайме» от 5 декабря 1899 года.)

«В Претории бежал из плена некий Уинстон Черчилль, выдающий себя за лорда Мальборо и военного корреспондента английской газеты «Морнинг пост». Тем, кто сообщит о его местонахождении, власти обещают вознаграждение в размере 25 английских фунтов стерлингов. Его приметы...»

(Из объявления в газете «Новости» (Претория) от 5 декабря 1899 года.)

*Претория, Южная Африка,
5 декабря 1899 года*

Том Тэтчер был единственным англичанином в окрестностях Претории. Местные власти оставили его здесь, чтобы сохранить в порядке консервированные угольные шахты. Он-то и помог Рейли добраться до португальской колонии, посадив в проходивший мимо товарный поезд и дав в проводники своего сына Пита.

В то время, когда Джордж и Пит тряслись в вагоне среди угольных мешков, Тома Тэтчера вызвали в комендатуру, из здания которой прошлой ночью исчезли важные документы, касающиеся планов военных действий. Ему учинили жестокий допрос. Особенно интересовали следователей его связи с другими англичанами, оставшимися на бурской территории. На все вопросы Тэтчер отвечал отрицательно. Соседи-голландцы подтвердили, что Том живет очень замкнуто, гостей у него не бывает и сам он никуда не ходит. Посторонние люди в их квартале во-

обще появляются очень редко, да и то это либо чьи-то родственники, либо подвыпившие солдаты, случайно сюда забредшие. Хильда Ван дер Люк сообщила, что прошлую ночь Том Тэтчер провел у нее.

Тома продержали в комендатуре до вечера, но потом все-таки отпустили. Он вернулся домой совершенно разбитый и без ужина улегся в постель. Долго ворочался и не мог уснуть. Когда же наконец забылся тревожным сном, в дверь постучали.

Том взглянул на часы. Было без пятнадцати два ночи.

Стук повторился.

За дверью стоял изможденный человек, с головы до ног перепачканный грязью. Это был Уинстон Черчилль, потомок лорда Мальборо, военный корреспондент газеты «Морнинг пост».

«Приключения Уинстона Черчилля в Южной Африке совершенно неожиданно принесли ему огромный политический капитал. Оказавшись на свободе, он немедленно направил в «Морнинг пост» подробное описание своего побега из лагеря военнопленных, умолчав лишь о прятавшем его англичанине, чтобы не подвергать его опасности. Повествование читалось как приключенческий роман и привлекло к себе внимание публики».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

Вернувшись в Лондон, Винни узнал о гибели в Южной Африке своего друга Джорджа Герберта Рейли.

1979 год

Москва, приемный пункт вторсырья

№ 398/2

— Не понимаю, как можно так отзываться об известной писательнице... — Вика покраснела и закрыла «БЛОКЪ-НОТЬ».

— О какой? — Эдик вонзил зубы в котлету.

— Этель Лилиан Войнич...

— А как он о ней отзывается?

— Как о женщине... — сконфузилась Вика.

— Этот шпион трахал ее, что ли? — оживился Бодягин. — Ну и как она ему?

— Эдик...

— А что? Дело житейское. А вообще странно: я почему-то думал, что она старая дева, — он заржал. — Представляю их в постели. Шпион в темных очках и с пистолетом, а она — с рукописью!

— Фу, что за пошлость!

— При чем здесь пошлость? И вообще, что ты все усложняешь? Они такие же люди были, как мы с тобой. Или что ты думаешь, твоя Войнич детей в капусте находила?

— У нее не было детей...

— Все равно... Должно ж быть какое-то удовольствие в этой жизни...

Замявшись, Вика решила сменить тему.

— Оказывается, у этого Рейли была очень интересная биография, — светским тоном сообщила она. — Богатая событиями, а не только любовными похождениями.

— А что ты думаешь, интимные отношения — это не события? — гнул свое Бодягин. — Да если хочешь знать, в одну ночь может вместиться целая жизнь.

— У тебя, видимо, немалый опыт, — опустила глаза девушка. — Но все увлечения Рейли не играли для него решающей роли. Он как разведчик не мог позволить себе серьезных отношений...

— Ну и правильно, — одобрил шпиона Эдик. — В жизни мужчины женщина всего лишь эпизод. Не всякая, конечно, — спохватился он, взглянув на Вику.

— Эти записи производят странное впечатление, — девушка торопливо раскрыла «БЛОКЪ-

НОТЬ». — Иной раз кажется, будто они принадлежат разным людям. Хотя почерк одинаковый. Что это — дневник? Мемуары? Художественное произведение?

— Дневник, — предположил Эдик. — Так тебе и опубликуют мемуары, где он трахается с автором «Овода».

— Но это же рукопись, — возразила Вика. — Может быть, человек писал для себя, в стол.

— Да не все ли равно тебе, — Бодягин доел обед и довольно потянулся. — Они все давно умерли.

— Но это же были реальные люди... Если это вымысел, то он компрометирует женщину.

— Может, это какой-то законченный шизофреник писал. Мало ли что ему в голову взбрело! Я таких навиделся в психушке — во! — он полоснул себя ребром ладони по горлу. — Такому не то что с Войнич, а хоть с самой Клеопатрой переспать — раз плюнуть. В нашей палате один лежал, так он считал себя Мариэттой Шагинян. Как уколют, ничего, забывал. А так — вскакивал по ночам и в темноте, на тумбочке писал «Гидроцентральный». Слава Богу, без ручки и бумаги. А то бы еще и читал. Я как раз тогда бессонницей мучился. Как скучно станет, толкну его в бок: «Товарищ Шагинян, каковы ваши творческие планы?» А он так серьезно: «Собираю материалы для романа про вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Вы знаете что-нибудь об этом самом человечном человеке?» И как закатит лекцию — на два часа.

— Он что, по-настоящему болел? — удивилась Вика.

— Ну! Там у всех настоящий диагноз, кроме меня.

— И ты среди них? Это ужасно...

Эдик притянул девушку к себе. Они поцеловались.

— Какая у тебя кожа нежная, — он провел пальцем под ее подбородком.

Вика смущенно взъерошила ему волосы.

— Чего ты свитер не снимешь? — спросил он как можно более непринужденно. — Жарко ведь. Смотри, вспотела вся.

К его разочарованию, под свитером у Вики оказался батник. Эдик расстегнул на нем две верхние пуговицы.

Вика задержала его руку.

— Ну что ты? — парень поцеловал ее и расстегнул еще две пуговицы.

Девушка судорожно вздохнула и попыталась высвободиться из его объятий.

— Не бойся, — шептал Эдик. — Сюда никто не войдет... Черт, что у тебя за конструкция?..

Лифчик не поддавался. Эдик перестал с ним бороться. Послышался треск оторвавшейся бретельки. Под его ладонью бешено колотилось Викино сердце.

— Не надо... — просила она. — Пусти...

Эдик поцеловал ее маленькую трепещущую грудь. Его рука скользила по колготкам под подолом юбки.

— Не надо... Ну, пожалуйста! — Вика чуть не плакала.

— Но почему? — бормотал Бодягин, пытаясь стянуть с нее колготки вместе с трусиками и узкой юбкой. — Ты не в настроении?

— Пусти! — собравшись с силами, Вика резко оттолкнула его и лихорадочно начала приводить себя в порядок.

— Да что ты в самом деле?! — психанул Эдик. — Если нас тянет друг к другу... Мы же взрослые люди... Что ты девочку из себя корчишь?

— Я не корчу, — еле слышно пролепетала Вика. — Так оно и есть.

Глава 5

«ЛИЧНОСТЬ ВЕСЬМА ИЗВЕСТНАЯ»

Порт-Артур, декабрь 1903 года

«Сообщаю также, что нахожусь здесь под видом директора судоремонтной компании «Рейли и Рейли», что позволило войти в круги промышленников и крупных коммерсантов. Наибольший интерес представляет для меня некий Бэзил Захаров, подданный Великобритании, грек по рождению. По моим данным, его состояние оценивается в 2750 тысяч фунтов стерлингов. Захаров занимается торговыми аферами, связанными с продажей военных судов. Крейсер «Восток», который собирается закупить военное министерство Великобритании, уже продан Захаровым представителям Германии. Тактик».

(Из шифрованного донесения в «Интеллидженс Сервис».)

США, Нью-Йорк, март 1904 года

«Завербованный мною агент из военного министерства сообщил, что на территории России, в Дальнем, высадился десант из пяти американских солдат, в чьи планы входит вербовка агентов для японской разведки из среды русских. Винченцо».

(Из шифрованного донесения в «Интеллидженс Сервис».)

«Правительством США выделена сумма в 150 млн американских долларов на покрытие расходов, понесенных японской стороной во время взятия Порт-Артура и Цусимского сражения. Константин».

(Из шифрованного донесения в «Интеллидженс Сервис».)

Порт-Артур, март 1905 года

«...Мне удалось завербовать и подготовить двух агентов. Винченцо».

(Из шифрованного донесения в «Интеллидженс Сервис».)

Немного истории

С апреля 1904 по июль 1905 года от Германии, Англии и США Япония получила четыре займа, общая сумма которых составила пятьсот миллионов долларов, то есть примерно половину военных расходов. С помощью немецких и английских кораблестроителей военно-морской тоннаж Японии за восемь лет, которые предшествовали войне, возрос в четыре с половиной раза. В морских сражениях против 69 старых кораблей русской Тихоокеанской эскадры выступали 168 японских боевых судов новейшего образца.

23 августа (5 сентября по новому стилю) был подписан Портсмутский мирный договор, согласно которому к Японии перешли Квантунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, южная ветка КВЖД, а также половина русского острова Сахалин (к югу от 50-й параллели).

За активную помощь в подготовке кадров для военной разведки на территории врага японское правительство наградило капитана британской королевской гвардии Джорджа Герберта Рейли орденом Хризантемы.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«...а также был присвоен титул сэра.

Но я не могу подолгу сидеть на одном месте. Через два месяца, покинув Лондон, я отправился в Россию. Заехал в Германию, где весьма сильны патриотические настроения. Родственник супруги русского царя, кайзер Вильгельм, прилагает все усилия для ослабления мощи Российской Империи. Еще во время войны он навязал Петербургу новые условия торговли, согласно которым немцы резко повысили пошлину на русскую пшеницу и рожь. И напротив: русские ставки обложения германского промышленного ввоза в Россию по-прежнему оставались на крайне низком уровне.

Германия набирала мощь. Подготовка к войне началась задолго до четырнадцатого года.

В Берлине полно русских политических эмигрантов, которые якобы руководят из-за границы ходом революции в России. Мне рассказали о некоем Владимире Ульянове. Он пользуется особой популярностью среди революционеров, подолгу живет то в Англии, то в Швейцарии, строчит статейки в нелегальные газеты и совершенно серьезно уверяет, будто государством может управлять простая кухарка! По-моему, он просто болен...

Анекдотический случай произошел на приеме у русского посла, куда меня пригласили как советника английского посольства, под чьим статусом я путешествую. Дочь одного из присутствовавших на обеде русских, какого-то дальнего родственника Николая Романова, долговязая и некрасивая девица, завела со мною беседу о туманном Альбионе. Она влюблена во все английское, хотя говорит с чудовищным акцентом и пугает Елизавету с Викторией. Барышня поведала мне о бесстрашном и ловком шпионе Джордже Рейли, у которого дня не проходит без подвига.

— Представляете, — захлебываясь от восторга, говорила девица, — во время войны Рейли работал на русскую разведку. Он проник в тыл к японцам и прямо на глазах у командования выкрал план расстановки военных кораблей в Цусиме. Отстреливаясь, он убил пятерых самураев. Благодаря ему русские в Цусимском сражении...

Не выдержав, я расхохотался.

— Не вижу ничего смешного, — надулась барышня.

— О, простите, — извинился я. — Но до вас дошли неверные слухи. Рейли никогда не работал на русскую разведку и никогда не убивал самураев.

Глаза у девицы загорелись:

— Почему вы так думаете? Вы с ним знакомы?

— Немного, — уклончиво ответил я.

Девушка, запрыгав на стуле, захлопала в ладоши.

— О, расскажите, расскажите! Как это интересно! Какой он? Красивый?

— Аполлон, — ответил я, никогда не считавший себя красавцем.

Как это у русского поэта? Кажется, «слух обо мне пойдет по всей Руси великой»... М-да, мое имя приобретает всемирную известность...»

Петербург, октябрь 1905 года

— Отчего же вы такой мрачный нынче? — супруга великого князя Николая Николаевича, Анастасия, которую за глаза называли Станой-Черногоркой, кокетливо стрельнула глазками в интересного англичанина, сидевшего за столом с непроницаемым лицом.

Рейли вежливо улыбнулся:

— Обстоятельства, которые сложились в России, не располагают к веселью...

— Ах, оставьте, — легкомысленно отмахнулась Стана. — Я уверена, все эти бунты скоро прекратятся. В конце концов, есть военные, полиция...

— Не могу согласиться с вашим высочеством, — сокрушенно покачал головой посол Великобритании Бьюкенен, мельком взглянув на часы. — Ситуация гораздо серьезней, чем вы ее представляете. Палочная дисциплина и террор могут лишь на время загасить огонь мятежа. Но вечно жить в напряжении нельзя...

Стана откровенно заскучала. Политика ее совершенно не интересовала. Гораздо больше занимал принцессу гость русского посла, приехавший недавно из Германии. Говорили, будто за плечами этого загадочного человека бурное прошлое и что он личность весьма известная.

Она снова посмотрела на Рейли. Тот оживленно обсуждал с Бьюкененом популярные в России работы немецкого философа Карла Маркса. Анастасия встала и лениво прошлась по комнате.

— Между прочим, сегодня прекрасная погода, — ни к кому не обращаясь, заметила она. — Грех не воспользоваться последними золотыми деньками... Господа! — она обернулась к мужчинам. — Я хочу прогуляться. Не составите компанию?

— С удовольствием, ваше высочество, — Рейли неохотно поднялся. — А вы, господин посол?

— Рад бы в рай, да дела не пускают, — щегольнул русской поговоркой Бьюкенен. — К сожалению, я должен откланяться. Счастлив, что повидался с вами, ваше высочество, — он галантно приложился к ручке великой княгини.

— Жаль, — фальшиво пропела Стана, — что вы не встретились нынче с Николаем Николаевичем. Он что-то задержался у государя...

— О, у нас еще будет возможность побеседовать с вашим супругом. Передайте ему мои самые добрые пожелания.

Бьюкенен откланялся и вышел. Джордж тоскливо посмотрел ему вслед. Черногорская принцесса безмерно раздражала капитана Рейли.

Они шли по широкой парковой аллее, и, беспрестанно хихикая, Анастасия сплетничала о нравах петербургского света. Рейли рассеянно слушал, время от времени вставляя какие-нибудь реплики.

— А ведь признайтесь, — вдруг сказала женщина, — у вас было немало романов...

Джордж удивился:

— Почему вы так решили, ваше высочество?

— Вы напоминаете мне лорда Байрона. Своею сдержанностью, загадочностью... Женщины должны с ума сходить по вас...

Рейли засмеялся:

— Вы несколько преувеличиваете значение моей

скромной персоны. Уверяю вас, под моим балконом не толпятся поклонницы.

Стана лукаво прищурилась и махнула перчаткой перед самым носом Джорджа.

— Противный, — она шутливо надула губки, воображая, будто она девочка-подросток. По манере флиртовать супруга великого князя Николая Николаевича Романова напоминала недорогую даму полусвета. — Противный... Вы только притворяетесь скромником, на самом же деле — не спорьте! — топнула ножкой Стана, заметив, что Джордж хочет что-то возразить. — На самом деле вы можете вскружить голову даже самой неприступной твердыне...

Отступать было некуда. Рейли вздохнул, остановился, со значением посмотрел в глаза собеседнице.

— А вам? — спросил он, изображая голосом едва сдерживаемую страсть.

— И мне, — выдохнула Черногорка.

«...оказывают давление на русского императора. В свете событий последнего года они настаивают на немедленном подписании манифеста о свободах, чего Н. А. Р. делать не спешит. Премьер Витте взял себе в союзники великих князей Николая Николаевича и Владимира Александровича. Завтра, 17 октября, они отправляются в Петергоф для решающих переговоров с императором.

Волнения не прекращаются. Восстания рабочих в Лодзи и Белостоке. На 16 октября назначены забастовки служащих телеграфа, а также железнодорожных рабочих в Воронеже. В Петербурге появились листовки, которые связывают с именем руководителя январской демонстрации Гапона. Он призывает к массовым восстаниям и уничтожению коммуникативных средств. Константин».

(Из шифровки, переданной в «Интеллидженс Сервис».)

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Стана была очень странной женщиной. Даже хорошее образование не смогло исправить природной лености ума и отвратительных замашек дешевой шлюхи. Мне не внушал симпатии супруг ее, Николай Николаевич Романов, грубый солдафон с вульгарными манерами, к тому же пьяница. Но, право же, он был достоин сочувствия. Черногорка вела себя весьма и весьма легкомысленно, мягко говоря.

Конечно, связь с нею помогала мне в работе. Через нее я узнал, что русская императрица за спиной у мужа посылает своим родственникам в Германии большие деньги; что кайзер Вильгельм, преследуя свои цели, использует царя, манипулируя его слабым знанием обстановки на окраине империи, любовью к августейшей семье и мягким характером. Стана познакомила меня с удивительно неприятным типом — неким Григорием Распутиным, кумиром истеричных дам петербургского высшего света. Этот неопрятный, неграмотный и полубезумный мужик, как уверяет Черногорка, вхож в дома к самым высокопоставленным персонам, даже к самой царице. Ко всему прочему, он любовник наперсницы Александры Федоровны Анны Вырубовой.

Да, слухи о загадочной русской душе преувеличенными не назовешь...

А ргорос, подозреваю, что постель со Станой делим не только мы с Николаем Николаевичем, но и мужик Распутин. Если это так, то я опасуюсь за свое здоровье. Не следует ли на всякий случай обратиться к венерологу?»

«Вы должны выяснить зарубежные связи нового «Союза Михаила Архангела» с целью предотвратить его сотрудничество с националистическими организациями Европы».

(Из зашифрованной телеграммы, полученной Рейли из Лондона.)

«Союз русского народа — внеполитическая организация, ставившая своей целью борьбу с инородцами и социал-демократами на территории России. Основатели — врач А. Дубровин и чиновник В. Пуришкевич. Печатный орган — газета «Русское знамя». Несмотря на то что «Союз» не пользуется популярностью в кругах аристократии, император вступил в него и сделал членом «Союза» своего малолетнего сына. «Союз» получил государственную субсидию — два с половиной миллиона рублей, что вызвало возмущение премьера Витте. За пределами России «Союз» не действует. Тактик».

(Из зашифрованного донесения в «Интеллидженс Сервис».)

Москва, май 1906 года

— Террор, только террор! — горячо воскликнул Вадим.

Джордж равнодушно скользнул по нему взглядом. Ох уж эти революционеры! И эта дикая, невежественная Россия. Весь мир давно уже пришел к выводу, что внутригосударственные противоречия следует решать цивилизованным путем — бескровным, во всяком случае. И только русские с их «мятущейся душой» и жадной свободой, которой — он уверен — не сумеют воспользоваться ни власть, ни народ, ни правые, ни левые, — только русские все чего-то мутят воду. Поганее всего, что их революционные идеи чертовски заразительны для тех, кто привык добывать себе хлеб руками, а не головой: отголоски революции слышны и в Англии, где снова бастуют шахтеры...

— Вы не согласны со мной? — полемически воскликнул Вадим.

— Отчего же... — задумчиво произнес Джордж. — Если вы считаете, что все беды происходят от горстки людей, стоящих у власти, тогда, конечно...

— Вот видите! — эсер Вадим Штейнберг, с которым Джордж познакомился в Москве, собирая информацию для «Интеллидженс Сервис» о настроениях русских революционеров и численности их организаций, был удовлетворен ответом. — Избавившись от какого-нибудь Плева, мы добьемся прекращения полицейского террора, реальной, а не декларированной свободы печати, забудем о постыдном перлюстрировании частной корреспонденции...

— Вашими бы устами, — улыбнулся Рейли.

— Да! Десятки людей идут в Боевую организацию с одной целью: очистить нашу землю от временщиков, отомстить им за все страдания народа. Знакомы ли вы с Борисом Савинковым?

— А кто это?

— О, это выдающийся человек, герой! Он чрезвычайно умен, он — мозговой центр нашей организации. Он — самый близкий мне по духу человек, я горжусь знакомством с такой замечательной личностью! Право же, жаль, что вы не можете увидеть его теперь — Бориса в Москве нет, он вынужден постоянно находиться в подполье, так как его преследуют власти. Я желал бы все же, чтобы вы когда-нибудь с ним познакомились. Уверен, вы не пожалеете...

— Не сомневаюсь, — Джордж поморщился от едкого запаха табака. Рейли не переносил, когда при нем курили. — Насколько я понимаю, Савинков руководит вашей организацией вместе с Евно Азефом?

— Официально руководит один Азеф. Но вдвоем с Борисом они разрабатывают блестящие операции. Правда, им приходится тяжело... Любая организация требует денег, больших денег... Но, к счастью, многие люди разделяют наши идеи...

— Субсидии, которые вы получаете, такая мелочь... — забросил крючок Джордж.

— Не скажите! Нам очень помогают германские революционеры и, между прочим, ваши соотечественники тоже...

Эсер внимательно посмотрел на Рейли. Джордж кивнул:

— Да, мне известно, что сочувствующий революционным идеям Генри Фриш, владелец мануфактуры, передал вашим товарищам тысячу фунтов...

Вадим расхохотался:

— Тысячу? Генри Фриш? Берите выше, дорогой мой! Я не буду называть имен, скажу только, это очень влиятельные люди из лейбористской партии, очень! И помощь их исчисляется десятками тысяч... Вот так, товарищ Джордж!

— Михаил Бакай в Лондоне говорил мне, что ваша организация нуждается в оборудовании для динамитных мастерских.

— Нуждается, — Вадим сразу же стал серьезным. — Идите сюда.

Он поманил Джорджа за собой в прихожую.

— Помогите-ка! — поднатужившись, Вадим и Джордж стронули с места массивный шкаф, за которым оказался занавешенный плотными портьерами проем в стене. Штейнберг отодвинул портьеру, и Рейли увидел еще одно небольшое помещение без окна.

— Мастерская, — Вадим зажег свет. — Как видите, нам приходится строго соблюдать условия конспирации. Это чертовски опасно хотя бы потому, что при изготовлении бомб наши люди имеют дело со взрывчатыми веществами и, работая в этих условиях, они каждую минуту рискуют взлететь в воздух. К слову, несколько таких случаев уже было.

Джордж оглянулся вокруг. У стены на полу были аккуратно сложены в ряд полые металлические трубки, на столе в идеальном порядке стояли колбы и реторты, пустые и наполовину заполненные какими-то порошками и жидкостями.

— Ничего не смыслю в химии, — признался он Вадиму.

— Я тоже, — вздохнул тот. — Не думайте, ради

Бога, что это я колдую над всякими препаратами, я только предоставил квартиру под мастерскую... А бомбы готовят другие. Как правило, выпускники химических факультетов университетов... Правда, по ночам, когда они работают, рискуем мы все... Вот, кстати, — Штейнберг взял со стола и протянул Рейли бумагу, исписанную химическими формулами. — Это оставил Семенов специально для вас, чтобы вы и ваши товарищи смогли переправить нам указанные здесь препараты...

Рейли спрятал записку в карман.

— Хорошо. Я постараюсь найти способ передать вам все необходимое.

— Вы скоро уезжаете? — поинтересовался Вадим, когда они после осмотра мастерской поставили шкаф на место.

— Буквально на днях, — ответил Рейли. — У меня в Москве есть еще несколько дней, связанных с деятельностью фирмы, которую я представляю в России. Но я обязательно дам вам знать, когда отправлюсь в Лондон, и приложу все усилия, чтобы ускорить доставку материалов...

«Сообщаю, что члены парламента от лейбористов Х. и У., замешанные в организации шахтерских забастовок, безвозмездно передали Боевой организации российских социалистов-революционеров 500 тысяч фунтов стерлингов. Джордж Рейли».

(Из шифрованного донесения в «Интеллидженс Сервис».)

Глава 6 **ДЕЛО СИДНЕЙ-СТРИТ**

Лондон, ноябрь 1906 года

— Жаль, — сказал руководитель внешней разведки «Интеллидженс Сервис» Уильямс, — искренне жаль, капитан, что вы решили уйти в отставку.

— Уступаю дорогу молодым, — улыбнулся Рейли. — Но если серьезно, сэр, я думаю сменить сферу деятельности. У меня достаточно средств, чтобы перейти на оседлый образ жизни. К тому же, сэр, я собрался жениться...

— Вот как? Поздравляю, капитан! И кто же ваша избранница?

— Младшая дочь мистера Чарльза Диксона, президента компании «Диксон и сын. Ювелирная торговля», мисс Джулия Диксон.

— О! — с уважением протянул Уильямс. — Завидная партия. Насколько мне известно, мистер Диксон ищет себе компаньона?

Джордж кивнул.

— Так вот с чем связано ваше решение уйти в отставку?

Рейли почувствовал себя уязвленным.

— Не совсем так, сэр, — сухо сказал он. — У меня и в мыслях не было претендовать на это место. К тому же у меня совсем иные планы, связанные с транспортным строительством. Я хочу распрощаться с разведкой, сэр, потому что мне тридцать два года и пора подумать о собственной семье и о детях.

— Извините, капитан, — Уильямс поднялся и протянул через стол руку Рейли. — Надеюсь, вы простите меня за бестактность. Право же, я не хотел вас обидеть...

Джордж ответил на рукопожатие.

— Но мне не хотелось бы ставить точку на наших с вами отношениях, — продолжал руководитель разведки, провожая до дверей своего теперь уже бывшего сотрудника. — Надеюсь, капитан, вы позволите иногда обращаться к вам... за консультацией?

— В любое время, сэр... Прощайте.

И Джордж затворил за собою дверь офиса.

«Конечно же, я стал компаньоном ее отца. Мистер Диксон был в том возрасте, когда человеку уже ничего не нужно, кроме покоя, вкусной еды и мягкой постели. Он с нескрываемым облегчением передал мне в руки бразды правления, ибо видел во мне своего достойного преемника и человека, который не пустит по ветру состояние, нажитое дедом моего тестя еще тогда, когда искатели приключений привезли в Европу первое американское золото. Два других зятя — супруги старших сестер Джулии — надежд мистера Диксона не оправдали. Муж Полли, Грэй Грэхэм, оказался бездельником и пьяницей, а супруг лошадинообразной Эви — мягкотелым болваном, которого хватало лишь на то, чтобы проедать огромное наследство своих родителей и ежегодно давать детей своей жене.

Так я стал одним из самых богатых людей Англии.

С рвением включился я в работу. Первым делом провел реорганизацию производства на небольшом ювелирном заводе, уволив управляющего и оборудовав мастерские по последнему слову техники. Затем взялся за магазины. Я выписывал себе из Парижа последние модные каталоги, изучал спрос, даже сам целый месяц простоял за прилавком.

Мне пришла в голову идея выпускать ювелирные украшения из экзотических для нас уральских самоцветов, и, не теряя времени, я заключил договоры с русскими коммерсантами, для чего пришлось ненадолго съездить в далекий город Екатеринбург.

Увы, мои семейные дела шли не столь успешно.

Юная Джулия, едва став миссис Джордж Блад, совершенно перевоплотилась. Из чистой открытой порывистой девушки, так напоминавшей мне навсегда потерянную Лили, она превратилась в чопорную пуританку, очень педантичную и всегда чем-то недовольную. Я почувствовал это, когда еще не за-

кончился наш медовый месяц. Джулия начала выдвигать идиотские требования: от еженедельного обязательного покера со скучнейшей четой Миддлов (зато сэр Миддл занимал высокий пост в Центральном бюро консервативной партии) до выставления своей кандидатуры на выборах от той же партии консерваторов. Напрасно уверял я ее, что мое честолюбие совсем иного плана, что ни покер, ни политика никогда не привлекали меня настолько, чтобы жертвовать в угоду им своими желаниями, — Джулия настаивала. К тому же из-за ее ханжества разладились наши постельные дела, и я выполнял свои супружеские обязанности точно с такой же долей автоматизма, как чистил по утрам зубы.

Лондон, октябрь 1910 года

Ночью Джорджа разбудил резкий телефонный звонок.

— Сэр! — голос управляющего одним из самых крупных магазинов торговой сети фирмы прерывался от волнения: — Сэр, случилось ужасное! Только что мне сообщили об ограблении ювелирного магазина на Сидней-стрит!

— Этого еще не хватало! — Джордж спустил с кровати ноги, в темноте нащупывая домашние туфли и скидывая пижаму.

— Что случилось, дорогой? — встревожилась Джулия.

— Ничего особенного. Мне нужно ненадолго уйти. Спи.

Он велел прислуге разбудить шофера и помчался на Сидней-стрит. Около магазина толпились полицейские. Врач и криминалисты склонились над лежащими на земле тремя бездыханными телами. Мертвецы были одеты в полицейскую форму.

— Вероятно, сэр, они делали обход участка и наткнулись на грабителей, — возбужденно докладывал

управляющий. — Наверное, револьвер, из которого стреляли, был с глушителем, потому что консьерж из соседнего дома ничего не слышал. Но что удивительно, сэр, — он осторожно взял Джорджа под локоть и повел его к тыльной стороне здания, где зияла большая дыра в стене, — они бурили кладку! И проникли в магазин через эту вот дыру... Грабители вели себя чрезвычайно нагло, сэр, они даже зажгли внутри свет! Это-то и насторожило консьержа, который случайно выглянул в окно и увидел в магазине каких-то людей. На всякий случай он позвонил в полицию...

Со стороны фасада послышался шум подъехавшего автомобиля, и Джордж с управляющим поспешили туда.

Шофер, обежав автомобиль, предупредительно открыл дверцу. Полицейские вытянулись во фронт.

— Господин министр... — начал было капитан полиции.

— Винни? — Джордж не верил своим глазам.

— Джордж? — оторопел министр внутренних дел сэр Уинстон Черчилль. — Не может быть! Разве ты жив?

— Как видишь, — Рейли протянул ему руку. — Можешь потрогать и убедиться...

— Но в газетах сообщали... Джордж! — и Винни кинулся обнимать своего старого друга.

«Черчилль взял расследование случившегося в свои руки. Полиции выдали револьверы и винтовки. Скотланд-Ярд был поставлен на ноги. Предполагалось, что преступление совершено анархистами, и в глазах Черчилля оно сразу же приобрело политическую окраску.

3 января 1911 года Черчиллю доложили, что лица, убившие полицейских, обнаружены и окружены в доме № 100 по Сидней-стрит. Полиция доложила, что преступники отстреливаются и, вероятно, имеют значительный запас патронов. Сколько их засело в доме —

неизвестно. Вскоре прилегающие улицы заполнили сотни полицейских и солдат, прибывших туда по распоряжению Черчилля. Из Тауэра было доставлено даже артиллерийское оружие.

Черчилль решил сам руководить операцией. Он явился на место действия в пальто с меховым воротником и в шелковом цилиндре. Это было смешное зрелище на фоне полицейских и солдат, лениво перестреливающихся с осажденными. Черчилль развил бурную деятельность, обеспечивая прибытие подкреплений и обсуждая взятие штурмом дома, откуда стреляли. Трудность состояла в том, что никто не знал, сколько человек находится в осаде. Вскоре дом загорелся, и отстреливающиеся вынуждены были спуститься в нижний этаж. Прибывшая на место пожарная команда намеревалась выполнить свои прямые обязанности и тушить горящий дом. Но министр внутренних дел (которому подчинялись и полиция, и пожарные) приказал не тушить огонь...»

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

Человека, который организовал ограбление ювелирного магазина, звали Ян Петерс.

«...В Латвии, где он родился, он принадлежал к социал-демократической рабочей партии, к большевистскому ее крылу. Он был арестован в 1907 году и просидел полтора года в тюрьме. Когда его выпустили, он бежал в Лондон, где женился и стал работать гладильщиком в оптовом отделе подержанного платья. Он хорошо говорил по-английски. Жил в восточной части Лондона, в Уайтчапле, где жили в те годы немущие русские эмигранты, главным образом из западных губерний и Прибалтики, выкинутые событиями 1905 года и последующими преследованиями со своих родных мест. Вокруг него собиралась группа молодых большевиков, все — члены латышского социал-демократического лондонского клуба, готовящих экспроприацию большого

ювелирного дела: им нужны были деньги для печатания революционных брошюр, которые они потом перевозили в Ригу... В эти годы вооруженные нападения на ювелирные магазины, банки, почтовые отделения были в большом ходу. Потере с десятком товарищей, среди которых были его двоюродный брат и зять, и с 2—3 женщинами смело пошел на это.

...«дело Сидней-стрит» вошло в криминальную историю Англии, ...сначала — вооруженное нападение, стрельба, взлом (в случае Сидней-стрит — даже бурение стен)... трое полицейских, кстати безоружных, были убиты из одного револьвера. Они были убиты Петерсом, но во тьме никто не мог видеть его лица и потому позже опознать его. Это спасло его. Дело было шумное...»

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

«...Когда пожар сделал свое дело и небольшое здание сгорело дотла, под обломками были найдены два обгоревших трупа. Оказалось, что мощные полицейские и военные силы с артиллерией под командованием самого министра внутренних дел были пущены в ход всего против двух человек».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

После этой истории Черчилль стал посмешищем в глазах журналистов и читателей газет, Рейли понес большие убытки, которые, впрочем, ему полностью возместила страховая компания, а Петерс несколько лет скрывался от английской полиции, чтобы потом, в канун революции 1917 года, объявиться в России... В 1918-м он станет заместителем председателя ВЧК и будет работать непосредственно под руководством товарища Дзержинского. Но, несмотря на столь высокое положение, Ян Петерс никогда не забудет годы, проведенные в Лондоне, неудавшееся ограбление на Сидней-стрит и имя владельца ювелирного магазина Джорджа Рейли.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Жизнь с Джулией становилась невыносимой, и очень скоро меня начал мучить знакомый зуд — потребность в приключениях и в перемене мест. Вот почему я обрадовался, получив письмо от великого князя Николая Николаевича Романова...»

«...В 1910 году офицер английской королевской авиации командирится в Россию. Царское правительство поручило Рейли консультировать строительство первого русского аэродрома в окрестностях Москвы».

(Из книги В. Минаева «Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР».)

Москва, август 1911 года

На сей раз Джордж прибыл в Россию как частное лицо. Николай Николаевич ждал его в Москве, куда он приехал один, без Станы.

— Аэродром? — изумился Рейли. — Но простите, ваше высочество, я не имею ровным счетом ничего общего с авиацией...

— То есть как? — великий князь был обескуражен. — Мне говорили, будто вы превосходно управляете аэропланом...

— Это досужий вымысел. Я никогда в жизни не летал...

Николай Николаевич изменился в лице. Военный министр Редигер, настаивавший на привлечении к строительству специалистов из Германии, иронически улыбнулся. Он же предупреждал Романова...

Повисла неловкая пауза.

И тут Джордж решил.

— А впрочем, — сказал он, — почему бы и нет? Я могу взять на себя организацию работ, но прежде ваши инженеры должны ввести меня в курс дела.

— Позвольте, — запротестовал было Редигер.

— Если я в короткий срок смог изучить ювелирную торговлю, то что мне мешает таким же образом вникнуть в строительство? Я свяжусь с нашим военным министерством и попрошу откомандировать сюда нескольких специалистов со всеми необходимыми чертежами. Надеюсь, вы не будете возражать?

— Нет, — быстро сказал великий князь.

Редигер промолчал. Он еще скажет свое слово, когда этот авантюрист и выскочка завалит все работы. Тогда Романов увидит, кто прав...

Лондон, февраль 1912 года

Джулия распечатала письмо.

«...Дела принуждают меня оставаться здесь еще на неопределенное время, — писал муж. — Но, возможно, удастся получить кратковременный отпуск и вырваться домой хотя бы на недельку. Береги себя, родная. Скучаю, люблю, целую. Джордж».

— Подлец! — воскликнула миссис Блад, разрывая письмо супруга на мелкие клочки. — Развратник! О, я этого так не оставлю!

И, бросившись на подушки, Джулия разрыдалась. Третий день она не выходила из своей комнаты. Лицо ее покраснело и опухло от слез. Подобно героиням дамских романов, она хотела было отказаться от еды, но, несмотря на тяжелое моральное состояние, аппетит у нее оставался отменным, и как ни крепилась Джулия, она поглощала все, что ей подавали.

— Вас к телефону, миссис Блад, — со скорбным лицом сообщил дворецкий.

Звонила ее ближайшая подруга, жена члена парламента миссис Миддл.

— Дорогая! — всхлипывая, сказала Джулия. — Если бы вы знали, как я страдаю! Все эти годы Джордж бессовестно лгал мне! О, если бы был жив мой бедный отец!.. Третьего дня я получила письмо.

«Уважаемая миссис Джулия! Считаю, что настало время открыть вам глаза на горькую для вас правду. Ваш муж, сэр Джордж Герберт Блад, женился на вас из-за денег, прекрасно понимая те выгоды, которые сулит ему родство с мистером Чарльзом Диксоном. Джордж сам признался мне в этом. Но, поверьте, я никогда не раскрыла бы вам тайны, если бы не обстоятельства моей жизни.

Дело в том, что мы с мистером Бладом находились в связи все эти годы. У нас растет сын, Сэмьюэл Питер, которому Джордж дал свою фамилию. О, он обожает мальчугана, балует его, нанял частных учителей, чтобы подготовить его к учебе в закрытой средней школе в Итоне, где учатся отпрыски из самых благородных и богатых семей Великобритании. Он превосходный отец, миссис Джулия, жаль, что вы бездетны и не в состоянии этого оценить...

Но я не могу чувствовать себя счастливой, ибо мне не дают жить угрызения совести. Я истинная католичка, миссис Джулия, и знаю, что Господь сурово накажет меня за обман. Я не могу далее лгать вам и искренне раскаиваюсь в том, что не сказала вам всей правды ранее. С искренним уважением Жозефина де Совиньи».

— Я разведусь с ним! — кричала в телефонную трубку Джулия. — Я оставлю его без гроша! О, он еще ответит за то, как поступил со мной!

Москва, февраль 1911 года

Военный министр Редигер кусал губы. На сей раз прав оказался великий князь, пригласивший на строительство подмосковного аэродрома английского выскочку и авантюриста, который к тому же, как говорят, штатный сотрудник «Интеллидженс Сервис». Николай Николаевич всячески опровергает эти слухи, ну да что ему остается делать? Рейли — его протеже...

Как бы то ни было, строительные работы, которыми руководил Джордж, шли полным ходом. Все без исключения (кроме разве что военного министра, у которого были какие-то свои счеты с Николаем Николаевичем Романовым) были довольны организаторскими способностями Рейли. Да и сам он чувствовал себя в Москве словно рыба в воде.

С частной квартиры в Сокольниках он перебрался на Большую Мещанскую, где жила актриса Художественного театра Милочка Шульгина. Их роман завязался вскоре после приезда Джорджа в Москву, а с начала нового года они жили одной семьей и всюду появлялись вместе.

Так прошли зима, весна и лето...

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Получив телеграмму, я оставил все дела и помчался в Лондон. Перед отъездом Милочка устроила мне истерику.

— Не пушу! — билась она в рыданиях. — Ты не вернешься больше!

Как в воду глядела.

Джулия начала судебный процесс. Она наняла лучших адвокатов, которые, добившись развода, должны были также доказать присяжным, что я не имею никаких прав на фирму «Диксон и сын. Ювелирная торговля».

Старая лиса Чарльз Диксон, мир праху его, черт побери, перед самой смертью втянул меня в авантюру, связанную с южноафриканскими алмазами. Он свел меня с человеком, чье имя я уже слышал однажды в связи с контрабандной поставкой оружия индийским повстанцам в 1896 году. Однако тесть уверил меня, что господин Массино — достойный и богатый джентльмен, пользующийся влиянием в коммерческих и промышленных кругах Британии. Я долго не верил тестю, но в конце концов попался на

удочку, как неопытный мальчишка. Обуреваемый жадой легкой наживы, я, как последний идиот, передал мошеннику все свои деньги. Алмазов, разумеется, не получил. Денег, впрочем, тоже. Господин Массино исчез, испарился с лица земли, оставив меня с носом.

Я очень рассчитывал на фирму «Диксон и сын. Ювелирная торговля», которая согласно завещанию тестя оставалась собственностью моей дражайшей супруги. Кто знал, что Джулия с ее пуританскими взглядами решится на развод!

А во всем виновата эта шлюха, эта грязная развратная девка Жозефина де Совиньи!

Она явилась в зал суда в черной мантилье, словно вдова какого-нибудь испанского гранда. И все то время, пока Джулия публично обливала меня грязью, удовлетворенно усмехалась, бросая на меня косые взгляды. После заседания я направился прямо к ней.

— Чего ты добиваешься? — спросил я Жозефину, кипя от злости и ненависти. — Ты же прекрасно знаешь, что я никогда не признаю твоего незаконнорожденного ребенка своим сыном.

— Мне этого и не нужно, — с издевкой ответила она. — Но я хочу, чтобы ты ответил за все мои страдания...

Дрянь. Клянусь, не будь она женщиной, я набросился бы на нее с кулаками!

Бракоразводный процесс был долгим и скандальным. Газетные писаки сочувствовали Джулии и поносили меня».

Глава 7 СМЕРТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Немного истории

По набережной гуляла праздная нарядная толпа. Высокий юноша, поглядывая на часы, нетерпеливо расхаживал туда-сюда у самого въезда на Ла-

тинский мост. Никто не обращал на него внимания: мало ли молодых людей назначают свидание под часами в самом оживленном месте города. Любимая все не шла... Зато в конце улицы показался блестящий лакированными боками автомобиль, новейшее достижение современной техники. Он медленно катил по направлению к мосту.

В толпе началось оживление: это возвращались с маневров австрийской армии австро-венгерский престолонаследник Франц-Фердинанд и его супруга Софи фон Гогенберг. Сидя на заднем сиденье открытого автомобиля, ее высочество направо и налево раздавала благостные улыбки. Ее августейший супруг приветствовал народ стоя.

Молодой человек, кого-то поджидавший у моста, не торопясь, вытащил револьвер и прицелился.

В оживленном гудении толпы не было слышно выстрелов.

Франц-Фердинанд покачнулся и свалился на борт машины. Софи фон Гогенберг так и умерла с застывшей благостной улыбкой на лице.

Молодого человека схватили. Звали его Гаврила Принцип. Он убил чету Габсбургов 28 июня 1914 года.

Узнав, что Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, русский император Николай II заявил: «...ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии».

Через день Австро-Венгрия объявила Сербии войну.

В России началась всеобщая мобилизация.

В ответ на это 1 августа 1914 года Германия объявила войну России.

4 августа кайзеру Вильгельму II бросила вызов Англия.

Так началась первая мировая война, побоище, растянувшееся на 4 года.

Страны Антанты — Россия, Англия и Франция — совместно с Сербией воевали против Германии и Ав-

стро-Венгрии; впоследствии к союзникам русских присоединились Италия, Румыния и Греция, к их противникам — Турция и Болгария.

Черчилль начал подготовку к военным действиям задолго до их начала. Занимая пост военно-морского министра, он совместно с адмиралом Фишером пересмотрел состояние английского боевого флота. На всех судах были заменены орудия: с 13,5-дюймового калибра англичане перешли на 15-дюймовый. Флот перевели с угля на нефть. Специально для этого была создана англо-иранская нефтяная компания, что позволило снизить пошлины на ввоз топлива. Угрожая отставкой, при содействии министра финансов Ллойд-Джорджа Черчилль вытребовал у правительства дополнительные ассигнования на военно-морской флот в объеме 2 — 2,5 млн фунтов стерлингов.

Англия встретила первую мировую во всеоружии.

Франция, Булонь, июнь 1915 года

— Черт бы их всех побрал! — Джордж стянул с себя нательную рубаху и энергично ее встряхнул.

— Кусают? — сочувственно поинтересовался Эдди Китченер, родственник того самого генерала Китченера, под руководством которого молодой Джордж Герберт Рейли участвовал в суданской кампании.

— Как собаку... — Джордж оглядел свое тело, сплошь покрытое красными пятнами. — Проклятые вши...

— Говорят, они переносят тиф, — озабоченно сообщил Эдди. — Я вообще не понимаю, почему командование не принимает мер по дезинфекции...

— Больше командованию думать не о чем, — пробурчал Джордж, снова натягивая на себя рубаху и гимнастерку. — Где ты видел генералов, которые за-

ботятся о войсках на передовой, словно о собственных детях?

Уловив в этих словах намек на своего двоюродного дядюшку, который теперь занимал в английском правительстве пост военного министра, Эдди промолчал.

— Уф, мерзость какая, — продолжал ворчать Рейли, нахлобучивая на голову защитный шлем. — Сам бы посидели в такой панаме при тридцатиградусной жаре, я бы на них посмотрел...

Вытянув шею, Эдди попытался выглянуть из окопа.

— Интересно, будут они сегодня стрелять?

— А ты как думал? — Рейли тоже приподнялся на локтях и поглядел в ту сторону, откуда ожидали противника.

Словно в ответ на его слова, послышался свист пули.

Джордж пригнул голову и тоже выстрелил.

Пули засвистели одна за другой.

— Ну, наконец-то! — оживился Эдди. — А то у меня уже тело затекло...

— Ложись! — Джордж с силой толкнул его. Лицо Эдди уткнулось в горячую сухую землю. В ту же секунду где-то неподалеку разорвался артиллерийский снаряд. Затем в некотором отдалении другой, третий...

Оглохший от взрывов Эдди, повернув голову и открыв глаза, увидел, как, словно в немом синематографе, его командир подымает вверх правую руку и беззвучно раскрывает рот.

И тут же новые взрывы — уже со стороны английских орудий — вздымают в воздух комья земли, перемешанные со сгоревшей на солнце желтой травой.

И опять свист пуль. Грохот... грохот... грохот... грохот... Эдди казалось, что он сходит с ума. Внезапно молоденький солдатик из нового пополнения, который лежал в окопе с ним рядом, дернулся и упал.

— Макс, — стараясь перекрыть грохот, позвал его Эдди, — Ма-акс!

Он протянул руку и потряс Макса за плечо. Сильнее, еще сильнее... Макс никак не отреагировал. Эдди осторожно перевернул его голову. Правая половина лица Макса превратилась в кровавое месиво. На месте левого глаза зияла дырка. Глазное яблоко на каких-то окровавленных скользких нитках болталось около кончика носа.

Эдди задумчиво потыкал указательным пальцем в дырку и облизал кровь. Потом он аккуратно подложил под голову Макса пригоршню земли и сел. Внезапно ему стало очень весело и он расхохотался. Взглянув на Джорджа, который почему-то отполз на приличное расстояние, Эдди увидел, что капитан что-то ему кричит.

— Конечно, сэр! — весело кивнул ему Эдди и по-обезьяньи ловко выкарабкался из окопа. — Обязательно, сэр!

И он торопливо побежал в ту сторону, откуда неслись немецкие пули и артиллерийские снаряды.

— Стой! — орал ему вслед командир батальона Джордж Рейли. — Стой, болван! Идиот!

Но Эдди не слышал. Он вприпрыжку приближался к вражеским окопам, лавируя между воронками от взрывов.

— Не стреля-ять! — повернувшись к своим солдатам, Рейли скрестил руки над головой. — Не стрелять!

И кинулся вдогонку за обезумевшим мальчишкой.

Немцы усилили огонь.

Джордж бежал пригнувшись, надвинув на глаза защитный шлем, спотыкался, падал, снова подымался, уворачиваясь от пуль и осколков и стараясь не потерять из виду расплывающуюся в дыму и пыли фигурку юного Эдди Китченера. Когда он наконец догнал лейтенанта и схватил его в охапку, в нескольких метрах от них на землю упал очередной немец-

кий снаряд. Небо заволокло дымом. Стало темно и тихо. Крепко прижимая к себе обмякшее тело Эдди, Джордж упал и больше не шевелился.

Немного истории

В октябре 1914 года в войну на стороне Германии вступила Турция. Союзники получили нового противника и новый фронт. В январе следующего года верховный главнокомандующий российских войск великий князь Николай Николаевич обратился к англичанам с просьбой отвлечь силы турок на Ближний Восток, с тем, чтобы ослабить их давление на русские войска в районе Кавказа. Несмотря на скептическое отношение к этой просьбе остальных британских руководителей, Черчилль с энтузиазмом разработал план, согласно которому английский флот должен с боем прорваться через Дарданеллы, подойти к Стамбулу и, взяв город, заставить Турцию выйти из войны.

19 января, не дожидаясь прибытия сухопутного подкрепления, флот начал обстрел турецких укреплений в районе Дарданелл.

Турки упорно сопротивлялись. Англичане вынуждены были прекратить продвижение вперед.

1 марта, когда был предпринят новый штурм, английские корабли неожиданно наткнулись на мины. В несколько минут была потеряна почти половина армии.

25 апреля, когда к операции наконец-то подключились сухопутные войска, в районе Дарданелл появились немецкие подводные лодки. Англичанам пришлось увести свои корабли.

Бесперспективность операции с каждым днем становилась яснее.

Правительство и журналисты связывали этот провал с именем Черчилля. В газете «Морнинг пост», где он когда-то начинал свою деятельность, появи-

лась серия статей под красноречивыми заголовками: «Удивительный дилетант», «Адмирал-дилетант», «Политик против специалиста», «Слишком много Черчилля».

Обстановка в парламенте менялась отнюдь не в пользу военно-морского министра.

В ноябре 1915 года правительством — без участия Черчилля — было вынесено решение об эвакуации английских войск из района Дарданелл. Операция, с которой военно-морской министр связывал серьезные замыслы, провалилась. Из 500 тысяч английских солдат и офицеров, принимавших в ней участие, 43 тысячи были убиты, попали в плен, пропали без вести или умерли от болезней.

В новом коалиционном правительстве Черчиллю не нашлось места. Он подал в отставку и попросился в действующую армию добывать себе военные лавры.

«Все домашние и прислуга, — вспоминает лорд Бивербрук, — собрались провожать солдата — государственного деятеля, который стоял, опираясь на саблю. Наверху, на лестнице, плакал Эдди Марш, его верный секретарь... Еще выше — леди Рандольф в полном отчаянии от мысли о том, что ее блестящий сын направляется в окопы. Казалось, что госпожа Черчилль единственная оставалась спокойной, собранной и деловитой».

Лондон, сентябрь 1915 года

Военный министр Китченер поднял на лоб очки.

— Сэр, — в его голосе звучало недоумение, — вы в самом деле не сообразили, что капитан Блад — это тот самый сэр Блад, Джордж Рейли, который оказал немало услуг военной разведке и «Интеллидженс Сервис»?

Главнокомандующий английскими войсками во Франции генерал Френч развел руками:

— Представьте себе, нет, сэр... Мне и в голову не приходило, что этот блестящий офицер станет скрывать свое прошлое... Зачем это ему?

— Он странный человек... — пояснил Китченер. — Начал было делать карьеру в военной разведке — тогда я с ним и познакомился, — бросил... Долгие годы работал на «Интеллидженс Сервис» — оставил... Говорят, занимался коммерцией... не знаю... я потерял его след...

— Слышал, он был дружен с Черчиллем, — вспомнил Френч.

— Возможно, — кивнул военный министр. — А я сразу понял, что человек, который спас моего племянника из огня, — это тот самый Блад-Рейли.

— Но зачем он напросился на передовую? Ничего не понимаю... Ведь его способности можно было бы использовать с гораздо большей пользой...

— Вот и используйте, — наставительно сказал Китченер. — Он уже вышел из госпиталя?

— Да...

— И передайте ему мою личную благодарность, а также сообщите, что приказом командования он награжден орденом Святого Георгия.

— Да, сэр...

Френч направился было к выходу, но у дверей замешкался и снова повернулся к министру:

— А, кстати, как ваш племянник?

Китченер помрачнел.

— Увы, — тяжело вздохнул он. — Врачи пока ничем не обнадеживают. Они говорят, слишком глубокая контузия. Эдди вряд ли когда-нибудь станет нормальным человеком...

— Простите, сэр... — тихо сказал Френч и вышел.

Немного истории

«Когда Черчилль высадился на французском побережье в Булони, там его уже ожидала личная машина главнокомандующего. Френч принял гостя с рас-

простертыми объятиями, устроил в его честь роскошный обед и обращался с ним так, будто его друг все еще был членом военного кабинета. На следующий день главнокомандующий спросил у Черчилля, что бы он хотел делать в армии, «Все, что прикажут», — ответил тот. Френч предложил Черчиллю командование бригадой. Это означало, что он получил бы звание бригадного генерала и командовал соединением, насчитывавшим 4 тысячи человек. Черчилль охотно принял предложение. Поскольку, однако, он не имел опыта военной службы в условиях первой мировой войны, он справедливо рассудил, что ему следует хотя бы в течение месяца побыть на передовой в более скромном чине и приобрести некоторый военный опыт. Черчилль высказал пожелание пройти стажировку в гвардейской дивизии. Его просьба была удовлетворена».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

Франция, 15 ноября 1915 года

— Слушаюсь, герр Шуманн! — откозырял лейтенант артиллерии Карл Бухвальд, недавно прибывший из Берлина вместе с новым пополнением. — Я могу идти?

— Подождите, лейтенант, — полковник Шуманн аккуратно завязал тесемки на папке с бумагами, засунул документы в стол и тщательно его запер. Ключ полковник положил в карман мундира. — Я тоже иду. Хочется немного прогуляться. Наконец-то кончилась эта слякоть...

Вообще-то полковник был против внеслужебных отношений с младшими по званию. Но лейтенант Бухвальд был исключением. Он привез с собой письмо от кузины Ганса фон Шуманна Греты Волковой, урожденной баронессы фон Раушенбах, живущей в Петербурге.

«Это ужасно, дорогой кузен, сознавать, что мы с вами оказались разделенными линией фронта, — пи-

сала Грета. — Видит Бог, как я хотела бы очутиться теперь в родном Бремене, в нашем уютном старом доме, где мы с вами в детстве так любили по вечерам, при свете свечи, когда все кажется таинственным и призрачным, мечтать о том, что станется с нами, когда мы вырастем большими. Помните, как пылко бросились вы передо мной на колени и воскликнули: «Грета! Милая Грета! Когда-нибудь я обязательно женюсь на тебе!» О, как это было давно...

Вы так и не создали семью, дорогой кузен, а я так несчастлива в браке! Мой супруг страдает всеми пороками сразу. Он пьяница и развратник, предпочитающий общество падших женщин семейному очагу. Теперь еще, когда моя любимая родина, моя Германия, оказалась втянутой в эту войну, муж возненавидел меня лишь за то только, что я немка! О, почему вы не выполнили своего детского обещания, друг мой?!»

Сентиментальный фон Шуманн судорожно сглотнул и перевернул страницу.

«...знаю обо всем от тетушки Гретель, но не решалась ранее написать вам.

Герр Бухвальд был здесь инкогнито, с миссией от военной разведки. Это замечательный человек, мой друг. Узнав, что он едет во Францию, что, возможно, встретится с вами, я передала ему письмо в надежде, что вы все-таки прочтете его. Берегите себя, дорогой Ганс! Я молю Бога, чтобы наконец кончилась эта война и вы остались живы и невредимы. Быть может, мы еще встретимся... Мысли об этом придают мне силы. Знайте же, я (зачеркнуто). Ваша бедная кузина Грета фон Раушенбах».

Погруженный в свои мысли, полковник молчал. Герр Бухвальд, не осмеливаясь нарушить его раздумий, шагал рядом. Приятно было после долгой и слякотной осени вдыхать легкий морозный воздух первых зимних дней.

— Как она выглядит? — вдруг тихо спросил полковник.

Лейтенант сразу понял, о ком идет речь.

— Она... — он немного замялся, не желая ни лгать, ни огорчать полковника правдой.

— Постарела... — без слов понял его фон Шуманн. — Еще бы... Столько лет прошло... — он поднял глаза к небу, словно пытаясь сосчитать годы, пролетевшие со дня их последней встречи. — Мы ведь с ней ровесники... А виделись в последний раз, когда нам было по двадцать... Бог мой! Почти тридцать лет назад... А она была хороша, несказанно хороша... Я любил ее всю жизнь...

Он снова тяжело вздохнул и, посмотрев на лейтенанта, встретил взгляд, полный понимания и сочувствия. Это еще больше расположило полковника к господину Бухвальду.

— А как вы с фрау Гретой познакомились? — заинтересовался Шуманн. — Давно ль?

— О да, герр полковник. Я приехал в Россию пятнадцать лет назад в качестве помощника военного атташе в германском посольстве. Господин Волков занимал тогда высокий чиновничий пост в министерстве иностранных дел. Мы довольно часто встречались с ним по службе и на официальных приемах. Как-то раз он привел с собой фрау Грету. Она показалась мне удивительно умной и образованной женщиной, и мы сразу прониклись друг к другу расположением. Я всегда удивлялся, как может она терпеть такого грубого и пошлого человека, как ее супруг. Ей так одиноко с ним и вообще в этой варварской стране...

— Бедная Грета... — глаза полковника наполнились слезами.

Бухвальд почтительно замолчал. Он понимал чувства герра Шуманна. Несколько минут они снова шагали в полной тишине. Наконец полковник глухо кашлянул и обратился к Бухвальду:

— Надолго ли вы к нам?

— Как решит командование. У меня не ограничен срок командировки. Все зависит от того, как удастся справиться с поставленной передо мной задачей подготовки разведчиков для работы в тылу врага в оперативных условиях.

На другой же день герр Бухвальд с рвением взялся за порученное ему дело. Днем он работал с солдатами, а вечера, как правило, проводил с полковником фон Шуманном, с которым сошелся довольно близко благодаря далекой петербургской кухне господинна Шуманна, урожденной баронессе фон Раушенбах.

Так прошел месяц.

Однажды полковник пригласил приятеля к себе, чтобы, как водится, повспоминать о лучших днях и обсудить насущные вопросы оперативной разведки в тылу врага.

— Пива? — предложил он гостю.

Обычно Бухвальд отказывался, ссылаясь на нездоровую печень, но на этот раз согласился. Под пиво беседа пошла еще лучше, воспоминания стали ярче, и светлый образ баронессы фон Раушенбах был на время заслонен многочисленными образами кратковременных подруг полковника и лейтенанта. К сожалению, господин Бухвальд не мог, как это случилось, засиживаться допоздна: необходимо было передать из штаба шифрованное донесение в Берлин, где интересовались ходом его работы. Проводив гостя, герр Шуманн почувствовал непреодолимую тягу ко сну. Он с удовольствием растянулся на кровати и провалился в мир грез и сновидений.

Проснулся он гораздо позже обычного. Отчего-то трещала голова. Настроение было отвратительным. Одевшись, герр Шуманн вопреки обыкновению велел подать автомобиль, хотя в другие дни предпочитал прогуляться пешком.

Войдя в кабинет, полковник едва не лишился дара речи: из ящика его стола, где хранились важнейшие документы, касающиеся боевых действий против англичан на территории Франции, торчал ключ. Но педантичный до мелочности полковник точно помнил, что вчера запирает стол и прятал ключ в нагрудный карман мундира. Он бросился к столу. Все бумаги исчезли.

Когда полковник предстал перед военным трибуналом, его спросили, почему он был так уверен в том, что лейтенант Бухвальд действительно привез ему письмо от кузины? Писала ли Грета Волкова, урожденная баронесса фон Раушенбах, ему раньше? Был ли он знаком с ее почерком?

На эти вопросы полковник фон Шуманн ответил отрицательно.

Его должны были расстрелять, но, учитывая прежние заслуги, разжаловали в солдаты. Он просидел в окопах до конца войны.

Франция, январь 1916 года

Целую неделю Рейли добирался из немецкого тыла до своих. Ему пришлось прошагать пешком несколько десятков километров. Выбравшись с занятой немцами территории, он с омерзением скинул мундир, сжег документ на имя Карла Бухвальда и, переодевшись в захваченное с собой гражданское платье, стал похожим на какого-нибудь ремесленника. Так он пробирался через передовую, рискуя каждую минуту быть убитым своими или немцами.

Командир гвардейского корпуса генерал Уотсон встретил разведчика, как родного сына.

— Я доложу командованию, — захлебывался от восторга генерал. — Вас представят к награде! Какая смелость! Какая дерзость! Но как вам удалось расположить к себе Шуманна?

— Я был знаком с его кузиной в Петербурге, сэр, — устало ответил Джордж. — Удивительно неприятная дама, настоящая бургерша. Бр-р... — он поежился при одном воспоминании. — И, как все немцы, дико сентиментальна... Рассказывая мне о своем двоюродном брате, она заливалась слезами... А все остальное, сэр, дело техники. Немецким на письме я владею не хуже, чем в устной речи...

Сэр Уотсон ликовал. Конечно же, начальство, узнав об операции, блестяще проведенной Рейли, отметит и скромные заслуги самого генерала. Это будет кстати, ибо командующий Френч в последнее время не доволен действиями гвардейского корпуса.

От избытка чувств Уотсон пригласил Рейли вместе пообедать.

Прямо теперь, сию минуту.

Джордж не отказался.

— Да, кстати, — вспомнил сэр Уотсон, разрезая бифштекс. — Вы еще не знаете последних новостей. Поверите ли, в нашем корпусе служит Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, бывший министр военно-морского флота.

— Не может быть!

— Представьте себе, — подполковник любовался произведенным эффектом. — После провала Дарданельской операции он подал в отставку и теперь стреляет в окопах на передовой.

Джордж отложил вилку в сторону.

— Сэр, — воскликнул он, — что значит судьба! Это приятель моей юности, мы не встречаемся годами, но во время военных действий наши пути обязательно скрещиваются. Могу ли я просить вас об одном одолжении?

— О чем угодно, друг мой, о чем угодно...

— Где теперь господин Черчилль?

— Вы хотите его видеть? О, в таком случае у меня для вас есть сюрприз. Знайте же, он с минуты на минуту будет здесь. Я послал за ним машину. Очень

хочется посмотреть на такого популярного и скандального человека.

В столовую вошел дежурный офицер.

— Сэр, — обратился он к Уотсону, — разрешите доложить: только что приехал лейтенант Флинт. Он просил передать, что не смог выполнить вашего поручения: на полдороги спустило колесо, и лейтенант вынужден был вернуться обратно.

— Как? — расстроился генерал. — А господин Черчилль?

Дежурный офицер развел руками.

— Черт возьми! — Уотсон стукнул кулаком по столу. — Извините, мистер Рейли, как видите, сюрприза не получилось.

Джордж, предвкушавший встречу с другом, тоже был огорчен.

— А что, если... — внезапно пришла ему в голову идея, — что, если я сам пойду на передовую?

— Как? — изумился генерал. — Когда?

— Прямо сейчас, если вы позволите, сэр... — Рейли решительно поднялся из-за стола.

— Но... но может быть, подождете до завтра? Зачем вам месить грязь в окопах? И вообще там стреляют...

— Неужели? — иронично усмехнулся Джордж. — Господин генерал, война есть война. Как знать, может, Винни завтра уже не будет в живых...

Уотсон немного подумал.

— Передайте лейтенанту Флинту, — сказал он дежурному, — если неполадки устранены, пусть отвезет господина капитана к расположению батальона.

— Благодарю вас, — сердечно отозвался Джордж.

«Как-то Черчилль получил приказ явиться к командиру корпуса. Ему сообщили, что на перекрестке дорог, примерно в пяти километрах от места расположения батальона, будет ожидать автомобиль, который дос-

тавит его в штаб корпуса. Основательно помесив грязь и наконец добравшись до условленного места, Черчилль никакого автомобиля там не обнаружил. Лишь через час появился связной офицер, который сообщил, что автомобиль загнали по ошибке в другое место, что теперь уже все равно поздно являться к генералу и что вообще это дело неважное, так как генерал просто хотел побеседовать с ним и посмотреть на него. Черчилль был взбешен, и его негодование нарастало по мере того, как он пробирался по грязи обратно на передовую. Там же его встретили словами, что он счастливый человек. Оказывается, после его ухода немецкий снаряд ударил прямое укрытие, где обычно находился Черчилль, и разрушил его до основания. Таким образом, Черчиллю еще раз повезло».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

— Да, сэр, Господь сохранил вас, — сказал пожилой солдат, закуривая папиросу, — а вот вашего приятеля убило...

— Какого еще приятеля? — насторожился Уинстон.

— Который в автомобиле приехал, незадолго до того, как вы вернулись. Он был в форме капитана, сэр. Видно, дело у него было важное, раз под пули не побоялся полезть. Он был очень смелый человек, сэр... Ему показали ваш блиндаж. Он пошел туда, а в это время снаряд, сэр...

— Да кто это? — встревоженный Черчилль бросился к воронке, образовавшейся на месте блиндажа. Около нее валялось изувеченное тело человека в военной форме. У трупа не было обеих ног. Одна из них торчала из грязи метрах в десяти от места взрыва.

Уинстон перевернул мертвое тело лицом к себе. И обмер.

— Джордж... — прошептал он потрясенно. — Джордж, старина... Зачем ты...

По лицу скандального политика и будущего премьер-министра, которому через пятьдесят лет поставят памятник перед английским парламентом, о котором напишут сотни книг еще до его смерти, по лицу одного из самых видных государственных деятелей двадцатого века Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля текли слезы. И он не прятал их. Последний раз Винни плакал в далеком детстве.

Тело Джорджа не стали отвозить в Англию: у него не оставалось там ни родных, ни друзей. Его похоронили здесь же, в окрестностях Булони. Надпись на могильном камне скромно извещала:

*«Здесь покоится Джордж Герберт Блад (Решу).
1874 — 1915 гг.
Мир праху его!»*

Во время второй мировой войны наступающие фашистские войска сровняли эту могилу с землей.

3. ЗИГМУНД РОЗЕНБЛЮМ, НЕЗАКОНПОРОЖДЕННЫЙ

«Локкарт в своих «Воспоминаниях...» рассказывает, что Рейли — это житель Одессы, носивший в прошлом фамилию Розенблюм».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

«Он родился в 1874 году, вблизи Одессы, незаконный сын матери-польки и некоего доктора Розенблюма, который бросил мать с ребенком, после чего очень скоро она вышла замуж за русского полковника...»

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

«Крики отчаяния доносятся до нас от тысяч евреев, страдающих в Вашей обширной империи... Пять миллионов подданных Вашего Величества стонут под игом исключительных и ограничительных законов. Остатки нации, откуда вышли религии — наша и Ваша, и вообще всякая религия на земле, признающая единого Бога... подчинены в Вашей империи таким законам, при которых жить и преуспевать невозможно...»

(Из петиции, присланной русскому царю Александру III лондонцами — участниками митинга в защиту российских евреев, 1890 год.)

Глава 1 СЧЕТЫ С ЖИЗНЬЮ

Киев, 1890 год

— А еще я пишу роман о Батенькове, — важно сказал Зигмунд.

Нина внимательно склонила голову, отчего цветы на ее шляпе закачались, словно живые.

— Так, стало быть, ты сочинитель? — мягко улыбнулась она. — Впрочем, кто в твои лета не грешил литературными упражнениями и не мнил себя Пушкиным или Толстым!

Зигмунд собрался было обидеться, но не успел, потому что женщина спросила:

— А кто он такой, этот Батеньков?

— Декабрист, — юноша сразу простил ей снисходительный тон. — Конечно, он не настолько известен, как Пестель или, допустим, Лунин, но его личность во многом не оценена...

— Ой, сколько горячности! — рассмеялась Нина. — Похоже, ты и вправду увлечен своим Батеньковым и прочел много книг...

Они прогуливались по Крещатику, неторопливо, как и прочие горожане, совершающие променады. Со стороны поглядеть — ничего особенного: молодой человек старшего гимназического возраста и молодая, хорошо сохранившаяся дама, подруга матери молодого человека. Однако сердце у Зигмунда замирало при мысли о великой тайне, соединяющей его с Ниной.

— Заключенный в каземат Петропавловской крепости, — горячо продолжал он, — Батеньков оставил замечательные записки, в которых высказал свое мнение по ряду философских, исторических и политических вопросов... Писал он в предчувствии скорой гибели и не знал, что ему предстоит провести в неволе ни много ни мало двадцать лет...

Нина склонила голову, так, чтобы шляпа прикрывала лицо, и потихоньку зевнула. Ей не хотелось обижать мальчика, но, видит Бог, до чего же скучные вещи его занимают! А ведь совсем недавно ей так нравились его пылкость и увлеченность. Да, Зига страстен и искренен, но порой ставит ее в неловкое положение. Да и вообще эту связь пора прекращать. Вот и Поль вчера подтрунивал над Нининым чрезмерно юным поклонником...

— Все, что ты знаешь, так интересно, так познавательно, — женщина подняла голову, и цветы на шляпе снова закачались в такт ее шагам. — Но, Зига, дорогой, мне, к великому сожалению, пора домой. Знаешь, по-моему, — она понизила голос, — муж что-то начинает подозревать. А он ревнив, милый, страшно ревнив, как истинный мавр...

Зигмунд недоверчиво посмотрел на Нину. При всем богатстве фантазии он не мог представить в роли Отелло ее супруга, пожилого добродушного чиновника.

— Ой, я опаздываю! — тайная возлюбленная гимназиста взглянула на крошечные часики, приколотые булавкой на груди. Время и в самом деле поджимало: через десять минут ей надо быть в кофейне Миллиотти, где назначено randevu с Полем. — Прощай, мой дорогой! Огромный привет Варваре Людвиговне! — крикнула Нина уже на бегу, изящно придерживая рукой подол платья.

— До свиданья... — растерянно пробормотал ей вслед юноша и уныло побрел домой, размышляя про себя о загадочной и прихотливой женской натуре. Но молодой аппетит взял верх над минутными огорчениями, и Зига решил заглянуть в кофейню Миллиотти, чтобы подкрепиться и развеяться.

Он толкнул стеклянную дверь, прозвенел колокольчик над входом, но звонче колокольчика был смех, такой знакомый, дразнящий смех Нины. Она

сидела за столиком, интимно склонись цветами на шляпе к устроившемуся рядом Пухлякову, а Павел Иванович, слащаво улыбаясь, пожимал Нинину руку и что-то шептал ей на ушко.

Кровь бросилась Зигмунду в голову. В мгновение ока он оказался рядом с их столиком, что-то пронзительно крича об обмане, измене и ревнивце-муже. Юноша плохо соображал, что делает, но в воздух уже летели чашки и пирожные. Из-за занавески вынырнул перепуганный хозяин. Нинино лицо стало презрительно-холодным. А Павел Иванович Пухляков медленно подымался во весь свой гвардейский рост и заносил для удара пудовый кулак.

Из носа Зиги хлынула кровь, голова резко качнулась назад, но Пухляков придержал его за грудки и ударил снова — сильно, точно, умело. От боли у гимназиста потемнело в глазах, но теперь он отчетливо слышал крики со всех сторон, словно вернулось потерянное на миг сознание.

— Так его, сопляка! — одобрительно восклицал чей-то уверенный бас.

— Но он же совсем ребенок! — взволнованно выражал встревоженный женский голос.

— Медам, месье, — суетился хозяин кофейни, — какая неприятность, прошу успокоиться и покинуть заведение, скандалы мне ни к чему, сей же час придет полиция...

— Дурак! — крикнул Зига в лицо Павлу Ивановичу. — Она обманет тебя так же, как и меня!

Глаза Нины сузились, губы искривились в усмешке, но она ничего не сказала.

— Молчи, щенок! — Пухляков сопровождал каждое слово весьма чувствительными ударами. — Как смеешь ты оскорблять честь дамы?! Молокосос, жидовский ублюдок, байстрюк!

Эти слова были нестерпимы, они жалили, как осы. Зига рванулся, ворот гимназического кителя за-

трещал. Ничего не видя, он бросился вон из кофейни. Стеклопанная дверь хлопнула за спиной, жалобно звякнул колокольчик.

Всхлипывая и размазывая по лицу кровь, он брел по парку. Нет, после такого невозможно жить на свете! Ненавистный Павел Иванович не только увел у Зигмунда женщину — он прилюдно ислестал его, как мальчишку. Но всего страшнее был позор, заключавшийся в словах «жидовский ублюдок» и «байстрюк».

Теплый, идиллический мир, в котором жил до сих пор Зига, рухнул в один миг, растоптанный сапогами этого солдафона. Смыть подобные оскорбления можно только кровью.

Где лежит браунинг отчима, в доме Вишневских знали все. В кабинете Александра Львовича, в правом верхнем ящике стола. Даже входить в кабинет полковника детям строжайше запрещалось. Однако Зиге, как самому старшему, Вишневский однажды показал оружие...

Пригород Одессы, 1874 год

— Нуте-с, барышня, как ваше здоровье? — Григорий Яковлевич взял в руки стетоскоп. — Надеюсь, морской воздух совершил чудо, на которое не способна медицина, и ваши легкие в полном порядке. Не дышите... Так... В чем дело, Варенька? Я же просил — не дышать...

Баська тяжело вздохнула и залилась слезами.

— Что такое? Что случилось? — всполошился доктор. — А, милочка, просто нервишки расшались. Нужно держать себя в руках. Тем более что здоровью вашему ничто больше не угрожает.

— Ох, Ежи... я... я... — Баська всхлипнула, придерживая обеими руками расстегнутое на спине платье. — Я беременна...

— Шутить изволите? — Григорий Яковлевич снял и тщательно протер носовым платком пенсне. — Ты уверена? — спросил уже другим тоном.

Пациентка закивала, стараясь удержаться от рыданий и с надеждой глядя на доктора.

— Та-ак, — он мерял шагами кабинет, — когда у тебя последний раз были месячные?

— В январе еще, — еле слышно прошептала девушка, кусая губы, чтобы не расплакаться вновь.

— Ну-ну, будет, — поморщился Григорий Яковлевич. — Не люблю, знаешь, женских истерик. Что ж, это не смертельно. — Он склонился над столом и что-то написал на бумажке неразборчивым медицинским почерком. — Вот направление к моему коллеге. Он хороший гинеколог, опытный. Срок у тебя еще вполне подходящий для аборта.

— Нет, Ежи, нет! — Баська прижала кулаки к щекам. — То есть грех для католички. Убийство... Нет!

— Какой же выход вы видите, барышня? — доктор иронически смотрел на нее сквозь стеклышки пенсне. — Рожать для католички не грех? А может быть, вы рассчитываете, что я женюсь на вас?

— Матка Бозка... — девушка торопливо застегивала платье. — Я думала, вы честный человек, доверилась вам, а вы... Не беспокойтесь, пан, больше я вас не потревожу...

Она утерла слезы и выбежала из кабинета в приемную, где доктора Розенблюма терпеливо дожидались другие больные, страдающие слабыми легкими.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Сегодня я твердо решил умереть. Н. мне неверна, это не подлежит сомнению. Ее новый любовник публично унизил меня, оскорбив физически действием и раскрыв тщательно скрываемую тайну моего рождения. Я и сам узнал этот секрет совсем не-

давно, случайно подслушав разговор матери с папá... точнее, с отчимом моим. Отчим укорял ее за то, что она обманула его, выдавая себя за вдову военного, чем тронула сердце рубаки-полковника, за то, что не сказала правду — что она всего-навсего брошенная любовником девица с незаконно прижитым ребенком. Маман плакала, умоляла простить, заклинала папá... точнее, Александра Львовича здоровьем детей, моих сводных братьев и сестер. Если я уйду из жизни, они все вздохнут с облегчением.

Но как мне убить себя? Добровольно расставаясь с миром людей, следует обдумать это важное событие до мелочей. Отравиться? Боже правый, это не-серьезно, я же не горничная Параша, выпившая в прошлом году уксусной эссенции! Соседи вовремя обнаружили несчастную, ее спасли, но она навсегда осталась искалеченной. Следовательно, метод этот не только глуп, но и недостаточно эффективен. Повеситься? Этот способ относительно надежен и доступен, однако мне рассказывали, будто бы в момент агонии у повешенных или повесившихся наблюдается ряд чисто физиологических безотчетных проявлений. Я не особый эстет, но почему-то не желаю, чтобы мое незащитное тело нашли оскверненным мочой, спермой и калом. Можно, конечно, не мудрствовать и вскрыть вены... Но уединиться в нашем доме и произвести подобную операцию без свидетелей крайне затруднительно. Найдут — спасут, а что я скажу маман, как объясню свой поступок? Остается одно-единственное средство...»

Киев, 1890 год

Зигмунд закрылся в своей комнате. Собрал все листки с записями о декабристе Батенькове, сложил их в папку и крупно вывел на ней: «Из незаконченных произведений».

Вынул из англо-русского словаря фотографическую карточку Нины, три месяца назад украденную им из альбома маман, в последний раз взгляделся в некогда дорогие черты. Но прежнее очарование исчезло, средних лет женщина смотрела с карточки, улыбаясь двусмысленно и фальшиво. Зига взял ножницы и изрезал толстый картон в куски. Остатки Ниной улыбки он запечатал в конверт, немного подумал и надписал сверху адрес мужа подлой изменницы, такого же, в сущности, обманутого человека, каким Зигмунд чувствовал себя.

— Сынок! — в дверь постучала мать. — Время обедать. Спустись в столовую, пшепрашам, Александр Львович волнуется, не заболел ли ты, уж очень ты бледен, сынок...

После некоторых колебаний Зига открыл дверь и, стараясь выглядеть непринужденно, вышел к столу. Увидев его, отчим успокоился, и Клаша подала раскисник в большой фарфоровой супнице.

Перед десертом, сославшись на занятия, Зига извинился и встал. Прежде чем навсегда покинуть столовую, он оглянулся, стараясь запечатлеть в памяти нехитрое семейное счастье — во главе стола полковник, напротив — маман, сестры и братья...

Кабинетик Александра Львовича был не заперт. Зигмунд выдвинул верхний правый ящик письменного стола и нащупал браунинг. Спрятал оружие в карман домашней куртки и неслышно проскользнул к себе. Прикоснуться к рукоятке браунинга было волнующе-приятно. Зига подошел к зеркалу и приложил дуло к виску. Криво усмехнулся собственному отражению. Из зеркала смотрел долговязый гимназист с испуганными черными глазами. Коротко остриженные волосы не скрывали оттопыренных ушей. Как, должно быть, смеется над ним сейчас Ниночка вместе со своим Павлом Ивановичем!

— Ублюдок, байстрюк, — сказал себе Зигмунд

Розенблюм, — ты просто смешон. — И нажал курок.

«Близ станции Ивантеевка сошел с рельсов грузо-пассажирский состав. Жертв и пострадавших нет, исключая дойную корову, пасшуюся неподалеку и раздавленную вагоном. Причиной аварии специальная комиссия считает недосмотр со стороны стрелочника А. Сидоренко».

(Из газеты «Железнодорожный вестник», март 1890 года.)

«В атмосфере праздничного подъема встретили прошедшее Рождество жители местечка Кишинев. В канун праздника в лавках и магазинах шла оживленная торговля милыми рождественскими подарками. Подобно библейским волхвам, кишиневцы преподносили друг другу, брат брату, супруг супруге скромные дары, идущие от самого сердца, сопровождая дарения поздравлениями».

(Из газеты «Бессарабские ведомости», январь 1891 года.)

«На пост московского генерал-губернатора назначен Великий князь Сергей Александрович. Его Высочество намерен очистить первопрестольную столицу от нежелательных элементов — бродяг беспаспортных и прочих подозрительных лиц. Возблагодарим Всевышнего за то, что в Москве будет, наконец, наведен порядок. Великий князь известен своею исключительною набожностью и воинским усердием».

(Из журнала «Восход», сентябрь 1891 года.)

«Неурожай в приволжских губерниях вызывает тревогу у общественности. Значительно сократился вывоз пшеницы из России. Уменьшился сбыт товаров. На международных торгах упал курс русского рубля. Стране срочно требуются иностранные кредиты. Однако представители банкирского дома Ротшильдов

наотрез отказались каким-либо образом участвовать в этом займе».

(Из газеты «Независимый коммерсант», апрель 1892 года.)

Киев, 1890 год

Над самым ухом оглушительно щелкнул курок.

— Осечка! — сердито сказал Зига. — Безобразие, у военного — и оружие в таком состоянии.

Он потряс браунинг и снова нажал на спусковой крючок. Рука дернулась, пуля ударилась в зеркало, из рамы посыпались осколки. В комнате едко запахло дымом.

Зигмунд засмеялся. Он хохотал и хохотал, сам не зная почему. И не мог остановиться ни тогда, когда к нему вбежала трясущаяся мать, ни когда отчим с усилием разжимал его пальцы, чтобы вынуть оружие.

Приехал доктор, вколол успокоительное. Просыпаясь, Зига видел над собой склоненное лицо матери со страдальчески сведенными бровями.

— Почему? Зачем? Зачем ты сделал это, сынок? — спрашивала она и молилась, пугая польские и русские слова.

Спустя несколько дней Вишневский сухо сказал пасынку:

— Я не желаю больше слышать выстрелов в своем доме. Вы уже находитесь в том возрасте, когда необходимо определяться в жизни. Отправляйтесь учиться или лечиться — мне все равно.

— Для этого нужны деньги, — дерзко сказал вполне оправившийся после «несчастливого случая» Зигмунд.

Полковник положил на стол ассигнацию:

— Я оплачу дорогу. Остальное, будьте любезны, зарабатывайте самостоятельно.

Зига небрежно сунул купюру в карман.

— Куда? Не пущу! — повисла на нем плачущая мать.

— Да вы не рыдайте так, маман, — юноша оторвал от себя руки Варвары Людвиговны. — Ничего со мной не случится. Я еду к отцу, — он покосился на Александра Львовича, — к своему настоящему отцу.

Незаконченный роман о Батенькове Зигмунд с собой не взял. Конверт с обрезками фотографической карточки Нины выбросил на ближайшей помойке. С прошлым было покончено. Смешно и грустно было вспоминать недавние страдания.

Одесса, 1891 год

Доктор Розенблюм был, кажется, ошеломлен внезапным появлением сына. Покашливая, долго вглядывался в худого чернявого юношу.

— Мне от вас ничего не нужно, — с непривычной для себя развязностью сказал Зигмунд. — Хотелось повидать родителя, не более того. Я, если интересуетесь, уезжаю учиться за границу. Кстати, у вас не найдется некоторой суммы займа?

Григорий Яковлевич поморщился от такого явного вымогательства, но денег все-таки дал. Зига немедленно откланялся. Глядя ему вслед, доктор вздохнул: еще один самонадеянный юнец отправляется завоевывать мир.

Покупая билет, Зигмунд назвал по девичьей фамилии матери — Зелинским. Ни Вишневским, ни Розенблюмом он себя отныне не ощущал. Довольно! Новую жизнь надо начинать с новым именем.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Третий месяц я за границей. Издалека жизнь здешняя кажется более привлекательной. Германия, пропитанная бюргерским духом, мне не

понравилась. Во Франции все спит, кроме Парижа. Но для столичной жизни мне не доставало средств. Единственный плюс — постоянная языковая практика. Одно дело изучать немецкий или французский по книгам и словарям и совсем другое — попасть в среду, где твой одесский акцент вызывает, по меньшей мере, недоумение. Сейчас нахожусь в Англии. Века господства над целым миром привили британцам истинное достоинство. Уроженцы маленького островного государства распространились по всем континентам и всюду чувствуют себя как дома. Если у кого и следует чему учиться, то именно у англичан... Но деньги у меня подходят к концу и нужно возвращаться домой. Я решил продолжать образование в Киевском университете. Старик Розенблюм расчувствуется, когда узнает, что, следуя по его стопам, я стану учиться на медика, и снова даст мне денег...»

Глава 2 ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА

«В загородной гостинице доведенный до отчаяния студент М. застрелился сам и смертельно ранил свою любовницу, скончавшуюся по дороге в лечебницу в карете «скорой помощи». Безутешный вдовец, на руках которого остались дети тринадцати, восьми и пяти лет, утверждает, что ничего не знал о роковом романе неверной супруги».

(Из газеты «Новое время», ноябрь 1890 года.)

«Русский философ Владимир Соловьев составил протест антисемитизма в русской печати и собрал в Москве и Петербурге более ста подписей ученых и писателей. Среди них — В. Короленко, К. Тимирязев, Л. Толстой. В протесте говорится: «Усиленное возбужде-

ние племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувство справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала нашей жизни. Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитское движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России».

(Из газеты «Таймс», январь 1891 года.)

«В последнее время на улицах наших городов можно все чаще видеть странных особ в мужских панталонах. И тем не менее эти существа не являются лицами мужского полу. Однако и дамами назвать их я бы затруднился. Именующие себя суфражистками женщины словно бы задались целью опорочить прелестнейшее создание Всевышнего и опротестовать законы самой Натуры. Они коротко обстригают кудри, курят папиросы и не стесняются в крепких выражениях, а также, как указано выше, присваивают себе право носить предметы сугубо мужского туалета. И все это, с позволения заметить, из принципиальных соображений. Неужто дамы полагают, будто подобным странным образом добьются уравнивания в правах с противоположным полом?! В таком случае беру на себя смелость рекомендовать им употребление горячительных напитков».

(Из сатирической газеты «Пчелка», май 1892 года.)

«Состояние здоровья Его Императорского Величества еще более ухудшилось и определяется медиками как критическое. Но и находясь перед ликом Предстоящего, Государь сохраняет спокойствие и бодрость духа, украшающие истинного христианина. Е. И. В. жалеет лишь о том, что великие свершения на благо и во славу России, начатые Им, не будут завершены, и

упоает на то, что Его Высочество наследник престола станет достойным преемником Александра III».

(Из газеты «Ялта», октябрь 1894 года.)

Киев, 1894 год

Зига пересчитал оставшуюся наличность. Катастрофа! Доктор Розенблюм прислал пространное письмо, в котором, после жалоб на нездоровье и дороговизну, сделал приписку: «Чуть было не забыл... На обещанные мною сто рублей не рассчитывай. Пациенты разъехались на воды, и в текущем месяце я сам без копейки. Но чуть позже, мой дорогой мальчик...»

— Старый сквальджник! — Зигмунд в сердцах бросил на стол родительское послание. — У самого небось на черный день припрятано кое-что... Терпеть не могу эти жидовские штучки!

Больше помощи ждать было неоткуда. Полковник Вишневский аккуратно выплачивал пасынку по двадцать рублей ежемесячно и оставался глух к просьбам Варвары Людвиговны хоть немного увеличить содержание, ссылаясь на скудость средств и на то, что остальных детей кормить-поить надо.

А долги росли, и кредиторы нажимали со всех сторон.

Зигмунду пришлось сменить квартиру на более дешевую, и теперь он ютился в одной комнате с общарпанной мебелью и протекающим потолком. Попробовал было давать частные уроки, но ученики попадались, как на подбор, тупые и неспособные к языкам. Пришлось плюнуть на эту затею, чтобы не транжирить попусту время и нервы. Занялся журналистикой, но киевские газеты неохотно печатали заметки студента университета и к тому же платили настолько мизерные гонорары, что их едва хватало на пропитание...

— Розенблюм! Эй, очнись! — занятый своими мыслями, он даже не понял сначала, что зовут именно его.

— Зига!

На противоположной стороне бульвара стоял модно одетый молодой человек и оживленно махал рукой.

— Станислав! — ахнул Зигмунд, узнав в разряженном франте своего гимназического приятеля Мессинга. — Ты откуда?

Приятели расцеловались.

— Кричу тебе, кричу, а ты и не слышишь, — смеялся Станислав. — Все в облаках витаешь?

— Какое там! Просто меня так давно никто не называл, — стал оправдываться Зигмунд. — У меня теперь другое имя.

— Вот оно что! И позвольте полюбопытствовать: как вас теперь величать?

— Зигмунд Зелинский, студент медицинского факультета, с вашего позволения, — шутливо раскланялся Зига.

— Пренебрег, значит, фамилией папаши... А заодно и отчима... Стало быть, теперь ты католик, как и Варвара Людвиговна?

— Я атеист, — изрек Зигмунд. — Утверждаю как медик, что души у человека нет и ее выдумали попы, раввины и ксендзы.

Оба рассмеялись.

— Да что мы тут стоим? — спохватился Мессинг. — Пойдем посидим где-нибудь, поболтаем... Столько времени не видались...

— Да я вообще-то... — замялся Зелинский.

— Возражения не принимаются! — Станислав взмахнул тростью, останавливая извозчика. — Я угощаю.

Мессинг университетов не кончал. Через год после выпускного класса гимназии поступил на службу к знакомому своего отца, к некоему Мандроховичу,

нажившему немалое состояние на коммерческих сделках с Великобританией и Францией. Вчерашний гимназист выказал такую деловую хватку и усердие, что очень скоро патрон стал доверять ему важные поручения, которые Станислав с блеском выполнял. Мессинг уже переехал в роскошную квартиру на Крещатике и даже подумывал, не жениться ли ему на одной из дочерей Мандроховича и не сделаться ли компаньоном будущего тестя.

— Ну, молодец, — не без зависти сказал Зигмунд. — А я, к сожалению, не могу похвастать успехами...

— Вот уж никогда не думал, что ты будешь бедствовать, — заметил Мессинг, выслушав историю однокашника. — Могу ссудить тебе некоторую сумму. Хочешь?

— Нет! — решительно отказался Зелинский. — Я и так в долгах, как в шелках. Еще в одно ярмо влезать...

— Не упрямясь! — Станислав достал новенький кожаный бумажник и отсчитал несколько червонцев. — Я буду чувствовать себя оскорбленным, если ты не примешь от меня помощи. В конце концов, мы с тобой не чужие друг другу... И потом: твои неурядицы когда-нибудь закончатся и ты сможешь вернуть долг. А пока воспользуйся случаем и рассчитайся с кредиторами. Кроме того... Хочешь заработать? Я порекомендую тебя в одно семейство... Его глава занимает важный пост в городской управе, но теперь тяжело заболел и не подымается с постели. Жена... О, она намного моложе своего супруга, прелестна, как ангел, и к тому же, кажется, не очень глупа. Есть еще двое благовоспитанных детишек...

— За заботу спасибо, но нет! — запротестовал Зигмунд. — Я по горло сыт учениками... Лучше уж в пасть к крокодилу!

— Да ты просто несносен! — Мессинг воздел руки в шутовском отчаянии. — Не торопись отказывать-

ся от своего счастья. Если я говорю, что детки благовоспитанные, значит, так оно и есть. Нет, правда, они ребята смышленные и довольно послушные и не станут тебя донимать, как прежние твои ученики. Но самое главное — платить тебе там будут больше, чем где-либо в другом месте. Уж я об этом позабочусь.

— Ты-то здесь при чем?

— Во-первых, я прихожусь им дальним родственником, десятая вода на киселе, но все же... Во-вторых, однажды помог своему четвероюродному дядюшке благополучно выбраться из очень неприятной ситуации. Впрочем, это коммерческие тайны, о которых я предпочитаю не распространяться. Короче, желаешь ты или не желаешь, но завтра же мы зайдем к ним и все решим... А сейчас давай забудем обо всех делах, — Станислав поднял бокал. — И выпьем за прекрасных дам. Ты кого предпочитаешь — блондинок или брюнеток?

«Он женился на богатой вдове, видимо, ускорив, с ее помощью, смерть ее мужа».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Киев, канун нового, 1896 года

— Умоляю, только не здесь и не теперь, — Ольга пугливо покосилась на дверь спальни. — В любую минуту может явиться горничная...

— Не бойся, милая, — Зигмунд положил на туалетный столик массивный ключ. — Сюда никто не войдет.

— Нет-нет, — слабо сопротивлялась Ольга. — Машенька, Митя... А вдруг проснется муж?

— Оленька, радость моя, — жарко дыша, Зелинский расстегивал на ней платье, — любимая моя... Евстафий Макарыч спит. Спит! И проснется не ранее завтрашнего утра. Я дал ему снотворного... А дети

сейчас лягут. Набегались так, что спать будут без задних ног... Ну прошу тебя, я сгораю от нетерпения...

— Я не могу... Зига! Я приду к тебе потом... Ах, нет! Ну поцелуй же меня! Крепче, еще крепче! Вот так... О Господи! Что ты со мной делаешь? Я твоя раба... Ты совершенно подчинил меня своей воле...

— Только, пожалуйста, не кури, — попросила она потом, когда они нежились на прохладных шелковых простынях. — Ты же знаешь, если кто-то почувствует в моей спальне запах дыма...

Зигмунд вздохнул и послушно потушил папиросу.

— Ах, Оля, Оля, — он поднес к губам ее тонкую белую руку. — Да любишь ли ты меня? Все боишься себя скомпрометировать... Право же, твои опасения напрасны. Никто ни о чем не догадывается.

— Но вдруг?..

— Не думай о дурном. Я заметил: происходит как раз то, чего боишься и о чем постоянно думаешь.

— Вольно же тебе так рассуждать, — Ольга сдвинула тонкие брови. — Какой меня ждет позор, если все откроется... Скандал, развод... Дети... Ах! — женщина закрыла лицо руками.

Зелинский погладил ее по распущенным волосам.

— Не надо, Оленька, успокойся...

— Но ведь ты не оставишь меня? — она порывисто обняла любовника. — Не бросишь? Даже поруганную, опозоренную...

— Конечно же нет! Ну и глупости приходят порой в твою хорошенькую головку, — Зигмунд поцеловал женщину в висок.

— А помнишь, как Стасик привел тебя к нам? — вдруг засмеялась Ольга. — Худого, плохо одетого, неуверенного в себе... И как ты смутился, увидев меня! Признавайся — я тебя напугала?

— Нет, — Зига улыбнулся. — Ты была ослепительна и просто подавила меня своим великолепием.

— А что ты тогда подумал про меня? — с нежным кокетством спросила женщина.

— Оленька, я сто раз говорил тебе об этом...

— А ты повтори еще разок!

— Я подумал, что никогда не буду достоин такой красавицы.

— Это правда? — глаза у Ольги сияли. Зигмунда не раз поражала в ней эта резкая смена настроений. — Тебе и в голову не приходило, как все может обернуться...

— Не приходило...

— А Стасик? — вдруг снова напряглась женщина. — Он ни о чем не догадывается? Знаешь, когда он приходил третьего дня, то так странно на меня посмотрел...

— Ничего удивительного, — Зелинский с трудом удерживал раздражение. — Мессинг сам влюблен в тебя без памяти.

— Да? — снова кокетливо улыбнулась Ольга. — Он говорил тебе об этом?

— Нет, не говорил, но я знаю. Послушай, Оля...

— Тс-с-с... — женщина приложила палец к губам. — Кто-то идет по коридору. Шаги приближаются... Боже мой!

Ольга побледнела. Зигмунд схватил рубаху и начал лихорадочно одеваться.

В дверь постучали.

— Барыня! — послышался снаружи встревоженный голос горничной. — Проснитесь! Беда!

Ольга вскочила и подбежала к двери.

— Что? Что такое, Глаша?

— Барину худо, хрипит... Должно, помирает...

— Ах, Господи! — женщина одними глазами показала Зиге на шкаф. Он ужом скользнул в приоткрытую дверцу и притаился между платьями.

Ольга торопливо накинула капот и схватила ключ с туалетного столика.

— Иду, иду, — она с трудом отомкнула старин-

ный замок. — Глаша, немедленно пошли за доктором! О Господи... За что мне такие испытания?

Через несколько минут Зелинский крадучись вышел из спальни Ольги Нерейнской и осторожно, стараясь не шуметь, на цыпочках спустился в свою комнату, любезно предоставленную ему хозяевами. Туфли он нес в руках.

«Не так давно мне подарили книгу с экслибрисом Сиднея Дж. Рейли. Экслибрис подтвердил мое мнение о высокой степени романтичности его автора. На фоне скал, поросших густолиственными деревьями, изображен некий вариант Георгия Победоносца, сражающего дракона. Победоносец здесь — юный рыцарь. А на все происходящее умильно смотрит томная дева, явно ждущая рыцаря».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

Киев, сентябрь 1896 года

— Это невыносимо! — рыдала Ольга поздней ночью в комнате учителя своих детей. — С каждым днем муж становится все капризней, все подозрительней... Я понимаю, это не он, а его болезнь. Но Евстафий меня совсем не щадит! День-деньской я должна сидеть подле него. Никуда не могу пойти, ко мне перестали ездить приятельницы... Я вечно занята! То он требует, чтобы я читала ему вслух, то просит спеть, то вдруг хнычет, как маленький... Я измотана до предела и больше не могу!

— Оля, Оленька, ты должна смириться...

Зигмунд устал от бесконечных Ольгиных жалоб, истерик и резкой смены настроений. Измученная женщина, не замечая того, вела себя по отношению к любовнику точно так же, как больной Евстафий Макарыч по отношению к ней самой. Теперь Ольга устраивала Зелинскому сцены за позднее возвращение домой и длительные отлучки, требовала, чтобы

он отчитывался за каждую минуту своего времени и рассказывал ей обо всем, чем занимается. И если она, не дай Бог, случайно слышала женское имя, то мгновенно теряла голову от ревности. От былых опасений, что кто-нибудь может узнать о ее тайной связи с учителем Машеньки и Мити, не осталось и следа. Теперь, кажется, весь Киев судачил об этом скандальном адюльтере, и Зигмунду приходилось уговаривать Ольгу вести себя не столь демонстративно. Но Нереинская не внимала голосу разума.

К счастью, скоро все должно было закончиться, притом самым естественным образом. Зелинский наконец получил диплом. Несмотря на свое горячее желание остаться в Киеве, он понимал, что в такой двусмысленной ситуации лучше покинуть город. Тем более что возможность такая была вполне реальной. Доктор Розенблюм, донельзя гордый тем, что его единственный, хоть и внебрачный, отпрыск все же пошел по стопам отца, предложил Зигмунду приехать в Одессу и разделить с ним врачебную практику.

— Ты бросишь меня? — узнав о планах любовника, вознегодовала Ольга. — Ты оставишь меня... здесь... одну... После всего, чем я пожертвовала ради тебя! О какой же ты подлец! Негодяй!

— Оля, давай поговорим спокойно, — Зелинский заранее готовил себя к бурной сцене. — Мы любим друг друга, в этом нет сомнения. Но сколько может так продолжаться? Я не могу и не хочу быть приживалом в твоём доме. Довольно зарабатывать частными уроками! В конце концов, у меня законченное университетское образование, я профессиональный медик... И еду не на авось, не на пустое место, а к родному отцу, который поможет мне встать на ноги. А там... Грех, конечно, загадывать вперед, но, вероятно, изменится и твое положение...

Лицо женщины исказила гримаса.

— Ты ждешь кончины моего мужа, — презритель-

но усмехнулась она, — чтобы жениться на мне? Так знай же, что после смерти Евстафия Макарьча я стану слишком богата для того, чтобы тащиться за тобой на юг, как декабристка...

— Декабристки, Оля, последовали за мужьями в Сибирь, в острог...

— Не вижу никакой разницы! Твоя грязная Одесса ничем не лучше острога! Я никуда не поеду! Кроважный негодяй, убирайся прочь из моего дома! — не помня себя закричала женщина, указывая на дверь.

— Оля, прошу тебя... По крайней мере, тише... К чему устраивать скандал?

— Вон! Убирайся! Мерзавец! — Ольга забилась в истерике. — Я... я порядочная женщина! А ты... ты...

Зигмунд схватил стоящий на столе кувшин и вылил на любовницу всю воду.

Нереинская замолчала, тяжело дыша.

— Дорогая, я хотел сказать тебе...

— Не говори ничего! — Ольга схватила его за руки. — Зига, милый, прости, я злая, нехорошая, мучаю тебя... Но, поверь, это только от любви! Я умру без тебя... Обещай, что не оставишь меня... Ты ведь женишься на мне, правда?

— Да-да, Оля. Но Бог посылает нам испытание...

— Испытание? Нет, я не вынесу... Не уезжай, умоляю! Поклянись, что женишься на мне...

— Оленька...

— Клянись! Перед иконой клянись!

Зигмунд перекрестился.

— А Евстафий умрет, — женщина тихо заплакала, целуя руки любовника. — Он скоро умрет... завтра...

— Что ты такое говоришь? Оля, ты в горячке, ты нездорова...

— О нет! Я в своем уме... Я чувствую это, чувствую...

Ушла она лишь под утро. Зига, усталый и измученный, растянулся на постели. Но, несмотря на все

переживания нынешней ночи, уснуть не мог. Господи, до чего истерична Ольга! Бдения у одра больного мужа совсем расшатали ее нервы. Ей бы на воды, на курорт... Зачем-то заставила его поклясться перед иконой! Впрочем, клятва эта ничего не значит: он, Зигмунд, вообще не верит ни в иудейского, ни в христианского Бога. С другой стороны... После смерти Евстафия Макарыча Ольга станет наследницей всего его состояния. По крайней мере, муж уверил ее, что так написано в завещании. А капиталы у Нереинского очень и очень немалые. На такие деньги можно безбедно прожить до старости, да еще детям останется... Кстати, о детях. Митя и Машенька славные ребята. И привязаны к нему, как к родному. Женившись на Ольге, Зигмунд, разумеется, их не оставит, как не оставил его самого полковник Вишнеvский. Но, в конце концов, семья на то и семья, чтобы о ней заботиться...

Но почему Ольга так уверена, что муж скоро умрет? Зигмунд вдруг вскочил и принялся нервно расхаживать по комнате. Конечно, он тяжело болен и его кончина ни для кого не станет неожиданностью, но все же... Откуда она знает, что это произойдет... завтра? Неужели...

Зелинский замер на месте, пораженный внезапной догадкой.

Не может быть! Но... Зачем же она так дотошно выпрашивала, как действует то или иное лекарство на больное сердце Нереинского? Нет, Оля на такое не способна... Она истерична, ревнива, но не злодейка из романа...

Не в силах больше мучиться сомнениями, Зигмунд зажег свечу и потихоньку поднялся наверх. Здесь все было тихо. Он толкнул дверь в спальню Ольги. Подошел к ее ложу. Она безмятежно спала, волосы рассыпались по подушке, щеки были румяны от недавних слез...

Зелинский вслушался в ее ровное дыхание и, успокоенный, вернулся к себе.

«После тяжелой и продолжительной болезни в возрасте пятидесяти семи лет скончался в собственном доме действительный статский советник в отставке, почетный гражданин Киева, член городской управы Евстафий Макарович Нерейнский».

(Некролог из газеты «Киевские вести», 28 сентября 1896 года.)

1979 год

Москва, пункт приема вторсырья
№ 398/2

— ...никуда не брали на работу, — Эдик отлебнул пива из горлышка. — Папашин фронтовой друг посодействовал. Он большая шишка. Без него бы мне сюда не попасть. Знаешь, какой блат нужен!

— И здесь блат? — изумилась Вика.

— А ты как думала? Это золотое дно. Люди такие деньги делают в других пунктах... Во-первых, сидят на дефиците. Налево толкают с наценкой. Книжные абонементы, опять же... Ну, и всякие фокусы с этим барахлом, — он небрежно пнул ногой узел с тряпьем. — Вот так-то, милая...

— И ты тоже этим занимаешься? — недоверчиво спросила девушка.

Эдик хмыкнул:

— Если б я занимался такими штучками, давно бы уже был не здесь. Получил бы денежки — и тютю куда-нибудь подальше. «Мой адрес не дом и не улица...» Мир велик.

— Уехать хочешь?.. — голос у Вики дрогнул.

— А кто меня выпустит? — безнадежно вздохнул Бодягин. — И куда? Фамилия у меня мамина, а национальность папина. А в Израиле нужно наоборот. Германия закрыта. Штаты — даже смешно думать. Вот если бы жениться на иностранке... Но макулатуру они не сдают...

Вика почувствовала себя уязвленной.

— Ты что, мог бы вот так, без любви?..

— Да это же фиктивный брак! Что, первый день на свете живешь, не слышала? Я просто троих-четверых знаю, которые так свалили. Платишь ей здесь где-то тысячу зеленых, а там спокойно разводишься... И получаешь полную свободу от жены и от КГБ. И потом живи, где хочешь, без всякой прописки, в любой стране, на любом континенте.

Вика молчала. Эдик, не замечая этого, продолжал:

— Кстати, в «Континенте» была недавно статья про наших за бугром. Все классно устраиваются. И смотрят на них, как на героев. Вот, например, Синявский... Или Щаранский... Тебе вообще хоть что-то говорят эти имена?

— Нет, — холодно ответила Вика.

— Ну, ты даешь! — возмутился Бодягин. — Зарылась в свои архивы и ничего вокруг не видишь. Разве можно быть такой равнодушной, бесчувственной, аполитичной?

— Зато я не торгую своим достоинством! — запальчиво выкрикнула девушка. — И не собираюсь платить тысячу долларов за то, чтобы на мне женился какой-то иностранец!

— Ну и не плати, тем более что у тебя все равно их нет! — в свою очередь завелся Эдик. — И сиди в своем советском говне, если на большее фантазии не хватает! — он постучал себя по лбу. — Пионерочка... Что тебе в голову вдолбили, в то ты и веришь!

— И верю! Это моя страна, и я от нее не собираюсь отказываться!

— Ага! Как в том анекдоте, — подхватил Бодягин, — про патриотов. Вылезает глистеныйш из задницы: «Мама, смотри, как красиво! Солнышко, небо, травка! Почему мы не можем жить тут все время? Почему мы все время сидим в жопе, где грязно, темно и воняет?» А мамаша затаскивает его обратно: «Здесь наша родина, сынок!» Вот и ты так же...

Вика оскорбленно поднялась, демонстративно захлопнула «Блокъ-ночь» и бросила его на стол. Перекинула сумочку через плечо и захлопнула за собой дверь.

— Дура! — запоздало крикнул Эдик ей вслед. — Это же теоретический спор!

Глава 3 ЖЕЛТАЯ ЗАРАЗА

*Встань, и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой, и закрепи во взорах
Присохший на стволах, и камнях, и заборах
Остывший мозг и кровь комками: то — они...*

(Из поэмы Х. Н. Билика «Сказание о погроме».)

«Попытки вызвать сферы на какое-нибудь проявление осуждения погромов или хотя бы на выражение жалости к пострадавшим дарованием им денежной помощи потерпели полную неудачу. Между тем авторитетное слово или действие в этом направлении... уничтожили бы прочно засевшее у многих и утвердившееся после погрома убеждение, что такого рода расправа населения с его исконными врагами — дело полезное с государственной точки зрения и удобное властям».

(Из воспоминаний С. Урусова, кишиневского губернатора.)

«Еврейская улица до Кишинева и после Кишинева — далеко не одно и то же... Позор Кишинева был последним позором. Затем Гомель... Скорбь еврейская повторилась еще беспощадней прежней — но срам не повторился».

(Из статьи В. Жаботинского о создании еврейских отрядов самообороны.)

Одесса, сентябрь 1903 года

— Я окончу свои дни здесь, — Григорий Яковлевич снял и протер пенсне, — но ты... Ты должен уехать отсюда, пока не поздно!

— Ах, папа! — Зигмунд с грустью заметил, как постарел отец. — Погромы — это, конечно, ужасно, но какое отношение они имеют ко мне?

— Ты думаешь, если ты взял фамилию матери и женился на русской женщине, то перестал быть евреем?! — на морщинистой шее доктора дернулся кадык. — Они, — он потыкал пальцем куда-то в стену кабинета, — они до всего докопаются, они узнают, чей ты сын... И тогда... Уезжай, на другой конец света уезжай!

— Но, папа, как я могу уехать? Митя и Маша учатся в Киеве, Ольга ни за что не бросит родной город, мои деловые интересы не позволяют отлучиться даже ненадолго...

— Вот видишь, — не удержался от упрека Розенблюм-старший, — не удержался от упрека Розенблюм-старший, — не изменил бы ты медицине, мог бы в любой момент собрать манатки и сняться с места. Лекари, знаешь ли, всюду нужны — и в Европе, и в Америке. А чем ты сейчас занимаешься, если не секрет?

— Лесом, — не слишком охотно ответил Зигмунд.

— Откуда в Киеве лес? — удивился Григорий Яковлевич.

— Ах, папа, — сын не удержался от улыбки, — я всего лишь посредничаю в экспортных операциях.

— Гм, лес, — доктор пожевал губами. — У меня есть один давний пациент и старый друг... Так вот, он служит в фирме у самого Грюнберга и недавно говорил мне, что они ищут человека, который представлял бы фирму на Дальнем Востоке. Он мог бы составить тебе протекцию...

— А что, это любопытно, — после некоторой паузы отозвался сын. — Не близко, правда, но Грюнберг — это имя!

— Так ты согласен? — обрадовался Григорий Яковлевич. — Тогда я сегодня же отправлюсь с визитом к Карлу Ивановичу!

Зигмунд не мог, да и не хотел открывать отцу всей правды. Он согласен был уехать куда угодно. И не от погромов, а от жены. Ольгина истерия с годами развилась в самую настоящую болезнь. Хорошо бы передохнуть от нее хоть недолго. Разумеется, при условии, что его примут в фирму Грюнберга. На Дальний Восток жена за ним определенно не последует. Отказалась же она когда-то переехать в Одессу!

— Отшень карашо, што фы флатеете ясыками, — строго сказал Карл Иванович, принимая Розенблюмов на следующий день. — К тому же у фас есть опыт ф нашем деле. Заполните фот эти бумажки. Я немтленно снесусь с каспотиним Грюнбергом.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«С годами все больше убеждаешься, как немного нужно человеку для счастья. Вот я смотрю из окна во двор — там мужики «забивают козла», соседка вешает свежестыранное белье... Самая обычная картина. Как сужается мир к старости! А в юности, помнится, я мечтал о дальних странах, об опасностях и приключениях. Сейчас так ноет нога, что прогулка в сквер для меня — романтическое путешествие. А когда случается выбраться за город, на дачу Петровича... Ах, проклятый возраст! Было, было время, когда я был легок на подъем, и пересечь половину земного шара казалось много проще, чем терпеть ревнивые сцены жены. Где я только не побывал, чего не видывал! Тогда можно было позволить себе отмахать враз сотню километров — мне и тридцати не исполнилось. Сколько человеческих лиц я перевидал за свою долгую жизнь! И кого только среди них не было... Помню одного карточного шулера,

который страшно берег свои руки. Иначе, утверждал К., надо менять профессию, не сможешь почувствовать карту, ее масть и достоинство. Пальцы у него были белые, длинные, нежные, кисти гибкие и подвижные, как у хирурга или пианиста.

— Руки, — любил он говаривать, — это мой хлеб.

Я смотрел на него и думал: «Господи, это надо быть безумцем, чтобы тратить жизнь на подобные глупости». Мне нравилось работать до одурения, чтобы видеть результаты своего труда. Конечно, приходилось иной раз лукавить и даже обманывать людей, но только в интересах дела. Но передергивать в игре... К. плохо кончил — его поймали на мухлеже и жестоко избили партнеры. Он чуть не умер от побоев, но больше всего горевал, что остались искалеченными руки — жизнь лишилась смысла...»

Порт-Артур, ноябрь 1903 года

Англичанин сдал.

— Пас, — сказал Зигмунд.

— Раз, — пророкотал Базиль.

— Тоже пас, — фальцетом пропел Ханс Ханссон.

— И я пас, — деловито кивнул англичанин. — Иг-
райте, сэр Бэзил.

— Черви козыри...

Зигмунд играл не ради денег и не из азарта. Он зарабатывал достаточно, слава Богу, за этим сюда и приехал. А игрецкий азарт — штука опасная, легко увлечься и потерять голову. Видел он заядлых картежников: жалкое зрелище. Среди его партнеров нет таких, все играют ровно и сильно. Прекрасное времяпрепровождение: одновременно отдых и тренировка ума. К тому же где, как не за карточным столом, завязываются перспективные деловые отношения?

Взять, к примеру, Базиля Захарова. Толстый смуглый грек откуда-то из Балаклавы. Но на сколько ка-

ратов тянет бриллиант у него на пальце? Говорят, его дед, Захаропулос, был простым рыбаком. А сэр Бэзил, британский подданный, оказывающий услуги королевскому дому, ворочает миллионами, строит военные корабли. Стоит ему шевельнуть бровью — и сотни людей в разных странах с ног сбиваются, выполняя его распоряжения. Что привело его сюда, на задворки мира? Неужели слухи о предстоящей войне?

Ханс Ханссон тоже не последняя фигура в Порт-Артуре. Представитель датской западно-азиатской компании, которая чем только не занимается! Он не раз уже намекал, что такого опытного специалиста, как Зелинский, датчане не прочь переманить к себе, но Зигмунд предпочитал отшучиваться. Ханссон-то и свел его с Захаровым.

Четвертый, англичанин, был темной лошадкой. Здесь, в Порт-Артуре, все знали друг друга наперечет, но кто такой этот Джордж Рейли и зачем прибыл на Квантунский полуостров, не было известно никому. Скорее всего, военный, так почему-то решил Зигмунд. Даже в штатском выправку не спрячешь. Наверно, войны все-таки не миновать...

— Не везет мне сегодня, — пропыхтел Базиль. Вынул бумажник и тщательно отсчитал купюры. На оливковом лице — детское выражение обиды. Наверно, потому и стал миллионером, что знает счет каждой копейке.

Джордж невозмутимо принял деньги. Спрятал их во внутренний карман пиджака, откланялся и ушел.

— Странный тип, — заметил Ханссон, как только за англичанином закрылась дверь. — Играет так, будто испытывает нестерпимую скуку. Мне зевать хотелось, на него глядя. А потом смотрю — я в минусах. Может быть, это шулер-гастролер?

— Мне так не показалось, — покачал головой Зелинский. — Игра была чистая: Этот Джордж — великолепный психолог. И очень наблюдателен. Скорее

всего, он и выигрывал все время за счет проницательности и хорошо развитой интуиции.

— Бросьте гадать попусту, — Захаров смирился с проигрышем и снова впал в привычное добродушие. — Рейли — разведчик. Профессионал высокого класса. И здесь он находится по делам службы. Уж я-то в курсе, можете мне поверить. Затевается бо-ольшая игра, и ставки в ней будут самыми высокими.

Заговорили о предстоящей войне.

— Азиаты коварны, — высказался датчанин. — Они ловко используют разногласия, существующие между крупнейшими европейскими державами, и под шумок обделяют свои делишки. Когда-нибудь, господа, если их не остановить, желтая зараза распространится по всему миру.

— Надеюсь, японцы не рискнут ввязаться в войну с Россией, — заметил Зигмунд. — Слишком уж неравны силы. Мы — огромная могучая империя, а они...

— Император Николай терпеть не может японцев, — возразил Базиль. — И не упустит случая поднять их на русские штыки.

— Не это развяжет конфликт, — голос Ханссона сорвался на фальцет. — Вот вы, к примеру, сэр Бэзил, продаете Японии корабли и вооружение...

— Разумеется, — пожал плечами Захаров. — Я деловой человек, а не политик. Но при чем тут я?

— Из-за вас война и начнется, — удовлетворенно подытожил датчанин. — Простите, сэр Бэзил, я не имел в виду лично вас, я излагаю принцип.

— Что же, Ханс, прикажете мне отказаться от выгодных сделок? — возмущенно пропыхтел Захаров. — Так я рискую разориться по вашей милости.

— А по моему мнению, — примирительно сказал Зелинский, — всему виной немцы. Всюду они суются со своими интересами. Вы заметили, сколько в городе появилось этих колбасников? Втравят Россию в войну, и снова расстановка сил в Европе изменится в их пользу.

Дружно поругали немцев.

— У них свой человек при дворе Николая, точнее, в его спальне, — конечно, Захаров довольно неделикатно намекал на императрицу Александру Федоровну, которую в России никто не любил, исключая разве что ее венценосного супруга.

— А я надеюсь на здравый смысл и ум моей соплеменницы и ее доброе влияние на сына, — подхватил Ханссон, в свою очередь обиняком упоминая вдову Александра III Марию Федоровну, дочь датского короля. — Но если война все-таки начнется, что вы будете делать, господин Зелинский?

— Пойду на фронт, — пожал плечами Зигмунд. — Это мой врачебный долг. Я ведь по образованию медик.

— Это никуда не годится, — нахмурился Базиль. — Мы не допустим, чтобы нашего друга отколошматили япошки. Верно, Ханс? Вы, кажется, предлагали ему покровительство датской короны и своей фирмы? Соглашайтесь, милый... Бросайте своего Грюнберга и позвольте нам о вас позаботиться...

Зелинский был растроган. Приятно все-таки, когда партнеры по игре — порядочные люди.

«Японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артура. По получении о сем донесения... Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии...»

(Из «Высочайшего Манифеста» Николая II
от 27 января 1904 года.)

«Закончив свой учебный курс на дому, престолонаследник Николай сдал выпускные экзамены отцу — экзаменатору не очень грамотному, но строгому — и тут же был за успехи поощрен: велено было собираться в кругосветное путешествие.»

Из балтийской эскадры выделен в распоряжение 22-летнего «туриста» крейсер «Память Азова». Даны в сопровождение греческий наследный принц Георг (Джорджи) и несколько молодых гвардейских офицеров... Конечная цель поездки — Япония.

Шли морями и океанами с октября 1890 по апрель 1891 года. До Японии добрались благополучно. А 23 апреля в городе Отсу путешествию кладет конец инцидент: во время торжественного проезда русского наследника в коляске-дженришке по узким улицам из рядов японской охраны внезапно выбегает полицейский Сандзо Цуда, выхватывает из ножен саблю и наотмашь бьет Николая по голове. Сабля только скользнула, подоспевший Георг Греческий предотвратил новый удар. Николай отделался небольшой раной и коротким испугом. На этом и закончился познавательный рейс по белу свету. Не отдав «визитной карточки» в Токио (вопреки просьбам русского посла в Японии Д. Е. Шевича), Николай с забинтованной головой поспешил через Киото на знакомую палубу, куда вскоре явился с извинениями сам микадо. Под эскортом броненосной эскадры, вызванной из Владивостока, «Память Азова» со своими пассажирами вскоре причалил к родным берегам.

Некоторые современники отмечали, что удар сабли оставил шрам не только на темени, но и в душе престолонаследника и был замечен потом, когда он стал императором».

(Из книги М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз».)

«Император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно... Он придерживался мнения о японцах как о нации антипатичной, ничтожной и бессильной, которая может быть уничтожена одним щелчком российского гиганта».

(Из «Воспоминаний» С. Витте.)

«Потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов. Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали все, что можно было предпологать. На то, значит, воля Божья».

(Из дневника Николая II.)

Порт-Артур, январь 1904 года

— Я не умру, Зигмунд, не умру? — Захаров трусил вслед за Зелинским, придерживая забинтованную руку. — Моя бедная жена! Она этого не перенесет...

— Успокойтесь, Базиль, ваша жизнь вне опасности, — успокаивал его Зелинский. — А то, что вы потеряли некоторое количество крови, не может вам повредить, учитывая вашу комплекцию и склонность к апоплексии.

— Друг мой! Вы спасли меня от гибели! — патетически воскликнул миллионер. — Я в неоплатном долгу.

— Да будет вам! — с досадой сказал Зигмунд. — Любая медицинская сестра перевязала бы вам руку. А выбрались мы благодаря вашему кошельку.

— Нет-нет! — протестовал Захаров. — Если бы не вы, меня не было бы уже в живых. И никакие деньги не помогли бы.

Через несколько километров беглецам удалось нанять автомобиль, и теперь они все дальше уносились от почти полностью разрушенного Порт-Артура. В бумажнике Зелинского лежало удостоверение, свидетельствующее о том, что он директор датской западно-азиатской компании и подданный нейтральной Дании. Но Зигмунд не слишком полагался на этот документ — в военной неразберихе человеческая жизнь не стоит ни гроша. Когда кругом гре-

мят взрывы и свистят пули, никто не станет разбираться в том, кто ты такой и на чьей стороне. Гораздо больше он рассчитывал на покровительство всемогущего грека. Пустяковая рана, полученная Базилем буквально накануне падения Порт-Артура, сослужила ему, Зиге, неплохую службу.

Через неделю, сидя в купе Восточного экспресса, они со смехом вспоминали недавние приключения. Захаров угощал Зелинского дорожущими сигарями и называл своим лучшим другом.

— Не торопитесь давать телеграмму жене о том, что вы здоровы и невредимы, — похохатывал Базиль. — Пусть наши супружницы немножко поволнуются, это освежает отношения. А мы тем временем... О-о! Я обещаю вам роскошные приключения с шикарными дамами! Поверьте мне, мы это заслужили после всего, что пришлось пережить.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Б. немного утомителен в своей благодарности. Но, ей-богу, я рад, что мы с ним сблизились. Для дельца такого размаха он, в сущности, очень славный и добрый человек. Любит жизнь во всех ее проявлениях и, что называется, умеет жить. Еще бы, при его-то капиталах! В таком жуировании и ничегонеделании есть своя прелесть, и я воспринимаю все это как каникулы после напряженной работы последних лет. Какой-то бесконечный праздник с шампанским, цветами, ласковыми и любезными дамами не слишком строгих правил и угодливыми лакеями на каждом шагу. Кстати сказать, Б. не слишком щедр на чаевые, но персонал как-то нутром чувствует, что он за особа, и так и рвется ему услужить. (Ко мне же прислуга относится с прохладцей, независимо от размера чаевых.) Зато с прелестницами мой друг не настолько скуп — и не остается внакладе. Иной раз мне чудится, будто окружающие искренне любят

его, но потом я вспоминаю, что вся загвоздка в колоссальном состоянии Захарова — и все очарование миготом рассеивается. Дал телеграмму в Киев, чтобы не беспокоились домашние. Написал, что задерживаюсь в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Ольга сошла бы с ума и устроила мне дикую сцену, если бы знала, что эти обстоятельства зовутся прекрасной Пепитой. О Господи! Теперь, когда я знаю ее, я понимаю тех мужчин, которые бросают к ногам женщин все, чем владеют, — деньги, карьеру, семью, самую жизнь... Сегодня между нами произошло решающее объяснение. Я сказал ей все. И ждал ответа, как приговоренный ждет помилования. Весь дрожал... А потом услышал ее дивный низкий голос с характерным испанским присюсюкиванием:

— Вы говорите странные вещи, сеньор Зелинский. Я не всегда понимаю, что именно вы имеете в виду. Может быть, вы растолкуете мне это чуть позже... часов эдак в семь?

Это означает свидание. Господи, я волнуюсь, как мальчишка. Никогда ничего подобного...»

Париж, февраль 1904 года

— Тебе хорошо, Зигмунд? — пророкотал Захаров.

— Я так благодарен тебе, Базиль, — Зелинский смотрел в окно гостиничного номера, где переливался праздничными огнями вечерний город. — Поверишь ли, мог прожить всю жизнь в будничных трудах и заботах и не узнать, что можно жить иначе.

— Ну вот и умница, — едва не всхлипнул от умиления чувствительный грек. — Тебе хорошо, и я счастлив, что хорошо моему другу. Что я еще могу для тебя сделать? Ты только скажи!

— Ничего, Базиль. Мое счастье так огромно, так абсолютно, что к нему ничего нельзя добавить.

— Ты говоришь, как поэт, Зигмунд. Это потому, что ты влюблен, — пропыхтел миллионер. — Как я тебе завидую, если бы ты знал. Я уже не способен увлечься безотчетно, до потери рассудка.

— Почему? Отчего такой цинизм?

Захаров пожал плечами.

— Слишком хорошо мне известно, что почему продается и покупается, — с некоторой грустью заметил он. — Поэтому я никому и ни в чем не верю.

— Не все измеряется деньгами, — тихо возразил Зелинский. — Есть чувства, есть вещи, есть люди... Наверно, ты слишком богат, вот в чем дело. И твое состояние стоит, как непреодолимая стена, между тобой и всем остальным миром. Будь ты победнее, смог бы оценить простые радости жизни...

— Ты прав, мой друг, — Базиль серьезно смотрел на Зелинского своими темными, выпуклыми, как сливы, глазами. — Когда я был зеленым мальчишкой без гроша за душой, улыбка какой-нибудь красавицы в рваной юбчонке доставляла мне больше счастья, чем сейчас — любезные авансы светских дам. Ну да это время не вернешь! Пока, Зигмунд, до завтра! И дай Бог, чтобы завтра ты был так же влюблен, как сегодня!

Он помахал смуглой рукой и исчез за дверью. А Зелинский отправился на очередное свидание с Хосефиной Бобадилья, или, как называли ее близкие друзья, Пепитой.

Все проходит. Закончились и парижские каникулы Зигмунда. Ему пора было возвращаться в Россию. На вокзале Захаров долго тискал его в объятиях и обещал свою поддержку в предпринимательских делах.

Поезд тронулся. Зелинский видел, как грек, ускоря шаг, бежит за вагоном.

— ...Порт-Артур... не забуду... — донесло обрывки слов.

В гостинице Базилю доложили, что его ждет дама.

Это была Пепита. Не говоря ни слова, она молча и выжидательно посмотрела на миллионера.

Захаров подошел к столу и выписал чек.

Прочитав указанную в нем сумму, сеньора Бобадилья удивленно взглянула на грека:

— Вы не ошиблись, сэр? Здесь указан гонорар значительно выше того, о котором мы договаривались.

— Ошибки никакой нет, — грустно сказал Захаров. — Мой друг был очень, очень счастлив. Ему было хорошо, и я радовался, что хорошо моему другу.

Пепита пожала плечами. У миллионеров свои причуды.

*Москва, ст. м. «ВДНХ»,
филиал Центрального Государственного
архива*

— Лютикова! — Галина Алексеевна заглянула в хранилище. — Вика! К вам пришли.

— Кто? — послышался голос из-за стеллажей.

— Не знаю, — начальница филиала поджала губы. — Какой-то молодой человек... А между прочим, Лютикова, сейчас рабочее время!

— Кто бы это мог быть? — Вика спустилась со стремянки и направилась к двери, на ходу снимая халат. — Честное слово, Галина Алексеевна, я ни с кем не договаривалась... Может, по делу?

— Личные проблемы решайте в личное время, — строго напутствовала ее начальница. — И, кстати, я жду от вас отчета по сектору «Б».

— Вы ко мне, гражданин? — на крыльце спиной к Вике стоял человек в джинсовом костюме и нервно курил. Услышав голос, он обернулся. — А, это ты, Эдик? Не узнала...

— У меня сегодня выходной, решил прогуляться... — нарочито развязным тоном сообщил Бодя-

гин. — Дай, думаю, зайду, проведу, пропала совсем...

— Была занята, — сухо ответила Лютикова.

Эдик попереминался с ноги на ногу:

— Может, сходим куда-нибудь?.. В «Метлу», например, я как раз зарплату получил...

— Я на работе.

— Я подожду! — поспешно сказал он. — Ты во сколько освободишься?

— Именно сегодня очень поздно, — Вика решила не сдаваться. — У меня встреча с одним человеком.

— А, ну тогда извини, — Бодягин отшвырнул бычок. — Пока.

— До свидания, — гордо выпрямив спину, Вика неторопливо стала подниматься по лестнице.

Очки запотели. Слезы капали на отчет по сектору «Б».

— Между прочим, Лютикова, это документ. Важный документ, — заметила Галина Алексеевна, разглядывая мокрые пятна на бумаге. — Конечно, дело страдает, когда некоторые сотрудники устраивают рандеву в служебное время.

К счастью, рабочий день закончился.

Вика понуро брела к метро. Смеркалось. Домой идти совершенно не хотелось. Но и не тащиться же изливать душу к подружке Ленке на другой конец города.

— Девушка, можно с вами познакомиться? — кто-то тронул ее за плечо.

Она шарахнулась в сторону.

— Ой, Эдик, как ты меня напугал!

— Я тут решил... может, проводить тебя на встречу с одним человеком? Или все-таки в «Метлу» сходим?

Вика с облегчением рассмеялась.

— Понимаешь, — оживленно говорила она, сидя за столиком в многолюдной «Метелице». — Я навела

справки. Розенблум, оказывается, очень распространенная фамилия. И было несколько довольно известных лиц. У некоторых Розенблюмов были партийные псевдонимы. Другие были замешаны в контрреволюционных делах. И наверное, эти записки писал все-таки не Розенблум, а кто-то другой. Потому что того Розенблума расстреляли как британского шпиона.

Эдик расхохотался.

— Слушай, юный следопыт, хоть сегодня забудь об операции «Досье». Что за бред — британский шпион? Все шпионы были наши: Штирлиц, Рихард Зорге, Абель, голос Копеляна за кадром...

— Но Розенблум действительно был шпион...

— Пойдем лучше потанцуем, — Эдик вытянул Вику из-за стола.

Глава 4 ВОНЮЧИЕ ДЕНЬГИ

Хьюстон, штат Техас, 1921 год

«По словам Локкарта, до войны 1914—1918 гг. Рейли, он же Розенблум, жил в Петербурге, где занимался комиссионерством».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

Американцы раздражали Зигмунда Григорьевича. Узколобые, тупые, сугубо прагматичные, зато какой апломб! Уверены в своем превосходстве над всем миром и пытаются навязывать свои идеалы, точнее, стандарты, тем, кто в этом не нуждается. А кругозор ограничен Аляской на севере и Флоридой на юге. Подумаешь, великая страна! Короче говоря, не по душе ему эти янки.

А может быть, Зелинский просто тосковал по родине. Давненько он там не был. После смерти старого

Розенблюма не видел Одессы. Зигмунд и Хьюстон-то выбрал потому, что тут есть порт...

Ольге уже за пятьдесят, и почти по полгода она проводит в лечебнице для нервных больных. Оставлять ее надолго одну просто опасно. С годами Зигмунд Григорьевич стал ощущать почти болезненную привязанность к жене. Как врач, он понимал, что ее истерия каким-то образом связана с загадочной смертью старика Нереинского. Скончался ли он по естественным причинам или Ольга, обезумев от любви к учителю своих детей, способствовала этому, но ее мучило чувство вины. Сейчас, впрочем, это не имело уже никакого значения.

Из-за болезни Ольги они и не заводили собственных детей. Зато приемных сына и дочь Зелинский любил, как родных. Слава Богу, они хорошо устроены. Уж он-то позаботился об этом. У Мити свое дело. И хотя живет он неблизко, аж в Сан-Франциско, но время от времени приезжает с внуками. Машенька долго не выходила замуж, пыталась сделать карьеру, но неудачно, потом сошлась с довольно обеспеченным политиком средней руки и, кажется, счастлива с ним. К ней в Вашингтон Зигмунд Григорьевич ездит сам.

Конечно, не мешало бы наведаться к Базилю в Лондон. Он очень болен, врачи подозревают самое худшее, и Захаров каждый раз по телефону зовет к себе друга. После истории в Порт-Артуре он свято уверовал в его, Зелинского, медицинские возможности. И ничем ему не докажешь, что о раке у него, Зиги, самые общие представления. Эх, Базиль, Базиль! Неужели смерть унесет этого чудесного человека? Благодаря привязчивому греку у Зигмунда Григорьевича есть все, о чем только можно мечтать.

Зелинскому припомнились годы, когда они с Захаровым почти не разлучались. «Сэр Бэзил», как называли его в Англии, ввел своего нового друга в самые высокие финансовые и промышленные сфе-

ры. Довольно быстро Зигмунд стал разбираться в судостроении, Базиль восторженно кричал, что он гениален во всем, и очень скоро предложил выступить комиссионером германской фирмы «Блом и Фосс».

— Немцы, — поморщился Зелинский.

— Да хоть негры! — рассердился Захаров. — Что за предрассудки для делового человека? Во-первых, учти, в Германии сотни прекрасных специалистов в нашей области. А во-вторых, если это потрафляет твоему патриотизму, «Блом и Фосс» будут заниматься не чем иным, как восстановлением русского флота, от которого япошки оставили рожки да ножки... В конце концов, я тоже не лишен некоторой сентиментальности и не стал бы предлагать тебе то, что совсем уж дурно пахнет...

Благодаря Базилию Зигмунду удалось открыть свое дело. В канун мировой войны военные суда шли на расхват, как горячие пирожки. Все страны вооружались до зубов, а если, как любил говорить Захаров, у человека есть револьвер, он непременно научится стрелять. Так оно и случилось. Сэр Бэзил всегда оказывался прав. У него был колоссальный нюх, потому деньги и текли к нему со всех сторон. В шестнадцатом году он предсказал близкий крах России:

— Зига, друг мой, здесь скоро все затрещит по швам. — Они сидели у Донона в Петербурге. — Бери все свое семейство и уезжай куда-нибудь в добрую старую Европу, лучше всего к нейтралам. Эта страна обречена.

Позже, также по подсказке Захарова, Зелинский обосновался в Новом Свете. И здесь, в Хьюстоне, переключился на производство прогулочных судов. Американские толстосумы — большие любители комфорта. Зигмунд строил для них роскошные яхты, эдакие особняки на воде — деревянные панели, дорогая кожа, всякие новейшие приспособления... Сам

он этого не одобрял. И вообще в море его укачивало. Но заказчики были довольны.

Сегодня, закончив со всеми делами, Зелинский отправился гулять. Автомобилем, разумеется, он пользовался, иначе выглядел бы в Америке белой вороной. Но с возрастом все неприятней казался запах бензина и появилось чувство дурноты при быстрой езде. Поэтому шофер Зигмунда Григорьевича жил припеваючи и не перетруждался.

Одевшись с помощью камердинера в легкий костюм и удобные туфли, Зелинский нахлобучил на редящие волосы кепи и вышел на подъездную аллею. Сад вокруг дома был распланирован им самим, а разбивать его помогли английские садовники, любезно присланные Базилем. Теперь здесь все радовало глаз.

Зигмунд Григорьевич вдохнул свежий, чуть припахивающий солью приморский воздух и рысцой припустил по аллее. Но очень скоро дыхание изменило ему, и он перешел на спокойный, равномерный шаг.

Уже вечерело, когда он самой короткой дорогой добрался до городского парка. Это было его любимое место, и порой, когда редкие прохожие не раздражали Зелинского своим американским видом, ему казалось, будто он снова находится в Киеве или Одессе.

Здесь, под сенью старых деревьев, он мог дать волю своей непроходящей ностальгии. Хуже всего было отсутствие всяких сведений о матери и сводных братьях и сестрах. После большой неразберихи в России, после двух революций и гражданской войны Зигмунд Григорьевич совершенно потерял связь с родными. Он пытался наводить справки через АРА и американский Красный Крест, но все поиски были безуспешными. Неужели близкие бесследно сгинули? Он почувствовал, как на глаза навертываются непрошеные слезы, и резко тряхнул головой. Ощущать се-

бя сиротой — это минутная слабость, вполне, впрочем, простительная мужчине, которому скоро полвека. Но лучше не растравлять душу и верить, что где-то там, вдалеке, жива мама и, возможно, уцелел кто-нибудь из Вишневских.

— Эй, мистер! — от дерева отделилась темная фигура, и Зелинский вздрогнул от неожиданности. — Не боишься так поздно гулять?

Опять негр! Вот еще к чему в Америке невозможно привыкнуть — к этим нахальным черномазым попрошайкам. Дать ему, что ли, доллар, чтобы отвязался? Перед прогулкой Зигмунд Григорьевич всегда предусмотрительно рассовывал по карманам небольшую сумму денег именно для подобных случайностей.

— А ты-то сам не наложил в штаны от страха? — ответил он с фамильярностью, которую, как ему было известно по опыту, так любят американцы. — Может, проводить тебя к мамочке?

— Чего мне бояться? Я не один, — хохотнул неизвестный, и Зелинский заметил, что его со всех сторон окружили. Нет, это не негры, просто смуглые ребята, видимо, латиносы, темнота обманула. Совсем молоденькие, лет пятнадцати-шестнадцати. Ну ясно, дурью маются.

— Вот что, парни, — он сменил тон. — Вижу, вам скучно. Хотите развлечься? Идите к девочкам, посидите в баре, выпейте... Это гораздо интересней.

— Девочки денег стоят, — хмыкнул тот самый, первый. Он, по всей видимости, и был коноводом. — Не говоря уж о баре.

— Сколько хватит?

Зигмунд Григорьевич нащупал в кармане пару бумажек и протянул их вожаку подростков.

Разом вспыхнули фонари, и Зелинский окончательно успокоился. Эти щенки наглеют только в темноте.

— Десять зеленых! — присвистнул коновод. — Никак, у тебя, мистер, денег куры не клюют?

— Хватит, Дэви, — вмешался другой юнец. — Оставь его в покое. В самом деле, пошли лучше в бар.

— У него еще есть, Исаак, — спокойно отозвался Дэви. — Ведь правда, мистер?

— Правда, — Зигмунд Григорьевич даже рассмеялся. — Держите еще десятку, парни. Хватит на всех.

— С чего это ты такой щедрый, мистер? — подозрительно прищурился молодой нахал. — Думаешь, мне нужны твои вонючие деньги? Нам просто нравится, когда нас боятся.

— Не заводись, Дэви, — Исаак опасливо глянул по сторонам. — Двадцать зеленых — разве мало? Не зли его. Стоит ему крикнуть — и со всей округи сбегутся копы.

— Нет, этот не заорет! Хочет показать, какой он храбрый. И как у него много в карманах денег.

— Нет, с собой у меня больше ничего нет, — хладнокровно сказал Зелинский. — А у тебя, я вижу, аппетит неплохой. Хочешь получить хороший кусок? Приходи завтра на Роуд-стрит, 15, спроси мистера Розенблюма. И ребят своих приводи. Мне нужны толковые парни. Заработаете столько, что не понадобится пугать по ночам прохожих. Роуд-стрит, 15, мистер Розенблюм, — повторил он.

— Я думал, ты гой, — недоверчиво заметил Дэви. — Не слишком похож на нашего.

— Когда зарабатываешь, тоже станешь похож на приличного человека, — Зигмунд Григорьевич повернулся и, не оглядываясь, зашагал к выходу из парка.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«В последнее время с удивлением обнаружил, что все больше и больше становлюсь похож на отца. Разумеется, никаких внешних аксессуаров одес-

ского доктора — бородка, пенсне... Но что-то общее есть в складе лица и особенно в глазах. Неистребимо еврейское, вечно озабоченное, страдальческое выражение.

Странно, что я никогда не ощущал себя ни евреем, ни поляком, ни русским. Помню, как обрадовался, получив оценку Базиля:

— Ты — гражданин мира.

Тогда эти слова показались мне открытием, они заглушили давнюю боль: «жидовский ублюдок», «байстрюк» — то, что я слышал от любовника Н., не понимая вполне смысл, потому что он бил меня по лицу, а это было еще обиднее, еще оскорбительней.

Единственный человек, для которого не важно было, кто я; — мама. Может быть, в благодарность за это я и взял ее фамилию? Но и поляком я не был, хотя сносно болтаю по-польски.

Отношения с отчимом были не слишком гладкими, я ревновал его к братьям и сестрам, а потом, когда узнал, что он мне не родной, что-то кричал ему о «русском шовинизме». Теперь стыдно, но не у кого просить прощения, полковник давно истлел в могиле.

Недавно прочитал, что вопрос национальности упирается в то, кем сам себя ты числишь, к какой культуре себя относишь. В таком случае я, безусловно, русский. Чем иначе объяснить эти приступы тоски по родным камням, эту жалящую изнутри ностальгию? Я вздрагиваю, увидев в газетах знакомые по России имена или читая сообщения из Киева, Москвы, Петербурга. Это все мое, и оно болит, как живое, хотя давно отрезано.

Вместе с тем меня тошнит, когда я наблюдаю эмигрантскую возню и беспочвенные надежды «бывших» на то, что Советы сгинут и вернется все, что потеряно. Меня передергивает, когда я слышу американизированную речь их эмигрантских детей... А

Митины мальчишки вообще уже американцы, по-русски не говорят, хотя и понимают, когда к ним обращаешься...

Господи, думаю я иногда, почему ты послал мне это подвешенное, промежуточное состояние?! Кто я такой и зачем существую на свете? И какой была бы моя настоящая судьба, если бы сызмальства я воспитывался в сознании причастности к чему-то определенному, будь то еврейство или что-либо другое...

Завидую Захарову. Ему плевать, кто он такой — грек, или русский, или «сэр Бэзил»... Ох, надо съездить в Лондон, обязательно!

Может быть, я вообще прожил не свою, а чужую жизнь?..

...сосед по коммуналке вечно пьяный и скандалит. Пригрозил ему, что вызовет участкового и его заберут на пятнадцать суток. Не забыть отдать с пенсии пять рублей, которые занял у Клавдии Николаевны».

Лондон, 1922 год

— Представь себе, друг мой, состояние приговоренного к расстрелу... — пророкотал Захаров и сделал маленький глоток коньяку. — Я уже закончил все дела, отдал последние распоряжения — и вдруг мне сообщают, что опухоль доброкачественная! На радостях я чуть не умер!

Зелинский рассмеялся. Базиль нисколько не изменился, только немного осунулся после операции. Выпуклые глаза-сливы светились на оливковом лице прежним веселым жизнелюбием.

— Как самый лучший врач всех времен и народов, — Зигмунд Григорьевич указал на бокал, — спиртное я бы не рекомендовал.

— Ага, — подтвердил Захаров. — Профессор Куинси то же самое говорит. Но какой, скажи на ми-

лость, смысл жить, если не курить, не пить и не любить хорошеньких девочек? Помнишь Пепиту?

— Я потом искал ее в Париже, — кивнул Зелинский, — но и следа не нашел.

— Она в Англии, — Базиль вкусно затянулся толстой сигарой и выпустил дым через ноздри. — Одна воспитывает сына.

— Так она вдова? — грустно спросил Зигмунд Григорьевич.

— По крайней мере, добивалась этого статуса, чтобы получать пенсию от военного ведомства, — сообщил Захаров и пошутил: — Она стала бы миллионершей, если бы ей выплачивали за всех, чьей вдовой она была...

Зелинский улыбнулся.

— Кстати, знаешь, кто отец ее ребенка? — Базиль снова отхлебнул коньяка. — Молва утверждает, Джордж Рейли.

Зигмунд пожал плечами. Это имя ничего ему не говорило.

— Как же так! — возмутился Захаров. — Для склероза ты еще молод. Напрягись! Порт-Артур... Ну же, Зига! Мы сидим у Ханссона и играем в преферанс... Тепло? Буквально накануне войны... Нас четверо: я, ты, Ханс и... Еще теплее? Помнишь англичанина, который обобрал меня до копейки? Ну, того, из военной разведки?

— Да, был англичанин, ему везло невероятно, — вспомнил наконец Зелинский.

— У него-то и был впоследствии роман с известной тебе дамой, — с удовлетворением сказал Базиль. — Так она, по крайней мере, утверждает. В картах был удачлив, это верно. Но потом ему крупно не повезло. Был на каком-то секретном задании, кажется, даже в нашем с тобой отечестве, и не вернулся оттуда.

— Вот как... — протянул Зигмунд Григорьевич. — Да, Россия сейчас — гиблое болото. Я все никак не

могу своих отыскать. Может быть, жив кто-то из близких, нуждается, голодает... А я ничем не могу помочь. Поверишь ли, иной раз думаю: лучше бы знать наверное, что все до одного умерли или убиты, чем так вот мучиться неизвестностью...

Он залпом выпил коньяк. Захаров легонько хлопал друга по плечу:

— Не падай духом! Рано или поздно Россия должна будет наладить отношения с цивилизованным миром. И тогда ты сможешь получить любую информацию о своих родственниках:

— Когда это будет и будет ли вообще? — уныло сказал Зелинский. — Матери, если жива, уже под семьдесят. Хоть бы увидеть ее разок, обнять, прощения попросить за все огорчения, которые причинил по молодости да по глупости...

Он заплакал. Чувствительный Базиль тоже засопел носом.

— Не травми душу, друг мой...

Вдруг глаза его заблестели, смуглое лицо приобрело добродушно-плутовское выражение.

— Я знаю, что делать! — воскликнул грек. — Чем, скажи, мы хуже покойного дружка Пепиточки? В конце концов, чему быть, того не миновать. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет...

— К чему ты клонишь? — недоумевал Зигмунд Григорьевич. — Что предлагаешь? Записаться, что ли, в британскую разведку?

— Отнюдь, мой друг, — Захаров чуть не приплясывал от возбуждения. — Это совершенно излишне. К тому же, по моему мнению, нас может забраковать военная медкомиссия... Мы изберем иную тактику!

— То есть? — все еще не понимал Зелинский. — Ты что, собираешься вместе с бароном Врангелем снова высадиться в Крыму? Или сдать большевикам?

— Ни то ни другое, — Базиль победоносно пыхнул сигарой. — Мы станем контрабандистами!

— Ничего не понимаю. Ты здоров ли?

— Типун тебе на язык! Мне, конечно, кое-что вырезали, но в отношении моей головы можешь не сомневаться... Мы проникнем в Советскую страну нелегально, через Польшу... Или, если пожелаешь, через Турцию. Переоденемся — я рабочим, ты колхозником...

Зигмунд Григорьевич не знал, смеяться ему или досадовать на друга.

— Не проще ли подать заявку на концессию? Я слышал, что даже Путилов и Рябушинский предлагают большевикам свои проекты...

— С тобой невозможно разговаривать, — вдруг обиделся Захаров. — Концессии, проекты... Никакого полета фантазии! А я уже представил, как мы с тобой, мой друг, крадемся через границу в кирзовых сапогах и фуфайках... Это гораздо романтичнее!

Немного истории

«Мы смотрим отсюда на наши фабрики, а они нас ждут, они нас зовут. И мы вернемся к ним, старые хозяева, и не допустим никакого контроля. Восстановление прав собственности — вот на чем следует настаивать. Для этого необходимо наладить контакты с новой нэпманской буржуазией внутри страны».

(Из выступления П. Рябушинского на торгово-промышленном съезде в Париже, май 1921 года.)

«В приемлемой для большевиков форме произойдет вмешательство в их управление страной: сначала в сфере финансов, а потом, ставя новые требования при каждом авансе, постепенно можно будет овладеть всем правительственным аппаратом».

(Из проекта восстановления России А. Путилова.)

«Определенная часть белогвардейской буржуазии превосходно понимает значение концессий и заграничной торговли для Советской власти».

(В. Ленин.)

В 1921—1924 годах из-за рубежа в Советскую Россию поступило более 1200 предложений на концессии. Многие из них исходили от русских эмигрантских торгово-промышленных кругов. Однако Советское правительство проявляло большую осторожность при заключении сделок, стремясь сохранить в руках государства все командные высоты в народном хозяйстве.

Глава 5 **ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ — ЛИШНИЕ** **СЛЕЗЫ**

*Москва, Лубянская площадь,
август 1924 года*

Молодой следователь ОГПУ Владимир Арнольдович Стырне вошел в кабинет и тщательно запер за собой дверь.

— В шахматишки? — понимающе кивнул Павел Иванович, сидевший за соседним со Стырне столом. — Ну давай... — и он потянулся к сейфу, где между папками с делами затесалась шахматная доска.

— Нет, — Владимир Арнольдович причесался перед маленьким зеркальцем, висевшим на стене, внимательно осмотрел расческу, подул на нее и спрятал в нагрудный карман. — Есть разговор, Пал Иваныч.

— Случилось что? — насторожился Пухляков.

— Случилось, — Владимир Арнольдович уселся на стул и вздохнул. — Не нравится мне все это...

— Что? — недоумевал Пухляков.

— Все, что творится в нашем управлении, —

Стырне говорил тихо, склонившись к лицу своего собеседника. — Нет порядка...

— Нету, — с готовностью согласился Павел Иванович. — Жалованье когда должны были дать? Позавчера. А сегодня я пошел к бухгалтеру с этим вопросом, так он, подлец, меня отmaterил. Иди ты, говорит, по известному адресу, когда будут деньги, тогда и получишь. Что я, ишак, что ли, даром пахать?! Да я...

— Я не о том, Пал Иваныч, — брезгливо поморщился латыш. — Феликс Эдмундович все время болеет, его заместители всю работу пустили на самотек. И это в то время, когда следует быть настороже. Социалистическое отечество в опасности...

— В какой еще? — нахмурился Пухляков. — Думаете, будет война?

— О, она уже идет, страшная, невидимая глазу война. Нашу страну заполонили капиталистические элементы. Комиссионеры! Знаем мы этих комиссионеров! Цель у них одна: нажиться на богатствах нашей родины и свергнуть рабоче-крестьянскую власть. Вы газеты читаете?

— Ну, — кивнул Пухляков. — От корки до корки. «Правду», «Известия», «Труд» и еще «Пионерскую правду». Ее мой младший из школы приносит. А также — журнал «Крокодил».

— В таком случае вы должны знать, какую подрывную деятельность ведут иностранные разведки. Под видом concessionеров они направляют сюда шпионов, которые вербуют идейно неустойчивых спецов из бывших и организуют взрывы, поджоги, убийства.

— Вы что же, Владимир Арнольдович, младенцем меня считаете? — обиделся Пухляков. — Думаете, я сам об этом не знаю? Да я ночей не сплю...

— Простите, дорогой Пал Иваныч, я просто лишний раз хотел вам напомнить, что мы не имеем права сидеть сложа руки... Пускай товарищи Мен-

жинский и Артузов занимаются пустой болтовней, пускай... Кроме них, есть еще и преданные делу люди — это мы с вами, это десятки таких, как мы. И мы не дадим врагу безнаказанно действовать на нашей территории.

— Не дадим! — Павел Иванович стукнул по столу кулаком.

— Смотрите, что получается, — горячо продолжал Стырне. — Шпионы приходят и уходят, а чекисты бездействуют. Вот, — он вытащил из кармана обрывок пожелтевшей газетной страницы. — Я уже много лет это храню...

Пухляков нацепил на нос очки и, шевеля губами, прочел:

«...приговорен к расстрелу. Этому заклятому врагу Советской власти удалось бежать. Но участнику заговора, английскому агенту Сиднею Джорджу Рейли все же не уйти от возмездия...»

— Это из «Правды» восемнадцатого года, — Стырне забрал из рук Павла Ивановича обрывок газеты, аккуратно сложил его и спрятал в карман. — Помните, заговор послов?

— Да, что-то припоминаю...

— Так вот, где этот Рейли?

— Где? — Пухляков поднял на лоб очки.

— Здесь! — Владимир Арнольдович ткнул пальцем куда-то в пол. — Я уверен, что он снова здесь, в нашей стране. Приехал сюда под видом какого-нибудь комиссионера и ведет подрывную работу. Мы обязаны его найти и наказать по всей строгости закона, чтобы другим неповадно было...

Париж, 1924 год

— Снова просители, — доложил лакей Николай.

— Гнать их в шею! — в сердцах приказал Зигмунд Григорьевич. — Надоели!

Стоило ему на несколько месяцев обосноваться в Париже, улаживая дела перед поездкой в Россию, и от посетителей не стало отбою.

Первым явился, без всякого, к слову сказать, приглашения, советский уполномоченный по репатриации. Зелинский почувствовал себя даже как будто польщенным и принял его очень вежливо.

— Вы ведь не участвовали в белом движении? — вкрадчиво спросил уполномоченный.

— Помилуйте! — удивился Зигмунд Григорьевич. — Я уехал из России в шестнадцатом году и с тех пор туда не возвращался.

— А отчего же теперь собираетесь? — последовал вопрос.

— У меня разрешение... Это сугубо коммерческое предприятие... Понимаете, мы с вашим правительством как бы заключаем договор, — стал объяснять Зелинский. — Это влечет за собой определенные выгоды, в основном — для советской стороны.

— А ваш-то какой интерес? — не отставал уполномоченный. — Наверно, преследуете, хе-хе, свои цели?

— Да, преследую, — устало отозвался Зигмунд Григорьевич. — У меня в Киеве перед мировой войной осталась мать. Ни о ней, ни о моих братьях я с тех пор не имею никаких сведений... Одна надежда — самому разыскать хоть кого-нибудь.

— А почему бы вам, уважаемый господин Зелинский, не вернуться насовсем?

— Пока не могу сказать вам ничего определенно. Еще неизвестно, как сложатся мои дела...

Уполномоченный не оставлял Зигмунда Григорьевича в покое, наведывался множество раз, и в конце концов Зелинский велел Николаю на порог его не пускать.

Но поток других посетителей не прекращался. Люди встречались разные, но большинство из них искали одного — денег. Некая дама в сильно поно-

шенном платье, рыдая, рассказала свою эпопею. Находясь в Берлине, она доверила все свои сбережения некоему аферисту Массино, который предложил ей свои услуги по помещению капитала и обещал при этом платить пятнадцать процентов в месяц.

— Если бы я знала, какой он негодяй! — плакала женщина. — И зачем только я ему поверила! Но ведь платил, платил ежемесячно почти полгода, а потом бесследно исчез. Кто-то из знакомых сказал, будто бы видел его в Париже, я заняла денег и приехала его искать, но не нашла...

Большинству нуждающихся Зелинский оказывал посильную помощь, но очень скоро понял, что на это не хватит никаких средств. Тем более что многие просто пытались использовать его. Так, однажды к Зигмунду Григорьевичу приехал на собственном автомобиле некий господин, отрекомендовавшийся:

— Кадет и адвокат Аджемов, к вашим услугам.

— Очень любезно с вашей стороны почтить меня своим визитом, — сдержанно ответил Зелинский. Он уже научился осторожности и знал, что с русскими визитерами следует держать ухо востро.

— Могу устроить вам выгодную финансовую операцию, — развязно предложил Аджемов, любуясь огромным, по-видимому, фальшивым бриллиантом в своем перстне.

— Благодарю, не нуждаюсь, — еще более сухо ответил Зигмунд Григорьевич.

— Но вам, конечно, нужен адвокат! — воскликнул гость. — Приходите, представьте себе, в суд... А защищать ваши интересы некому! Французские законы, знаете ли...

— Судиться я ни с кем не собираюсь, — отрезал Зелинский и велел Николаю проводить господина Аджемова.

Были среди просителей и по-настоящему несчастные люди, которые волею случая оказались на чужбине и очень страдали вдали от родины. Прослы-

шав, что Зелинский едет в Россию как концессионер, они умоляли захватить их с собой в качестве слуг, компаньонов, клерков — кого угодно! Зигмунд Григорьевич мало чем мог помочь. В основном советовал обратиться в соответствующие инстанции по репатриации.

Однажды какая-то экзальтированная дама буквально бросилась к его ногам, умоляя спасти от голодной смерти ее внуков-сирот. Когда женщина подняла залитое слезами лицо, он с изумлением узнал в ней Нину, свою давнюю киевскую возлюбленную, изменившую ему с Павлом Ивановичем Пухляковым. Для Зелинского это было полной неожиданностью. Он помнил подругу матери молодой цветущей женщиной, а перед ним стояла на коленях семидесятилетняя старуха.

— Что это вы, Нина Михайловна! — Зигмунд Григорьевич поднял даму с пола. — Можно ли так? Я дам вам денег, дам, только успокойтесь... Я не оставлю вас!

Но женщина снова залилась слезами.

— Милый, милый! — вскрикивала она. — Бог вас вознаградит за все то добро, которое вы делаете людям!

— Когда вы уехали из России? — Зелинский предпочел перевести разговор в другое русло. — Вам известно что-нибудь о моей матери? Или о сводных братьях и сестрах?

— Мы бежали из Киева в восемнадцатом году... Варвара Людвиговна была тогда жива, а дети ее здоровы... — вот то небольшое, что могла сообщить Зигмунду Григорьевичу когдатошняя киевская красавица.

Он отдал ей всю наличность, которая была в бумажнике, и просил в случае необходимости обращаться к нему или представителю его фирмы во Франции.

Эта встреча наполнила сердце Зелинского горе-

чью. И в который раз он подумал о том, что поездка в Россию может оказаться совершенно безнадежной...

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Недавно прочел у Куприна: «Ну что же я могу с собой поделаться, если прошлое живет во мне со всеми чувствами, звуками, песнями, криками, образами, запахами и вкусами, а теперешняя жизнь тянется передо мною как ежедневная, никогда не переменяемая истреplenная лента фильмы». И подумал — как обо мне сказано.

Все мы находимся там, в прошлой жизни, в стране, которой уже нет на карте. Знаешь, что ничего вернуть невозможно, и все-таки надеешься — а вдруг?

История переезжает тебя колесом по хребту и не спрашивает, хочешь ты того или нет. У нее своя работа, ей дела нет до одного, отдельно взятого индивидуума. А ты корчишься с перешибленным хребтом, все пытаешься доказать, что пострадал незаслуженно, что ты — целый мир, огромная вселенная, что ты, в конце концов, хоть чего-нибудь да стоишь...

Иногда я думаю, что никакой романист не может переплюнуть реальную жизнь самого обычного, даже заурядного человека — ему просто не хватит фантазии. Роман — условность, игра со своими правилами: столько-то действующих лиц, чтобы читатель, не дай Бог, не сбился и не запутался, определенное место действия, если на стене висит ружье, оно должно выстрелить — и прочие ограничения. Непридуманная же история — возьмем, к примеру, мою собственную — тем и отличается, что не затрудняет себя этими фокусами и трюками. Она нелогична, бессмысленна, непредсказуема и тем страшна. Поэтому глупо задаваться вопросом, хо-

чешь ли ты умереть внезапно или заранее подготовиться к переходу в иной мир. Даже если тебе суждено дожить до глубокой старости и достойно скончаться с правнуками, это не более чем прихоть судьбы. К смерти надо быть готовым каждую минуту существования, будь тебе двадцать, сорок или девяносто. Никто никому не воздает по заслугам: добродетель попираема и осмеяна, злоба, корысть и предательство ненаказуемы. Ибо жизнь не есть роман, написанный в утешение читающему».

Стамбул, 1924 год

— Значит, все-таки покидаешь меня? — Захаров обнял друга, его глаза наполнились слезами.

— Помилуй, Базиль, это была твоя идея! — Зигмунд Григорьевич не сумел скрыть удивления. — Кто, как не ты, разрабатывал проекты, один другого фантастичней, моего возвращения в Россию?

— То была игра, мой друг... — грек отер мокрые щеки. — Я не мог подумать, что для тебя все это настолько серьезно.

— А концессия? — не поверил Зелинский. — Ты вложил огромные средства... Не понимаю!

— Я и сам не понимаю, почему это сделал, — улыбнулся сквозь слезы Захаров. — Наверно, хотел сделать для тебя что-нибудь приятное... Ведь когда тебе хорошо...

— ...я счастлив, потому что хорошо моему другу, — закончил Зигмунд Григорьевич уже не раз слышанное высказывание. — Спасибо, дорогой мой, единственный мой!

Они еще раз обнялись. Носильщик-турок терпеливо ждал, пока господа простятся у трапа парохода «Решид-Паша».

— Может, все-таки лучше было бы через Польшу? — спросил Базиль.

— Да нет, так я смогу побывать в Одессе, поклониться праху отца, а уж потом отправлюсь в Киев...

— Я не об этом, — губы Захарова кривились в попытке улыбнуться. — Может быть, все-таки лучше было проникнуть в Россию нелегально...

— Не думаю, — возразил Зелинский. — Ты хочешь, чтобы меня арестовали, как какого-нибудь Савинкова? Я же не террорист, зачем мне прятаться? Я предприниматель и еду открыто, со всеми документами, с разрешением и договором... Так что ты можешь быть спокоен, что со мной не случится ничего непредвиденного. Меня не убьют, не расстреляют. Я иностранный подданный, то есть вполне неприкосновенное лицо. Если от меня не будет вестей, тогда ты, как мы и договаривались, начинаешь меня разыскивать по официальным каналам. Это гарантия, Базиль.

— Угу, — уныло подтвердил Захаров. — Но я предпочел бы тебя не отпускать. Может, никуда не поедешь, а, Зига? Черт с ней, с неустойкой! Деньги — это всего лишь деньги. Дороже тебя у меня никого нет...

— Ну вот, опять начинается, — вздохнул Зигмунд Григорьевич. — Сколько раз тебе говорить — это обычная деловая поездка. Если вдруг что не так, я посылаю тебе в Лондон телеграмму и немедленно возвращаюсь.

«Решид-Паша» дал гудок к отправлению. Носильщик восторженно и выжидательно посмотрел на клиента.

— Ну, все, — Зелинский в последний раз обнял друга и стал подыматься по трапу. — Долгие проводы — лишние слезы.

Носильщик потащил вслед за ним чемоданы.

Сэр Бэзил долго стоял на пристани, глядя вслед отплывающему пароходу.

«Был на могиле отца тчк еду Киев тчк Зига»

(Телеграмма, присланная Зелинским из Одессы.)

«Впечатлений очень много. Всего не расскажешь. Здесь все не так, как представлялось. Развеялись многие предрассудки, бытующие на Западе. Ни о матери, ни о Вишневецких — никаких новостей».

(Открытка, присланная Зигмундом Григорьевичем из Киева.
На лицевой стороне — плакат с надписью
«Слава Великому Октябрю!»)

«Дорогой друг! Твои опасения были совершенно напрасны. В Киеве встретили меня очень радушно и позволили порыться в архивах. Но, к сожалению, часть бумаг утрачена во время гражданской войны, и я пока не нашел свидетелей, что-либо знающих о моих близких. Зато за это время я много увидел и осознал. Я ожидал застать страну разрушенной, нищей, голодной. А увидел страну возрождающуюся. Вместо вымирающего народа — народ воскресающий. Живя здесь даже так недолго, как я, не можешь не проникнуться настроениями окружающих людей, не можешь не интересоваться всем, что происходит в экономике, политике, да и просто в быту. Самое модное в России сейчас слово — «энтузиазм». Это то самое одушевление, с которым весь народ, как один, стремится выполнить и перевыполнить «пятилетку» (еще одно новое слово). Представь себе, Базиль, выросло целое поколение, ничего не помнящее о прежней жизни. Мы для этих молодых людей — какие-то доисторические монстры, обломки прошлого. По улицам то и дело проходят, маршируя, пионерские отряды. Пионеры немного напоминают знакомых тебе бойскаутов. Они носят короткие темные штаны и светлые рубахи, а под воротом повязывают красный галстук, который называют частицей знамени своих отцов и старших братьев. Ходят они строем, под барабан, отбивающий дробь, во главе с вожатым, который постарше годами. Зрелище немного странное, но до слез волнующее. Наверно, потому, что я вспоминаю внуков.

Остановился я в гостинице «Континенталь», пото-

му что дом, где была квартира отчима, национализирован. Но я заходил в него и даже побеседовал с людьми, которые живут в моей комнате (квартира очень плотно заселена разными семьями). Их нисколько не смутило, что я иностранец и эмигрант, к тому же когда постоянно сопровождающий меня «товарищ» (здесь все обращаются друг к другу так, слово «господин» звучит анахронизмом и вызывает подозрительность) Сергей объяснил им, что я разыскиваю родственников, все готовы были помочь, но не могли, т. к. поселились здесь значительно позже, уже после второй революции.

Обедаю в ресторане. Еда вполне приличная, хотя и без изысков. Люди одеваются чисто, аккуратно, но, на мой вкус, несколько однообразно, особенно мужчины. Дамы же, как и всюду в мире, стремятся выглядеть хорошо.

Как Ольга? Получил ли ты письмо от Мити? Он обещал заботиться о матери в мое отсутствие. Когда я видел ее в последний раз в клинике, она была спокойна, однако не вполне осознавала, что происходит и кто я такой. Очень о ней беспокоюсь. Похоже, ее состояние ухудшилось.

Неожиданно оказалось, что по делам концессии необходимо выехать в Москву: на двух документах должны быть подписи каких-то больших советских чиновников. Товарищ Сергей, который меня сопровождает, очень любезно заверил, что это пустая формальность и сразу же за получением подписей и печатей можно будет развертывать производство. Вместе с Сергеем мы сели в поезд, следующий в Москву. Проводница в белой наколке принесла чай. Я жадно смотрел в окно вагона, излечиваясь от своей застарелой (восьмилетней) ностальгии, а когда устал, принялся читать советские газеты, откуда почерпнул немало полезной информации о здешней жизни вообще и об экономической — в частности. У меня чешутся руки, так хочется поскорее взяться за работу. Сергей обнадежил

меня, что после соответствующего прошения я смогу получить доступ в центральные архивы и что-либо разузнать о своей потерянной семье. Наконец объявили о прибытии в столицу (теперь она в Москве), где нас должны были встречать коллеги Сергея, опекающие меня в главном городе большевиков. Их двое, оба в кожаных куртках, довольно интеллигентного вида, один закончил рабфак, назвался Анто...»

(Незаконченное письмо Зелинского Захарову
(цитируется по секретным архивам ОГПУ.)

Лондон, декабрь 1924 года

— Успокойтесь, господин Захаров, — советский посол умоляюще сложил руки на груди. — Наберитесь терпения. Мы обещали навести справки? Мы свое слово сдержим. Уже послали запрос. И теперь ждем ответа.

— Но сколько же это может продолжаться?! — сэра Бэзил возмущенно запыхтел. — Куда мог деться мой компаньон? Он ведь не террорист какой-нибудь, тайно перешедший границу... Он честный предприниматель и отправился в вашу страну совершенно легально. Я сам посадил его в Стамбуле на пароход... Получил от него телеграмму из Одессы и открытку из Киева... Вот они!

— Вы уже показывали нам и телеграмму, и открытку, — терпеливо сказал посол.

— А после этого я не получил от господина Зелинского ни-чего! — не слушая его, продолжал Захаров. — Не может быть так, чтобы человек бесследно исчез! Ищите его! Вдруг у него украли документы, деньги... Он нуждается в помощи, я готов заплатить, сколько требуется...

— Спрячьте ваш бумажник, господин Захаров, — продолжал увещевать сэра Бэзила посол, про себя проклиная назойливого миллионера. — Вашего

компаньона уже ищут. Не исключено, что уже нашли. Когда придет ответ на посланный нами запрос, мы немедленно уведомим вас. Поэтому вам не стоит беспокоиться и приходить сюда каждый день.

— Вы хотите от меня отделаться? — закричал сэр Бэзил. — Я этого так не оставлю! Проходят недели, месяцы, а вы уговариваете меня не волноваться, как будто я морочу вам голову из каприза или из-за ерунды. Учтите, милейший, я этого так не оставлю! Я близок к королевскому двору... И дойду до самых высоких особ, если вы не желаете принимать надлежащие меры! У вас будут неприятности, это я гарантирую!

Уверяя Базиля, что все его опасения напрасны, посол проводил миллионера к выходу и с облегчением вздохнул.

«Канун рождества омрачен печальным событием. Вчера в своем особняке скончался сэр Бэзил Захаров, известный огромным вкладом в экономику Великобритании и других стран. Сэр Бэзил Захаров страдал хроническим недугом, и врачи констатировали его смерть от естественных причин. Отпевание состоится в православной церкви».

(Некролог в газете «Таймс» от 27 декабря 1924 года.)

Глава 6 БУДНИ ЛУБЯНКИ

Москва, сентябрь 1925 года

Человек ко всему привыкает, даже к жизни заключенного. И ухитряется существовать в любых, даже самых невыносимых условиях.

Когда по прибытии в Москву Сергей «передал» Зелинского двум своим коллегам Антону и Михаилу, Зигмунд Григорьевич решил, что они будут сопровождать его точно так же, как это делал в Одессе и

Киеве сам Сергей. Но все оказалось иначе. Чекисты, все еще приветливо улыбаясь, ловко заломили Зелинскому руки за спину и защелкнули замок наручников.

— Позвольте... — запротестовал было он и получил в ответ такой сокрушительный удар в челюсть, что из глаз посыпались искры.

Слегка оторопев от такого «теплого» приема, Зигмунд Григорьевич попытался объяснить Антону и Михаилу, что, по-видимому, произошло какое-то недоразумение и его приняли за другого человека. Но Антон показал ему пудовый кулак, а Михаил злобно прошипел:

— Заткнись, контра, нечего разводить белую агитацию!

«В самом деле, — успокаивал себя Зелинский, — зачем метать бисер перед свиньями? Эти молодые люди — явно исполнители чужой воли, они делают то, что им приказали». И он решил благоразумно молчать, пока его не доставят к мало-мальски значительному начальству, где он сможет подтвердить свою лояльность.

Зигмунда Григорьевича вывели из вагона только тогда, когда поезд отогнали в тупик, и так быстро затолкали в милицейский «воронок», что он даже не успел оглядеться. Только спросил обеспокоенно:

— А мои вещи?..

И тут же получил еще один ощутимый тычок от Антона. После чего не раскрывал рта всю дорогу, пока его везли. Собственно говоря, его заботил не багаж, а документы, удостоверяющие его, Зелинского, личность и доказывающие, что он приехал в Советскую страну с самыми благими намерениями. Но ни вещей, ни бумаг своих он больше не видел. Даже пиджак, снятый Зигмундом Григорьевичем в поезде, и тот куда-то подевался. И ни к какому начальству он попасть не смог. Его передали с рук на руки усатому конвойному и повели по темным коридорам, потом

втокнули в тесную камеру и дверь за ним с жутким лязганьем затворили, перед этим грубо обыскав и отобрав галстук, ремешок от брюк и шнурки от ботинок.

Оглушенный происшедшим, Зелинский без сил опустился на пол, поскольку сидеть больше не на чем — тюремная койка была поднята. Ни о чем свяно думать он не мог и вздрагивал каждый раз, когда в коридоре за дверью слышались шаги. Ему все казалось, что это идут за ним, чтобы извиниться за допущенную ошибку и отпустить восвояси. Но время тянулось тягуче и медленно, он даже не знал, который час (наручные часы тоже отняли при обыске), и постепенно Зигмунд Григорьевич погрузился в дремоту, заставившую его ненадолго забыть о превратностях судьбы. Он мгновенно очнулся, когда дверь снова залязгала, и вскочил на ноги. Но это был всего лишь тот же усатый конвоир, доставивший заключенному обед. Зигмунд Григорьевич брезгливо покосился на липкую массу, размазанную по жестяной миске.

— Жри, что дают, — добродушно пробурчал усач, перехватив его взгляд. — Привык, видать, к буржуйским харчам!

— Когда меня вызовут? — нетерпеливо спросил Зелинский. — Я хотел бы объяснить, зачем...

— Когда надо будет, тогда и вызовут, — философски откликнулся конвоир и добавил: — Радуйся, что живой пока...

И с этими словами ушел.

Зигмунд Григорьевич нервно заходил по камере. Есть он не хотел, да и не мог. В крохотном зарешеченном оконце под потолком было видно небо. Остро захотелось выйти на свежий воздух.

Зелинский заколотил в дверь кулаками:

— Выпустите меня отсюда! Я ни в чем не виноват! Это недоразумение! Я требую адвоката!

— Будешь буянить, — донесся из коридора знако-

мый голос усача, — посодют в карцер. Так что сиди лучше тихо.

И его шаги удалились.

В таком положении Зигмунд Григорьевич оставался довольно долго. Сколько, он и сам толком не знал, потому что догадался делать насечки на стенке не сразу. Потом приучил себя глотать дурно пахнущую еду и пить подозрительного вида пойло — надо было хоть как-то поддерживать силы. Время от времени его выводили в туалет — это называлось «оправиться», но никого увидеть не удавалось, потому что, если в это время по коридору вели другого заключенного, его ставили в коридорную нишу лицом к стене. Единственные люди, с которыми он общался, были конвойные. Они сменялись через два дня на третий: сутулый худой старик, которого Зелинский прозвал про себя Кощеем, добродушный усач, знакомый ему с первого дня, и молодой парнишка с носом кнопкой. Обращаться к ним с какими-либо вопросами или просьбами было бесполезно. Единственный, с кем сложились более или менее сносные отношения, был словоохотливый усач. Когда однажды Зигмунд Григорьевич пожаловался на плохое самочувствие и посетовал на то, что ему не разрешены прогулки, усатый конвоир покачал головой:

— Скажи спасибо за то, что у тебя есть. Других шлепают сразу, без разбирательств.

— Но ведь в России отменена смертная казнь! — воскликнул пораженный Зигмунд Григорьевич, тщательно штудировавший газеты перед своей роковой поездкой. — Это незаконие!

— Закон что дышло, — проворчал, уходя, усач.

По насечкам на стене выходило, что Зелинский находится в заключении уже больше полугода. Он зарос седой неопрятной щетиной, брюки давно потеряли свой цвет, а рубашка и белье, которые разрешалось стирать в туалете раз в неделю, превратились в лохмотья.

Москва, октябрь 1925 года

Чтобы не сойти с ума, Зигмунд Григорьевич разговаривал сам с собой то по-русски, то по-польски, то по-английски, то по-французски. Читал наизусть «Евгения Онегина» и все стихи, какие только мог вспомнить. Курносый конвойный хихикал, слушая его. Кощей матерно бранился. Самым благодарным слушателем был усач. Он вдумчиво кивал в такт стихам и восхищенно комментировал:

— От буржуи умели жить! До чего же складно!

В один прекрасный день литературные штудии Зигмунда Григорьевича были прерваны резким окриком:

— Заключение Зелинский, на выход!

Зигмунд Григорьевич, твердивший строчки Тютчева: «Ангел мой, ты видишь ли меня?», сначала даже не понял, чего от него хотят. Но Кощей грубо потрянул его за плечо, и этот недвусмысленный жест вернул заключенного к реальности. Сердце его ожило и снова наполнилось надеждой.

Окна в кабинете, куда привели Зелинского, были плотно затянуты шторами, так что невозможно было определить, день сейчас или ночь, на столе горела лампа. Зигмунд Григорьевич смиренно стоял среди кабинета, сложив руки за спиной и слегка придерживая тыльной стороной ладоней спадающие с исхудалого тела брюки.

Человек, сидевший по другую сторону стола, оторвался от бумаг, которые углубленно изучал, поднял голову и устремил на заключенного взгляд выразительных голубых глаз. Зелинский отметил про себя, что следователь молод и красив неправдоподобной, почти женской красотой.

— Ангел мой... — пробормотал Зигмунд Григорьевич.

— Ай-ай-ай! — воскликнул молодой человек. — Как вы плохо выглядите, уважаемый господин Зе-

линский! Совершенно не похожи на свои прежние фотографии! Может быть, с вами дурно обращались?

— Нет, — глухо ответил заключенный. — Жалоб у меня нет. Но я хотел бы узнать, за что меня задержали и в чем обвиняют. И, разумеется, настаиваю на присутствии адвоката. Я являюсь подданным Соединенных Штатов Америки и приехал в вашу страну, имея на руках государственный договор на концессию. Никаких законов не нарушал. Это произвол! Это международный скандал!

Выпалив все это, Зигмунд Григорьевич испуганно замолчал. Он ждал, что его немедленно упрячут в карцер. Но ничего страшного не последовало.

— Да вы присядьте, — ласково предложил красавец. — Хотите чаю? Сейчас я распоряжусь. — Он нажал на какую-то кнопку. — А пока угощайтесь папиросами.

Через несколько минут подданный Соединенных Штатов наслаждался всеми доступными ему радостями жизни: он сидел на стуле, пил чай и курил, блаженно пуская к потолку сизый дым.

— А теперь давайте поговорим, как два интеллигентных человека, — предложил красавец. — Меня зовут Владимир Арнольдович, фамилия — Стырне, я ваш следователь.

— Наконец-то, — голова у Зигмунда Григорьевича кружилась не то от папирос, не то оттого, что о нем кто-то вспомнил. — Я уже думал, что сгнию в камере, как граф Монте-Кристо.

— Мы соблюдаем законность, — улыбнулся Стырне. — Насколько мне известно, вы предприниматель?

Зелинский с удовольствием отвечал на вопросы. Следователь понимающе кивал и делал какие-то пометы у себя в бумагах. Эта беседа продолжалась довольно долго, и Зигмунд Григорьевич с удивлением обнаружил, что, отвыкнув от общения, он устал.

— Рад был с вами познакомиться, — Владимир Арнольдович вышел из-за стола и сладко потянулся, разминаясь.

Зелинскому страшно захотелось сделать такое же вольное движение, но он почему-то не посмел и только вскочил со стула.

— Меня скоро выпустят? — спросил он.

— Что? — рассеянно произнес следователь. — Нет, Зигмунд Григорьевич, мы с вами еще побеседуем. Но не сегодня. У меня закончился рабочий день. Сейчас сюда придет мой коллега, и вы продолжите разговор уже с ним.

Оставшись в одиночестве, Зелинский снова сел на стул и расслабился, отдыхая.

— Встать, белогвардейская сволочь! Скотина! — крикнул кто-то над самым его ухом, и Зигмунд Григорьевич упал на пол от страшного удара. Хлынула носом кровь. Заключенный утер ее рукой и попробовал подняться. Но не тут-то было. На него обрушился новый град ударов. И вскоре темная пелена застлала ему глаза...

Зелинский очнулся, когда на него вылили ведро воды. Все еще плохо соображая, он прикрывал голову руками, когда над ним склонилось чье-то едва различимое лицо.

— А, старый знакомый! — сказал тот же голос, который обзывал его «сволочью» и «скотиной». — Вот и довелось встретиться снова!

Зигмунд Григорьевич с трудом сфокусировал взгляд. Рядом с ним стоял Павел Иванович Пухляков. Почему-то Зелинского ничуть не удивила встреча с человеком, который тридцать пять лет назад, в Киеве, увел у него возлюбленную, да еще при этом избил и оскорбил.

— Нина... — прошептал он разбитыми губами. — Нина... в Париже...

— Ты мне голову не морочь, — рявкнул Пухляков. — Нину какую-то приплел! А про Париж — да-

вай. И про Лондон тоже. Назови всех своих сообщников, которые лелеют планы свержения нашей рабоче-крестьянской Советской власти. Диктуй имена, явки, шифры...

— Какие сообщники? Какие явки и шифры? — Зигмунду Григорьевичу показалось, что он сошел с ума. — Я концессионер. У меня в бумагах все про это сказано... Кроме моего компаньона, сэра Бэзила Захарова, я ни с кем не связан... И больше ничего я не скажу...

— Разговоришься, как миленький, гнида! — Павел Иванович снова принялся избивать заключенного. — Все твои документы — липа! Я же знаю, что ты никакой не Зелинский, а Розенблюм, жидовская твоя морда! Кто еще с тобой работает?..

Мир для Зигмунда Григорьевича раскололся надвое. В одной, светлой половине ласковый красавец Владимир Арнольдович угощал его чаем и папиросами, в другой — негодяй Пухляков бранил, избивал, не позволял спать, ослеплял настольной лампой, кормил селедкой, не давая воды... Заключенный Зелинский потерял счет дням и ночам, потому что перестал делать пометки на стене. Его приволакивали в камеру, измочаленного, окровавленного, бросали в углу, и теперь ему было все равно, какой месяц и год за пределами тюрьмы. Зигмунд Григорьевич хотел только одного — чтобы эта бессмысленная, бесконечная мука скорее прекратилась и ему позволили умереть.

На допросах он перестал возражать, отвечая на все утвердительно и подписывая любые протоколы...

«В 1919 и 1920 годах у меня были тесные отношения с представителями русской эмиграции разных партий... В то же время я проводил у английского правительства очень обширный финансовый план поддержки русских торгово-промышленных кругов во

главе с Ярошинским, Барком и т. д. Все это время нахожусь на секретной службе, и моя главная задача состояла в освещении русского вопроса руководящим сферам Англии.

В конце двадцатого года я, сойдясь довольно близко с Савинковым, выехал в Варшаву, где он тогда организовал экспедицию в Белоруссию. Я участвовал в этой экспедиции. Я был и на территории Советской России. Получив приказание вернуться, я выехал в Лондон...»

Бориса Савинкова Зигмунд Григорьевич видел один раз в жизни, на публичном выступлении. Теперь знаменитый эсер был мертв, скоро умрет и он, Зелинский, так что это вранье все равно не имеет никакого значения.

«В 1923 и 1924 годах мне пришлось посвятить очень много времени моим личным делам. В борьбе с Советской властью я был менее деятелен, хотя писал много в газетах (английских) и поддерживал Савинкова, продолжая по русскому вопросу консультировать влиятельные сферы и в Америке, так как в эти годы часто ездил в Америку. 1925 год я провел в Нью-Йорке...»

Конец двадцать четвертого и двадцать пятый год Зигмунд Григорьевич провел в одиночной камере. Но кого на этом свете интересовала правда?

«В конце 1925 года я нелегально перешел финскую границу и прибыл в Ленинград, а затем в Москву, где и был арестован...»

Зелинский знал, что Петербург, где он не был с 1916 года, после смерти Ульянова переименовали. Но

что было правдой, а что — фантазиями его мучителей, он уже перестал различать...

«Антибольшевистским вопросом я усиленно занимался всегда и посвятил ему большую часть времени, энергии и личных средств. Могу, например, указать, что савинковщина с 1920 по 1924 год обошлась мне, по самому скромному подсчету, в 15 — 20 тысяч фунтов стерлингов.

Я был в курсе дел на основании присылаемых мне информации из разных источников России, но не непосредственно, а также из источников английской и американской разведок...»

«Судился в 1918 году, в ноябре... по делу Локкарта (заочно)».

«С этого момента я назначаюсь политическим офицером на юг России и выезжаю в ставку Деникина, был в Крыму, на юго-востоке и в Одессе. В Одессе оставался до конца марта 1919 года...»

Сознание откликалось на знакомое название, Зигмунд Григорьевич шептал себе под нос:

— Одесса... Папа...

— Подтверждает! — удовлетворенно констатировал Стырне и подсовывал для подписи очередной лист протокола. — А капиталиста Форда вы знаете, господин Зелинский?

— Форда... Да... Его все знают... — заключенный кивал совершенно белой головой. — Автомобильный магнат...

«Специальные агенты фордовской организации посылались за границу и ездили за тысячи миль, чтобы собрать новые лживые измышления и поклепы на евреев. Подобно Генри Детердингу в Англии и Фрицу Тиссену в Германии, американский автомобильный король Генри Форд солидаризировался с миро-

вым антибольшевизмом и стремительно растущим фашизмом. Вскоре после приезда в Соединенные Штаты я стал работать в тесном сотрудничестве с агентами фордовской антисемитской и антисоветской организации...»

— Зачем? — слабо удивился Зигмунд Григорьевич. — Я сам наполовину еврей...

— Не твоего ума дело! — рявкнул Пухляков. — Поумнее тебя люди составляли документ, им виднее. — Подписывай: Сидней Рейли.

— Я не знаю такого человека...

— Подписывай, скотина! Рейли — это ты!

— Я не...

Страшный удар снова свалил Зигмунда Григорьевича на пол.

«При их содействии я составил полный список тех, кто втайне работал в Америке на большевиков». «Форд финансировал антисемитскую агитацию в Америке, был связан с организацией американских фашистов Ку-клукс-клан и финансировал русских монархистов-кирилловцев в Баварии для ведения антисемитской агитации и для контрреволюционной деятельности в России».

— Ку-клукс-клан против негров... — бормотал Зелинский. — Негры в парке... Дэви... Исаак... Спросите Розенблюма...

— Заговаривается, — поморщился красавец Стырне. — Несет уже полную околесицу.

— Надо заканчивать скорее, — кивнул Павел Иванович. — Как бы не очоурился раньше времени... Эй! — пихнул он в бок бессильно висящего на стуле заключенного. — Диктуй фамилии агентов американской разведки. Да не спи ты! Отдохнешь после расстрела.

— Смертная казнь отменена... Советской властью... — заплетающимся языком пробормотал Зигмунд Григорьевич.

— Без тебя знаю! Начитался газет, контра недобитая...

Москва, 3 ноября 1925 года

— Вы что, с ума там походили! — Артузов озадаченно почесал затылок. — Мэри Пикфорд, Чарльз Спенсер Чаплин, Макс Линдер... Это, по-вашему, американские шпионы?

Пиляр вытянулся в струнку перед главой КРО ОГПУ:

— Виноват, Артур Христофорович, недоглядел...

— Скорее, переусердствовали, — сухо заметил Артузов. — И громкий процесс по вашей милости не получится.

— Сами знаете, шпион матерый, хитрый... — оправдывался Пиляр. — Ребята работали день и ночь, выжимали из него все, что могли... Хотели, как лучше, Артур Христофорович...

— Бумаги все готовы и подписаны?

— Так точно!

«Секрет «Интеллидженс Сервис» ведет свою работу под углом общегосударственной политической точки зрения... Его главное назначение — сбор сведений, касающихся общегосударственной политической безопасности и могущих лечь в основу направления высшей политики. Это учреждение — абсолютно тайное. Ни фамилии его начальника, ни фамилии тайных сотрудников никому не известны... Резиденты в соответствующих странах никогда не имеют своего явного и самостоятельного существования, а всегда находятся под прикрытием вице-консула, паспортного бюро и даже торговой фирмы...

В каждой стране, где есть значительное количество русских эмигрантов или советское представительство, резиденты данной страны выполняют работу также по русскому отделу... Соответствующие штабы лимитрофных государств работают в полном контакте с соответствующим резидентом... Работа в СССР лимитрофных агентов — эстонцев, латышей, поляков и других — значительно упрощается тем, что им легче слиться со средой. Здесь масса их соотечественников, и, наконец, надзор за ними значительно слабее. Ведь для наблюдения за всеми поляками потребовалось бы десять ГПУ. Я считаю, что лимитрофных дипломатов и резидентов всех без исключения можно купить. Вопрос только в цене...

«Интеллидженс Сервис»... получает в определенных случаях задания и чисто военного характера по организации восстаний, террора и прочих актов там, где правительство считает это нужным. По традиционной тактике все такого рода действия лишь руководятся через резидента, но выполняются же местными силами...»

— Оч-чень ценная информация, — едко усмехнулся Артузов. — Ничего конкретного, одни общие слова... Много выжали твои ребята из «materого шпиона», нечего сказать! А этот список американских агентов... Можешь им подтереться! Нет, лучше так... — он изорвал в мелкие клочки бумажки с каракулями Зелинского относительно Мэри Пикфорд и Чарли Чаплина. — Так-то надежней будет... Не приведи Господи, увидит кто-нибудь из других отделов — потешаться будут над нами до колик! Ладно, иди. Пора заканчивать это дело.

Москва, 5 ноября 1925 года

— Мальчик мой маленький, — Варвара Людвиговна присела на край тюремной койки, — как ты постарел, матка Бозка!

Она наклонилась и поцеловала сына в гудящий висок.

— Больно? Ничего, малыш, скоро все пройдет...
И пропала.

Какие-то люди схватили и повели на новые муки.

— Мама! — кричал он, вырываясь и оглядываясь назад. — Мамочка! Возьми меня отсюда!

Легкая тень матери скользила по коридору.

— Сейчас, сейчас, сынок, — ласково шептала она.

— Приговор... Верховного революционного трибунала... — заглушал ее чей-то голос, — от третьего декабря 1918 года...

— Зига, — Варвара Людвиговна обняла сына, — не смотри, закрой глаза.

— ...привести в исполнение...

— Отмучился, грешный, — перекрестился усатый конвойный. И вынес из пустой камеры жестяную миску и кружку.

1979 год

*Москва, ст. м. «Преображенская
площадь», улица Просторная, дом 63*

Квартира была по-холостяцки неуютной. Толстый слой пыли покрывал пространство под обеденным столом, на котором в беспорядке громоздились книги, газеты, пепельница, полная окурков, немые тарелки и пустые бутылки из-под пива.

— «Я, ты, он, она, вместе — целая страна! — надрывалась в радиоточке Ротару. — Вместе — дружная семья! В слове «мы» — сто тысяч «я»!»

Эдик приподнялся на локте, покрутил ручку, и Ротару замолкла.

— Есть хочешь? — он нежно посмотрел на счастливое Викино лицо.

— Ага, — она потянулась. — Очень.

— Сейчас что-нибудь сообразим.

Эдик нагишом прошлепал на кухню. Слышно было, как хлопнула дверца холодильника.

— Яичницу будешь? — крикнул он. — С колбасой? А, черт! Яйцо уронил!

Вика лениво вылезла из теплой постели и накинула на плечи мужскую рубашку.

Выйдя на кухню, она расхохоталась.

— Ты чего? — Эдик, собиравший с пола желто-белую лужицу, обернулся.

— Видел бы ты себя сейчас! — захлебывалась Вика.

Сбросив в мойку грязную посуду, она накрыла стол и зажгла огарок свечи, найденный среди прочего хлама.

— Ужин при свечах, — ухмыльнулся Эдик, честно деля яичницу пополам. — Сюда бы шампанское... Погоди-ка... — он метнулся в комнату и скоро вернулся с бутылкой в руках. — «Агдам» для дам! — провозгласил он и торжественно достал из буфета две запыленные рюмки. — Я пью за вас!

— Ты б хоть трусы надел, — посоветовала Вика. — Все-таки при свечах...

Эдик не слишком охотно натянул джинсы.

Потом, когда все было съедено, они сидели друг против друга, потягивая «Агдам», который казался им почти божественным нектаром.

— А почему ты не живешь с родителями? У вас плохие отношения? — поинтересовалась Вика.

— Да нет, вроде... — пожал плечами Бодягин. — Просто надоела излишняя опека. В Питере привык один... Да и им так вроде лучше. Они и за квартиру помогают мне платить. Иначе б я не выкрутился. И потом, не хочу подставлять их. Зачем предкам лишние неприятности с КГБ из-за меня?

— А что, разве все продолжается? — встревожилась девушка.

— А к ним кто раз на крючок попадет, того они

уже не отпускают. Ко мне на работу уже наведывался один... в штатском... Документы проверял...

Вика вздохнула.

— Я все думаю об этом человеке...

— О ком? — удивился Эдик.

— О Рейли... Он ведь погиб в первую мировую войну. Как же мог оказаться им Розенблум? Или это был не Розенблум, а кто-то другой?

— Господи, ты меня совсем запутала с этими шпионами!

— Нет, правда! Хочется разобраться. Один взрывается, другого расстреливает ОГПУ...

— Да им это раз плюнуть, — авторитетно заявил Бодягин. — Думаешь, сейчас такого не случается?

— Не в этом дело, — перебила Вика. — Розенблум давал показания как Рейли. Но ведь он же не Рейли...

— Они кого угодно и что угодно заставят подписать.

— Но зачем им это надо? — недоумевала девушка. — Розенблум же не шпион.

— А им нужен был шпион. Вот они и взяли первого попавшегося иностранца...

— Но объясни мне все-таки, зачем?

— Я почему знаю? Лычки себе зарабатывали. А теперь зачем берут? По той же причине. Думаешь, эти, которые меня таскали в ГБ, не понимали, что просто драка была пьяная? Они хотели раздуть из мордобоя политическое дело, бдительность проявить.

— Но не все же они такие! Повсюду есть честные люди! — горячо возразила Вика. — Для чего был создан Комитет? Для борьбы с врагами! Следовательно, они и тогда и теперь...

— ...остаются сволочами! Фальсифицируют дела, устраивают провокации, сажают невинных людей... Ты про пытки что-нибудь знаешь? Тут не то что шпионом себя назовешь, а признаешься в том, что убил родную маму, разрезал на кусочки и съел. По-

думаешь, чувака заставили подписать бумаги, будто он и есть тот самый шпион, который погиб в первую мировую! Я знаю истории и пострашней! А ты не хочешь открыть глаза и увидеть правду!

— Правды бывают разные, — подавленно сказала девушка. — По одну сторону баррикады люди верят, что их дело правое, и по другую идут на смерть во имя своих высоких идей.

— Правда одна, — отрезал Бодягин. — А высокие идеи нельзя защищать на чужой крови.

— Легко говорить это сейчас. А если бы была война? А если бы ты жил во время революции? Да ты бы первый лично записался в ряды чекистов, чтобы бороться со всякой нечистью.

— Я?! — Эдик вытаращил глаза. — Да за кого ты меня принимаешь?

— За порядочного человека. И среди чекистов в первые годы Советской власти было намного больше таких, чем тех сволочей, о которых ты говорил. Вспомни Дзержинского! Он беспризорников жалел! Сам умирал от голода, а других спасал. А Менжинский? Артузов? Петерс?..

— Ага... Ягода, Ежов, Берия...

— Это после было, при Сталине... Но в конце концов их разоблачили...

Эдик нервно закурил. Вика зажгла сигарету, затянулась и закашлялась.

— Брось, — сказал Бодягин. — Тебе не идет...

Вика затушила сигарету и подперла лицо кулаками.

— Мне кажется, — медленно сказала она, — что автор этих дневников не был никаким шпионом... Он был порядочным человеком...

— Послушай, — Эдик ткнул окурком в пепельницу. — Давай больше вообще не будем касаться этой темы. Иначе я стану подозревать, что тебя ко мне просто подослали.

— Меня? — растерялась Вика. — Ты же знаешь, что это не так.

— Начинаю уже в этом сомневаться, — он притянул Вику и усадил к себе на колени. — И вообще... докажи мне свою лояльность...

Эдик заснул. А Вика долго ворочалась, таращила в темноту глаза и считала слонов. Наконец она не выдержала, тихонько встала и на цыпочках вышла на кухню. Зажгла свечу, вынула из кармана куртки паспорт Бодягина и принялась его изучать.

Внезапно над головой вспыхнула лампа.

Девушка испуганно оглянулась.

В дверях стоял Эдик.

ГЕОРГИЙ РЕЛЛИНСКИЙ, ПЛАМЕННЫЙ ЧЕКИСТ

«Сидней Джордж Рейли орудовал в 1918 году почти восемь месяцев под именем Сиднея Георгиевича Реллинского... Под этим именем он был замешан в историю, получившую название «заговор послов». И был он тогда сотрудником петроградской ЧК, ее уголовного отдела, имел пропуск для свободного прохода в Кремль (хотя Кремль и не в Петрограде)».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

Глава 1 ПРИВЕТ ОТ ТЕТУШКИ

Лондон, октябрь 1899 года

— Ну как, тебе понравилось? — Джейн заглядывала ему в лицо своими зелеными глазами. — Ой, я так разволновалась, что едва не заплакала!

— Я не большой любитель оперы, — Георгий пожал плечами. — Впрочем, пели актеры неплохо. Но чтобы судить о нашумевшей книге, лучше все-таки прочесть ее...

— Тебя ждет сюрприз! — Джейн, как девчонка, легко крутанулась на одной ножке. — Поцелуй меня и получишь взамен оч-чень ценную вещицу!

Реллинский невольно улыбнулся и решил ее подразнить:

— Даже не знаю, право, стоит ли твой сюрприз поцелуя.

— Еще как стоит! — Джейн с загадочным видом извлекла из сумки небольшой томик. — Смотри, Джордж, вот то, что ты так хотел прочесть, — «Овод»!

— О-о! Благодарю! — Георгий принял у нее из рук нашумевшую книгу. — И готов поцеловать тебя за это не один, а сто раз...

Джейн расхохоталась. Она была очень хороша сейчас. Глаза блестят, рыжие волосы растрепались и горят в свете газовых фонарей, как золотая корона. Пожалуй, в чопорном английском обществе ее сочли бы несколько шумной и чересчур эмоциональной, но именно это, а еще искренность и открытость и привлекали Реллинского. Хотя девушка тоже симпатизировала Георгию, знакомиться с ее отцом, капитаном Патриком, он пока не спешил. Женитьба не входила в его планы. Нужно было сперва закончить учебу в Королевском горном институте, а дальше видно будет...

— Мы уже пришли... О чем ты задумался? — внезапно притихнув, спросила Джейн.

— Мне нужно уйти. На сегодня назначена важная встреча, от которой зависит мое будущее...

— Да? — разочарованно протянула девушка. — Как жаль... А завтра мы увидимся?

— Обязательно. А за книгу спасибо! — Реллинский поцеловал Джейн в щеку, помахал ей на прощание рукой и зашагал по улице.

— В сущности, — сказал он сам себе, — я ее не обманываю. Мисс Патрик — чудесный человек, к тому же рано или поздно унаследует все состояние старого капитана... Но не стоит внушать ей никаких надежд и ставить себя в ложное положение.

Через два квартала Георгий почувствовал слезку. Человек, которого он в этом заподозрил, неотступно двигался за ним. Реллинский сделал вид, будто

разглядывает витрину магазина, и заметил, что подозрительный тип тоже остановился невдалеке. Лицо вроде бы незнакомое... Гм, довольно молод, но подбородок скрыт пышной бородой, явно фальшивой. Надо исчезнуть! Сегодня предстоит встреча с друзьями-марксистами. Большинство из них, разумеется, на легальном положении. Но береженого Бог бережет. Вдруг этот псевдобородач — царская ищейка? Георгий неторопливо шагал по улицам, а сам поглядывал по сторонам в ожидании, когда подвернется подходящий момент. Он очень хорошо знал эту часть Лондона и поэтому больше полагался на счастливый случай. Ага, вот, кажется, проходной двор! Реллинский резко свернул за ограду и припустил бегом...

Впереди маячил выход. Георгий вздохнул свободнее и замедлил шаг. И тут же его нагнал незнакомец!

— Что вам угодно? — от неожиданности Реллинский заговорил грубо и агрессивно. — Почему вы меня преследуете?

— Простите, пожалуйста, — «бородач» прижал руку к груди. — Мне необходимо переговорить с вами.

Нет, это не филер! Сотрудники охраны вряд ли могут изъясняться на таком английском. Реллинский несколько успокоился.

— К чему тогда этот маскарад? — уже мягче сказал он, указывая на фальшивую бороду.

«Преследователь» рассмеялся.

— Я все сейчас объясню, — пообещал он. — Но, может быть, лучше где-нибудь посидим?

Они вошли в паб «Красный лев» и взяли по кружке светлого эля.

— Позвольте представиться, — незнакомец обеими руками взялся за бороду и с усилием отодрал ее от лица. — Френсис Аллен Кроми, лейтенант флота, к вашим услугам.

Старички, игравшие в криббэг, оглянулись. Толс-

тяк за соседним столиком выпучил глаза, чертыхнулся и на всякий случай пересел подальше.

— А этот, как вы изволили выразиться, маскарад, — Кроме потер подбородок, — я придумал, чтобы познакомиться с вами.

Георгий все еще настороженно смотрел на него.

— Мой дядя, — объяснил моряк, — капитан Патрик, тревожится, что его единственная дочь увлечена иностранцем. Он попросил меня навести справки... Все, что я узнал, характеризует вас наилучшим образом, — дворянин, студент-химик и так далее. Но что вы за человек? Согласитесь, составить мнение о ком-либо можно только при личном общении. К тому же, — добавил он, помрачнев, — судьба кузины мне тоже небезразлична. Короче говоря, я хотел бы спросить, какие у вас намерения относительно Дженни.

Реллинский некоторое время колебался. Но потом, решившись, ответил:

— Мы с ней просто друзья. Мисс Патрик очень славная девушка...

— Она прелесть! — согласился Кроме. — Я знаю Дженни с детства, и, поверьте, другой такой на свете нет!

Георгию почему-то стало грустно. Судя по всему, лейтенант влюблен в свою кузину, и это так понятно. А вот русскому студенту придется от нее отказаться.

— Мне доставляет радость беседовать с ней, гулять, обмениваться книгами, — сказал Реллинский. — Но, если я вас правильно понял, мы с вами не соперники. Нас с Джейн слишком многое разделяет, и я никогда не претендовал на большее, чем просто дружба. Вас устраивает такой ответ, мистер Кроме?

— О да! — моряк горячо пожал руку русскому. — Для вас — просто Фрэнк. Я счастлив познакомиться с таким прекрасным, благородным человеком! Можете всегда рассчитывать на мою помощь!

— Благодарю, — Георгий со вздохом положил на стол томик Войнич. — Передайте эту книгу вашей кухне и скажите что-нибудь в таком роде: ему срочно пришлось уехать на родину, и он не успел попрощаться со своей милой приятельницей... Он сожалеет, но никогда не забудет дни, проведенные с нею вместе.

Кроми озадаченно повертел роман в руках.

— Вы и в самом деле должны возвращаться в Россию? — недоверчиво прищурился он.

Реллинский кивнул и не стал уточнять, что его отъезд произойдет всего лишь через полгода, после завершения курса. Зачем отрубать хвост собаке по куску? Лучше отмахнуть сразу!

Они выпили еще пива и распрощались добрыми друзьями.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Овод» до сих пор входит в число моих самых любимых книг. Я много раз читал и перечитывал этот роман. И всякий раз, приближаясь к финалу и неизбежной гибели Ривареса, плакал. Очень сильно написано! Но, возможно, дело не только в этом. И не только в том, что сама фигура революционера так притягательна. Для меня в Оводе всегда сохраняется что-то личное. Возможно, это связано с собственной молодостью и воспоминаниями о некоей девушке... Удивительно! Я знал десятки женщин, был с ними близок, но ни одна из них не оставила в моей душе такого следа, как та давняя нежная привязанность... Как знать? Если бы наши отношения развивались, если бы я добровольно не отказался от Дженни, возможно, мы были бы счастливы вдвоем. Или, наоборот, очень скоро расстались бы с обидой друг на друга. Так что сожаления мои вызваны скорее тем, что могло бы осуществиться, но не случилось... Умом я

понимаю это. А сердце все равно грустит и тоскует. Если она жива, то давно уже стала старенькой, и волосы у нее не рыжие, а седые...»

Лондон, весна 1900 года

Георгию пришлось сменить квартиру и избегать общих с мисс Патрик знакомых. На улицах он всматривался в лица прохожих. И не только потому, что боялся случайно встретиться с Джейн. Расставшись с романтическими иллюзиями, Реллинский еще больше сблизился с земляками и вступил в ряды социал-демократов. Он не мог позволить себе роскошь быть беспечным. Неосторожность означала реальную опасность не только для него самого, но и для товарищей по партии. Конечно, царские шпики не станут приклеивать фальшивую бороду, как влюбленный моряк Кроми, но тем более следует держать ухо востро. Ведь товарищи доверили ему ответственное задание — готовить для печати революционные брошюры, предназначенные для отправки в Россию. Вот и сейчас он нес в портфеле новую рукопись.

Типография, выполнявшая заказ, располагалась на небольшой улочке в Ист-Энде. Это было удобно, потому что редкие посетители не привлекали внимания ни горожан, ни полиции. Что особенного в том, если какой-то господин собрался отпечатать для себя визитные карточки? Такую отговорку Георгий придумал на тот случай, если кто-нибудь станет проявлять излишнее любопытство, но пока что Бог милостив.

— А, это ты, Джордж! — приветствовал его хозяин типографии, невысокого роста крепьш.

Свою карьеру Ричард Вуд начал лет тридцать назад в должности помощника печатника. Последние четыре года типография принадлежала ему, но это

не изменило ни характер, ни добрую рабочую закваску Дика.

Он деловито просмотрел рукопись, принесенную Георгием, сделал на ней какие-то загадочные пометки, предназначенные для наборщиков, и кивнул на стопки уже отпечатанных брошюр:

— Эти можно забирать.

Реллинский расплатился, тщательно отсчитав требуемую сумму (деньги были не его собственные, из партийной кассы, он головой отвечал за каждый пенс), получил взамен расписку и тряхнул руку Вуда:

— Спасибо, Дик. Ты, как всегда, точен.

— Пролетарии всех стран, объединяйтесь! — шуточно отозвался тот и посоветовал: — Возьми кеб.

Реллинский знал это и без всяких советов. В руках такую кипу не унесешь и в омнибус не сунешься. Георгий свистнул кебмену, погрузился и вскоре оказался дома.

Ровно в пять в дверь позвонили, Реллинский открыл. На пороге стоял рослый блондин. Не дождавшись условленной фразы, Георгий неторопливо заинтересовался:

— Что вам угодно?

Пришедший нахмурил брови, как будто что-то припоминая, и неуверенно произнес:

— Сэр Марк передает вам привет от тетушки.

— А как тетушкино здоровье? — подозревая неладное, настороженно спросил химик. Это был второй, дополнительный пароль.

— Инфлюэнца дала осложнение на слух, — четко отрапортовал незнакомец.

— Проходите, — успокоился хозяин, впуская гостя в квартиру.

Как выяснилось, курьер плохо знал Лондон и долго блуждал в поисках указанного ему адреса. А когда нашел, от волнения растерялся.

— Вы латыш? — спросил Георгий, помогая ему складывать в чемодан отпечатанные Диком брошюры.

— А что, заметно? — встревожился гость.

— Есть немного, акцент выдает, — объяснил Реллинский.

— Я вообще неважно владею английским, — виновато сказал курьер. — Зато в Германии все принимают меня за немца, и я всегда беспрепятственно провожу багаж.

— Сегодня же обратно? — сочувственно спросил хозяин. — Отдохните немного. Хотите чаю?

— Не откажусь...

За чаем разговорились. Товарищ Эдуард — так представился посетитель — приехал в Англию впервые в жизни, хотя у него уже был немалый опыт в перевозке нелегальной литературы.

— Трудно на чужбине? Я хоть наездами, но бываю у своих в Риге, — сказал он. — А вы как же?

— Я тоже скоро вернусь в Петербург, — Георгий неожиданно для себя вздохнул по дому. — Может быть, даже в ближайшие месяцы...

Проводив курьера, он решил развезаться и зашел в недорогой ресторан «Королевский якорь», где время от времени обедал. Знакомый официант, расторопный паренек по имени Билли, обслуживая постоянного посетителя, глазами указал ему на соседний столик. Реллинский рассеянно взглянул на даму в модной шляпе и в первое мгновение оторопел — ему показалось, что это Джейн Патрик. Но женщина повернула голову — и очарование исчезло, лицо было незнакомое, а волосы гораздо темней, чем у ирландки, хотя тоже отливали в рыжину.

— Гарсон, порцию виски, — манерно растягивая слова, заказала дама.

— Сию минуту, — Билли подмигнул Георгию и поспешил к стойке бара. А Реллинский внимательно присмотрелся к посетительнице. Женщина необычной и броской красоты — и одна, без сопровождения? На проститутку не похожа. Скорее, это содержанка какого-нибудь буржуа... Умеет себя дер-

жать, прекрасные манеры... Только вот виски — в такое время?

Билли подал даме бокал и, проходя мимо Реллинского, снова подмигнул ему и прошептал:

— Каково? Стильная штучка... Кому-то она обходится в кругленькую сумму...

Официант был прав. Для Лондона эта женщина казалась слишком экзотической. Эдакая райская птица, залетевшая в туманный Альбион. Любопытно было узнать — откуда она? Речь правильная, но в ней есть легкий оттенок, непривычный для Англии... Возможно, она приехала из колоний?

Дама щелкнула крышкой изящного портсигара. В тонких пальцах появилась дорогая папироса.

— Позвольте... — Георгий, учтиво поклонившись, зажег спичку.

— Благодарю, — женщина глубоко затянулась и выпустила дым через ноздри тонко очерченного носа. — Этот гарсон не слишком любезен, верно?

Реллинский расценил ее слова как приглашение к разговору и без церемоний пересел за столик любительницы виски. Она приняла это как должное, потягивала спиртное, как воду, и молча изучала своего визави.

Показался Билли, неся на подносе заказанный Георгием обед.

— О! — только и сказал он, заметив, что тот сидит уже за соседним столом. Но, не позволяя себе никакой фамильярности, обслужил клиента и тут же скрылся.

— Хотите чего-нибудь поесть? — спросил Реллинский.

— Спасибо, я не голодна. А впрочем... Вы тут, как видно, не впервые? Что посоветуете?

— Здесь неплохо готовят рыбу. Рекомендую также бифштекс.

— Нет, это слишком тяжело! — отказалась дама. — А рыбу попробую с удовольствием.

Ела она неторопливо, деликатно откусывая по маленькому кусочку, как человек, привыкший совершать трапезу в хорошем обществе. Георгий по-прежнему терялся в догадках.

— Откуда вы приехали? — спросил он наконец.

— На этот раз — из Парижа, — ничуть не удивившись, отвечала загадочная женщина. — А вообще — из Мадрида, Берлина, Нью-Йорка...

— Из Петербурга, — в тон ей продолжил Реллинский.

— Там мне тоже доводилось бывать, — слегка улыбнулась незнакомка. — Неплохая страна, но, на мой вкус, зимой там слишком холодно.

«Она русская! — догадался Георгий. — Хотя... кто ее разберет. Если мы и земляки, она ни за что в этом не признается. Любит напускать на себя туману».

Он уже понял, в чем причина необычного поведения незнакомки. Она держалась в новом, очень модном стиле «женщина-вамп». И то ли стиль этот идеально шел к ней, то ли в даме действительно было нечто роковое, но она не казалась ни смешной, ни претенциозной, ни менее привлекательной, чем была.

— Вы свободны сегодня вечером? — неожиданно для себя спросил Реллинский. — Я хотел бы пригласить вас куда-нибудь... В театр, например.

«Вамп» рассмеялась низким грудным смехом:

— Я все время ждала, когда вы предложите что-нибудь в этом роде! Не обижайтесь, все мужчины говорят одно и то же. А за обед спасибо. Все было очень вкусно. Вы позволите мне расплатиться самой?

— Нет, что вы! — воскликнул Георгий. — Ни за что! — и торопливо полез в карман за бумажником.

— Вы очень милый, — сказала дама, собираясь встать.

— Как? Вы уйдете? — он был поражен. — И я не узнаю, ни как вас зовут, ни где вас искать?

— Послушайтесь доброго совета, — со вздохом

промолвила незнакомка, — не пытайтесь меня разыскивать. А мое имя... Друзья называют меня Пепитой. Впрочем, зачем вам мое имя?

— Вы испанка? — Реллинский надеялся, что разговор заставит ее отвлечься и она не уйдет.

— Когда-то была ею... Прощайте. Я желаю вам удачи, — женщина прошуршала платьем к выходу.

— Вы ей приглянулись, — завистливо щелкнул языком Билли.

Расплатившись по счету, Георгий бросился на улицу. Там никого не было, хотя тротуар заполняли прохожие.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Помню, в каком радостном, приподнятом настроении я приехал в Петербург на Рождество 1900 года. Сколько надежд, сколько заблуждений! Девятнадцатый век уходил, наступало новое столетие, открывая счет невидимым открытиям, изобретениям, искусствам... Казалось, впереди ждет только счастье. Я еще ничего не знал о грядущих войнах, революциях, мир казался безоблачным и светлым. На улицах лежал снег, пахло елками, прохожие несли красиво упакованные подарки, румяные веселые девушки казались красавицами. Петербург был празднично украшен, и я нисколько не жалел о тех обидах, разочарованиях и бедах, которые навсегда оставались в прошлом. Я знал, что отныне моя жизнь станет осмысленной и принесет пользу...

Дома поднялся переполох. Оказывается, родители не получили мою последнюю телеграмму и не знали о том, что я уже в России. Матушка заливалась слезами, поминутно крестила и благословляла меня. А отец крепился, но то и дело брал меня за руку, как бы желая удостовериться, что сын — вот он, здесь, никуда не делся...

...оба умрут от голода в восемнадцатом году. Матушкин брат будет арестован как троцкист, а Романа Евгеньевича повесят колчаковцы. И двадцатый век, которого мы все так ждали, значительно сократит наш старинный род...

...мне предложили место преподавателя в университете и одновременно — должность в нефтяной компании Нобеля. Первое было почетно, второе — доходно. Я все еще колебался, когда выяснилось, что наши финансовые дела близки к краху. Мое обучение за границей обошлось семье слишком дорого. И как мне ни хотелось стать проводником передовых химических идей и наставником молодых умов, пришлось предпочесть второе...»

Глава 2 НАШ ЧЕЛОВЕК

Петроград, декабрь 1917 года

— Средство от тараканов! — выкрикивал Реллинский, притопывая ногами. Но щегольские ботиночки не грели, а валенок у Георгия не было — не запасся.

Кругом шумела, галдела и вовсю торговалась толкучка. В ходу были всякие деньги, и старые, и керенки, и весомые, и обесцененные, поэтому все предпочитали натуральный обмен. Вот и Реллинскому пришлось на практике использовать свои обширные химические познания, изобретая средства от клопов и тараканов.

Сейчас он дул на озябшие пальцы, засовывая их поглубже в рукава, но декабрьская стужа пронизывала до костей. «Эх, глоточек бы горячего чаю! — думал Георгий. — Да и вообще домой, в тепло...»

— Почем ботиночки? — толкнул его в бок здоровенный веснушчатый парень. — Буржуйские, со скрыпом... Отдашь за полмешка картошки?

— Отдать бы отдал, а потом что — босиком по снегу? — приплясывая, отозвался Георгий, стараясь не стучать зубами.

— Зачем босиком? — парень задрал вверх ногу. — Я тебе свою обувку одолжу. По рукам?

Обмен был чрезвычайно выгодным, и через полчаса Реллинский, гордясь своей удачей, тащил домой мешок. И сущей ерундой казалось то, что на ногах у него чужие рваные опорки. «Ботинки все равно не для нашей зимы», — успокаивал он себя.

Из-за угла выскочил и резко затормозил автомобиль с вооруженными людьми в бескозырках.

— А ну стой! — крикнул кто-то из них. — Спекулянт, мешочник. Покажь документ!

— Я не спекулянт, — стуча зубами, на этот раз и от холода, и от страха, отозвался Георгий. — Вот картошку выменял на ботинки... У меня дома старики родители, жена больная... Честное благородное слово, товарищи!

— Товарищ выискался! — возмутился другой матрос. — Шлепнуть его — и вся недолга. То-ва-а-рищ!

— погоди, — остановил его третий, по-видимому, постарше рангом. — Тебе лишь бы шлепать. Надо сперва разобраться. Вы кто такой? Документы есть?

— Документы у меня дома, — жалко принялся оправдываться задержанный. — Тут недалеко, в двух кварталах, можете проверить...

Ему не стыдно было унижаться. Если не донести до квартиры картошку, матушка, отец и Таня — все погибнут от голода.

— погоди, — снова повторил старшой. Он напряженно взгляделся в лицо Георгия и неуверенно спросил: — Товарищ Реллинский?

— Он самый, — все еще настороженно отозвался химик, опуская на землю мешок.

— Это никакой не контрик, а наш, наш человек! — возбужденно сказал старшой. — Не узнаешь,

Георгий Васильевич? Не помнишь? Надо же! С пятого года не видались!

— Эдуард? Берзинь? — все еще не веря себе, переспросил Реллинский. — Сэр Марк передает вам привет от тетушки?

— Он самый... Как ты, что? Где служишь?

— Нигде, — вздохнул Георгий. — Фирма прогорела, хозяин уехал... Я без работы.

— Непорядок, — покачал головой Берзинь. — Такой старый революционер, как ты, с твоим опытом, с золотыми руками, не должен шататься по толкучкам... Знаешь что? Иди к нам служить!

— Куда это — к вам?

— Да в ЧК! Работы — по горло! Люди нужны — позарез! Форму получишь, сапоги, а эту рвань, — Эдуард кивнул на опорки Реллинского, — выкинь. Паек хороший... Все, как положено... Да ты не раздумывай, соглашайся!

— А меня возьмут? — с сомнением спросил Георгий.

— Еще как! С руками оторвут!

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян — и что всякий его окрик, грубость, нескром-

ность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть».

(Ф. Дзержинский, из инструкции для чекистов, 1918 год.)

Петроград, конец декабря 1917 года

В дверь забарабанили:

— Открывайте! Проверка документов!

Массино заметался по спальне, пытаясь попасть ногой в штанину:

— Еленочка! Ради всего святого... В доме есть другой выход?

— Парадная заколочена, — Елена Шарлевна спокойно накинула халат и крикнула: — Сейчас открою! Я не одета! Подождите минуту!

Когда Массино застегнулся на все пуговицы, женщина загремела в прихожей цепочками и замками. И тотчас же квартиру заполнили люди с оружием.

— Кто такой? — спросил у хозяйки Реллинский, кивая на Массино. — Попрошу предъявить документы!

— Дальний родственник, — небрежно бросила женщина. — Приехал из провинции.

— Так, — Георгий углубился в изучение бумажки, протянутой «родственником». — «Турецких и восточных стран негоциант»... Что сие означает? Иностраный подданный? Спекулянт? Контрабандист?

— Законопослушный гражданин, — коммерсант молитвенно сложил у груди руки. — Торгую азиатскими пряностями... Елена Шарлевна приютила меня на ночь...

— Весьма подозрительный тип, — Георгий обернулся к сопровождавшим его матросам. — Задержим его для выяснения личности.

— Не суетись, Винченцо, — презрительно бросила хозяйка ломавшему руки любовнику. — Поддержат и выпустят. Личность твоя и в самом деле не внушает доверия.

«Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Совете Народных Комиссаров доводит до сведения всех граждан, что до сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции наглет с каждым днем... Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления, а потому объявляет, что все неприятельские агенты и шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний и участники в подготовке восстаний для свержения Советской власти — все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска Калединской и Корниловской банды и польские контрреволюционные легионы, продавцы и скупщики оружия для отправки финляндской белой гвардии... для вооружения контрреволюционной буржуазии Петрограда будут беспощадно расстреливаться отрядами Комиссии на месте преступления».

(Сообщение ВЧК от 22 февраля 1918 года.)

Петроград, конец февраля 1918 года

— Массино... Снова тот же подозрительный тип! — Реллинский через стол перекинул папку Резо. — Помнишь, мы задержали его перед Новым годом для выяснения личности? Так вот, открылись новые факты. Это еще тот субчик! Чего только за ним не числится: и спекуляция, и скупка краденого, и контрабанда... Мерзкая фигура! Надо еще раз его допросить.

— Попробуй, — охотно отозвался Дарчия, ложкой вынимая из банки аджику и отправляя ее в

рот. — Этого темного дельца выпустили уже через два часа после задержания. А следовало расстрелять на месте! Где-то он кому-то подмазал, не иначе...

— Как выпустили?! — задохнулся от негодования Георгий. — Не может быть! Да перестань ты жевать, наконец...

— Не могу, — развел руками Резо. — Без хлеба еще так-сяк, а без аджики — не могу... Ловишь их, ловишь, сажаешь, понимаешь ли, сажаешь, а потом за твоей спиной их тихо выпускают.

— Надо выяснить, кто этим занимается, и жестоко наказать, — покрасневшие от недосыпания глаза Реллинского сощурились. — Репутация чекистов должна быть чистой и безупречной.

— При такой текучке попробуй найти виноватого, — Дарчия отправил в рот еще одну ложку аджики. — Этого Массино уже и след простыл. Вот поймем его снова... Тогда он нам выложит, кто его покрывает!

— Ищи ветра в поле! — Георгий проглотил голодную слюну.

«Один из сотрудников Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией недалеко от станции Плесецкая Архангельской железной дороги заметил подозрительного человека, который стоял у телеграфного столба и, по-видимому, кого-то ожидал. Неизвестного задержали. Чекисты обратили внимание на то, что на пальто у неизвестного была пришита одна большая латунная желтая пуговица, резко отличающаяся от других.»

Задержанный сознался, что он хотел пробраться в район расположения английского десанта в Архангельске для того, чтобы поступить на службу в белогвардейские войска. Как он показал, его завербовал в Петрограде доктор Ковалевский, который поручил ему доставить в Архангельск шпионское донесение и поступить в белогвардейскую армию. На станции Плесецкая

задержанный ожидал человека, который должен был проводить его через линию фронта. Желтая пуговица, пришитая к пальто задержанного, служила условным знаком: такая же пуговица должна была быть и на пальто тех членов контрреволюционной группы, которые встретят его в дороге и проведут через линию фронта.

Чекисты перешли желтую пуговицу на одежду одного из своих сотрудников и поручили ему встречать лиц с такой же пуговицей, направляющихся в Архангельск. Вскоре на желтую пуговицу поймался бывший полковник Михаил Куроченков, а затем... на станции Дикая была задержана уже целая группа белогвардейцев».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Петроград, апрель 1918 года

— За вас поручился товарищ Берзинь, — строго сказал Петерс. — Он знаком с вами еще по работе в Великобритании, а также по первой русской революции. Сотрудники по уголовному отделу ЧК также характеризуют вас как образцового, кристально честного чекиста. И, наконец, самое главное — вы в совершенстве знаете английский язык... Жили несколько лет в Англии... Вам что-либо говорит имя Кроми?

Реллинский растерянно молчал.

— Френсис Аллен Кроми, — повторил Петерс, отводя рукой от лица длинные, как у семинариста, волосы.

— Д-да... мы виделись в Лондоне... но это было... страшно сказать — двадцать лет назад...

— Вы сумеете его опознать?

— Не знаю... Слишком много времени прошло...

Петерс положил на стол фотографию.

— Не очень-то изменился ваш приятель, верно?

Снимок двухлетней давности. Кромби был морским атташе английского посольства. Он и сейчас в Петрограде, работает на британскую разведку и, — заместитель Дзержинского усмехнулся, обнажая испорченные зубы, — присматривает за кронштадтским флотом, как бы его не увели немцы...

— Значит, теперь мы по разные стороны баррикады, — тихо сказал Георгий.

— Нет! — резко возразил Петерс. — Вы давние друзья, а сейчас к тому же еще и коллеги. Вы ведь тоже английский шпион, посланный к нам разведкой «Интеллидженс Сервис» с особым заданием — организовать заговор против Советской власти, чтобы свергнуть ее!

На короткое мгновение Реллинскому показалось, будто его обвиняют и зачитывают приговор. Но Петерс продолжал:

— Теперь вы не Георгий Реллинский, а Джордж Рейли, знаменитый разведчик секретных британских служб. Или, если желаете, — Петерс снова усмехнулся какому-то воспоминанию, — Сидней... да, именно так — Сидней Джордж Рейли.

— Но, Ян Христофорович... вдруг Кромби знаком с этим знаменитым шпионом?

— По некоторым данным, настоящий Рейли не то убит, не то давно в отставке. К тому же это не имя, а шпионская кличка, которую «Интеллидженс Сервис» не раз использовала по собственному усмотрению и может присваивать любому агенту, — Петерс нахмурил широкий лоб. — Вы что, трусились? Не верю! Товарищи характеризовали вас как человека огромной отваги.

— Одно дело — встречаться с врагом в открытой схватке... — Реллинский еще раз взглянул на фотографическую карточку. — И совсем другое — лгать, притворяться... Вдруг я не справлюсь и провалю задание?

— Поймите, у нас нет другого выхода, — устало

сказал Петерс, и суровое его лицо вдруг помягчело. — Социалистическое отечество в опасности, его обложили со всех сторон. Вы единственный, кто может проникнуть в ряды наших многочисленных противников и сорвать их черные замыслы.

— Да, — тихо подтвердил Георгий, — другого выхода и правда нет.

— Кроме представит вас своим коллегам, — продолжал зампредавателя ВЧК. — Возможно, это сотрудники посольств. Может быть, профессиональные разведчики. Или скрытые белогвардейцы. Вы должны увлечь их реальным планом захвата власти... Слушайте...

Они склонились над столом. Инструктаж затянулся глубоко за полночь.

Хроника событий 1918 года

1 января — Первое покушение на В. Ленина в Петрограде.

6 января — Декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания, не признавшего Советскую власть и ее декреты.

15 января — Декрет СНК об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

Январь — февраль — Ликвидация контрреволюционных мятежей атаманов Каледина и Дутова.

18 февраля — Начало наступления войск австро-германского блока на Советскую Россию.

21 февраля — Декрет-воззвание СНК «Социалистическое отечество в опасности!»

22 февраля — Учреждение Чрезвычайной комиссии Народного Секретариата Украины для защиты страны и революции.

3 марта — Подписание Брест-Литовского мира.

9 марта — Высадка английских войск в Мурманске.

14—16 марта — IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор.

18 марта — Постановление Коллегии ВЧК об образовании губернских и уездных чрезвычайных комиссий.

5 апреля — Высадка японских и английских войск во Владивостоке.

22 апреля — Декрет ВЦИК об обязательном всеобщем военном обучении для рабочих и трудящихся крестьян от 18 до 40 лет.

25 мая — Начало антисоветского мятежа Чехословацкого корпуса.

29 мая — Постановление ВЦИК о переходе к всеобщей мобилизации в РККА.

8 июня — В захваченной белогвардейцами и интервентами Самаре создано контрреволюционное правительство.

11—14 июня — 1 Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий в Москве.

13 июня — Объединение отрядов ЧК в центре и на местах в корпус войск ВЧК.

20 июня — Убийство в Петрограде комиссара Петроградского Совета по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарского.

6 июля — В Москве убит немецкий посол Мирбах.

7 июля — Ликвидация мятежа левых эсеров в Москве.

7—8 июля — Подавление контрреволюционных мятежей в Рыбинске и Муроме.

17 июля — В Екатеринбурге расстрелян последний русский царь Николай Романов.

22 июля — Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле.

2 августа — Высадка в Архангельске английских, французских и американских интервентов.

4 августа — Оккупация Баку английскими интервентами.

30 августа — Убийство председателя Петроградской губчека М. Урицкого. Покушение на В. Ленина в Москве.

Петроград, начало мая 1918 года

В Латышский клуб Реллинский заходил уже несколько раз. У него появились здесь знакомые. А Кроми все не было, хотя Петерс утверждал, будто Френсис входит в число завсегдатаев клуба.

Георгий Васильевич выдавал себя за представителя международной нефтяной компании, каким и был до революции.

...Раскланиваясь с новыми знакомыми, Реллинский заказал выпивку и сел за столик. Оглядел зал. Кроми здесь не появлялся вот уже две недели, во всяком случае, Георгий ни разу еще не видел его. Это внушало беспокойство: а вдруг он уехал из Питера, надолго отлучился по делам?

К Георгию Васильевичу тут же подсел юркий маленький человечек. Реллинский с содроганием узнал в нем Массино. Но делец и не подозревал, что этот хорошо одетый господин с прекрасными манерами и чекист, задержавший его в прошлом году, — одно и то же лицо.

— Месье Константинов (под этим именем Реллинского знали в Латышском клубе), месье Константинов! Есть крупная партия оружия...

Георгий Васильевич отрицательно покачал головой.

— А что вас интересует? Кокаин? Антиквариат? — продолжал гадать спекулянт. — Может быть, хотите недорогую чистую девочку?

— Подите вон, — брезгливо ответил «Константинов» с легким, но заметным английским акцентом. — С такими людьми, как вы, я не веду никаких дел. И знаете — почему? Я вам не доверяю.

Массино оскорбленно засопел и убрался в другой конец зала. И очень вовремя. Потому что в клуб пришел Кроми. Сердце у Реллинского екнуло. Он сам не ожидал, что так обрадуется.

Вид у Френсиса был измученный. Он заказал обед и принялся жадно есть.

Георгий Васильевич взял свой бокал с вином и

прошелся между столиками, перебрасываясь со знакомыми шутливыми приветствиями. Подойдя совсем близко к Кроми, он стал присматриваться к нему, словно пытаясь узнать.

Моряк поднял лицо от тарелки и замер, не донеся ложки до рта.

— Простите, — нерешительно начал Реллинский, — мы не могли с вами раньше встречаться? Хотя не исключено, что я ошибаюсь.

Лицо англичанина осветилось радостной улыбкой.

— Никакой ошибки нет! — воскликнул он. — Боже мой... Неужели вы не помните? Лондон... Человек с накладной бородой... Дженни...

— Фрэнк? — недоверчиво спросил Георгий Васильевич. — Это вы? Не может быть!

Глава 3 ОХРАННАЯ ГРАМОТА

«Весной 1918 года в Москву был послан особый представитель английского правительства, прежде управлявший генеральным консульством в Москве, г. Локкарт. Насколько мне известно, инструкции, ему данные, можно, пожалуй, сравнить только с заданием разрешить квадратуру круга. Нужно было, по соображениям практическим, иметь «око» в Москве, следить за деятельностью большевиков и немцев и по мере возможности ограждать интересы англичан в России. Не имея официального звания, тем не менее вести официальные переговоры с Троцким. Ясно, что это было выполнимо только при условии сохранения дружеских отношений с советской властью. Локкарт, по-видимому, добросовестно работал над этой неразрешимой задачей с Чичериным и К^о и в то же время имел тесные сношения с организациями, работавшими для свержения Ленина и Троцкого».

(Из воспоминаний К. Набокова, бывшего секретаря русского посольства в Англии.)

«Мы были центром контрреволюционного движения. Мы постоянно получали указания от генерала Пуля или его штаба о посылке контрреволюционеров на север или финансировании разных лиц. Мы также поддерживали отношения с антибольшевистскими силами по другую сторону Волги, с контрреволюционным генералом Алексеевым».

(Из автобиографической книги Р. Локкарта «Воспоминания британского агента».)

«Еще в марте 1918 года он (Локкарт. — Прим. авторов) агитировал английское правительство за признание Советской власти (рискуя прослыть «красным» перед начальством)».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

«Еще в мае появилась на московском горизонте новая фигура — человек импульсивный, храбрый и неуравновешенный: авантюрист... сыгравший роль в судьбе Локкарта. Он принес ему готовый план свержения большевиков, и под влиянием этого сильного, бесстрашного, честолюбивого и, конечно, обреченного человека, приехавшего к нему из Петрограда, Локкарт не только укрепился в своем убеждении, что без интервенции большевики не могут быть свергнуты, но и весь ушел в работу, чтобы ускорить их падение... Человек, прибывший из Петрограда и введенный в кабинет Локкарта капитаном Кроми, был опытный секретный агент Георгий Реллинский, рожденный в России... а теперь — английский подданный, многим известный под именем Сиднея Рейли. Английское правительство послало его снова в Россию, здесь он должен был установить контакты с капитаном Кроми, а также с главой французской секретной службы Вертемоном и корреспондентом «Фигаро» Рене Маршаном... Поль Дюкс, глава британской иностранной разведки, Эрнест Бойс, один из двух начальников (другой был Стивен Аллен) британской секретной службы в России, Хилл и Локкарт к

концу июля сблизилась и с Лавернем, и с Гренаром из французской военной миссии, и все вместе — с Рейли, полностью доверяя ему. Его идеи, его план импонировали Локкарту... Рейли был на тринадцать лет старше Локкарта, и его манера подавлять собеседника своим авторитетом, его знание России, ее языка, ее населения с первой минуты встречи сыграли роль в отношении Локкарта к нему... «Заговором Локкарта»... тогда (и до сего времени) в СССР называли заговор Рейли».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Москва, июнь 1918 года

— Приход... — Локкарт вслух диктовал себе и сам же записывал в тетрадь. — Так... От Ллойд-Джорджа получено... еще раз получено... Итого... Расход... Генералу Алексееву переслано... Савинкову передано... Патриарху Тихону... Всего на сумму...

Реллинский тоже занимался подсчетами. Теперь через его руки проходили огромные средства. Они поступали частью от бежавших на юг промышленников и помещиков, дельцов и домовладельцев, короче говоря, всех «бывших», сохранивших от прежних времен золото, валюту, драгоценности. Деньги стекались и от заграничных «жертвователей» — из США, Франции, Англии, а также от президента Чехословакии Масарика, озабоченного судьбой сибирского корпуса белочехов.

Пересчитывая капиталы, Георгий Васильевич сжимал и разжимал кулаки, опасаясь, что гнев прорвется наружу и он чем-либо выдаст себя. С тех пор как Кроми покинул Москву и вернулся в Петроград, Реллинский оставался в окружении настоящих врагов — сильных, опасных, к которым можно испытывать только слепую ненависть. С Фрэнком их все-таки что-то связывало... А Локкарта можно было только презирать: не человек — флюгер, легко поддается любому влиянию...

— Довольно бухгалтерии, Брюс! — Рейли встал из-за стола. — Нужно действовать, черт возьми, а не протирать штаны за гроссбухом! Полсотни верных людей — и мы возьмем Кремль!

Локкарт с восхищением взглянул на знаменитого шпиона. Сколько энергии, воли, сколько ненависти к Советам! И откуда только в нем этот неистребимый наполеоновский дух, эта безграничная уверенность в себе? Локкарт Роберт Брюс, несмотря на свое воинственное имя, полученное в честь легендарного шотландского короля, основателя династии Стюартов, порой чувствовал себя, вопреки своему высокому положению, недостаточно опытным и серьезным человеком. К тому же он был влюблен... А влюбленный всегда уязвим.

Немного истории

Возлюбленная Локкарта, Мария Игнатьевна Закревская, по первому мужу Бенкендорф, по второму — баронесса Будберг, прожила довольно бурную жизнь. Ей довелось встретиться с людьми яркими, незаурядными. Близкие называли эту женщину Мурой. Ей посвящен последний роман Горького «Жизнь Клима Самгина» — и на протяжении двенадцати лет Мария Игнатьевна была подругой великого пролетарского писателя. С 1933 по 1946 год она была «невенчанной женой» знаменитого английского фантаста Герберта Уэллса. В ее биографии есть немало белых пятен и необъяснимых событий. Может быть, поэтому в разные годы ее считали то британской, то германской шпионкой, то чекисткой.

Москва, июль 1918 года

— Я не могу больше! — Реллинский чуть не плакал. — Ян Христофорович, надо их всех брать немедленно... Это страшные люди, они ни перед чем не

остановятся! Я больше не выдержу... Мне все время хочется взять маузер и стрелять, стрелять!

— Держите себя в руках! — Петерс силой усадил «шпиона» на стул. — Взять заговорщиков мы всегда успеем. Пока что, поймите, у нас нет на руках всех доказательств. Революционный суд не может обвинять врагов голословно. Придется продолжать игру. Но теперь вы будете действовать не один... Рука об руку с вами станут действовать наши товарищи: два моих тезки — Ян Буйкис и Ян Спрогис... И еще один ваш старый знакомый...

Георгий Васильевич с надеждой поднял голову и увидел, как в кабинет Петерса входит Эдуард Берзинь.

— Позволь, Эдуард, представить тебе английского разведчика Сиднея Рейли, — весело сказал заместитель председателя ВЧК. — С его подачи ты познакомишься с Френсисом Кроми, а уже затем с остальными иностранцами. Так что готовьтесь, братцы, к поездке в Питер... Если, конечно, согласны захватить Кремль и свергнуть большевиков! — и он заливисто расхохотался.

Реллинский тоже засмеялся. Берзинь, хотя и силился сохранить серьезность, не удержался и прыснул.

Дежурный за дверью, услышав доносящиеся из кабинета строгого начальника странные звуки, заглянул к Петерсу, держа наготове оружие. На лице его выразилось забавное недоумение, а вся троица просто покатилась со смеху.

Петроград, июль 1918 года

— Значит, все ясно, — подытожил Реллинский. — Ваша задача — войти к нему в доверие.

— Прямо как аферисты какие-то, — пробурчал Буйкис, взглянув на часы и поднимаясь. — Вот уж никогда не думал, что придется актером стать... Не нравится мне все это...

— Если бы вы знали, как мне это не по душе, — вздохнул Георгий Васильевич, — но таковы правила игры. Другим способом мы не сможем вывести врагов Советской власти на чистую воду.

Споргис помалкивал, сидя в уголке. Буйкис обернулся к нему:

— Пошли... хм... товарищ Шмидхен. Господин Кроми уж нас заждался.

«Летом 1918 года в Петрограде в Латышском клубе появились два молодых командира-латыша. Они быстро сошлись с завсегдатаями клуба, среди которых были члены контрреволюционной группы, связанной с морским атташе английского посольства Френсисом Алленом Кроми. В беседах с новыми знакомыми молодые командиры, внешне напоминая боевые офицеров, не скрывали своего отрицательного отношения к советским порядкам».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

*Петроград, июль 1918 года,
гостиница «Англетер»*

Уже за полночь в дверь номера постучали.

— Ну, наконец-то! — Георгий Васильевич пожал руки Буйкису и Споргису. — Отчего так долго? Я волновался, места себе не находил...

— Никак не могли расстаться с новым закадычным дружкой, — ухмыльнулся Буйкис. — Кроми почувствовал в нас родственные души и вцепился, как клещ. Ну теперь, слава Богу, все в порядке.

— А именно? — Реллинский сгорал от нетерпения. — Что он сказал?

— Завтра, Георгий Васильевич, он познакомит нас с господином Сиднеем Рейли, который будет руководить заговором против Советов, — пробасил Шмидхен. — Так что готовьтесь. Теперь вы у нас Спартак.

Мужчины расхохотались.

Петроград, июль 1918 года

— А как сложилась жизнь Джейн? — спросил Реллинский. — Меня много лет мучило чувство вины перед ней за свое внезапное исчезновение... И мне хотелось, чтобы она была счастлива...

— Дженни очень скоро стала миссис Кроми, и, разумеется, я все сделал для того, чтобы она об этом не сожалела, — ответил моряк. — А твои угрызания совести были совершенно излишни. Ты поступил как истинный джентльмен. Теперь я понимаю, почему ты не мог жениться. Уже тогда работал на британскую разведку, да, Джордж?

Георгий Васильевич значительно кивнул:

— Я не смел предложить твоей кухне жизнь, полную опасностей и волнений. Позже, после засылки в Россию, мне пришлось жениться... Сугобо из конспиративных соображений...

Он старался не думать о Тане. Как она там — больная, в холодной квартире, рядом с его стариками, которые сами нуждаются в уходе... Товарищи обещали позаботиться о семье Реллинского, но его угнетало, что, находясь в одном городе с близкими, он не может их даже навестить... Конспирация!

— ...Судьба жены разведчика ее все же не миновала, — делился между тем Кроми. — Больше всего я мечтаю о том, чтобы вырваться отсюда и вернуться домой, на родину. Бедняжка Дженни! Даже письма ей послать не имею возможности. Представляешь, как она волнуется?

— Представляю, — Георгий Васильевич подошел к окну гостиницы «Французская», в которой Кроми снимал номер. — Ну, где они, твои контрреволюционеры? Командиры Красной Армии — и вдруг так непунктуальны! Ты уверен, что это надежные люди?

— Абсолютно! Они ведь не знали, что я подслушиваю их разговор в Латышском клубе... И так крыли Советскую власть, что, если бы их засекали че-

кисты, тут же поставили к стенке! Нет, эти латыши искренне ненавидят большевиков. После соответствующего инструктажа они распропагандируют своих собственных подчиненных...

— Это неплохо, — задумчиво заметил Рейли. — Ведь именно латышские части охраняют Кремль. Мы совершим самый настоящий дворцовый переворот! Командование я беру на себя... Врываемся во внутренние помещения Кремля... Правительство — под арест... Ленина — расстрелять! Даем сигнал Савинкову... Это мой друг, говорил ли я тебе, Фрэнк? Он единственный человек, которого можно посадить на престол — авторитет и здесь, и за границей, эсер, организатор убийства Плеве и великого князя Сергея... Он входит в Москву и объявляет военную диктатуру. Разумеется, интересы Великобритании будут полностью соблюдены...

— Скорей бы все это произошло, — тоскливо сказал Кроми. — Знаешь, мне как-то не по себе. Сердце ноет... Боюсь заболеть, боюсь умереть в этой ужасной стране...

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Реллинский.

В номер вошли, снимая с головы фуражки, Буйкис и Споргис.

— Извините, что опоздали, — сказал Буйкис. — Показалось, будто за нами следят. Пока избавились от «хвоста», прошло время...

— Это Шмидхен, — представил Буйкиса Кроми. — И его друг Ян. Они красные командиры. И скоро должны поехать в Москву служить в частях, охраняющих Кремль. А это, господа, мистер Сидней Рейли.

Георгий Васильевич пожал своим товарищам руки. Латыши сохраняли невозмутимое выражение лиц, но рукопожатия были крепкими и надежными.

— Мы рады сотрудничать с вами, — подчеркивая «с вами», сказал Буйкис. — Советы у нас уже вот где! — он полоснул себя по шее ребром ладони.

Кроми одобрительно хохотнул.

— Славные ребята! — Рейли похлопал Шмидхена по плечу. — С такими можно начинать серьезное дело.

— Сейчас черкну несколько слов Роберту Брюсу... — Фрэнк подсел к столу. — Деньги и дальнейшие инструкции вы получите уже в Москве.

Латыши кивнули, Буйкис бережно спрятал письмо Кроми за пазуху. Распрощавшись, оба Яна надели фуражки и вышли из номера.

— Орлы! — возбужденно воскликнул Реллинский. — Особенно хорош этот Шмидхен. Как держится!

— Вот-вот, он мне тоже понравился, — поддержал Кроми. — Я так и написал Роберту Брюсу — этот особенно пригодится.

«Шмидхен принес мне письмо от Кроми, которое я тщательно проверил. Я держался постоянно начеку, опасаясь провокаторов, но убедился в том, что письмо это, несомненно, написано рукой Кроми. В тексте письма имелась ссылка на сообщения, переданные мною Кроми через посредство шведского генерального консула. Типичной для такого бравого офицера, как Кроми, была также фраза о том, что он готовится покинуть Россию и собирается при этом сильно хлопнуть за собой дверь. Характерным было также правописание... Орфографию Кроми никто не сумел бы подделать... В заключительной части письма Шмидхен рекомендовался мне как человек, услуги коего могут мне быть полезны».

(Из книги Р. Локкарта «Воспоминания британского агента».)

«В «игру» подключили командира 1-го дивизиона латышских стрелков Эдуарда Берзиня, который должен был разыграть роль «разочаровавшегося» красного командира, готового к измене.

14 августа Шмидхен с Эдуардом Берзином явились на частную квартиру Р. Локкарта в Хлебном переулке, 19...»

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

«Это были латыши, знакомые Рейли».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Москва, 15 августа 1918 года

«200 тысяч выдано вчера, — зашифровал Роберт Брюс в своей тетради. — Полмиллиона — сегодня». В отдельную папку он уложил расписки, полученные в обмен на деньги.

Латыши ждали в кабинете. Убедившись, что письмо Кроми подлинное, Локкарт предложил стрелкам рассказать о себе.

— А что тут рассказывать? — спросил худощавый Шмидхен. — Пропаганду в частях мы уже начали... Нужны только деньги для подкупа некоторых начальников и рядовых бойцов. Сами знаете — не подмажешь, не поедешь.

— Ода! — Роберт Брюс сам любил непереводаемые русские идиомы. — Вы получите сумму, необходимую для «подмазывания»... Но каковы ваши дальнейшие намерения?

— Наши части, — сдержанно сообщил Берзине, — командование предполагает передислоцировать на север. Но латышские стрелки не горят желанием воевать с архангельским английским десантом, наоборот. Если бы могли договориться с генералом Пулем... — он вопросительно взглянул на Локкарта, — то сообщили бы ему, что латышские полки и здесь, в Москве, и в Петрограде готовы хоть завтра выступить против большевиков. Если нас отправят на защиту обеих столиц, мы немедленно от-

крываем фронт, входим в контакт с союзниками и ведем их на Москву.

— Надоело воевать, — доверительно вздохнул Шмидхен. — Только и ждем минуты, чтобы вернуться домой, в Латвию.

— Потому мы и с вами, — решительно закончил Берзинь. — Англичане цивилизованная нация, они предоставят нам независимость, а Германия слопаёт и не подавится!

Локкарт согласно кивал.

— Чего же вы хотите от меня? — спросил он, выслушав гостей.

— Денег, — повторил Шмидхен. — Без денег, одними только разговорами, мы ничего не добьемся...

— Да хватит об этом! — оборвал его Берзинь. — Господин Локкарт подумает, будто мы рвачи какие-нибудь... А мы борцы за идею! Помогите нам связаться с генералом Пулем — и через месяц большевистский режим лопнет, как воздушный шар!

Роберт Брюс в нерешительности кусал губы. Если бы здесь сейчас был Рейли! Он не знает колебаний... И в людях разбирается с первого взгляда. Сидней сразу определил бы, провокаторы эти красные или нет.

— Не могу не приветствовать, — уклончиво сказал Локкарт, — вашего решения порвать с Советами и сотрудничать с нами... Приходите завтра. Возможно, я уже буду готов помочь вам не только словом, но и делом...

— Вы что, нам не доверяете? — обиделся Шмидхен. — Ей-богу, мы деньги не для себя просим. Можете не давать их нам лично... Передайте хотя бы господину Рейли, ведь именно он поведет нас на штурм Кремля.

— Но сперва надо пробраться к генералу Пулю, — напомнил Берзинь. — Военная поддержка все-таки важнее подкупа...

После их ухода Локкарт немедленно послал своего помощника Хикса за сотрудниками других иностранных посольств, которые выразили свою готовность помочь англичанам в случае переворота.

— Найдешь французов на запасных путях Ярославского вокзала, — сказал Локкарт. — Они поселились прямо в поезде; надеются не сегодня, так завтра отправиться домой.

«Вечером я подробно переговорил о происшедшем с генералом Лавернем и французским генеральным консулом Гренаром... Мы пришли к тому заключению, что предложение латышей является, по всей вероятности, искренним и что если мы будем действовать с необходимой осторожностью, то особого вреда оттого, что мы направим этих людей к Пулю, получиться не может... Мы решили свести обоих латышей с Сиднеем Рейли, который может наблюдать за ними и помочь им в осуществлении их благих намерений.

(Из книги Р. Локкарта «Воспоминания британского агента».)

Москва, 17 августа 1918 года

— Мы поможем вам добиться независимости Латвии, — Роберт Брюс говорил торжественно, почти патетически. Красные командиры внимали ему. — Мы поможем вам в праведной борьбе с большевиками. Наконец, мы поддержим вас денежными средствами.

— Я бы рекомендовал, — тонким голосом вставил консул Гренар, — создать для начала национальный латышский комитет.

— И наконец, — не слишком довольный вмешательством француза, Локкарт нахмурился, — вот удостоверения, с которыми вы отправитесь в распоряжение британских войск для переговоров с генералом Пулем...

«Британская миссия в Москве. 17 августа 1918 года. Всем британским военным властям в России. Предъявитель сего поручик Ян Буйкис, латышский стрелок, направляется с важным поручением от Британской штаб-квартиры в России. Обеспечивайте ему свободный проезд и оказывайте всемерное содействие. Р. Локкарт. Британский представитель в Москве».

— Да, с такой охранной грамотой можно перейти линию фронта, — удовлетворенно заметил Берзинь, получивший такой же документ на имя капитана Крыпша Кранкаля.

— А деньги когда же? — Буйкис-Шмидхен продолжал играть роль человека, который интересуется в основном материальными ценностями. — И на подкуп... И на дорогу туда и обратно...

— Деньги получите от меня, — подал голос Реллинский, который на протяжении всей беседы, как бы скучая, молча сидел в углу. — И в дальнейшем вы будете держать связь со мной. Господин Локкарт слишком занят. А я человек свободный и в настоящий момент постоянно нахожусь в Москве. Встретаться будем на конспиративной квартире...

Он протянул Берзиню визитную карточку с адресом: Цветной бульвар, 8. Эдуард заметил, что рука Георгия дрожит. Он знал почему.

В этот день в Петрограде умерла Татьяна Филипповна, жена Реллинского.

1979 год

*Москва, пункт приема вторсырья
№ 398/2*

После происшествия в квартире Эдика Вики не было ровно неделю. Она не приходила, да и у Бодягина не было особого желания ее видеть. Клиенты тоже не досаждали, и он коротал время за чтением все тех же тетрадок со шпионскими мемуарами.

Скорее всего, этот чувак страдал раздвоением личности. Или работал в органах и записывал показания разных людей. А потом, как тот палач из анекдота, таскал халтурку дом. А может, и в самом деле, как Мага Хари, был двойным агентом и снабжал данными все разведки сразу. Только при чем тут англичанин, который помер в первую мировую?

Бодягин и сам не думал, что так увлечется. Он залез в энциклопедию, но почерпнутых оттуда знаний о Рейли было явно недостаточно для того, чтобы идентифицировать его с Розенблумом или Реллинским. Противоречия и неувязки сильно раздражали и никак не хотели складываться в общую картину. Одно только Эдик знал наверняка: как всегда, здесь не обошлось без КГБ... точнее, ОГПУ. Да чекисты, собственно, сами этого не скрывали. Наоборот, гордились, что спровоцировали «заговор Локкарта». Бедный Рейли вообще тут не пришей кобыле хвост. Небось в гробу перевернулся, когда узнал, что гэбэшник Реллинский присвоил себе его фамилию. А Розенблум при чем?

«...Надел новый костюм и отправился на Красную площадь, — продолжал читать Бодягин. — Чудесное весеннее утро. Люди нарядные, радостные... На трибуне товарищ Сталин, лихие кавалеристы товарищи Ворошилов и Буденный...»

— Можно? — отвлек его знакомый голос.

В дверях стояла Вика с двумя связками старых газет.

— А, это ты... — Эдик неохотно поднялся и отложил «Блокъ-ноть».

Он молча взял у нее из рук макулатуру и погрузил на весы. Так же молча отсчитал мелочь и звякнул медяками об стол.

— Извини меня, пожалуйста, — тихо сказала Вика, не притрагиваясь к копейкам.

— За что? — Бодягин пожал плечами.

— Я поступила очень некрасиво, — девушка гото-

ва была расплакаться. — Но, честное слово, это совсем не то, что ты подумал...

— А что же тогда?

— Меня интересовало, — после недолгого колебания призналась Вика, — женат ли ты...

— Ну, и тебе полегчало? Да, я был женат...

— Почему ты не сказал мне об этом?

— Я что, должен отчитываться? И какое это имеет значение?

— Для меня имеет... Мне казалось, мы должны доверять друг другу... между нами не может быть тайн...

— И поэтому ты шарила у меня по карманам? Лучше бы спросила.

— Я больше не буду! — всхлипнула Вика. — Честное слово!

Бодягину стало жалко ее. Он подошел и прижал Вику к себе.

— Ну, не надо... Ладно... Я уже простил...

— Не обижаешься? — сквозь слезы пролепетала девушка.

— Все уже, не обижаю, — успокоил ее Эдик.

Они лежали обнявшись на узкой медицинской кушетке, которую Бодягин месяц назад приволок из поликлиники, где работала мать. Списанная мебель не раз служила им ложем. Но сегодня впервые Эдик почувствовал, какая кушетка неудобная. И вообще день выдался пасмурным и серым.

Глава 4 **ВСЕ ДЛЯ КОНСПИРАЦИИ**

Москва, 18 августа 1918 года

Возлюбленная, а по совместительству и личный секретарь Локкарта Мура что-то тихонько напевала, прибираясь в спальне.

— Наши планы рухнули, — шепотом, чтобы не волновать ее зря, сказал Роберт Брюс. — Я узнал от германского посла, что большевики уже три месяца, если не больше, знают шифр, которым я пользовался, посылая телеграммы в Лондон... Представляете? Все до одного — и Чичерин, и Троцкий, и Ленин, и главный их чекист Дзержинский — все в курсе наших дел.

— Ерунда! — небрежно бросил Рейли. — Если они до сих пор ничего не предприняли, вам не о чем беспокоиться.

— Это еще не все... Я получил сведения, что на помощь с севера нам нечего рассчитывать. В Архангельск из Мурманска пришла всего лишь тысяча двести пехотинцев... О каком походе на Москву может идти речь? Даже если допустить, что латыши повернут оружие против Советов... Генерал Пуль попадет в ловушку, из которой не выберется! Что такое тысяча с небольшим человек против Красной Армии?

— М-да, — задумчиво произнес Георгий Васильевич. — Новости, конечно, неутешительные. Военные действия, следовательно, отпадают... Но сидеть сложа руки мы не станем! Сдаваться рано, Брюс, положение отнюдь не безвыходное!

— Тише, Сидней, тише, — Локкарт покосился на спальню. — Давайте пока переждем. Заляжем на дно, а через несколько дней ситуация прояснится...

— Через несколько дней? — Реллинский раскатисто захохотал. Он знал, что перед его напором англичанин не устоит. — Предлагаю другой план. На 28 августа назначено заседание Совнаркома. Преданные нам латыши, вместо того чтобы охранять господ большевичков, захватывают всю их головку... Устраиваем показательный суд... Советских главарей под конвоем отправляем в Архангельск... Нет, это рискованно, они могут сговориться с конвойными... Реше-

но! Ленина, Троцкого, Свердлова и компанию немедленно расстреливаем... А что? Мировая ответственность на нашей стороне! И советский режим рассыплется, как карточный домик...

— Звучит убедительно, — Локкарт неуверенно улыбнулся. — Но... уж слишком пахнет авантюрой. Надо бы обсудить ваш план при более широком круге участников. Давайте позовем Хикса... А еще лучше — французов... Лавернь и Гренар отличаются эдаким, знаете ли, галльским здравым смыслом...

— Мы попусту потеряем драгоценное время, — с досадой сказал Реллинский. — Учтите, если они откажутся, я проведу всю операцию сам. Дайте мне два миллиона рублей — и латышские части принесут нам власть в России на блюдечке...

Роберт Брюс не стал спорить, и деньги перековали к Рейли.

— На эту сумму, — Георгий Васильевич взвесил на ладони толстую пачку купюр, — можно не только захватить Кремль, занять Госбанк, телеграф, телефон и прочие учреждения, но и купить всю территорию, которую еще удерживают большевики...

— Вы слишком верите в подкуп, — возразил Локкарт. — Существуют ведь и люди идеи...

— Что такое идея? Воздух, пшик... А человек любит то, что можно подержать в руках, на что можно купить картошку, крупу, сало. Вы, вероятно, не предполагаете даже, что за стенами вашего дома люди пухнут с голоду и мрут, как мухи... Для них получить одну такую бумажку, к которой вы относитесь столь пренебрежительно, равносильно сохранению жизни...

— Наверно, вы правы, — вяло отозвался Локкарт, — и Россию знаете не в пример мне... Но я что-то не верю, будто в наше время политику можно вершить путем дворцовых переворотов...

«Весь мир — театр, а все люди, живущие в нем, мужчины и женщины, — суть актеры». Эти шекспировские слова я не раз припоминал, разыгрывая роль своего антипода. Никогда не знал, что могу так притворяться. Порой я уже сам не различал, где он, а где я. Представляю: если б я погиб, никто так и не узнал бы, кто это был на самом деле...

...Сегодня Л. пригласил меня на встречу. Я понял это так, что он даст наконец долгожданный ответ. Но выбор места! Почему-то он решил, что мы должны встретиться в Большом театре, где проходил V Всероссийский съезд Советов.

— Не слишком подходяще для конспиративной явки! — сказал я недовольно. — Слишком много свидетелей!

Разумеется, я не стал добавлять, что случайно могу наткнуться на знакомых сотрудников московской ЧК, которые раскланяются, назовут меня моим настоящим именем и тем самым выдадут.

— Наоборот! Мы затеряемся в толпе! — возразил Брюс со свойственным ему легкомыслием. — Все будут смотреть на сцену, а на нас никто не обратит внимания...

В этом есть логика. К тому же сидеть мы будем не в партере, а в ложе, где легче укрыться от посторонних глаз.

Короче говоря, я согласился. И не пожалел об этом. Потому что события приняли неожиданный оборот.

Итак, мы находились в ложе, переговариваясь вполголоса, а на сцене, за покрытым кумачом столом, сидели вожди революции...

— Господи, ну и рожи! — то и дело ахал мой собеседник. — Что за уголовные типы!

— Не отвлекайтесь, — шикнул я на него. — У нас еще будет время посплетничать о красных лидерах...

И мы продолжили переговоры.

Внезапно у входа в ложу затопали сапоги, раздались слова команды...

Локкарт побледнел, как полотно, и вскочил на ноги.

— О Боже! — воскликнул он шепотом. — Театр полон чекистами. Нас арестуют...

— Сядьте! — я силой усадил его обратно в кресло. — Вы дипломат, вас не тронут.

— У меня нет иммунитета, — губы у него дрожали, он с трудом выговаривал слова. — Я почти неофициальное лицо.

— Держитесь уверенней, — посоветовал я, — и все обойдется. Вы что, струсили?

— Нет, — Брюс попытался взять себя в руки. — Но у меня с собой зашифрованные записи...

— Давайте сюда, — предложил я.

— Да-да, — обрадовался Брюс. — Надо затолкать их куда-нибудь под кресла. — И он протянул мне шифр.

Я изорвал его на мелкие куски. В дверь ложи постучали. Делать было нечего: сунув бумажные обрывки в рот, я принялся их разжевывать.

— Войдите, — сдавленно произнес Брюс. — Не заперто.

Ложа наполнилась красноармейцами.

— Простите, товарищи, — вполголоса сказал командир. — У вас не найдется нескольких свободных мест для моих бойцов? Мы опоздали к началу заседания, и теперь мне некуда посадить своих людей.

К этому времени мне удалось проглотить зашифровку.

— Да-да, пожалуйста, — торопливо согласился Локкарт. — Здесь можно поместить всех.

— Ни в коем случае, — возразил я. — Товарищ командир, эту ложу занимает дипломатический представитель союзного государства. Могут возникнуть неприятности международного масштаба.

— Ой, извините! Мы не знали, — испугался командир и стал выводить красноармейцев из ложи. — Я найду другие места.

— Вы человек отчаянной храбрости! — с восхищением выдохнул Брюс. — Сколько выдержки, сколько хладнокровия!

— Ерунда! — отрывисто бросил я. У меня тоже полегчало на душе — оттого, что среди незваных гостей не было моих знакомых. — Как видите, тревога оказалась ложной. Так что мне совершенно напрасно пришлось съесть ваши записи. Блюдо, честно признаться, не из самых аппетитных... Вы не могли бы в дальнейшем пользоваться папиросной бумагой? Премного обяжете.

Локкарт засмеялся.

— Вот что значит настоящий конспиратор! Я восхищаюсь вами, Сидней! Вы спасали меня, рискуя своей жизнью!

— В следующий раз поступайте так же, и вы застрахованы от неприятностей... — поделился я ценным «шпионским» советом. — Единственное, что грозит вам в случае разоблачения, — промывание желудка. Но и при таком печальном походе никто никогда не сумеет прочесть ваш шифр.

— Вы профессионал, — заметил Брюс. — А я... Ни то ни се... Так и не определился в жизни. Не дипломат, не журналист, не разведчик...

— Ну, в вашем возрасте все еще возможно, — успокоил я его. — Учтите, что я намного старше и давно выбрал себе судьбу. Странно было бы ожидать иного от человека в сорок четыре года от роду...

Это был переломный момент! Локкарт, как я понял, относился к определенному типу молодых людей, которые позарез нуждаются в покровительстве. Что тому виной? Невнимание со стороны отца или недостаток личной мужественности? В данном случае это неважно. Нравится ему смотреть на меня снизу вверх — что ж, это меня устраивает. Хотя, признаюсь откровенно, всегда недолюбливал эдаких никогда не

взрослеющих мальчиков, заглядывающих старшим в рот в поисках идеального образца человека...

Спустя много лет я неожиданно узнал, как Брюс творчески использовал мой опыт в проглатывании компрометирующих материалов. Читая его воспоминания, я иной раз не мог удержаться от смеха, потому что в каждой строчке узнавал все того же великовозрастного юнца, который хочет казаться взрослым. И вдруг дохожу до следующего фрагмента... Речь в нем идет об аресте Локкарта в восемнадцатом году:

«В боковом кармане моего пиджака я внезапно нащупал свою записную книжку, в которую вносил тайным шифром пометки о выплаченных мною суммах. Чекисты обыскали мою квартиру... но позабыли осмотреть то платье, которое мы надели на себя во время нашего ареста. Содержание этих записей было понятно только мне, но шифры могли в руках большевиков оказаться компрометирующим меня материалом. Мысль о записной книжке мучила меня. Как мне от нее избавиться?.. Я попросил у наших четырех караульных разрешения сходить в уборную. Разрешение мне было дано».

Ну не смешно ли? Ладно Брюс, это вполне в его легкомысленном духе — таскать в кармане шифрованные записи. Но что касается чекистов и их странной «забывчивости» при обыске... Не верю! Эпизод этот, надо полагать, целиком и полностью вымышлен. Уж очень молодому человеку хотелось быть похожим на настоящего разведчика, каким он его представлял».

Москва, 22 августа 1918 года

— Они отказываются! — Реллинский возбужденно ходил по комнате взад-вперед. Это была та самая конспиративная квартира на Цветном бульва-

ре, которую ВЧК выбрала для тайных встреч Рейли и Берзиня.

— Я предлагаю им готовый план, а они не желают его принимать! Может, у них возникли подозрения?

— Не думаю, — спокойно отозвался Эдуард. — Скорее всего, просто осторожничают.

— Но в таком случае у нас не будет зацепки, чтобы взять их с поличным!

— Спокойно, Георгий, — Берзинь перекладывал принесенные другом деньги в свой командирский планшет. — Доказательств уже больше чем достаточно. Дзержинскому и Петерсу ясно, что главный корень контрреволюции — вмешательство капиталистов в наши дела. И не только интервентов. Гораздо опасней враги, которые окопались в посольствах и миссиях... Их всех возьмут, как миленьких, и заставят заговорить...

— Но когда? Когда? Время идет, а ВЧК ничего не предпринимает...

— Подожди, придет тот час, когда нам уже не нужно будет притворяться...

«Однажды сотрудники ВЧК задержали гражданина, который пытался проникнуть в норвежское посольство. Задержанный предъявил паспорт на имя студента С. Н. Серповского. В действительности это был разыскиваемый американский агент Ксенофонт Каламантиано. Его доставили в ВЧК. Петерс и Кингисепп во время допроса Каламантиано обратили внимание на его массивную трость и решили ее осмотреть. Внутри ее обнаружили массу записок, шифровок и расписок в получении денег. В трости Каламантиано оказалась тайная шпионская канцелярия. Необходимо было лишь выяснить, какие фамилии скрываются под номерами, которые находились на расписках... Таких номеров было до тридцати... Агенты адресовали свои донесения на имя «агента № 15», под которым значился их шпионский шеф — Каламантиано. Поддельный паспорт на

имя студента Петроградского университета С. Н. Серповского, по которому скрывался Каламантиано, был изготовлен для него агентом А. К. Хвалынским по поручению А. Фриде.

После ареста Каламантиано на квартире, где он проживал под именем Серповского, чекисты устроили засаду. Вскоре сюда явился какой-то неизвестный. Дежуривший в квартире чекист «приветливо» встретил его. Тот спрашивал Каламантиано. Как оказалось, это был чех Йозеф Пшеничка, доставивший для Каламантиано письмо от командования Чехословацкого корпуса, содержащее важную информацию.

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

«День мятежа приближался. Рейли регулярно виделся с Берзином и тщательно обсуждал последние подробности заговора. Тот, естественно, с Дзержинским. Потом заседание ЦК было, по словам Рейли, отложено на 6 сентября. Рейли выехал в Петроград, пользуясь отсрочкой для улаживания ряда дел».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

«Он готов был единолично совершить переворот. Он в эти дни чувствовал себя последним наполеонидом. Пусть они уезжают все! Он один останется в России! И он бросился в Петроград, надеясь там найти себе союзника в капитане Кроми».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Петроград, 29 августа 1918 года

— Господи, как ты вовремя! — вид у бравого моряка был неважный. — Я тут с ума схожу потихоньку. Знаешь, никогда не верил в мистику, а тут что-то тоска замучила, какие-то предчувствия нехорошие. И сердце щемит...

— Тоска — чисто российская зараза, и ты ее подхватил, — желая подбодрить друга, пошутил Реллинский. И уже серьезней добавил: — Может быть, тебе стоит показаться хорошему доктору?

Кроми махнул рукой:

— Где сейчас найдешь стоящего врача? Поуезжали, поумирали... А в лапы какого-нибудь коновала я попадать не хочу! Вот приеду в Англию, тогда и сдамся медицине. Это будет совсем скоро...

Упомянув родину, он повеселел:

— Слушай, Джордж, давай закатимся к актрискам! Я тут с такими девочками познакомился...

— А почему бы нет? — усмехнулся Георгий Васильевич. — Лучшего средства от тоски я не знаю. Развеемся, и ты сразу почувствуешь себя здоровым...

По пути они заглянули в два-три значных места и к дому в Шереметьевском переулке пришли, уже загруженные выпивкой и закусками.

«Актрисы» живо накрыли на стол. У «девочек» был измученный и голодный вид. В предчувствии еды они немного повеселели и принялись кокетничать. Оленька Старжевская — она служила секретаршей в ЦИК — села на колени к Фрэнку и начала рассказывать анекдоты про своего начальника. Дагмара, которая и в самом деле когда-то была актрисой Художественного театра, хлопнула подряд четыре рюмки водки и стала нараспев читать монолог Нины Заречной из чеховской «Чайки»: «Люди, звери... Я — чайка!» Опьянев, она с трудом взгромоздилась на стол и принялась отплясывать на нем канкан. Тарелки и стаканы посыпались во все стороны. Кроми хохотал, «актриски» вторили ему, а Реллинскому стало скучно.

Он вышел на кухню и закурил папиросу. Хозяйка квартиры, молодая женщина, которую Георгий Васильевич не успел толком разглядеть, выкидывала в

помойное ведро осколки битой посуды. Заметив его взгляд, она сказала извиняющимся тоном:

— В наше время все вынуждены быть немного проститутками... Иначе не выжить.

В этом была некая пронзительная правда, и сам Реллинский не раз ловил себя на подобных мыслях, вынужденный постоянно носить личину английского шпиона.

Он угостил хозяйку папиросой, и некоторое время они молча курили, глядя через окно во двор — типичный питерский «колодец». Из комнаты доносилось хихиканье Оленьки Старжевской.

— Меня зовут Ирина, — сказала женщина, бросая окурок в ведро. — Если хотите, я буду сегодня с вами.

Эти слова почему-то глубоко растрогали Георгия Васильевича. Они звучали как проявление участия. В последние месяцы он остро чувствовал свое одиночество. Неожиданно для себя Реллинский сделал шаг к Ирине и обнял ее.

Глава 5

КОНЕЦ — ЗАГОВОРУ ВЕНЕЦ

«Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать свой дом. некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская... Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным, чтобы, как верный сторожевой пес, растерзать врага... Вы знаете отлично, в чем заключается моя сила. Я не щажу себя, Каменев, никогда. И поэтому вы все здесь меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю душой...»

(Ф. Дзержинский.)

Немного истории

6 июля 1918 года в германском посольстве в Москве появились два человека. Один из них назвался членом ВЧК Блюмкиным, другой — членом революционного трибунала — Андреевым. Они предъявили удостоверения с печатью ВЧК, подписанные Ф. Дзержинским, и потребовали, чтобы посол Мирбах принял их по срочному делу. Получив согласие, Блюмкин и Андреев открыли стрельбу и бросили бомбу. Мирбах был убит, его сотрудники ранены. Брестский мир оказался под угрозой.

В тот же день Ленин и Свердлов приехали в германское посольство и, выразив от имени Советского правительства соболезнование, дали слово, что дело об убийстве будет немедленно расследовано и виновные наказаны. На место происшествия прибыл Дзержинский. Осмотрев брошенные убийцами документы, он заявил, что подписи на них подделаны, хотя печать ВЧК и бланки удостоверений были подлинными. Якова Блюмкина Дзержинский знал лично — тот работал в ВЧК начальником секретного отдела. Николай Андреев служил в ВЧК фотографом. Они были левыми эсерами, и официальная версия назвала убийство германского посла левоэсеровской провокацией.

Любопытно, что еще в феврале Дзержинский передал заявление в ЦК ПРОТИВ подписания Брестского мира. Еще в начале июля германское посольство предупреждало его и лично, и через наркоминдел о готовящемся покушении на Мирбаха, но главный чекист страны отвечал, что это пустые слухи, и добивался разрешения арестовать тех, кто их распускает. Уже к вечеру 6 июля, не успев дать никаких показаний, был расстрелян зампред ВЧК Александрович, выдавший убийцам удостоверения на подлинных бланках с подлинными печатями. Вопреки желанию Ленина сразу же после убийства Мирбаха Дзержинский отправился в отряд ВЧК под командованием левого эсера Попова, где укрывались

Блюмкин и Андреев, и там находился (официальная версия — был задержан) до окончания военного разгрома левых эсеров, после чего Попов благополучно сбежал. Ленин отдал распоряжение задерживать все автомобили ВЧК. Германское правительство настойчиво требовало наказать убийц и инициаторов убийства, но Яков Блюмкин вскоре снова боролся в рядах ВЧК с врагами Советской власти и был расстрелян только в 1929 году как троцкист.

«Ввиду того, что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться больше во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии... в качестве ее председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в комиссии. Я прошу Совет Народных Комиссаров освободить меня от работы в комиссии».

(Заявление Ф. Дзержинского в Совнарком, поданное в июле 1918 года.)

«Председателем ВЧК вновь назначается Ф. Э. Дзержинский, отставка которого была принята больше месяца тому назад по собственному его прошению».

(Из постановления Совнаркома от 22 августа 1918 года.)

Москва, 29 августа 1918 года

— Савинков ушел, убийца Володарского не найден... Прокол за проколом... — Феликс Эдмундович деликатно кашлянул в носовой платок. — Ты понимаешь, Ян, что с нас снимут голову? Необходимо срочно активизировать работу ВЧК!

— Может быть, пора раскрыть заговор послов? — характерным жестом Петерс откинул от лица длинные волосы. — Наши ребята хорошо поработали, собрали в один кулак и англичан, и французов, и американцев. Теперь всю эту контру осталось только взять!

— Доказательств маловато... — Дзержинский задумчиво потеревил бородку. — Парочка удостоверений, деньги... Нет, этого явно недостаточно! Разыграем дипломатическую карту только в случае крайней необходимости. Свяжем в одно целое все аналогичные дела, и тогда только будет толк. Тряпку Локкарта и этого негодяя Рейли — расстрелять...

— Рейли — наш человек, Феликс Эдмундович, — напомнил Петерс. — Если бы не он и не его давнее знакомство с Кроми, никакого заговора послов мы бы не обнаружили...

— Жаль... А что Рейли, ценный сотрудник или так себе? Он может быть убит при попытке к бегству... Труп — это тоже доказательство, — продолжал размышлять вслух председатель ВЧК.

— Никак нельзя, — виновато развел руками Петерс. — Реллинский в партии с девятисотого года, герой первой русской революции... Пламенный чекист... Кстати, пока он изображал английского шпиона, у него в Петрограде умерла жена, и почти сразу же вслед за ней — старики родители... От голода, Феликс Эдмундович...

— Жаль... — снова повторил Дзержинский, а его заместитель так и не понял, сочувствует он горю Реллинского или сетует на то, что его нельзя убить как шпиона.

Они перешли к обсуждению других текущих дел.

«30 августа на Дворцовой площади в Петрограде появился велосипедист. Он остановился у дома № 5, где в то время помещались Комиссариат внутренних дел Петроградской коммуны и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Велосипедист — молодой человек в кожаной куртке и фуражке офицерского образца — поставил велосипед у подъезда и вошел в здание... Около десяти часов утра к зданию комиссариата подъехал в автомобиле народный комиссар внутренних дел Петроградской коммуны и председатель Петро-

градской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкий. Он прошел через вестибюль, направляясь к лифту. И вдруг раздалась выстрелы... Стрелял неизвестный в кожаной куртке, который, увидев М. С. Урицкого, подошел к нему вплотную и сделал несколько выстрелов из револьвера. М. С. Урицкий, смертельно раненный в голову, упал и на месте скончался... Убийца... был схвачен. В Чрезвычайной комиссии убийца назвался Леонидом Каннегисером, студентом 4-го Политехнического института, 22 лет».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Москва, 30 августа 1918 года

Ян Петерс, бледный как полотно, навывтяжку стоял в кабинете Дзержинского. «Железный Феликс» трясущимися руками запихивал в портфель необходимые документы.

— Доигрались! — его голос срывался на фальцет. — Все эти ваши прожекты со шпионами, с подосланными лицами...

— Феликс Эдмундович, — попытался было возразить Петерс, — но вы ведь сами распорядились повременить, затянуть спектакль с иностранными полами...

— Распорядился! — перебил его председатель ВЧК. — Надо было настоять... А теперь что получается? Урицкого убили — кто виноват? Чекисты. Недосмотрели. Допустили.

— Но ведь это совершенно разные вещи, Феликс Эдмундович... Послы не имеют к эсерам никакого отношения...

— Имеют. Самое прямое. Как заклятые враги Советской власти. Все они одним миром мазаны... А ЧК бездействует...

— Так что же теперь делать?

— Что делать, что делать... — Дзержинский поте-

ребил бородку. — Известно что — активизировать работу. Чтобы все видели — мы не дремлем. Наступаем на врага, так сказать, широким фронтом. Сегодня же арестовать Локкарта и всю эту свору.

— Сегодня невозможно, Феликс Эдмундович. Это вам не спекулянтов ловить... Все-таки послы иностранных держав. Может возникнуть международный скандал...

— Со скандалом пусть Наркоминдел разбирается. Наша задача — предотвратить дальнейшие попытки свержения нашего строя и террористические акты по отношению к первым лицам государства. Так и будет опубликовано в прессе.

— Но... — Петерс все еще продолжал сомневаться. Он не хотел быть ответственным за эту операцию. — Мы не можем послать в английское и французское посольства простых солдат или низшие офицерские чины...

— Позвоните Малькову, — Дзержинский с трудом закрыл набитый бумагами портфель. — Он комендант Кремля, фигура достаточно представительная... Пусть заодно и помещения подыщет для этих, мать их, послов...

Они с Петерсом вышли в коридор.

— Подержи-ка, — сунув заместителю портфель, Феликс Эдмундович боролся с дверным замком.

— А что делать с Рейли? — спохватился Ян Христофорович. — То есть с Реллинским?

— Что хотите, — буркнул Дзержинский. — Можете арестовать, а можете дать возможность убежать. В конце концов, главное сейчас не он, а иностранные послы... И смотри, Ян, если в эти дни возникнут какие-то беспорядки в Москве — головы тебе не сносить. Пойдешь под трибунал! Ты понял меня? — крикнул он уже из противоположного конца коридора. — Под трибунал!

Дзержинский уже выехал в Петроград, когда в кабинете Петерса раздался телефонный звонок. Во

время выступления перед рабочими завода Михельсона был тяжело ранен глава Советского государства В. И. Ленин. На месте преступления была арестована некая Фанни Каплан, двадцативосьмилетняя эсерка. Ее привезли на Лубянку...

В пять вечера Петерс собрал у себя весь личный состав.

— Предварительная работа по раскрытию заговора послов еще не доведена до конца, — объявил он. — Я уверен, если копнуть глубже, откроются новые данные. Нет никакого сомнения, что английский представитель Локкарт, пользуясь правом экстерриториальности, готовит новые подрывные акты. Убийство Урицкого и покушение на Ильича не обошлись без его участия. А поэтому...

Его речь прервал очередной звонок по телефону. Петерс рывком снял трубку. На лице его отразилось недоумение:

— Какие подушки? В тяжелом состоянии... Понимаю, товарищ Бонч-Бруевич, понимаю... Я думаю, в царской спальне... Конечно, сохранились... Да, поручите это товарищу Малькову.

Повесив трубку, он тяжелым взглядом оглядел присутствующих:

— Ильичу очень плохо. Но в квартире главы нашего пролетарского государства не нашлось даже лишней подушки, чтобы удобнее уложить раненого... Вы видите, товарищи, как живет Владимир Ильич... М-да...

Он пригладил свои длинные волосы.

— О чем, бишь, я?

— Об английском после, — услужливо подсказал один из чекистов.

— Да. Локкарта и всю его свору нужно арестовать. Сейчас я позвоню товарищу Малькову, который будет возглавлять эту операцию. С ним пойдет кто-то из наших, ну и какой-нибудь милиционер... В Питере то-

же будут арестованы все, кто связан с английскими посольствами...

«Предварительная работа по раскрытию этого заговора еще далеко не была доведена до конца. При продолжении работ... открылись бы все новые и новые данные, пролетариат увидел бы, как Локкарт, пользуясь правом экстерриториальности, организовывал поджоги, восстания, готовил взрывы... Необходимо было немедленно производить аресты».

(Из воспоминаний Я. Петерса.)

Москва, вечер 30 августа 1918 года

«Внезапно раздался резкий, пронзительный телефонный звонок. Я настолько глубоко задумался, что даже вздрогнул от неожиданности, поспешно хватая трубку.

— Мальков? — послышался глуховатый, неторопливый голос заместителя председателя ВЧК Петерса. — Приезжай сейчас в ЧК, ко мне, есть срочное дело...

...Навстречу мне из-за стола поднялся высокий худощавый латыш с широким скуластым лицом. Говорил Петерс всегда не спеша, медленно, как бы с трудом подбирая каждое слово, с сильным латышским акцентом. Движения у него были тоже медлительные, скупые, зато спокойные и уверенные.

— Поедешь брать Локкарта, — сказал он, — вот ордер... В помощь возьми одного чекиста и милиционера... Действовать надо решительно, но... культурно. Как-никак фактический глава британской миссии в России. Однако обыск проведи как следует...

Локкарт жил в Хлебном переулке, в районе Поварской. Туда мы и направились... Было уже около двух часов ночи.

Без труда отыскав нужный подъезд, мы, освещая

себе дорогу зажигалками — на лестнице стояла крошечная тьма, света, конечно, не было, — поднялись на пятый этаж, где находилась квартира Локкарта. Поставив на всякий случай своих помощников несколько в стороне, так, чтобы, когда дверь откроется, их из квартиры не было видно, я энергично постучал в дверь. (Звонки в большинстве московских квартир не работали...) Загремел ключ, брякнула цепочка, и дверь слегка приоткрылась. В прихожей горел свет, в образовавшуюся щель я увидел фигуру знакомой мне по путешествию из Петрограда в Москву секретарши Локкарта.

Попробовал потянуть дверь на себя, не тут-то было. Секретарша предусмотрительно не сняла цепочки, и дверь не поддавалась. Тогда я встал таким образом, чтобы свет из прихожей падал на меня, и, дав секретарше возможность рассмотреть меня со всех сторон, как можно любезнее поздоровался с ней и сказал, что мне необходимо видеть господина Локкарта. Секретарша не повела и бровью. Сделав вид, что не узнает меня, она ломаным русским языком начала расспрашивать, кто я такой и что мне нужно.

Вставив ногу в образовавшуюся щель, чтобы дверь нельзя было захлопнуть, я категорически заявил, что мне нужен сам господин Локкарт, которому я и объясню цель столь позднего визита.

Секретарша, однако, не сдавалась и не выказывала ни малейшего намерения открыть дверь. Неизвестно, чем бы кончилась уже начавшая раздражать меня словесная перепалка, если бы в прихожей не появился помощник Локкарта Хикс. Увидев меня через щель, он изобразил на своей бесцветной физиономии подобие улыбки и скинул цепочку.

— Мистер Манков? — так англичане меня называли. — Чем могу быть полезен?

Я немедленно оттеснил Хикса и вместе со своими спутниками вошел в прихожую. Не вдаваясь в объясне-

ния с Хиксом, я потребовал, чтобы он провел меня к Локкарту.

— Но, позвольте, мистер Локкарт почивает. Я должен предупредить его...

— Я сам предупрежу, — заявил я таким решительным тоном, что Хикс, поняв, видно, в чем дело, отступил в сторону и молча указал на дверь, ведущую в спальню Локкарта. Все четверо — мои помощники, я и Хикс — вошли в спальню, и Хикс зажег свет... Локкарт спал на оттоманке, причем спал настолько крепко, что не проснулся, даже когда Хикс зажег свет. Я вынужден был слегка тронуть его за плечо. Он открыл глаза.

— О-о! Мистер Манков?!

— Господин Локкарт, по постановлению ВЧК вы арестованы. Прошу вас одеться. Вам придется следовать за мной. Вот ордер.

Надо сказать, что ни особого недоумения, ни какого-либо протеста Локкарт не выразил. На ордер он только мельком глянул, даже не удосужившись как следует прочесть его. Как видно, арест не явился для него неожиданностью...

Обыск кабинета я взял на себя, а мои помощники обыскивали остальные комнаты квартиры Локкарта.

В ящиках стола оказалось множество писем, различных бумаг, пистолет и патроны. Кроме того, там была весьма значительная сумма русских и советских денег в крупных купюрах, не считая «керенок». Ни в шкафу, ни где-либо в ином месте я больше ничего не нашел. Ничего не обнаружилось и в других комнатах, хотя мы тщательно все осмотрели, прощупали сиденья и спинки мягких кресел, кушеток и диванов, простукали стены и полы во всех комнатах. Искали внимательно, но, как и предупреждал Потере, деликатно: не вскрыли ни одного матраца, ничего из мягкой мебели.

Пока я обыскивал кабинет, Локкарт успел одеться. Я предложил ему присутствовать при обыске и предъ-

явил переписку, деньги и оружие, которое забирал с собой для передачи Петерсу.

Сдав арестованного дежурному по ВЧК, я поспешил в Кремль... Зайдя домой... и наскоро перекусив, я вернулся в комендатуру, решил самые неотложные вопросы и снова поехал в ВЧК, к Петерсу... Мне пришлось чуть не стащить его за ногу на пол, чтобы добудиться. Это и понятно, ведь за трое суток заместитель председателя ВЧК впервые прилег отдохнуть, и то всего на два часа. Трудно ему было в эти дни...

(Из книги П. Малькова «Записки коменданта Московского Кремля».)

*Петроград, ночь с 30 на 31 августа
1918 года*

«По чьему-то доносу большевики узнали, что в британском посольстве есть документы, представляющие для них интерес. Документы, хранившиеся на чердаке, были сожжены...»

(Из воспоминаний мичмана Гефтера.)

«В эту ночь Френсис Аллен Кроми в гостиницу не пошел. Он остался в здании английского посольства, на Дворцовой набережной. Так было спокойнее, ведь в городе с самого утра, сразу после убийства Урицкого, начались аресты. Чекисты хватили всех, кто казался им сколько-нибудь подозрительным. Конечно, английский морской атташе пользовался статусом неприкосновенности, но все же... Кто их знает, этих русских, им-то закон не писан...»

На всякий случай Кроми еще днем собрал в стопку все бумаги, содержание которых могло заинтересовать большевиков, и отнес их на чердак. Документы-то были пустяковые: наиболее важные сведения Френсис предпочитал хранить в голове. А счета, официальная переписка и тому подобное составляли как бы архив

посольства, который на всякий случай лучше всего уничтожить. Тем более что бумаги все равно только место занимали... Кроме сложил их в обнаруженный на чердаке медный таз и поджег.

На душе у Френсиса кошки скребли. Последнее время его мучили дурные предчувствия, он считал дни до возвращения домой и искренне жалел, что ввязался в эту историю с латышскими командирами. «Интересы Британии», — сказал Рейли. Бог мой, какие могут быть интересы в варварской России? Неужели англичанам станет легче, если заговорщики отрежут Петроград от всего остального мира, как они думали, и возьмут Кремль? Красная зараза распространилась уже по всем уголкам этой огромной страны. Монархию не восстановишь. Идет война. Как не понять очевидного: еще много лет Россию будет сотрясать эхо революции, и союзники ничего не смогут предпринять, кроме диверсионных актов, которые ровным счетом ничего не дадут? «Интересы Британии», черт побери...

Чтобы как-то успокоиться, Кромби спустился вниз и принялся за письмо жене.

«Дорогая Джейн, если бы ты знала, как я тоскую по тебе, — вывел он своим ровным почерком. — Как жалею о том, что, когда мы были вместе, я недооценивал это счастье — счастье любить и быть любимым. Счастье просыпаться по утрам в нашем уютном доме и нежиться в постели до самого завтрака, долгими вечерами сидеть с газетой у камина и слушать, как потрескивает огонь... Наблюдать за тобой, когда ты рукодельничаешь или подрезаешь кусты в саду... Быть простым человеком... Нет, когда я вернусь, все будет по-другому. Мы с тобой...»

Снизу раздался какой-то шум. Френсис отложил перо в сторону и подошел к окну. В тусклом свете фонарей он разглядел группу людей, столпившихся возле входа в посольство. В тот же момент в дверь забарабанили.

— ...Немедленно! — донеслось снизу. — ...Именем революции...

Раздался треск ломающегося дерева. Френсис схватил со стола пистолет и кинулся на лестницу. В холле первого этажа слышался топот ног.

— Стойте! — крикнул непрошеным гостям Кроми, останавливаясь на площадке второго этажа. — Здесь территория Британской империи.

— Братцы! — усатый мужик в форме милиционера обернулся к столпившимся за его спиной людям. — Братцы! Он вооружен! Стреляй, братцы!

И первым выстрелил.

Френсису едва удалось увернуться от пули. Он заскочил за мраморную диву, украшавшую площадку, и снова выкрикнул:

— Прекратите! Дипломатический статус...

Новый выстрел помешал ему договорить.

И тогда Кроми, не целясь, выстрелил в ответ.

Молодой парень из толпы нападавших охнул и медленно осел на пол. На его гимнастерке расплылось темное пятно.

— Буржуйская сволочь! — заорал усатый, выпуская пули одну за другой. — Контрреволюционная гадина!

От мраморной дивы отвалился нос. Френсис больше ничего не пытался объяснять. Он отстреливался, лихорадочно подсчитывая, сколько пуль еще осталось в запасе.

Помощник комиссара Шейнкман был ранен в грудь, разведчик Янсон убит, следователь ЧК Бортновский ранен».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Патроны кончились. Френсис отбросил пистолет в сторону и прижался лицом к холодной спине мраморной красавицы.

— Дострелялся, гад?! — перепрыгивая через ступеньки, усатый бросился на площадку второго этажа, держа пистолет наготове. — Сука английская!

Френсис перекрестился и вышел из-за статуи.

Усатый был в нескольких шагах от него. Его глаза встретились со взглядом Кроми. И в тот же момент откуда-то сзади раздался выстрел.

Френсис рухнул на пол и больше не шевелился.

— Тьфу! — сплюнул усатый. — Надо же... наповал...

Он обернулся и строго спросил:

— Какой идиот его шлепнул?

— Я... — отозвался рыжеволосый паренек с едва пробивающимися усами. — Я с черного хода прошел... Я не хотел... Думал, он сейчас на вас нападет...

— Думал, думал! — передразнил усатый. — Головой работать надо, а не думать! Велено было взять его живьем. Арестовать, так сказать, для дальнейшего допроса. А ты, дурак, думал... Он же и пистолет-то бросил. Патроны, видать, кончились.

Паренек опустил голову и шмыгнул носом.

— Дык я... — пытался оправдаться он.

— Ладно, — вдруг махнул рукой усатый. — Скажем, убит при оказании сопротивления. Тем более его все равно бы расстреляли, гниду буржуйскую. Наших-то он не пожалел.

Милиционер снял фуражку и посмотрел на тела убитых Кроми чекистов. Остальные последовали его примеру.

— Все, — усатый снова надел фуражку. — Ты, Вербицкий, и ты, Шингарев, вынесите тела. Колтунов останется с раненым. Остальные — за мной! Обыскать помещение!

Неоконченное письмо Дженни, как единственный документ, было отправлено в Москву, в архив ВЧК.

«Архивы посольства разграблены, и все разрушено. С трупа капитана Кроми снят крест Святого Георгия, его потом носил один из убийц. Английскому священни-

ку было отказано в разрешении читать молитвы над телом».

(Из телеграммы датского посла в Петрограде Г. Скавениуса, полученной в Лондоне 3 сентября 1918 года.)

«Глубоко огорчен гибелью Кроми. Я был с ним лично знаком с семнадцатого года и считал человеком очень одаренным, исключительно высоких профессиональных качеств... Серьезно надеюсь, что правительство, несмотря на перегруженность делами, будет преследовать виновников этого преступления с неустанной настойчивостью. Единственная политика, которая представляется эффективной, — установить, что конкретных лиц, входящих в большевистское правительство, постигнет справедливое возмездие, сколько бы времени это ни потребовало, и заставить их почувствовать, что это возмездие станет важной целью британской политики и будет твердо преследоваться на всех этапах войны и послевоенного урегулирования».

(Из специального документа, представленного У. Черчиллем военному кабинету 4 сентября 1918 года.)

Глава 6

«Я ПРИКОВАН К ЭТОМУ ИМЕНИ»

Москва, 1 сентября 1918 года

Петерса разбудил резкий телефонный звонок.

— Алло? Алло? — доносился откуда-то издали мужской голос.

— Алло, барышня, ничего не слышно! Алло! В трубке раздались короткие гудки. Петерс нажал на рычаг, и телефон тут же снова затрещал.

— Алло? Товарищ Петерс? Соединяю... — телефонистка защелкала какими-то рычажками, и ее голос сменился мужским тенорком:

— Товарищ Петерс?

— Да, — кивнул Ян Христофорович, и у него что-то сжалось в районе солнечного сплетения, как это всегда бывало в предчувствии неприятностей.

— Что вы там себе позволяете, в вашем ЧК? — возмутился неизвестный собеседник. — Что это за аресты? Что это за...

— Позвольте, позвольте, — перебил звонившего Петерс. — А кто вы, собственно говоря, такой?

— Наркоминдел Чичерин, — буркнул мужчина.

— Ой, простите, Георгий Васильевич, не узнал, — Петерс сразу смягчил тон. — Вы же осведомлены о событиях последних дней. Товарищ Ленин ранен, товарищ Урицкий убит в Питере...

— Но при чем здесь главы дипломатических миссий? — раздраженно перебил его Чичерин. — Что за самоуправство? Это международный скандал! В то самое время, когда мы всеми силами стараемся наладить дипломатические отношения с Англией и Францией, вы арестовываете их представителей и обвиняете в каком-то заговоре!

— Да, — твердо сказал Ян Христофорович. — Обвиняем. Заговор против Советской власти...

— Оставьте! Мы же взрослые люди! У вас есть какие-то доказательства?

— Доказательств пока мало, но они будут, — неуверенно сообщил Петерс.

— Что значит — будут? Можно подумать, мы какое-то дикое африканское племя, а не жители нового цивилизованного государства. Вы знаете, какие неприятности у нас из-за вас?

— Какие? — Петерс нервно откинул волосы со лба.

— В Лондоне арестован наш представитель Литвинов, вот какие! Его захватили сразу же после получения известий о вашем самоуправстве!

— Это... шантаж... — робко сказал Ян Христофорович.

— Это скандал! Вы должны немедленно освободить и Локкарта, и Лаверню, и всех иностранцев, которых вы взяли!

— Но...

— И товарищ Свердлов полностью со мной согласен, — продолжал Чичерин. — Считайте, что это прямое указание, приказ! Вы поняли меня?

Не дожидаясь ответа, Чичерин положил трубку.

— Черт! — выругался Петерс. — Я же предупреждал! — он постучал по телефонному рычагу. — Барышня, соедините меня с Мальковым!

«Петерс сказал мне, что Локкарта он решил выпустить. Я даже опешил от неожиданности. Однако Петерс успокоил меня. Он сказал, что сейчас, побывав под арестом, Локкарт не опасен, так как вынужден будет на время свернуть активную контрреволюционную деятельность, да и большинство его агентов арестовано. Находясь же на свободе, Локкарт может, сам того не подозревая, принести кое-какую пользу. За ним будет организовано тщательное наблюдение... Имеются и некоторые дипломатические соображения, говорящие в пользу освобождения Локкарта... Рассказал мне Петерс и некоторые подробности заговора».

(Из книги П. Малькова «Записки коменданта Московского Кремля».)

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Я шатался по городу без всякого дела. Знакомых здесь у меня не было, да и не хотелось мне заводить знакомства. Отправляя меня в Воронеж днем 30 августа, Петерс сказал, что это временная мера. Мне нужно скрыться, чтобы под горячую руку не попасться своим же чекистам и не быть пришлепнутым в какой-нибудь глупой перестрелке. Да уж, нелегко быть шпионом Рейли...

Я рад, что этот спектакль наконец закончен и очень скоро я смогу жить и работать под своим настоящим именем. 3 сентября в «Известиях» появилось сообщение, которое я чуть ли не наизусть выучил:

«Ликвидирован заговор, руководимый англо-французскими дипломатами во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Лавернем и др., направленный на организацию захвата, при помощи подкупа частей советских войск, Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве.

...Заговорщики действовали, прикрываясь дипломатическим иммунитетом (неприкосновенностью) и на основании удостоверений, выдававшихся за личной подписью начальника британской миссии в Москве г. Локкарта, многочисленные экземпляры которых имеются ныне в руках ВЧК. Установлено, что через руки одного из агентов Локкарта, лейтенанта английской службы Рейли, за последние полторы недели прошло 1 200 000 рублей на подкуп...»

Тут, конечно, газетчики перегнули палку: было лишь 700 тысяч, ну да ладно. Главное, скорее бы во всем разобрались и вернули меня обратно. А то я здесь, как в ссылке. И с Ириной повидаться нет никакой возможности... Интересно, как она там?»

Москва, 4 сентября 1918 года

«Локкарт попался в Москве самым глупым образом. Говорили, что в этой истории была замешана женщина».

(Из воспоминаний мичмана А. Гефтера.)

Хикс сочувственно наблюдал за Локкартом. Тот, допив свой жидкий чай, тщательно сполоснул чашку и надел пиджак.

— Куда сегодня? — спросил Хикс.

— Не знаю, — пожал плечами Роберт Брюс. —

Искать Муру на улицах бесполезно, Карахан из Наркоминдел, где я пытался навести о ней справки, ничего о ее судьбе не знает или делает вид, что не знает... — он немного помолчал. — Я, наверное, вот что предприму...

Он снова замолк и задумался. Хикс его не торопил.

— Пойду к Петерсу, — вдруг решительно сказал Локкарт.

— Вы с ума сошли! — от волнения на лице помощника выступили красные пятна. — К чекистам?! Опять в тюрьму захотели?

— На этот раз меня не заберут, — убежденно возразил Локкарт. — Они же нас только три дня назад выпустили. Убедились, что никаких противоправных действий мы не совершали, и выпустили... За что им меня арестовывать?

— Ну не знаю, — Хикс возбужденно забегал по комнате. — А почему нас вообще отвозили на Лубянку? У большевиков нет никакой логики! От них надо держаться подальше!

— Но вдруг Мура осталась в тюрьме? — тоскливо спросил Локкарт.

— Даже если и осталась... Вы же знаете, нас выпустили сразу только потому, что мы представители иностранной державы. А она русская. С ней еще будут разбираться несколько дней. Убедятся, что ничего такого за ней не числится, и тоже отпустят...

Впрочем, в голосе Хикса уверенности не чувствовалось.

— Вот видите, — вздохнул Роберт. — Вы и сами в это не верите... — он решительно направился к дверям и остановился на пороге. — Пожелайте мне удачи, друг мой...

Около здания ВЧК Локкарт остановился и перекрестился.

— С Богом, — сказал он сам себе, открывая тяжелую дубовую дверь.

Навстречу ему поднялся дежурный.

— Ваши документы, товарищ, — потребовал он.

Локкарт молча протянул удостоверение главы английской миссии в Советской республике.

— Локкарт? — недоверчиво переспросил дежурный, не выпуская бумаги из рук. — Роберт Брюс?

— Да-да, — нетерпеливо кивнул англичанин. — Это я. Мне нужно видеть товарища Петерса. Он на месте?

Дежурный как-то странно поглядел на него.

— Я вас сам провожу к товарищу Петерсу. — Документы он по-прежнему не отдавал. — Иванов! — дежурный повысил голос, подзывая молоденького солдата, стоявшего возле лестницы. — Проследи тут... У меня важное дело...

Следом за дежурным Роберт поднялся на второй этаж.

— Товарищ Петерс, — сказал чекист, первым входя в кабинет, — тут господин Локкарт...

Ян Христофорович, который, обжигаясь, пил чай, едва не поперхнулся. Он отставил стакан в сторону и поднялся навстречу посетителю.

— Ну, наконец-то! — воскликнул он, пожимая руку англичанину. — Сам пожаловал! А мы тут все с ног сбились!

Роберт Брюс улыбнулся.

— Здравствуйте, Ян Христофорович. Видите, как совпали наши интересы — вы хотели видеть меня, я вас... Но, ради Бога, позвольте, пренебрегая приличиями, сначала я выложу свое дело...

— Да-да, конечно, — Петерс гостеприимно предложил посетителю стул. — Можете идти, — кивнул он дежурному, усаживаясь напротив Локкарта. — Я слушаю вас, Роберт.

— Право, не знаю, с чего начать... После того недоразумения, ну после ареста... госпожа Закревская... вы знакомы с нею... Мура... не пришла домой. И вот уже несколько дней мне ничего не известно о ее судьбе. Я был в американском посольстве, думал,

она, потрясенная событиями, отправилась туда после освобождения... Наводил справки у заместителя наркома иностранных дел товарища Карахана... Никто ничего не знает... Может быть, вы в курсе, где теперь она?

— Нет, — быстро ответил Петерс. — И мне ничего о ней не известно.

— Ян Христофорович, — Локкарт умоляюще глядел на него, — ну зачем вы так? Я думал, у нас добрые дружеские отношения... Вы же знаете, что для меня Мура... Ее арестовали одновременно со мною и Хиксом. На Лубянку везли в одном автомобиле... Она в тюрьме, вы просто не хотите мне сказать. Но ведь она же ни в чем не виновата!

— Гражданка Закревская, — холодно произнес Петерс, — арестована по подозрению в заговоре против Советской республики. Это очень серьезное обвинение, господин Локкарт, очень...

— Ян Христофорович! Но ведь не было никакого заговора! Не было и нет!

— Разве? — иронически усмехнулся чекист.

Локкарт смутился.

— Поймите меня правильно, — горячо заговорил он. — Если даже заговор и существовал, то я не имею к нему ни малейшего отношения. Более того, вы прекрасно знаете, с каким воодушевлением воспринял я все революционные перемены в России, тем самым восстановив против себя своих английских шефов. Я люблю эту страну и радуюсь тому, что она наконец-то...

— А Рейли? — Петерс в упор глядел на собеседника.

— Рейли? Я же объяснял вам три дня назад во время допроса, Ян Христофорович, что знаком с этим человеком, но взглядов его не разделяю. Да, он говорил что-то о взятии Кремля и тому подобное, но это все фантазии, выдумки, вздор! И какое отношение имеет к нему Мура?

— Над этим вопросом сейчас мы и работаем. Из-

вините, господин Локкарт, но больше я ничего не могу вам сказать.

Роберт поднялся, чтобы идти.

— Но я могу ей хотя бы письмо написать? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Не думаю, — отозвался Петерс, поднимая телефонную трубку. — Дежурного ко мне.

— Но хотя бы примерно, когда вы ее освободите? — Локкарт едва не плакал.

— Не раньше, чем вас, дорогой Роберт, не раньше, чем вас... — Ян Христофорович поднялся с места и обошел вокруг стола. — Вы забыли выслушать мое дело. А оно заключается в следующем: вы арестованы.

— То есть как? — ошолбенел англичанин.

— Выяснились некоторые новые обстоятельства вашей контрреволюционной деятельности, в связи с чем мы и определили вам новую меру пресечения. Мне очень жаль, Роберт, что среди заговорщиков оказались именно вы, человек, к которому я чувствовал симпатию и которому доверял...

По спине Локкарта катился холодный пот. В горле словно кость застряла. Он несколько раз судорожно вздохнул, прежде чем заговорил.

— Позвольте, товарищ Петерс. Это... незаконно... Дипломатический иммунитет...

— Никакого иммунитета у вас нет, — махнул рукой чекист. — Вы прекрасно это знаете. А насчет законности... Не вам решать, господин Локкарт. Вы тоже действовали незаконно, подкупая красных командиров из латышских частей. Что вы молчите? Нам все известно.

— Вызывали, товарищ Петерс? — в дверях появился тот самый дежурный, который привел сюда Локкарта.

— Да, — кивнул Ян Христофорович. — Уведите арестованного.

Он проводил взглядом понурюю фигуру Роберта

Брюса и, лишь когда Локкарт и конвоир скрылись за углом коридора, затворил дверь кабинета.

— Какая поганая жизнь, — вздохнул Петерс, вновь усаживаясь за стол и поднимая телефонную трубку. — Собачья жизнь... Алло? Барышня? Соедините меня с Петроградом... Три, пять...

Он спешил сообщить Дзержинскому о том, что допущенные ошибки исправлены, британский посланник и антикоммунист Локкарт снова в тюрьме.

Немного истории

Вернуть в Россию из Лондона представителя Советского правительства М. М. Литвинова можно было, только обменяв его на представителя Британии в Советской республике, то есть на Локкарта. Такое условие поставили английские власти. И как ни велик был соблазн передать Роберта Брюса в руки революционного правосудия и устроить образцово-показательный процесс, Дзержинский скрепя сердце вынужден был освободить «организатора заговора» из-под ареста. Вместе с ним отбыли на родину другие сотрудники посольства, а также французы. Тем не менее суд над уехавшими «заговорщиками» все же состоялся — заочно.

«В конце ноября — начале декабря 1918 года... состоялся судебный процесс по делу о раскрытом ранее заговоре Локкарта.

Перед судом Верховного революционного трибунала предстали 24 обвиняемых, из них четырех — Локкарта, Гренара, Сиднея Рейли и Генриха (Анри) Вертимона — судили заочно, так как Рейли и Вертимону удалось скрыться, а Локкарту и Гренару Советское правительство разрешило выехать на родину...

Дело рассматривалось в Москве с 28 ноября по 3 декабря 1918 года в открытом судебном заседании...

Центральной фигурой судебного процесса был аме-

риканский шпион Ксенофонт Каламантиано. Вынужденный признать, что он собирал шпионские сведения через агентуру, состоявшую из завербованных русских граждан, Каламантиано утверждал, что он не был связан с Локкартом, а действовал в интересах американских коммерческих фирм...»

(Из книги Д. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Москва, декабрь 1918 года

— А кто такой этот Каламантиано? — спросил Реллинский. — Я никогда не видел его у Локкарта.

— Но вы ведь не сомневаетесь в том, что он — американский агент? — добродушно усмехнулся Петерс. — Признаюсь, нам пришлось немного притянуть за уши этого негодяя грека, но он, ей-богу, заслуживает расстрела.

— Понятно, — озадаченно пробормотал Георгий Васильевич. — А за что приговорили к трем месяцам заключения ту девочку... секретаршу из ЦИК? Оленьку Старжевскую? Да еще и приписали ей «близкие отношения» со мной... то есть со шпионом Рейли...

— Вы сами ответили на свой вопрос. Сотрудница ЦИК должна быть безупречна. А Старжевская участвовала в оргии, организованной Кроми, не правда ли? Таким не место в советских государственных учреждениях... Поделом ей! Еще сравнительно легко отделалась...

— Да уж... — пробормотал Реллинский. — Меня-то приговорили к расстрелу...

— Во-первых, не вас, а вашего двойника, — резонно возразил Петерс. — Во-вторых, заочно. А как же иначе? Рейли — духовный вдохновитель заговора, ему просто чудом удалось избежать справедливого возмездия. А знаете ли, почему мы позволили уйти

этому матерому шпиону? Его еще не раз можно использовать...

Почему-то Георгию Васильевичу было неприятно, что о нем, который и был этим самым Рейли, говорят так, как будто это реальный, отдельный от него человек. И еще — словно бы скрытая угроза чудилась в словах Яна Христофоровича...

Он тряхнул головой. К черту мистику!.. И вдруг вспомнил предчувствия, которые одолевали Фрэнка незадолго до гибели: тоска, боль в сердце... Жаль Кроми! В сущности, он был славный парень, и Реллинский никогда не воспринимал его как врага. Где-то там, в далекой Англии, Джейн надела траурное платье...

— ...просто-таки создан для того, чтобы помогать нам работать, — очнувшись, услышал он Петерса. — Коварный агент англо-американских разведок неожиданно появляется и исчезает в самый опасный момент...

Неужели и это — тоже о нем, Реллинском-Рейли?

— В таком случае мне суждена очень долгая жизнь, — натужно пошутил Георгий Васильевич.

— О вас еще сложат легенды, — без улыбки ответил Петерс. — Мы вас будем беречь, Сидней. Кто знает, сколько еще раз вам придется вживаться в шкуру врага...

«Ирина, — подумал Реллинский, и в груди у него мягко дрогнуло сердце, — как хорошо, что о тебе никто ничего не знает».

Пора было возвращаться в Петроград.

Москва, декабрь 1918 года

— Надо бы обмыть это дело, — Эдуард Берзинь щелкнул по крышке часов, где была выгравирована надпись: «Пламенному чекисту Г. В. Реллинскому за особые заслуги в борьбе с контрреволюцией». — Серебряные! Фирмы Буре! Старая работа, дореволюционная... Реквизировали их у какого-ни-

будь буржуя, а теперь они послужат тебе... Сто лет будут ходить без ремонта! Давай скинемся и отметим наградные...

— Да не мешало бы... — Георгий Васильевич задумчиво повертел в руках удостоверение на имя «сотрудника ВЧК Сиднея Георгиевича Реллинского», которым пользовался весной и летом. — Слушай, а что мне делать с этим липовым документом? Я хотел сдать, но Ян Христофорович только посмеялся. Потом, говорит, сдашь, в исторический музей, за большие, говорит, деньги...

— Ну и оставь себе на память, — посоветовал Берзинь. — Приятно будет вспомнить под старость, как мы с тобой были матерыми антисоветчиками... Смотри, товарищи еще задразнят Сиднеем Георгиевичем! — он рассмеялся. — Ну, пошли пропивать наградные...

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Иногда мне кажется, что все это был лишь сон или смешной любительский спектакль с переодеванием... Правда, в то время, когда я существовал под именем Сиднея Рейли, мне так не казалось. Было несколько очень рискованных моментов, когда я мог поплатиться жизнью... К примеру, когда пришлось объяснять Фрэнку, почему «Интеллидженс Сервис» использует один и тот же псевдоним для разных разведчиков. Но Кроми верил мне безоговорочно, из-за чего и поплатился, бедняга... Как ни оправдываюсь перед собой, все равно знаю, что его гибель — на моей совести. Впрочем, официально сообщено, что, когда брали посольство, он убил Янсона и ранил Шейнкмана и Бортновского... Но кто-то говорил мне, что Яшу Шейнкмана просто перевели в другой город, а Янсон в завязавшейся

перестрелке был ранен (смертельно) кем-то из своих же... И потом — почему Фрэнк был застрелен в затылок?.. Не нравится мне вся эта история...

То же с часами. Я радовался им, как ребенок — новой игрушке, пока Эдуард не сказал, что их реквизировали у какого-то буржуя. Теперь мне все чудится, будто я ношу украденную у кого-то вещь. Что со мной? Может быть, это пережитки прошлого? Скорее всего, я просто устал. Работа изматывает до предела... Со всех сторон — враги. И внешние, и внутренние. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Единственная моя тихая пристань — Ирина. После всего, что произошло, я не мог находиться в своей старой квартире, где почти одновременно умерли и Таня, и родители. Я переселился к Ирине, хотя она считала, что торопиться нам ни к чему... Не будь я Сиднеем Рейли, не встретил бы такую чудесную женщину. Она много страдала и, по ее собственным словам, была на грани гибели от безнадежности и отчаяния, когда мы стали друг для друга спасительной соломинкой среди всеобщей гибели...

...ответы Петерса меня совершенно не удовлетворили. Одно дело — доказывать чью-то вину, совсем другое — фальсифицировать факты в угоду заранее заданному результату. Так можно обвинить кого угодно в чем угодно и расстрелять без суда и следствия. Разницы я не вижу никакой...

...Брюс был человеком безвольным, но дураком его не назовешь. Он сразу же понял, что имеет дело не с коренным британцем, а с человеком, который просто неплохо выучил язык и какое-то время (притом давно) жил в Англии. Я был на грани провала... Пришлось на скорую руку сплести сказку о своем происхождении. Все как в романе: незаконный сын безумной влюбленной девушки... Вот когдагодились польские корни нашего рода! В «отцы» же себе я определил незабвенного и добрейшего

Григория Яковлевича Розенблюма, который году в девяностом лечил меня от туберкулеза одесским морским воздухом... Разумеется, я просил Локкарта никому не передавать эту страшную тайну и уверил его, будто бы в душе я ярый англоман и монархист и люто ненавижу большевиков за то, что они лишили меня наследственного состояния... Брюс торжественно поклялся не открывать мое настоящее имя и вообще был чрезвычайно доволен, что так ловко раскусил меня. Чем бы дитя не тешилось... Вообще в трудную минуту меня выручали самые нелепые выдумки. Главное условие — произносить их напористо, надменно, без тени сомнения. И тебе верят! Помню, как-то Локкарт завел разговор о любви. Это так естественно — ведь он переживал бурный роман с Мурой. Я поведал ему душераздирающую историю о том, как сводная сестра воспылала ко мне преступной страстью и я принужден был спастись бегством за границу... Локкарт ни секунды не сомневался в правдивости моего рассказа. И этого человека сейчас называют главой антисоветского заговора! Да его мог провести кто угодно, не то что Дзержинский и Петерс!.. И все-таки никак не пойму: зачем понадобилось приплетать Каламантиано и Фриде, а с ними — еще два десятка людей, повинных в худшем случае в том, что общались с обвиняемыми?.. Этот вопрос не дает мне покоя. Если я работаю в ВЧК, то должен быть уверен, что борьба ведется честными способами и чистыми руками. Иначе... Или пулю пустить себе в лоб, или погибнуть в бою. Третьего не дано. Мне никто не позволит уйти. Я ведь Сидней Рейли, заочно приговоренный к смерти. Я живая легенда. Я гордость своих товарищей. Я прикован к этому имени, как каторжник к своему ядру. Господи, как я жалею, что согласился и позволил втянуть себя в эту безвыходную ситуацию!..»

Немного истории

Роберт Брюс Локкарт, несмотря на смертный приговор, вынесенный ему в Советской России (заочно), дожил до глубокой старости. Локкарт считал, что после холодного приема в Лондоне его политическая и дипломатическая карьера закончена. С 1919 года он жил в Праге, служил коммерческим атташе при английской миссии, с 1923 года стал одним из директоров международного филиала Английского банка. В 1928 году он вернулся в Англию и стал видным журналистом в газете «Ивнинг стандарт». Очень скоро его опять начали считать одним из лучших экспертов по России. Через год вышла книга Локкарта «Воспоминания британского агента» и имела шумный успех в Англии и США. Еще через два года англичанами по ней был снят фильм «Британский агент». Роберт Брюс написал еще несколько книг — в основном автобиографических и мемуарных — и одновременно вернулся в военно-политические круги: стал сотрудничать с Форин Оффис. К 1944 году он дорос до начальника оперативного отдела этого ведомства (находившегося под непосредственным руководством У. Черчилля) и сблизился с Робертом Шервудом, позже ставшим директором Европейских разведывательных операций при военно-информационном бюро США. Участвовал в создании пропагандистских фильмов. Читал курс по ведению «политической войны» и вел регулярные лекции для служащих своего министерства. В 1943 году встречался в Лондоне с членом советского политбюро Шверником и был назначен его переводчиком. Шверник сказал Роберту Брюсу: «Я хорошо вас помню. Думаю, нынче мы оба согласимся с тем, что вы в свое время были центром таких событий, нити которых до сегодняшнего дня было бы трудно распутать».

Умер Локкарт в 1970 году.

«Полковник Эдуард Платонович Берзинь, получив от Дзержинского награду в 10 000 рублей, продолжал бороться с контрреволюцией как верный слуга органов государственной безопасности вплоть до 1932 года, когда он был отправлен на Колыму и там до 1937 года руководил Дальстроем. В 1937 году он наконец собрался в Москву, в отпуск. Его провожали торжественно, с музыкой и флагами как лагерное начальство, так и благодарные заключенные. Но он не доехал до Владивостока: его сняли с парохода в Александровске, арестовали и услали на Крайний Север, где он был расстрелян, когда пришел его черед.

Шмидхена решено было изобразить другом и соратником Локкарта и о нем забыть. Ему дали квартиру и его старую фамилию и оставили в покое...

700 000 рублей были якобы получены Берзиным от Рейли и переданы, как было условлено, целиком Петерсу, препроводившему их позже Дзержинскому. Сумма эта, между прочим, была... истрачена в дальнейшем на пропаганду среди латышских стрелков, на помощь инвалидам и семьям стрелков, павших во время Октябрьской революции в Москве, и даже на открытие небольшой продуктовой лавки при латышской дивизии, где служил Берзинь».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Глава 7

КРЕСТ И ЧЕРЕП

Петроград, 1919 год

Ирина провожает мужа на службу. Сует завернутый в газеты бутерброд и спрашивает:

— Ну что на этот раз? Юденича ты уже разбивал... Диверсантов ловил... Кронштадтский мятеж подавлял... С анархистами схлестывался... Что на этот раз?

Георгий Васильевич целует жену в щеку и кротко отвечает:

— Ей-богу, ничего особенного. Ты же знаешь, сколько мне лет. Теперь я занимаюсь тихой кабинетной работой.

Ирина скептически усмехается. Она знает, что это неправда. И знает, что Реллинский не скажет правды. О том, чем он занимался сегодня, она узнает значительно позже. Из сообщений в газетах. Или от самого мужа, когда он будет в настроении. Но не сейчас.

В июне петроградские чекисты вместе с добровольными помощниками из числа рабочих принимали меры по очистке города от контрреволюционных элементов. Это означало, что нужно днем и ночью проводить массовые обыски в подозрительных квартирах, учреждениях, некоторых консульствах и посольствах...

— Вас, Георгий Васильевич, мы к дипломатам враждебных держав не пошлем, — распорядился Петерс. — Вдруг кто-либо из давних знакомых случайно опознает знаменитого английского шпиона? Рисковать не стоит. Возьмете на себя жилые дома...

Реллинский погрузил свой отряд на автомобили и выехал в заданный район. Рядом с ним пытался вздремнуть на сиденье Резо Дарчия.

— Не спи, генацвале, самое интересное пропустишь, — шутовливо подталкивал его в бок Георгий Васильевич.

— Поспать, понимаешь, не дают, — ворчал грузин. — Когда эта нервотрепка кончится? Скоро я уже научусь засыпать стоя, как лошадь...

В уголовном отделе они были самыми старшими по возрасту. Молодые ребята, пришедшие в ЧК по последнему призыву, смотрели на них, как на дряхлых старцев. Но — до первого же дела.

Постоянно сонный Дарчия, тяжело переносивший голод и отсутствие в рационе милых южному человеку овощей и фруктов, в минуту опасности пре-

ображался. Однажды он практически в одиночку захватил целую банду, терроризировавшую Петроград. Некий князь (разумеется, самозванный) Эболи вместе со своим подручным Маковским и сообщницей по имени Бритт врывались по ночам в дома мирных обывателей, выдавая себя за чекистов, и грабили квартиры подчистую, унося оттуда все мало-мальски ценное. Каждое такое ограбление получало широкую огласку и вызывало естественное недоверие к ВЧК. Распоясавшиеся бандиты, чувствуя свою безнаказанность, стали порой жестоко расправляться со своими беспомощными жертвами...

Резо тщательно собирал все сведения об этих негодях.

— Де Приколи! — возмущался он. — Что за имена выбирает себе этот липовый князь? А вот фамилия Найдки... Да он просто бросает мне вызов!

Особенный гнев вызвало у Дарчия сообщение, что при очередном «обыске» Эболи выдал себя за грузина.

— Издевается, да? Бросает тень на мой народ! Ну ничего, недолго ему гулять на свободе: я поймаю князя на наживку!

Не долго думая, Резо договорился с собственными соседями и пустил слух, будто бы у них дома припрятаны большие ценности: золото, валюта, драгоценности... Для достоверности даже принес и развесил у них по стенам несколько реквизированных чекистами картин:

— Пусть думают, что здесь живут буржуи!

Прошло несколько дней... Каждый вечер Дарчия извинялся перед соседями за то, что вынужден их беспокоить, и устраивал в квартире засаду. И однажды бандиты клюнули...

26 февраля 1918 года самозванного князя и его сообщников расстреляли. А Резо ходил именинником. Больше всего его радовало то, что соседи — пожилая интеллигентная пара — стали относиться к нему с огромным уважением.

А Реллинский отругал грузина:

— Ну что за преступная самодеятельность, товарищ Дарчия? И сам мог погибнуть ни за грош, и посторонних людей подставить! Разве можно в нашей работе опираться на импровизацию? Каждая операция должна быть распланирована до тонкостей!

— Я планировал, — оправдывался Резо. — Мария Прокофьевна согласилась, да и Дмитрия Львовича уговорила. А картины? Разве это не подготовка?

Георгий махнул рукой. Он ценил и любил товарища и прощал ему все «кавказские штучки».

Самого Реллинского в шутку называли Стратегом. Он терпеть не мог приступать к какому-либо делу неподготовленным. Это, утверждал Стратег, лучший способ провалить операцию, даже самую пустяковую.

— Нельзя рассчитывать на случайность, — твердил он подчиненным. — Случайность принесет удачу, случайность расставит ловушку.

Если погибал кто-то из сотрудников отдела, Георгий Васильевич не находил себе места. И винил в случившемся только себя — недосмотрел, не уберег...

Вот и сегодняшней ночью он требовал от своего отряда собранности и бдительности.

— Без необходимости под пули не подставляйтесь!

С собой у Реллинского был список адресов, которые следовало взять под контроль.

— Откройте! Проверка документов! — стучались чекисты в двери. Несколько человек в это время блокировали черный ход.

Чаще всего вынимали «пустой номер». Но в одной из квартир на Обводном канале обнаружили целый склад боеприпасов. Хозяин клялся и божился, будто он и знать не знал, что именно хранится у него в кладовке. Несмотря на все заверения в лояльности к

Советской власти, его задержали и отправили на допрос. Оружие было конфисковано.

Светало, когда отряд Реллинского возвращался с задания. Резо тихо посапывал рядом с водителем. Лица у чекистов были серые, осунувшиеся от усталости. У Георгия Васильевича сильно сосало под ложечкой от голода. Про бутерброды, заботливо приготовленные женой, он напрочь забыл.

— Стой! — вдруг хлопнул он по плечу шофера. — Что это там?

Вначале Реллинскому показалось, будто в пред-
рассветной мгле его подвело зрение. Он протер слипающиеся глаза. Нет, ошибки нет! Из-за решетчатой ограды, из пышных крон деревьев торчало... дуло артиллерийского орудия.

— Ничего себе, — пробормотал мигом проснувшийся Дарчия. — Даже не потрудились замаскировать, сволочи!

Чекисты высыпали из автомобиля и окружили подозрительное здание. К их немалому удивлению, это оказалось... румынское посольство.

Несколько мгновений Георгий Васильевич колебался. Но запрет Петерса самовольно проверять резиденции иностранцев явно не относился к такому экстраординарному случаю. К тому же румыны никогда не видели Сиднея Рейли, а потому и опознать Реллинского не могли.

— Че врець, домнуле? — суетился вытащенный из теплой постели посол. — Что вам угодно, господа? Вы не имеете права врываться сюда! Это территория суверенного государства! Я есть неприкосновенное лицо! Вой сынтець бандиць! Это произвол!

— Не кричи, дорогой, — посоветовал румыну Резо. — Скажи лучше, зачем тебе пушка?

«Неприкосновенное лицо» в одних кальсонах попереминалось с ноги на ногу.

— Россия есть варварская страна, — наконец вы-

давил из себя посол. — Каждую ночь стреляют... Мы должны были как-то себя обезопасить!

— Держать оружие — незаконно, — объяснил румыну Реллинский. — Оденьтесь, пожалуйста. Вам придется дать письменные показания. А пушку мы конфискуем.

В ходе июньских обысков было изъято почти семь тысяч винтовок, 142 тысячи патронов, 644 револьвера, пулеметы, бомбы и пироксилиновые шашки. Немало реквизировано было находящихся в розыске драгоценностей и произведений искусства. Но таким редкостным трофеем, как пушка, мог похвастаться только отдел Реллинского.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Опереточный румынский посол, сперва в кальсонах, затем в мундире, с пышными аксельбантами, — фигура скорее комическая, нежели злоеющая. И пушку во дворе посольства он, скорее всего, действительно держал из страха перед налетчиками, а не для нападения на граждан «варварской страны». Но сколько у нас еще настоящих врагов — беспощадных, коварных, опасных, готовых в любую минуту вонзить нож в спину! Иной раз я думаю — политика только с виду политика, а копнешь поглубже... Обнаруживается то же извечное стремление урвать свой кусок, только не скромный, как у рядового человека, а кусище размером с полстраны! Я уже не говорю о том, что сейчас, как в любое смутное время, выплыла на поверхность и забурлила нечистая пена — всяческие банды, спекулянты, мошенники. Имея в основном дело с ними, трудно сохранять объективность в восприятии действительности: кажется уже, что вокруг нет ни честных людей, ни идеалов. Самое ужасное, когда какая-нибудь шушера проникает к нам в ЧК. Карьеристы, приспособ-

ленцы всех мастей, нечистые на руку махинаторы... Разоблачить их довольно трудно, потому что, как правило, они быстро усваивают революционную фразу и умело ею орудуют для достижения своих низменных, грязных целей. Все вокруг смотрят и знают, что человечишко — дрянь, а бороться с ним бессильны. Разве что за руку схватишь, поймаешь с личным, как было с Б., когда его разоблачили и с позором изгнали из наших рядов, чтобы не порочил светлую идею борьбы за новую жизнь...

...с трудом засыпаю, без снотворного не ложусь. Участковый врач говорит, что с бессонницей нужно бороться не медикаментами, а прогулками на свежем воздухе и отсутствием тревоги. Легко же ему говорить! Как прикажете жить на этом свете и не волноваться за близких?..»

Петроград, 1920 год

— Не пей больше, прошу тебя, — Ирина умоляюще смотрела на мужа. — Ты губишь себя, Георгий...

— Да-да, ты права, не буду, — Реллинский заткнул бутылку и убрал в буфет. Ополоснул рюмку и поставил на кухонную полку.

— Просто ляг и расслабься, — тихо сказала жена. — И перестань думать о служебных делах.

— Это сложнее всего, — Георгий Васильевич лег и закрыл глаза. Но сон не шел. Он вздыхал, ворочался, вставал, пил воду и снова пытался заснуть. Бесполезно!

Ирина давно мерно дышала, и он старался не шуметь, чтобы не разбудить ее. Когда Реллинский окончательно понял, что сегодня снова повторится бессонная ночь, он потихоньку вышел на кухню, зажег свет и, придвинув к себе листок бумаги, начал набрасывать план захвата «Креста и черепа».

...Ограбление первого склада казалось случайностью. И следователь, ведущий дело, не обратил особого внимания на валяющуюся у входа бумажку с изображением черепа и скрещенных костей. О ней вспомнили только тогда, когда получили сообщение о следующем грабеже. Здесь бандиты не только обчистили складское помещение, но и убили сторожа. «Крест и череп» были насажены на нож, воткнутый в мертвое тело. Дело передали в ЧК.

В городе началась паника. Из уст в уста передавались самые невероятные слухи. Охранники отказывались выходить на ночные дежурства.

На третий раз кроме рисунка на месте преступления удалось обнаружить надпись. Под черепом с костями было намалевано: «Мстители». Рядом, в луже крови, убитый сторож...

После того как прочесали весь квартал, появились свидетели. Кто-то слышал шум мотора, кто-то видел свет фар. Словоохотливый старичок, живший по соседству, утверждал даже, будто видел налетчиков: было их пятеро, все в масках, а у главаря за поясом большущий кинжал... Ему не очень поверили — уж слишком театральный антураж, к тому же впотьмах невозможно было бы разглядеть бандитов. Но была машина... А это уже реальная зацепка.

Георгий Васильевич вспомнил, что в тринадцатом году, перед мировой войной, в Петербурге случилась серия подобных ограблений. Только тогда преступники брали не продуктовые склады, а ювелирные и меховые магазины. Чтобы уточнить детали, он отправился в архивы. Поднял старые подшивки газет. А затем навестил опытного в прошлом криминалиста Николая Афанасьевича Оболенского.

— Да, память вас не подвела, — подтвердил догадку чекиста Оболенский. — Была такая группа. Возглавлял ее некто Брусилович, известный в воровском мире под кличкой Мохнатый. Отличался сей тип обильной растительностью на теле, а брови пря-

мо-таки нависали на глаза... Когда банду взяли, всем ее участникам дали разные сроки заключения. Но потом началась война, затем грянула революция, и что стало дальше с любителями драгоценностей и мехов, никому не известно... Да и живы ли они вообще?

— Кто-то наверняка жив, — возразил Георгий Васильевич. — Может быть, и сам главарь. Ведь Брусилович тоже всегда оставлял на месте преступления автограф — череп и кости. Об этом писали в газетах.

— Я бы не отважился проводить такую параллель, — покачал головой старый криминалист. — История с арестом Мохнатого наделала немало шума. Кто-то мог воспользоваться его примером для устрашения. К тому же череп и кости — довольно распространенный символ... Припомните пиратские флаги!

Но Реллинский решил не отказываться от своей версии. В архивах он отыскал полицейское описание Брусиловича и его подручного, грабителя-рецидивиста Аграмяна.

Одновременно шли поиски автомобиля. Ведь он обязательно числился при каком-либо учреждении или предприятии.

И вот сейчас, сидя на кухне, Георгий Васильевич сводил воедино все, что ему удалось узнать. Оказалось, что человека, похожего на Мохнатого, видели в разных концах города. Теперь он был совершенно лысым, но в остальном приметы совпадали. И самое главное — двойник Брусиловича передвигался на автомобиле!

Приметы Мохнатого и его сообщника распространили по Петрограду. Всех, кто их заметит, просили немедленно сообщать в уголовный отдел ЧК. Сведений о подозрительном гражданине «с очень волосатыми руками» было больше чем достаточно. В одном из донесений указывался адрес, по которому его видели, — Леонтьевский переулок, 12. За домом в

Леонтьевском переулке установили круглосуточное наблюдение...

В десять часов утра прилично одетый гражданин появился в Леонтьевском переулке. Он постучал в дверь дома № 10 и сказал вышедшей на порог хозяйке:

— Я хотел бы снять в этом районе недорогую квартиру. Вы не сдаете?

Женщина ответила отказом, но не поскупилась на объяснения. Из разговора с ней Реллинский — а это был именно он — не только выяснил, где поблизости можно снять угол, но и получил дополнительную информацию об обитателях и посетителях дома номер 12. И опять здесь фигурировал автомобиль!

Хозяин воровской «малины» Евгений Михайлович Пряхин, как оказалось, служил в «Главсахаре». У него была служебная машина, которой он частенько пользовался сам, поскольку умел водить.

И еще на один факт обратил внимание Георгий Васильевич — банда грабила продуктовые склады, а «Главсахар» как раз и распределял по ним свои товары.

— Надо брать, — сказал он Резо. — Пока мы не нашли еще один труп и записку.

— Будем брать! — обрадовался экспансивный грузин. — Недолго этим субчикам гулять на свободе!

К вечеру наблюдатели доложили, что у дома № 12 в Леонтьевском переулке заметно некоторое оживление. Какие-то неизвестные люди приходили туда и уходили, автомобиль постоянно стоял у крыльца. Следовало действовать незамедлительно.

Из поступавших в ЧК сведений было известно, что за прошедший день товары из «Главсахара» развезли на три крупных склада. На каждом из них устроили засаду. А на соседней, рядом с домом номер 12, улице незаметно притаился автомобиль с чекистами...

Когда стемнело, на крыльцо дома вышел человек.

— Пряхин! — шепнул Дарчия Реллинскому. — Я видел его в «Главсахаре».

Громким голосом, ничуть не таясь, хозяин с кем-то разговаривал. Тот в ответ громко захохотал.

— И не бояться ничего! — негодовал Резо. — Едут, понимаешь, грабить и убивать, а смеются, как честные люди!

В тусклом свете, падавшем из окна, можно было различить, что второй человек лыс.

— Мохнатый! — догадался Георгий. — Так... Как только они тронутся, тихонько выезжаем следом. Дальше все по плану...

— Я сам все открою и все вам отдам, только не убивайте! — умолял сторож. — Помилуйте, господа хорошие!

— Ты меня видел? Больше не увидишь! — Брусилович занес волосатую руку с ножом.

Но ударить не успел. Выскочившие из засады чекисты обезоружили его и других участников банды. Одному из них удалось вырваться. Он побежал по улице. В ночной тишине гулко отдавался стук каблуков.

— Куда?! — Дарчия бросился следом. — Врешь, не уйдешь!

— Догоните его! — приказал Реллинский двум молодым сотрудникам.

Погоня продолжалась недолго. Вскоре чекисты ввели беглеца с заломленными за спину руками. За ними маячила сияющая физиономия Дарчии.

— Это он! — переводя дух, выпалил Резо. — Аграмян... Думает, я армянский акцент не узнаю, да? У нас в Тифлисе каждый мальчишка говорит самое меньшее на пяти языках...

И он, усиленно жестикулируя, обратился к задержанному. Георгий Васильевич не понимал ни сло-

ва. Арестованный так же темпераментно отвечал, но размахивать руками не мог — они были связаны.

— Тоже тифлисец! — огорчился Дарчия. — Ты что, Мкртыч, позоришь наш город? Ой, как некрасиво!

— Погоди, Резо, — оборвал друга Реллинский. — Потом будешь его стыдить! Ты что, ранен?

На гимнастерке грузина расплывалось темное пятно.

— Порезал, собака, — удивленно оглядел себя Дарчия. — Эх ты, а еще земляк!

В суматохе погони и схватки Резо даже не заметил, что истекает кровью. Срочно вызвали карету «скорой помощи» и отправили чекиста в госпиталь.

Арестованных доставили в тюрьму.

Таких дел было много...

Глава 8

«ВАС ОЖИДАЕТ ТОВАРИЩ ПЕТЕРС»

Петроград, 1922 год

Да, уголовных дел было немало. Но много было и других, о которых Реллинский не любил вспоминать. Потому что опять начиналась бессонница. Он гнал от себя память о кронштадтском мятеже, в подавлении которого пришлось участвовать... Он был делегирован на X партсъезд и вместе со всеми его участниками 17 марта двинулся на штурм Кронштадта по льду Финского залива. Это была настоящая война... Как кричал тот молоденький матрос!

— Снова ты пьешь, — с укором говорила жена. — Побереги здоровье, не пей.

Георгий Васильевич согласно кивал. Но не пить он не мог. Потому что за ним числилось дело «кооператоров», которых он сумел поймать за руку, а приговорили их как изменников и антисоветчиков. А

еще была «Петроградская боевая организация»... К ее ликвидации Реллинский тоже приложил руку. Он выслеживал белых офицеров, а потом увидел на скамье подсудимых старого профессора Тихвинского, своего знакомого еще по временам работы на нефтяных предприятиях Нобеля... Михаил Михайлович не мог быть антисоветчиком, не мог быть врагом! Георгий слишком хорошо знал его. Рядом с Тихвинским сидели другие профессора, теперь совершенно не академического вида, а в зале тихо плакала старушка жена...

Реллинский снова налил себе водки.

— Ну что ты так на меня смотришь? — сказал он Ирине. — Я противен сам себе. Не смотри, уходи.

— Ну что ты пьешь? — жена покачала головой. — Хоть бы в радость... Так нет же! Не праздник нынче...

— Есть повод, — угрюмо отозвался Георгий. — ВЧК больше нет. Мы теперь Государственное политуправление.

— Знаю, — Ирина досадливо поморщилась, — ты уже полгода, как в ГПУ, а все отмечаешь. Не нравится тебе твоя работа — уходи. Есть образование, специальность... Устроись на службу, не пропадем. Я работать стану...

— Ну да, — Реллинский сделал глоток и закашлялся. — Не понимаешь сложной международной обстановки. Как я уйду? Капиталисты и белогвардейские недобитки только того и ждут.

— Не читай мне политинформацию! Можно подумать, без тебя рухнет мир! — жена с досадой хлопнула дверью и ушла спать.

Георгий Васильевич залпом допил водку.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Я конченный человек. Горько сознавать такое в пятьдесят. Но никто, кроме меня, не в состоянии оценить степень моего падения.

Вчера иду по коридору и слышу позади гнусный шепоток:

— Рожа помятая, видать, с перепою...

И хихиканье.

В кабинете посмотрелся в зеркало. Вид и впрямь неважный.

Ирина ушла к матери. Резо несколько раз пытался меня увещевать, но потом махнул рукой.

Что со мной? Когда, в какой момент жизни исчез прежний Реллинский и появился вот этот — запойный пьяница?

К операциям меня не допускают. Сажу за столом, разбираю дела: это на исследование, это в архив... Стараюсь их не читать. Если взгляну на страницу, становится не по себе. Наверно, я не создан для работы в ГПУ. Тем более что к химии она не имеет никакого отношения. Нет во мне этой святой уверенности, что надо беспощадно карать, карать и еще раз карать... Я видел множество невинных людей, расстрелянных или осужденных ни за что, по ночам я не могу спать... А если задремлю, просыпаюсь от самых настоящих слуховых галлюцинаций: крики, стоны, выстрелы...

...очень болен. Говорят, долго не протянет. Что тогда станет со всеми нами, с нашим карающим органом? Ведь на нем все держалось. «Чистые руки, холодная голова и горячее сердце» — эти слова об идеальном чекисте Феликс Эдмундович сказал о себе.

...Мне показалось, что я сошел с ума. Но нет! Прислушался. По радио передавали: «В ночь с 28 на 29 сентября четверо контрабандистов пытались перейти финскую границу. В результате двое были убиты. Третий, оказавшийся финским солдатом, арестован, а четвертый умер в результате тяжелого ранения... Установлена личность одного из убитых. Им оказался капитан Сидней Джордж Рейли, сотрудник английского разведывательного центра «Интеллидженс Сервис».

Я схватился за голову. Не может быть! Разведчика Сиднея Рейли не существует! Есть я — Георгий Васильевич Реллинский, который под этим именем вошел в доверие к Роберту Брюсу Локкарту, в результате чего возник «заговор послов»...

Но даже если бы я закричал об этом в полный голос, меня никто не услышал бы. Не доверять официальным сообщениям никто не осмеливается. Все решат, что это пьяный бред.

Но если я — вот он, живой и здоровый, то откуда на финской границе мой труп? Кто там лежит, что за человек? И для чего, кому понадобилось его убивать? Вопросы, вопросы, неразрешимые вопросы, на которые никто не даст ответа».

Москва, октябрь 1925 года

— Рад вас видеть, Георгий Васильевич... — глаза у Петерса по-прежнему острые, зоркие, от него ничего не скроешь. — Хорошо выглядите... А я слышал, будто бы у вас нелады на службе...

— Это дело прошлое, Ян Христофорович. Я пил, сильно пил. Жена от меня ушла. А теперь — все, завязал.

— Жена? — улыбка у Петерса неприятная. — Это какая же — Ирина Станиславовна? Та самая? Славная женщина. Тогда, в восемнадцатом году, мне с трудом удалось спасти ее от ареста.

— Как? — Реллинский не поверил собственным ушам. — Значит, вам все было известно? И Ирину не арестовали благодаря вашему заступничеству? Спасибо, Ян Христофорович...

— Не стоит... Срок ей грозил небольшой, в общей картине дела участие вашей супруги не имело никакого значения. А для вас, Георгий Васильевич, все обстояло иначе... Верно?

— Верно, — Реллинский опустил голову. — Виноват... Я должен был обо всем вам доложить.

— Что было, того не вернешь, — развел руками Петерс. — Помиритесь с женой, не теряйте ее. Поверьте, она вас очень любит и поможет вернуться в строй. Это особенно важно теперь, когда вы нуждаетесь в помощи близкого человека.

— Да, конечно... Но я записался к вам на прием совсем по другому вопросу, Ян Христофорович...

— По какому же? — Петерс нетерпеливо взглянул на часы. Такие же, как у Реллинского, серебряные, из реквизированных, с дарственной надписью на крышке.

— Я слышал сообщение о перестрелке на финской границе... Там был убит человек... Ну и, в общем...

— А-а! — Петерс засмеялся. Волосы у него по-прежнему длинные, как у семинариста. А седина почти не видна. — Вас, вероятно, здорово удивило, что одним из погибших оказался ваш тезка — Сидней Рейли?

— Да, признаться, я был поражен. Столько лет прошло... И вдруг снова... Но я — вот он я, жив-здоров... Кто же это был?

— А это, Георгий Васильевич, государственная тайна, — негромко и значительно ответил Петерс. — Одному вам скажу, товарищ Реллинский... Тот человек, которого застрелили на границе, — страшный враг Советской власти и нашего государства. И он заслужил смерть. Вы удовлетворены?..

— Спасибо, Ян Христофорович, за исчерпывающую информацию... за доверие...

— Вот еще что, — Петерс встал, это означало, что беседа подходит к концу. — Из партии вас исключили за моральное разложение, то есть за пьянку. С такой формулировкой восстановить вас в большевистских рядах мы не имеем права. Но раз вы, Георгий Васильевич, осознали свое недостойное поведение и к старому больше не вернетесь, пишите

заявление в кандидаты. Я лично дам вам рекомендацию.

Реллинский стоял как громом пораженный.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил он, расправляя плечи.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Выйдя на улицу, я все еще чувствовал крепкое рукопожатие тов. Петерса. Я вдохнул полной грудью пыльный московский воздух. Хотелось, как в детстве, кричать от радости, прыгать, куда-то бежать. Но мне за пятьдесят, и поэтому я только ускорил шаг. Мир был прекрасен! Единственное, что несколько омрачало мое ликование, было известие о том, что состояние здоровья товарища Дзержинского еще больше ухудшилось. Сказывались годы, проведенные в царских застенках. Неужели мы потеряем этого кристального человека, Дон-Кихота революции, которого враги с опаской и уважением называют «железным Феликсом»?

Вернувшись в Ленинград, я немедленно позвонил Ирине. Она отвечала мне односложно, недоверчиво. Но я был настойчив, и в конце концов жена согласилась повидаться со мной. Я знал, что у нее никого нет. Сведения были вполне достоверными, у чекиста масса возможностей навести справки. Человек даже не заподозрит, что за ним ведется наблюдение! Мы провели чудесную ночь, как юные любовники, и к утру совершенно помирились...»

«Находясь в СССР, Рейли ведет свою гнусную работу. Ему удалось под видом уроженца России «товарища Реллинского» пробраться в ленинградский уголовный розыск и пролезть в кандидаты партии. Здесь его и настигла карающая рука ОГПУ».

(Из книги В. Минаева «Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР».)

Ленинград, 14 декабря 1927 года

— Ну что, скоро ты? — нетерпеливо спросил Реллинский.

— Оставь, — дернул его за рукав Дарчия. — В такой день... Пусть Ирина Станиславовна приведет себя в порядок. Она, конечно, и без помады красивая, но ты же знаешь женщин...

Наконец Ирина вышла из дамской комнаты — нарядная, оживленная, подкрашенная. Глядя на нее, Георгий Васильевич впервые подумал об их почти двадцатилетней разнице в возрасте и ощутил нечто вроде ревности, наблюдая, какие взгляды бросают на его жену молодые чекисты.

Народу в Мариинском театре было много. Все фойе были заполнены до отказа. Радостные группы людей толпились на лестницах. Костюмы и френчи мужчин подчеркивали светлые цветастые платья их спутниц.

— Не зря мы с тобой работали, Стратег, — Резо улыбался обаятельной грузинской улыбкой. — Орден Красного Знамени дали не только всему управлению, но и нам с тобой лично.

— И нас, многострадальных жен, не забыли! — звонко рассмеялась Ирина. — Что бы вы делали без жен, а, Резо?

Дарчия галантно поцеловал ей руку. И снова Георгий Васильевич ощутил укол в сердце.

Они протиснулись на свои места, приветствуя коллег по уголовному отделу. Все затихли, когда на сцене появился президиум.

— ...Постановление Президиума ЦИК СССР о награждении ОГПУ орденом Красного Знамени! — провозгласил председательствующий. Зал разразился аплодисментами. — Слово для торжественного доклада предоставляется заместителю председателя Государственного политуправления товарищу Ягоде.

Снова овация.

— Во втором отделении будет концерт, — шепнул Резо Ирине Станиславовне. — Это поинтересней, чем доклад.

— Мне не скучно, — женщина просияла. — Это ведь говорят о вас, дорогие мои.

В перерыве Реллинский предложил зайти в буфет. Дарчия сразу насторожился.

— Да ты не волнуйся, — успокоил его Георгий Васильевич. — Я уже третий год — ни капли. Все, друг, с этим покончено навсегда. Хочу Ирине пирожных купить и лимонада.

— Это другое дело, — с облегчением сказал Резо. Они заняли очередь в буфет.

— Вон там столик освободился, — показал жене Реллинский. — Ты пойди сядь пока.

Он смотрел, как Ирина ловко лавирует между стульями, и снова что-то сжалось в груди.

«Я старею, — вдруг понял Георгий Васильевич. — А она все так же хороша. Нет, даже лучше, чем когда мы встретились впервые. Это было... да, девять лет назад. В доме в Шереметьевском переулке, куда меня привел Френсис Аллен Кроми, Фрэнк... Он умер, а я так счастлив».

— Может, пива возьмем? — вывел его из задумчивости голос Резо.

— Нет, — отказался Реллинский. — Ты как хочешь, а на меня не рассчитывай.

— Ладно, — Дарчия повернулся к буфетчице. — Сделай нам, золотая, три пирожных, бутылку лимонада и кружку пива...

— Товарищ Реллинский? — к Георгию Васильевичу подошли двое сотрудников из другого отдела. Он знал их в лицо, а фамилий не помнил. — Можно вас на минутку?

Прозвенел звонок.

— Ты куда, Стратег? — Резо растерянно стоял с подносом. — Времени мало!

— Я сейчас, — Реллинский помахал рукой же-

не. — Найду вас в зале. Что за вопрос у вас, товарищи?

Коллеги отвели его в сторону.

— Сюда, пожалуйста... Вас срочно хочет повидать товарищ Потере.

— Ян Христофорович? — удивился Георгий. — Я как будто не видел его в зале. Разве он не в Москве?

— Товарищ Петерс ждет вас в фойе.

Торопливо, почти бегом они спустились вниз по лестнице.

— Где же Ян Христофорович? — Реллинский оглядел пустое фойе. — Это какое-то недоразумение...

— Только тихо, — внушительно шепнул один из коллег. — Без шума. Понятно?

Георгий Васильевич оторопел.

— Я что — арестован? Но почему? За что? В такой день, в таком месте...

— Я сказал — тихо! — с угрозой повторил коллега. — Не портить людям праздник.

Реллинский замолчал. Он ничего не мог понять.

«Какая-то ошибка, — успокаивал он самого себя. — Сейчас все выяснится, и я вернусь в зал, на концерт».

Больше всего он беспокоился за Ирину.

«Что до самого Петерса, то в 1930 году мы находим его сердитую и крикливую статью в номере «Известий» от 19 декабря — тринадцатилетний юбилей существования ВЧК — ОГПУ. Дифирамбы Дзержинскому... заполняют большую часть одной страницы газеты, на другой — статья Петерса о негодях, которые едва не погубили молодую большевистскую Россию, и только бдительность ВЧК, Дзержинского и его самого, Петерса, спасла Россию от восстановления монархии и капитализма. Тут среди самых злейших врагов названы Черчилль и Пуанкаре, Локкарт, Рейли и Вертемон, замышлявшие гибель революции и раздел России, подкупавшие подонков из русского населения, готовившие восстания, взрывы мостов и железных дорог, которые

окончательно лишили бы и Москву, и Петроград снабжения и обрекли бы население на голодную смерть... А через семь лет Петерс, вместе с Лацисом и другими помощниками Дзержинского и сотнями сотрудников ВЧК — ОГПУ — НКВД, был расстрелян по приказу Сталина сменившими их на время работниками этих учреждений, которые позже также были ликвидированы. Об этом можно прочесть в «Бюллетене оппозиции» (1938 г.) Троцкого в статье, где он пишет о первых после Сталинской конституции выборах в СССР: «В последние минуты перед подсчетом голосов выяснилось, что 54 кандидата партии исчезли. Среди них называли зам. председателя совнаркома Валерия Межлаука, шесть членов правительства, генерала Алксниса, командующего воздушным флотом, семь других генералов, а также Лациса и Петерса, служивших в ВЧК с первого дня ее существования».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина»,)

1979 год

Москва, площадь Дзержинского

— Вы куда, гражданка? — окликнул дежурный Вику.

— Меня вызвали... — растерялась она. — На три часа.

— Фамилия?

— Лютикова...

Дежурный порывлся в бумагах.

— Нет такой. А кто вызывал? В какой кабинет?

— Этот человек представился по телефону Юрием Владимировичем. А фамилия... такая странная... я не запомнила.

— Это ко мне, товарищ лейтенант, — из полумрака коридора выступил молодой светловолосый человек в штатском. — Вы ведь Виктория Валентиновна Лютикова?

Вика кивнула.

— Юрий Владимирович Дрига. Это я вам звонил.

— Пропуск выписывать? — высунулся из окошечка дежурный.

— Нет-нет. У нас просто дружеская беседа. — Дрига взял Вику под локоток и повел к лифту. — ...Мы пригласили вас как честного человека, — проникновенно начал Юрий Владимирович, взглянув Вике в глаза. — Только вы можете помочь нам.

Вика комкала в руке носовой платок.

— Но я... чем я могу вам помочь?.. Разве что... в архиве...

— Вы ведь бываете не только на службе, — тонко улыбнулся Дрига. — У вас есть знакомые... друзья... близкие, наконец. И среди них встречаются всякие люди, согласитесь...

— Но среди моих знакомых нет никого, кто угрожал бы государственной безопасности, — возразила Лютикова.

— Это делает вам честь, — похвалил ее комитетчик. — Но, видите ли, Виктория Валентиновна, я не знаю никого, кто вышел бы на Красную площадь и начал кричать, что угрожает нашей стране. А между тем не так уж мало людей, чем-то недовольных. У кого-то не складывается личная жизнь, кто-то считает, что у него слишком маленькая зарплата... И в своих неурядицах они начинают винить не самих себя, а других... Или даже правительство...

Он выжидательно посмотрел на Вику.

Она поправила очки.

Не дождавшись ответа, Дрига продолжал:

— Вот вы, наверное, думаете, к чему он клонит? Ищет врагов народа среди моих знакомых? Бросьте, Виктория Валентиновна, нет теперь такого понятия. Оно осталось в далеком прошлом.

— Ничего я такого не думаю, — хриплым от волнения голосом выдавила девушка.

— Думаете, думаете, — шутливо погрозил пальцем Юрий Владимирович. — И небось ждете, когда

я начну вас вербовать. Ведь, признайтесь, была такая мысль?

Вика помотала головой.

— Я вам не подхожу, — на всякий случай сказала она. — У меня плохое зрение. Я очень рассеянная. И все забываю...

— Да никто вам и не предлагает на нас работать, — по-доброму рассмеялся Дрига.

— Зачем же вы меня тогда вызвали? — растерялась девушка.

— Чтобы уберечь от неприятностей, которые вам угрожают. Насколько я понимаю, вы человек доверчивый, простодушный, легко увлекающийся. И ваш знакомый этим пользуется.

— О ком вы говорите? — Вика сделала непроницаемое лицо.

— Вы прекрасно знаете, о ком идет речь. Я имею в виду Эдуарда Самуиловича Бодягина. У вас ведь с ним близкие отношения?

— Разве это карается законом? — с вызовом спросила Лютикова. — Мне казалось, это мое личное дело.

— Естественно, — расплылся в улыбке Юрий Владимирович. — И если бы вся проблема упиралась лишь в ваши интимные отношения, поверьте, Виктория Валентиновна, я не стал бы вас беспокоить. Но мой долг предостеречь, пока вас не втянули в какую-нибудь сомнительную историю.

— Меня никто ни во что не втягивал, — быстро сказала Вика.

— Это вы так считаете. Поверьте моему опыту, человека легко опутать. Вы сами могли не заметить каких-то деталей... Скажите, вы бывали в квартире у Эдуарда Самуиловича?

— Бывала...

— Видели ль его библиотеку? Может быть, он давал вам что-то почитать? Газеты, книги, рукописи?

— Но у Эдика нет библиотеки, — удивилась девушка. — Читать... Что он мог дать мне почитать? Труды по философии?

— Вот-вот, по философии, — кивнул Дрига. — Шестова, Бердяева, Розанова, Даниила Андреева... Есть ли у него эти авторы?

— Нет.

— Хорошо, — Юрий Владимирович заглянул в какую-то бумажку. — А русская эмигрантская литература? Солженицын, Войнович, Некрасов?

— Некрасова даже в школах учат, — недоуменно напомнила ему Вика.

— Следовательно, не читали, — рассмеялся комитетчик. — А не предлагал ли вам Эдуард Самуилович изучать, к примеру, иврит? Не предлагал ли книги по истории еврейского народа?

— Зачем мне иврит?

— Э-э, не скажите, Виктория Валентиновна, — покачал головой Дрига. — Ваш знакомый давно поглядывает на Запад, то есть на Ближний Восток.

Сердце у Вики дрогнуло. Она не забыла про невесту-иностранку за тысячу долларов.

— Мне ничего об этом неизвестно, — громко сказала она.

— Вам так же неизвестно, что Эдуард Самуилович занимается антисоветской деятельностью, — Юрий Владимирович постукивал пальцами по столу.

— Эдик занимается приемом макулатуры.

— Зачем тогда вы искали в спецхранах закрытые документы, — Дрига снова заглянул в свою шпаргалку, — по восемнадцатому, двадцать пятому и двадцать седьмому годам? Зачем интересовались людьми с фамилиями Розенблюм, Реллинский, Рейли?

Вику бросило в жар. Значит, все это время за ней шпионила начальница филиала Галина Алексеевна, через которую Вика заказывала единицы хранения.

— Поймите, я историк, — непослушными губами

выговорила она. — Это моя профессия... мое, если хотите, призвание... В институте я готовлю по этой теме курсовую...

— Которая называется, — в тон ей продолжил комитетчик, — «Организация архивного дела в современных условиях».

Вика закрыла глаза. Ей стало страшно.

— А Эдуард Самуилович, в свою очередь, заказывал в читальном зале Государственной публичной библиотеки имени Владимира Ильича Ленина журналы и книги на соответствующую тему. Что вы скажете на это, Виктория Валентиновна? Что гражданин Бодягин не использует ваш доступ к закрытым документам в своих антисоветских целях?

— Что вы от меня хотите? — глухо спросила девушка.

— Чтобы вы подумали над моими советами, Виктория Валентиновна. Мы ведь просто дружески беседовали... пока. Вы умная девушка и понимаете, что у вас неплохая престижная работа, на которую не так легко было попасть... Вы заканчиваете уже третий курс, и будет очень жаль, если вам не удастся получить диплом... А родители? Вы подумали о своих родителях? Легко ли будет им смириться с мыслью, что их единственная дочь спуталась со старьевщиком, шизофреником, антисоветчиком, лицом, ведущим антисоциальный, аморальный образ жизни? Валентин Осипович Лютиков, ваш отец, насколько мне известно, занимает крупный пост в министерстве цветной металлургии. Скажите, приятно ли ему будет получить взыскание по партийной линии из-за своей дочери?.. А если вы последуете за своим любовником на Запад или на Ближний Восток...

— Я вас поняла! — выкрикнула Вика.

— ...то Валентин Осипович, — все так же размеренно и неторопливо продолжал Дрига, — может потерять дочь, и свое кресло, и партийный билет.

— Скажите, а пытки вы практикуете? — Вика задыхалась от ярости. — Может быть, подписать вам протокол, что я шпионка?!

— У вас неверные представления о методах нашей работы, — без улыбки отозвался Юрий Владимирович. — Видимо, о них вы узнали от вашего дружка? Впрочем, — тон его смягчился, — я понимаю ваше состояние, вы взволнованны, вас ошеломили неизвестные вам ранее факты, вам многое предстоит осмыслить...

Вика шла по улицам, ничего не видя. Она натыкалась на прохожих, переходила дорогу на красный свет и не слышала ни визга тормозов за спиной, ни ругательств шоферов. Глаза застилала слезы, руки тряслись. Как жить дальше, да и стоит ли жить вообще, она не знала.

А вокруг нее шумела Москва. Спешили куда-то горожане, бегали по магазинам приезжие, работали фабрики и заводы, неслись куда-то машины, стучали колесами электрички. И с большого плаката во весь торец многоэтажки бессмысленной улыбкой младенца улыбался верный ленинец Леонид Ильич Брежнев.

5. ВАДИМ ЖЕЛЕЗНЫЙ, ПРАВЫЙ ЭСЕР

Глава 1 БЕГСТВО ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

«В 1919—1920 годах у меня были тесные отношения с представителями русской эмиграции разных партий...»

(Из протокола допроса Сиднея Рейли.)

«Савинков долгое время находился в эмиграции, но после Февральской революции вернулся в Россию и занял непримиримую позицию против большевистской партии. Он был инициатором введения смертной казни для солдат на фронте и вступил в тесную связь с британской разведкой. Здесь-то и произошла его встреча с Сиднеем Джорджем Рейли. Союз заклятых врагов продолжался до последней поездки Савинкова в Россию».

(Из книги Л. Никулина «Мертвая зыбь».)

«Летом 1925 года через финляндскую границу на советскую территорию был переброшен уже известный нам разведчик Сидней Рейли. Он имел при себе паспорт на имя купца Штейнберга».

(Из книги Сайерса и Кана «Тайная война против советской власти».)

«Бунаков показал письмо Рейли. Оно было подписано псевдонимом «Железный».

(Из книги Л. Никулина «Мертвая зыб».)

Москва, 14 мая 1918 года

— Милая моя, — Иванов поднес к губам и поцеловал тонкую белую руку Иустиньи, — не забывай свою хорошенькую головку подобной ерундой... Ты и без того устала, измучилась... Я не лгу тебе, клянусь!

Женщина усмехнулась. Конечно, в свои «за сорок» она выглядит, как в двадцать пять, но это не значит, что она и мыслит, как девчонка. О, нет! Был только один человек, который сумел обвести ее вокруг пальца, — покойный Джордж Рейли. Но он свое получил. А она тоже получила — хороший урок. Конечно, ей совсем не интересен жалкий юнкеришка, но пусть он не считает, что, бессовестно обманывая ее, сможет волочиться за девицами. Недаром в Иустинье Кругловой течет испанская кровь, она не допустит, чтобы с ней обращались, как с дешевой шлюхой или с жалкой домашней курицей.

— Я никуда не поеду, — ровным голосом повторила она.

Юнкер Иванов приподнялся на кровати. Вид у него был жалкий и беспомощный.

— Ты просто не понимаешь, какой опасности подвергаешь себя! — горячо воскликнул он. — Твоя безудержная ревность, твое дикое упрямство до добра не доведут! Я же не предлагаю тебе покинуть Москву навсегда — на время. Ты не представляешь себе, какая заваруха начнется здесь со дня на день! Бог мой! — он в отчаянии схватился за голову. — Ну что мне сделать, чтобы ты поверила мне?

— Не знаю... — холодно сказала Иустинья. — А впрочем... Где ты был вчера вечером?

— На конспиративной квартире в Малом Лев-

шинском переулке. Ты можешь проверить: дом 3, квартира 9. Там живет пожилой человек, бывший офицер Николай Николаевич... вот фамилия, к сожалению, мне неизвестна... Вот видишь, я все тебе рассказал...

Иустинья, кажется, сменила гнев на милость.

— Ну хорошо, — немного подумав, сказала она. — Я уеду. Но только дай мне время собраться.

— А потом мы никогда уже не расстанемся! — пылко воскликнул юнкер.

Женщина окинула его полным презрения взглядом.

Ярославль, 20 мая 1918 года

Вадим, изнывая от бездействия, ждал распоряжений из Главного штаба. До их получения Борис не велел что-либо предпринимать. Но дни шли, а ни письма, ни шифрованной телеграммы, ни связанного из центра не было. Штейнберг начал волноваться. Его тревогу разделяли и остальные члены организации.

Немного истории

Организация «Союз защиты родины и свободы» была основана в начале 1918 года. Во главе ее стоял один из бывших руководителей Боевой организации эсеров, опытнейший конспиратор, комиссар Временного правительства при ставке Главковерха, бывший управляющий военного министерства в правительстве Керенского, участник корниловского мятежа, один из организаторов Добровольческой армии и террористических дружин для покушения на В. И. Ленина и прочих членов советского правительства, человек яркой и трагической судьбы Борис Савинков.

Уже в первые недели своего существования «Союз защиты родины и свободы» превратился в масштабную организацию с отделениями в Казани, Муроме, Ярославле, Рыбинске и других поволжских городах, а также в Челябинске и Рязани. Главный штаб находился в Москве. В программу «Союза» входило:

1. Свержение правительства, доведшего родину до гибели.

2. Установление твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России.

3. Воссоздание национальной армии на основах настоящей воинской дисциплины (без комитетов, комиссаров и т. п.). Восстановление нарушенных прав командного состава и должностных лиц. Некоторым изменениям должны быть подвергнуты только уставы внутренней службы и дисциплинарный.

4. Продолжение войны с Германией, опираясь на мощь союзников.

К началу лета 1918 года численность членов «Союза» достигла 5 тысяч человек. Среди участников организации были народные социалисты, эсеры, левые кадеты, анархисты, офицеры царской армии, работники советских учреждений, в том числе те, которые занимали высокие должности в штабах Красной Армии, в органах военного контроля, на военных складах. Например, некий Ведерников возглавлял весной 1918-го Московскую продовольственную милицию, где другой член «Союза» Покровский (он же Парфенов) командовал кавалерийскими частями.

Вступающий в организацию давал клятву хранить в тайне все, что ему известно о «Союзе», который строился по принципу «пятерок», когда каждый знал имена только четырех других членов организации. Разглашение тайны и измена карались расстрелом.

Москва, 15 мая 1918 года

В Иустинье пропадали сыщик. Переодевшись в ситцевую юбку и простую холщовую рубашу, надвинув повязанный по-крестьянски платок на самые глаза, с корзиной в руке, она семенила по улице за юнкером Ивановым, который, сославшись на неотложные дела («О них тебе уже известно, дорогая...»), торопливо шагнул на самую окраину города. Вдруг он остановился и взглянул на часы. Вероятно, ему было жарко, потому что юнкер распахнул пиджак и принялся обмахиваться кепкой. Иустинья наблюдала за ним, спрятавшись за угол дома.

На противоположной стороне улицы появилась миловидная молодая женщина в элегантном костюме. Иванов бросился к ней и пылко приложился губами к ее руке. Он что-то сказал женщине. Иустинья не разобрала, до нее долетели только слова:

— ...потерял надежду...

Женщина рассмеялась, взяла юнкера под руку, и парочка, мило воркуя, свернула в Малый Левшинский переулок.

Иустинья, соблюдая конспирацию, поспешила за ними. Иванов, кивнув дворнику, вместе со своей пассией скрылся в темноте подъезда.

Подождав немного, Круглова тоже подошла к дому и, словно в нерешительности, потопталась около входа.

— Эй, бабка! — окликнул ее дворник, здоровый широкоплечий мужик с окладистой бородой. — Чаво ты тут ошиваесси?

Иустинья шмыгнула носом и пропела елеинным голосом:

— Не подскажешь ли, братец, Николай Николаевич не тут живут?

— Который такой Николай Николаич? — нахмурился дворник.

— Фамилии вот не упомяну, — сокрушенно пока-

чала головой женщина. — Пожилой такой, из благородных...

— Нет тут никакого Николай Николаича, — отрезал мужик. — Нет и не было. Иди, бабка, куды шла...

Иустинья сдвинула назад платок, обнажив высокий чистый лоб, и взглянула на дворника своими огромными черными глазами.

— Э-э-э... — заметно смягчился мужик. — Да ты не бабка вовсе... Чаво ж ты уродоваешь себя?

У «разведчицы» задрожал голос.

— А как же иначе, братец? Путь-то мне неблизкий был... Мало ль теперь лихих людей на дорогах... А с бабки чаво возьмешь? Только... — она утерла слезу со щеки, — где ж мне Николай Николаича искать? Сестра ентот адрес дала: Малый Левшинский переулок, 3...

— Да нет тут такого, — сочувственно повторил дворник. — На что тебе он?

— У нас голод в деревне, — Иустинья размазывала по лицу настоящие слезы. — Не прокормиться... Сестрица сказывала, иди, мол, к Николай Николаичу, я у него в кухарках ходила, он человек хороший, может, в прислуги возьмет... Ну как же нет Николай Николаича? Я адрес хорошо запомнила: Малый Левшинский переулок, 3, квартира 9...

— Тьфу, — сплюнул дворник. — Какой же там Николай Николаич? Там, как госпожа Милютина съехала, новый хозяин из начальников публичный дом устроил...

— Как ето публичный дом? Для чего?

— Известное дело, для чаво. Целыми днями парочки шасть — туды, шасть — сюды... И днем, и ночью. И таперь одни пришли. А давеча, позавчерась, ентот господин с другою девкою был...

— Прохор! — донесся сердитый женский голос откуда-то из подвального окна. — Про-охор!

— Иду! — отозвался дворник и снова обратился к Иустинье: — Я и околоточному уж сколько раз

докладавал, а он только рукой машет... Говорят, дескать, я все придумываю... А чаво я придумываю? Глаза ж есть, все вижу: кто, когда, с кем...

— Прохор! — женщина в подвале, кажется, начала выходить из себя.

— Иду-иду! — дворник торопливо направился к лестнице. — А ты ня стой тут, иди, откель пришла.

— Ах, мерзавец, — прошипела Иустинья, с ненавистью глядя в черное чрево подъезда. — Ну ничего, он у меня еще увидит!

Она решительно стянула платок, тряхнула волосами и направилась в центр города. Прямо в Кремль!

Немного истории

«В середине мая 1918 года одной из сестер милосердия Покровской общины было сделано заявление командиру латышского стрелкового полка в Кремле, что в ближайшие дни в Москве ожидается восстание и особенно жестоко будут расправляться с латышскими стрелками. Об этом ей рассказывал влюбленный в нее юнкер Иванов... Этому заявлению нельзя было отказать в серьезности. Заявление было передано в ВЧК.

Последняя немедленно установила наблюдение за Ивановым...

В этой квартире постоянно собиралось много народу, поэтому было решено провести обыск во время одного из сборищ. В квартире было обнаружено 13 человек... На столе среди прочих бумаг был найден набросок схемы построения пехотного полка и небольшая сумма денег, от которой все отказывались. При личном обыске была обнаружена программа «Союза защиты родины и свободы», перепечатанная на машинке, картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами О. К., пароль и адреса в г. Казани...»

(Из «Красной книги ВЧК».)

Ярославль, 30 мая 1918 года

Ночью в квартире Вадима Железного раздался условленный стук в дверь. Замирая, от предчувствий, Вадим накинул на себя халат, подошел на цыпочках к двери и спросил:

— Кто?

— Боюсь, я ошиблась адресом, — произнес женский голос. — У вас нет родственников в Рыбинске?

— Жду вестей от брата, — отозвавшись на пароль, Вадим распахнул дверь. — Входите.

Вошла женщина в длинном темном платье и повязанном под подбородком платке.

— Здравствуйте, — незнакомка сняла платок и аккуратно его свернула. — Я из Главного штаба...

— Наконец-то, — выдохнул Вадим. Не зажигая света, пододвинул незнакомке стул. — Садитесь, ради Бога. Что случилось? Почему так долго не было никаких распоряжений? Ах, извините, я не совсем одет...

— Ничего, — серьезно сказала незнакомка. — Все равно темно.

— Лучше не включать лампу, — оправдываясь, произнес Железный. — Опасаюсь любопытных соседей. Но если вы желаете...

— Нет-нет, — быстро сказала женщина. — Мне знакомы правила игры.

Вадим сел на краешек кровати.

— Ну говорите же, говорите... Мы тут все с ума сходим от неизвестности...

— Ситуация очень непростая, — вздохнула женщина. — Арестован штаб московской организации...

— Бог мой! — Вадим потер себе виски. — Я чувствовал, что произошло нечто ужасное! Когда это случилось? как?

Незнакомка рассказала все, что ей было известно о захвате конспиративной квартиры в Малом Левшинском переулке.

— А Борис? — в голосе Вадима звучала тревога. — Где он?

— К счастью, его в тот вечер вообще не было в Москве. Он приехал лишь на следующий день. Борис принял решение перебазировать центральный штаб организации и часть личного состава в Казань. Решено одновременно организовать восстания в двадцати трех городах Поволжья и в Москве. Таким образом, будут созданы условия для объединения союзников, дислоцированных на Севере, с частями Чехословацкого корпуса... Это поможет нам выполнить свою главную задачу.

— Но... это же... это же безумно дорого...

Женщина пожала плечами:

— Если бы неоткуда было взять денег, Борис не размахивался бы на такую широкомасштабную операцию. Нам помогут французы. Посольство пообещало Савинкову 2 миллиона. Через Виленкина из английского посольства мы уже получили некоторую сумму, достаточную для эвакуации московского гарнизона в Казань. Да, еще Масарик передал 200 тысяч рублей...

— Когда решено организовать восстания в Поволжье? — деловым тоном спросил Железный.

— В первых числах июля.

— Но это невозможно! — Вадим нервно вскочил, и, в темноте натыкаясь на мебель, забегал по комнате. — Невозможно! Почему вы так поздно сообщили? Сегодня какое число?

— Тридцатое мая...

— Нет, это совершенно нереально! Нужно собрать людей, проверить готовность войск, провести работу среди жителей, отпечатать листовки, наконец! Нет... — он резко остановился. — Необходимо немедленно связаться с Борисом и перенести сроки восстания хотя бы на месяц...

Небо за окном посветлело. Контуры предметов в сером предутреннем свете казались расплывчатыми.

Вадим скорее угадал, чем увидел выражение лица связной из Главного штаба.

— Товарищ Железный, — холодно сказала она, — вы находитесь в Ярославле уже третий месяц. Неужели за это время вы ничего не сделали? По-моему, человек с вашим опытом должен сам помнить о тех условиях, в которых нам приходится действовать. Ваши люди должны быть постоянно готовы к тому, чтобы в любую минуту выполнить приказ Главного штаба.

— Но... — попытался было возразить Вадим.

— Никаких «но»...

Женщина поднялась со стула и направилась к двери.

— Уже уходите? Погодите! — спохватился Штейнберг. — Сейчас я оденусь и провожу вас!

— Не стоит, — не оборачиваясь, ответила связная. — Помните о конспирации. Я сама доберусь до вокзала и уеду первым же поездом. Прощайте. И ждите сигнала.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«...как ее зовут...

Эвакуация штаба и личного состава была назначена на 31 мая. Но, вероятно, в наших рядах находился изменник. Аресты начались в ту самую ночь, когда я получил из центра приказ к подготовке восстания. 100 человек были схвачены чекистами и упрятаны в застенки. К счастью, Борис и на сей раз оказался неуязвим. У него сумасшедшая интуиция, и он покинул свою конспиративную квартиру ровно за час до того, как туда явились красные твари. Потом я узнал, что Бориса приютили сотрудники английского консульства, которые помогли ему бежать в Поволжье.

К моей чести, ровно через три дня после визита ночной гостьи все члены ярославской организации были готовы к восстанию».

Немного истории

«6 июля, около двух часов утра, совершенно неожиданно для советских кругов в городе начали появляться небольшие группы подозрительных лиц. Одна из этих групп обезоружила милицию, другие же приступили к захвату важнейших учреждений: банка, почты и телеграфа, советских учреждений. Выяснивши из документов, найденных в Совете, адреса активных советских работников, белогвардейцы начали обход квартир и арест советских деятелей. Арестованных немедленно расстреляли. Так погиб председатель уездного исполкома Закгейм, бывший председатель губисполкома Доброхотов, губернский военный комиссар, левый эсер Душин, военный комиссар округа Нахимсон и другие.

...Все инструкторы, бывшие офицеры перешли на сторону Белой гвардии, передав ей пулеметы и броневой автомобиль. Во главе белогвардейцев встал полковник Перхуров...

К 14 июля положение у Ярославля представлялось в следующем виде. Окраины города были почти совершенно выжжены. Советских частей в это время было далеко не достаточно для того, чтобы можно было вести более или менее активную работу с мятежниками... Напротив, положение противника к этому времени сложилось благоприятное... Во главе контрреволюционных отрядов находились опытные военные руководители, которые действовали по плану и указаниям белогвардейского штаба... Притом белогвардейцы распространились далеко по левому берегу Волги; в Волжском монастыре (в 13 верстах от Ярославля) они обосновали свой тыловой штаб и базу для орудий и продовольствия...»

(Из «Красной книги ВЧК».)

Ночь на 18 июля

С начала восстания Вадим спал урывками, по 3—4 часа в сутки, а последние две ночи вообще не смыкал глаз. С приходом подкрепления красные вновь перешли в наступление. Окружной военный комиссар Геккер был опытным командиром: немедленно по прибытии он стал сжимать вокруг мятежников кольцо с севера, взяв железнодорожную станцию Филино, пригодные слободки Урочь и Тверцу.

Даже здесь, за толстыми монастырскими стенами, Вадиму слышны были отдаленные взрывы: город обстреливался красной артиллерией. Красноармейцы словно озверели: они врываются в дома, убивали ни в чем не повинных мирных жителей, брали в плен каждого, кто вызывал у них подозрение.

— Невозможно воевать с дикарями, — полковник Перхуров склонился над схемой, — это варвары, ублюдки, убийцы... — Он поднял голову и прислушался. — Вот, опять бомбят...

Вадим нервно закурил. Он чувствовал себя ответственным перед мирными жителями Ярославля. В начале восстания, когда войсковые части «Союза» и примкнувшие к ним белогвардейские отряды составляли оперативный план действий, первоочередное внимание уделялось именно тому, чтобы в случае боев как можно меньше пострадали жилые кварталы. Большевистские варвары, напротив, ни перед чем не останавливаются, преследуя свои гнусные цели. Они дотла сожгли все постройки на городских окраинах. Их аэропланы только за два дня сбросили на город 12 пудов динамитных бомб. Обезумевшие женщины, старики, дети прячутся в подвалах. Хорошо, если кто успел захватить с собой съестное и запасы воды...

— Товарищ Железный! — в монастырскую трапезную, где располагался штаб, заглянул часовой. — Вернулись разведчики...

— Немедленно проси... — распорядился Вадим.

Офицеры Ремизов и Первухин принесли невеселые вести: кольцо вокруг Ярославля сомкнулось, город занят красными, чекисты развесили на столбах и руинах зданий объявления следующего содержания:

ПРИКАЗ

чрезвычайного штаба Ярославского фронта

Чрезвычайный штаб Ярославского фронта объявляет населению города Ярославля:

Всем, кому дорога жизнь, предлагается в течение 24 часов со дня объявления сего оставить город и выйти к Американскому мосту. Оставшиеся после указанного срока в городе будут считаться сторонниками мятежников. По истечении 24 часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами. Все оставшиеся погибнут под развалинами города вместе с мятежниками, с предателями, врагами революции рабочих и беднейших крестьян.

Полковник Перхуров грязно выругался.

— Теперь они направляются сюда, — докладывал между тем Ремизов. — Однако возникла некоторая заминка, поскольку восемь их броненосных платформ сползли под откос, загородив собой путь. Вследствие этого прервана связь между частями в Ярославле и войсками на противоположном берегу Волги. Однако это временное явление.

— Что будем делать, господин полковник? — повернулся Железный к командующему группой войск Северной Добровольческой армии. — Держать осаду бессмысленно. Нас здесь слишком мало...

— Бессмысленно, — согласился Перхуров. — Надо удирать.

Железный поморщился.

— Ну, если хотите, отступить, — раздраженно поправил себя полковник. — Это сути дела не меняет.

— Между прочим, — ни к кому не обращаясь, сказал Первухин, — Борис Викторович уже бежали-с...

— Савинков? — изумился Вадим. — Откуда вам это известно?

Первухин тонко улыбнулся.

— У меня везде свои люди, товарищ Железный, даже в ВЧК...

— Ирония теперь неуместна, — нетерпеливо прервал его Вадим. — Пожалуйста, конкретно...

— А если конкретно, то, узнав об операции, которую готовят чекисты во время эвакуации Главного штаба в Казань, Борис Викторович испарился. Через несколько дней он объявился в Казанском монастыре и сообщил, что скрывался у друзей в английском консульстве. Позавчера, запасясь подложными документами, он уехал из монастыря в Москву, чтобы оттуда пробраться в Белоруссию, а затем в Польшу. Бежать ему помог тот самый сотрудник ВЧК, который меня об этом информировал.

— Это не провокация? — с тревогой в голосе спросил Перхуров.

— Нет, господин полковник. Мы вместе воевали и не раз ходили в разведку. Я доверяю этому человеку, как самому себе...

— Впрочем, теперь не время беспокоиться о судьбе Савинкова, — сказал Ремизов. — О себе надо думать...

Все вопросительно посмотрели на Перхурова.

— Нужно каким-то образом прорваться к Волге, — сказал командующий. — В километре отсюда я велел на всякий случай приготовить небольшой пароходик. Если с ним все в порядке...

— Вы гений, господин полковник! — восхищенно воскликнул Ремизов.

Железный, ни слова не говоря, сгреб со стола все бумаги и запихал их в портфель.

Глава 2 ПЕПЕЛ КЛААСА

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«О, как я их ненавижу! Этих недоучек, выскочек из мелкобуржуазной среды, этих недорослей, тартюфов, этих люмпенов без роду, племени и отечества. А больше всех — картавого недоноска с калмыцкими глазками, властолюбивого и жестокого негодяя, превратившего великую Россию в сборище уродов, выкинувшего за борт истории, уничтожившего самых выдающихся людей моего отечества...

С кем он собирается строить «новое государство»?

С подобными себе честолюбивыми маньяками от революции? С мужиками, которые в Зимнем мочились в вазы и топтали ногами произведения искусства? С потными и похотливыми кухарками?

Это они — Россия?

Нет, господин Ульянов-Ленин! Россия не с вами, а с нами. Здесь, в Париже, Берлине, Лондоне, Шанхае... Россия — это десятки тысяч культурных, просвещенных людей, которых вы и ваши приспешники выгнали с собственной земли, лишив их домов, состояний, будущего... Но вам не дано лишить их России. Она бьется в сердцах подобно пеплу Клааса, она живет в душах, она не дает им погибнуть от нищеты или сойти с ума от безысходности.

Пусть потомок старинного рода граф Ревельский метет по утрам парижские улицы и получает нагоняи от полицейских и домовладельцев, если на тротуарах остается сор... Он не перестает быть графом и с метлой в руках, и вам, господин картавый, до него — как от земли до неба.

Пусть петербургская красавица, дочь банкира Розанова, от голода и нищеты вынуждена выйти здесь на панель. Все равно ваши общественные революционеры никогда не сравнятся с ней в уме и образованности.

Вы выгнали их с родной земли, но знайте же, есть Моисей, который вернет Россию обратно в Россию! И тогда вам не миновать Страшного Суда. Сначала людского, потом Господнего!»

Париж, январь 1919 года

По улице медленно брел высокий и очень некрасивый человек в длинном черном пальто и с тростью в руке. Прохожие старались обойти его стороной: во всей фигуре этого незнакомца было что-то зловещее, нереальное, мистическое, и это «что-то» заставляло прохожих инстинктивно жаться к стенам домов при встрече с ним.

— Борис Викторович!

Высокий человек поднял тяжелый взгляд на затормозивший у тротуара автомобиль.

— Борис Викторович! — из автомобиля с неожиданной резвостью выскочил немолодой плотный господин в добротном пальто и дорогой шляпе. — Здравствуйте! Вы что же, не узнаете меня?

— Господин Сазонов, — без всяких эмоций в голосе произнес Борис Викторович. — Отчего же не узнаю... Портреты министра иностранных дел публиковались в газетах...

— Я слышал, что вы в Париже, — не обращая внимания на его тон, возбужденно продолжал Сазонов, — но, как всегда, инкогнито, и разыскать вас не представлялось никакой возможности...

— Да на что я вам? — усмехнулся Борис Викторович. — Для всех, кто честно и преданно служил Романовым, я, если не ошибаюсь, персона нон грата...

— Времена изменились, дорогой господин Савинков. Теперь мы с вами по одну сторону баррикад... Вы в Париже, я в Париже, вы бежали от большевиков, я бежал от большевиков, вы хотите вернуться,

я хочу вернуться... Разве этого мало, чтобы, забыв прежние противоречия, протянуть друг другу руки? — и экс-министр первым протянул Борису Викторовичу свою холеную пухлую ладонь.

Савинков вяло пожал ее.

— А ведь у меня к вам есть одно дельное предложение, — сказал Сазонов.

— Какое же? — спросил эсер без всякого интереса.

— Э, нет, друг мой, — рассмеялся Сазонов. — Тут я вам ничего не скажу! Тротуар — не место для обсуждения важных проблем. Поедемте куда-нибудь пообедать. Или вы спешите?

— Нет, я никуда не спешу...

— В таком случае... — Сазонов гостеприимно распахнул перед Борисом Викторовичем дверцу автомобиля, — прошу! Шофер, к «Максиму»!

Автомобиль взревел и покатил по мостовой, оставляя позади себя клубы черного дыма.

Немного истории

«К весне 1919 года при политической, военной и материальной поддержке империалистов Антанты на территории России сформировалось несколько крупных антисоветских военно-политических объединений, возглавляемых военными диктаторами — монархистскими генералами. На востоке таким диктатором был «верховный правитель России» вице-адмирал А. В. Колчак, на юге — «главнокомандующий вооруженными силами юга России» генерал А. И. Деникин, в районе Петрограда — генерал Н. Н. Юденич. Политическим ядром этих военно-диктаторских режимов явились монархистские и кадетские организации.

...Бывший царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, исполнявший в Париже обязанности представителя Колчака, образовал там комитет-совещание в составе бежавших из России князя

Г. Е. Львова и члена ЦК кадетской партии В. А. Маклакова для работы среди иностранцев в пользу Колчака».

(Из книги Д. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Париж, январь 1919 года

— Таким образом, дражайший Борис Викторович, мы хотели бы пригласить вас сотрудничать с нами, — выковыривая зубочисткой остатки шпината, Сазонов выжидательно уставился на Савинкова.

— В качестве кого? — меланхолично спросил Борис Викторович.

— В качестве совещательного голоса в комитете и для работы среди демократических элементов... — туманно ответил бывший министр. — Вы умеете убеждать, и у вас такие связи...

— Для успешного исхода дела мне нужны деньги, — голос Бориса Савинкова стал твердым. — Много денег.

— Деньги будут, — поспешил заверить его Сазонов. — Я гарантирую вам...

— Хорошо, — после недолгого молчания согласился эсер.

— Превосходно! Предлагаю отметить это событие! — Сазонов поднял бокал, отхлебнул немного вина и без всякой паузы продолжал: — Для начала вы должны привлечь к сотрудничеству верных людей, находящихся теперь в эмиграции. Они станут вашими помощниками...

— Считайте, что один помощник у меня уже есть. Это Вадим Штейнберг, или Железный — как вам угодно, эсер, надежный и проверенный товарищ, с которым я имею дело аж с девяносто пятого... Он выпускник факультета философии Гейдельбергского университета, занимался правом, имеет связи и люто ненавидит большевиков. Подходит?

— Главное, чтобы этот господин... — Сазонов щелкнул пальцами в воздухе, — Железный подходил вам...

В тот же день Савинков отправил в Берлин телеграмму Штейнбергу:

«Немедленно приезжайте Париж тчк получили товар высшего качества тчк необходимо ваше посредничество тчк».

А Сазонов передал шифровку вице-адмиралу Колчаку:

«Требуется участие в совещании левых элементов. Пока некого взять... Единственный человек из находящихся здесь, который мог бы сыграть эту роль, — Савинков. Его позиция совершенно согласна с нами. По словам его — у него много сторонников в России, среди несоциалистических, но демократических радикальных элементов, а также среди офицерства. Он сам очень желает быть приобщенным к совещанию, о чем прямо заявил... Мы хотим поручить ему агитацию среди демократических элементов и с этой целью для себя используем его спутников. Просим вашего одобрения. Вместе с тем просим все-таки изыскать способ удовлетворения его денежных притязаний».

Лондон, лето 1919 года

После возобновления связи с Савинковым для Вадима вновь началось бурное время. Он мотался по Европе, налаживая отношения с эмигрантскими кругами, привлекая к работе людей, которые могли помочь личным участием в борьбе с новым российским правительством.

Благодаря успехам колчаковской армии в Сибири деятельность Железного продвигалась весьма и весьма успешно. Имя адмирала магически действовало на представителей английских деловых кругов, и

Вадим, таким образом, завел связи в весьма высоких сферах.

Он сошелся с генерал-майором Альфредом Ноксом, с которым его познакомили еще в Петербурге, где генерал вплоть до начала 1918-го был военным атташе при посольстве Великобритании; подружился с членом палаты общин английского парламента С. Хором, разыскал известных ему по России чиновников Форин Оффис Питерса и Липпера... Все они неоднократно уверяли Вадима в своей ненависти к большевикам и поддержке эмигрантских кругов в борьбе с ними. И действительно, уже весной 1919 года в Омск из Лондона была направлена специальная комиссия во главе с профессором Бернардом Цэйрсом, которая должна была разработать обширную программу реконструкции России в военном, экономическом и социальном планах. Летом 1919-го по Карскому морю через Обь и Иртыш в Омск прошли II судов с ледоколами: эта экспериментальная экспедиция должна была разведать новый торговый путь из Англии в Россию.

«...Боевой материал, — писал позже в своих воспоминаниях князь Евгений Трубецкой, — стал прибывать из Англии в таком изобилии, что Добровольческая армия не успевала его разгружать. Англичане жаловались на медлительность разгрузки».

Развивший бурную деятельность Вадим самоуверенно приписывал себе многие успехи колчаковского движения. Чувство собственной значимости, пришедшее на смену мучившим его юношеским комплексам, возвышало его в глазах окружающих, и теперь с ним пытались завязать контакты не только представители эмигрантской элиты, но и члены весьма уважаемых в Англии фамилий. Его стали приглашать на приемы в богатые дома.

На одном из таких приемов Железный познакомился с генералом Френчем, другом военного министра Уинстона Черчилля. Френч пообещал свести Ва-

дима со старым приятелем. Свое слово генерал сдержал: в начале лета Уинстон Черчилль назначил аудиенцию «правой руке Савинкова», как называл себя Штейнберг-Железный.

Министр принял русского эмигранта в своем кабинете.

— Разумеется, мы должны спасти Россию от большевизма, — важно кивнул он в ответ на горячие рассуждения Вадима о том, что красные привели его родину к полному краху. — Мы лично заинтересованы в свержении Ленина, ибо он совершил предательство по отношению к союзникам, заключив мирный договор с Германией. Выход России из войны — акт убийства. Мы всячески будем поддерживать антисоветское движение, и я скорее подам в отставку, нежели соглашусь отозвать английских солдат из армии Колчака!

Завершив таким образом аудиенцию, министр распрощался с Железным, напоследок еще раз заверив его, что Вадим может обращаться лично к нему, Черчиллю, если возникнут какие-то сложности в общем деле.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Я искренне верил, что так оно и будет, о чем неоднократно писал Савинкову. Борис, мотаясь между Парижем, Прагой и Варшавой, также находился в состоянии эйфории. Могли ли мы предполагать тогда, как все обернется на самом деле!

Как-то раз поздно вечером в моей лондонской квартире раздался звонок в дверь. Я уже лег спать, и этот поздний визит без всякой предварительной договоренности меня встревожил. Звонок повторился. Он был долгим и настойчивым — вероятно, посетитель наверняка знал, что я дома.

Накинув на плечи халат, в карман которого на

всякий случай был положен пистолет, я осторожно вышел в прихожую. На лестнице, видимо, услышали мои шаги, потому что из-за двери раздался требовательный и властный женский голос:

— Откройте!

Отворив дверь, я едва не упал от неожиданности. На пороге стояла Пепита Бобадилья собственной персоной!

— Не ожидал? — она слегка улыбнулась и проследовала мимо меня в гостиную.

Признаться, нет. Мне и в голову не могло прийти, что давняя возлюбленная, о которой я почти и не вспоминал, разыщет меня в Лондоне! Конечно, я знал непредсказуемый характер Пепиты, но чтобы такое...

В полной растерянности последовал я за ней. Моя гостья уже сидела в кресле и с любопытством озиралась по сторонам.

— А ты неплохо устроился, — заметила она, раскачав китайского болванчика, который украшал чайный столик. — Совсем не похоже на эмигрантскую нору... И сколько ты платишь за эту квартиру?

— Пятьдесят фунтов стерлингов в месяц... — пробормотал я.

— Ого! — с уважением произнесла Пепита. — Из этого я могу сделать вывод, что ты отнюдь не бедствуешь, как другие... А, собственно, на какие средства? Тебе удалось вывезти из России драгоценности? Или ты стал членом английского парламента?

— Послушай, — не выдержал я. — Что это за вопрос? В конце концов это ты свалилась как снег на голову... Откуда ты взялась? Как ты меня разыскала? То ты вдруг исчезаешь и пропадаешь неизвестно где годами, то...

Пепита рассмеялась.

— Пойди оденься, — повелительным тоном сказала она. — Обрати внимание, у тебя гости. А кроме

того, я в некотором роде дама, если ты соизволил заметить...

Когда я вновь вернулся в гостиную, Пепиты там уже не было. Зато из кухни доносились умопомрачительные запахи и слышался звон посуды.

— Я проголодалась, — заявила она мне, стоя у плиты. — А так как хозяин ты не слишком гостеприимный, я сама решила за собой поухаживать... — и она ловко перевалила бекон с яичницей со сковороды на тарелку.

— Ты надолго? — поинтересовался я, смирившись с тем, что на другие вопросы ответов все равно не получу.

Пепита пожала плечами.

— Еще не знаю, — произнесла она с набитым ртом. — Как сложатся обстоятельства.

— У тебя в Лондоне дела?

Гостья кивнула:

— И очень важные. Я собираюсь замуж.

— Вот как? Очень рад... И кто же этот счастливчик?

— Ты...

Несколько мгновений я стоял, словно огушенный. Вид у меня, должно быть, был весьма глупый, потому что Пепита, отставив тарелку в сторону, начала хохотать.

— Испугался... — заливалась она хохотом. — Ой, не могу! Эсер сраный! Стрелять не боишься, а женщины испугался! С ума сойти!

— Ты... это... серьезно?.. — наконец я вновь обрел дар речи.

— Конечно, — Пепита перестала хохотать. — Иначе зачем бы я разыскивала тебя по всей Европе и добиралась сюда из Москвы?

— Как — из Москвы? — нет, эта женщина приносила мне сюрприз за сюрпризом.

— Очень просто. Проснувшись однажды утром, я поняла, что не могу без тебя жить. Это было в Мад-

риде несколько лет назад. Я почувствовала себя полной идиоткой: ведь был рядом человек, который любил меня, как сорок тысяч братьев... Кстати, кто из великих это сказал?

— Шекспир... — пробормотал я, совершенно сбитый с толку.

— Впрочем, это неважно. Так вот, был такой человек, который мог составить мое счастье, а я этого не разглядела. И тогда я кинулась в Гейдельберг. Но тебя там, конечно, уже не было... Берлин, Лондон, Париж... Я шла по твоим следам, словно ищейка. Друзья сказали, что ты в Петербурге. Я — туда. Не нашла. Отправилась в Москву... А тут — эта ужасная революция... Война... Я не смогла уехать: наш поезд на Украине был расстрелян то ли красными, то ли какой-то бандой... Пришлось возвращаться в Москву... Ты не представляешь, что я пережила! Врагу не пожелаю... Опять-таки нужно на что-то существовать... Я пошла сестрой милосердия в Покровскую общину...

— Как — в Покровскую общину? — насторожился я.

— Очень просто... Почему тебя это пугает?

— Скажи, не была ли ты знакома с неким юнкером Ивановым, который находился там на излечении? — даже из застенков ВЧК члены московской организации «Союза защиты родины и свободы» сумели передать на волю весть о том, что их провал произошел из-за юнкера Иванова, чья возлюбленная, сестра милосердия, донесла чекистам о его подпольной деятельности. Мы приговорили юнкера к расстрелу, но за нас это сделали чекисты...

— А при чем тут Иванов? — пожала плечами Пепита. — Мало ли кто мне встречался в это время...

— Это ты сообщила чекистам о собраниях в Малом Левшинском переулке? — в упор спросил я.

— За кого ты меня принимаешь? — Пепита гордо вскинула голову. — А Впрочем... — внезапно смени-

ла она тон. — Что тут такого? Я бедная, мне нужно на что-то существовать... В общине нас только кормили даром, а денег не платили. А я хочу одеваться, хочу жить... В конце концов, если появилась возможность продать ценные сведения, почему бы ею не воспользоваться?

— Они заплатили тебе? — ахнул я. — Эти, с трезвыми головами и чистыми руками?..

— Достаточно для того, чтобы я могла выбраться из этой жуткой Москвы...

У меня началась истерика. Я хохотал, как сумасшедший. Так вот, оказывается, как они работают, эти нищие рабочие и крестьяне! Вот почему провалилась блестящая затея с «Союзом»! И из-за кого? Из-за женщины, с которой я в свое время спал! Из-за Пепиты Бобадилья!

Я все хохотал и не мог остановиться.

— Психопат, — ледяным тоном произнесла Пепита, и я замолк. — Прекрати истерику!

Я мгновенно отрезвел. Стало очень холодно, и руки мои покрылись гусиной кожей.

— Вернемся к моему предложению... — женщина строго посмотрела на меня.

— О чем ты говоришь?! — я был возмущен до глубины души. — Ты хочешь, чтобы я женился на женщине, которая предала дело моей жизни? Которая продалась чекистам? Во! — и я, словно мужик из дворницкой, поднес кукиш к самому ее носу.

— Ну что ж, — Пепита оставалась абсолютно спокойной. — Я так и передам твоему сыну...

— Какому сыну? — оторопел я.

— Нашему с тобой сыну, — все тем же ровным голосом повторила она. — Сэмьюэлу Бобадилья, которому я хотела дать фамилию отца.

Я не верил ей. Ни одному ее слову. Конечно, она не могла родить... Во всяком случае, от меня. Но все же...

— Меня не купишь... — впрочем, прежней уверенности во мне уже не было. — Сколько ему лет?

— Тринадцать... Он родился в сентябре шестого года.

Я подсчитал. Мы с Пепитой встречались в Гейдельберге с лета по декабрь девятьсот пятого... Ну да. Она исчезла из моей жизни тридцать первого декабря, в самый канун Нового года.

— Но... — совсем смутился я. — Но... чем ты можешь это доказать?

Вместо ответа Пепита вынула из сумочки фотографическую карточку. Я увидел худого и некрасивого подростка.

— Это же твое лицо... — тихо сказала женщина.

— Но... — все еще не мог поверить я, — отчего же ты не сообщила об этом раньше?

— Я искала тебя... — глаза Пепиты наполнились слезами. — Но не думала, что ты... встретишь меня так... что политика...

Она закрыла лицо руками.

Сын! Господи, у меня есть сын! Я даже представить не мог, что когда-нибудь у меня будет сын!

Через неделю мы с Пепитой обвенчались по католическому обряду...»

Немного истории

«В конце января 1919 г. колчаковская армия потерпела сокрушительное поражение. Даже командование Чехословацкого корпуса, оказавшегося в Сибири по воле Антанты, сочло необходимым отмежеваться от колчаковцев...»

4 января 1920 г. «верховный правитель» отрешился от власти и издал «указ» о назначении своим преемником еще не добитого Деникина, а до вступления последнего на этот «пост» передал военную власть... бандитствующему атаману Семенову.

5 января в Иркутске произошло восстание, но власть захватил эсеро-меньшевистский «Политцентр». 6 января 1920 г. в Красноярске сдались в плен

остатки колчаковской армии (20 тыс. человек). Эшелоны чехословацких легионеров, под охраной которых находился Колчак, оказались отрезанными.

15 января чехословаки передали Колчака «Политцентру».

...21 января власть в Иркутске перешла в руки образованного большевиками ВРК. 22 января 1919 г. ВРК сообщил начальнику 30-й стрелковой дивизии А. Я. Лапину, которому были подчинены все партизанские части, действовавшие в районе Иркутска, что Колчак и его «премьер-министр» Пепеляев находятся в тюрьме, золотой запас России, захваченный при задержании Колчака, перевозится в кладовые Госбанка».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

В России постановлениям ВЦИК и СНК была отменена смертная казнь.

В морозный день 7 февраля 1920 года красноармейцы под конвоем привели к реке и развернули спиной к проруби арестованных Колчака и Пепеляева и расстреляли их. Тела погибших упали в ледяную воду. Такую смерть принял российский вице-адмирал, участник обороны Порт-Артура, командующий Черноморским флотом в 1916—1917 гг., талантливый писатель, личность незаурядная во всех отношениях, Александр Васильевич Колчак.

Весть о гибели Колчака Вадим Железный воспринял как личную трагедию.

Глава 3 **ПТИЦА ФЕНИКС**

Варшава, январь 1921 года

Давно не видевшийся с Савинковым Вадим отметил про себя, что Борис очень постарел. Да и характер у него изменился: он стал сдержаннее и

рассудительнее, внимательнее к собеседнику и мягче в высказываниях.

Они встретились в штаб-квартире Русского политического комитета в Варшаве, которым руководил Савинков. Железный приехал в польскую столицу по его вызову: Борис по-прежнему оставался весьма деятельным человеком и лелеял мечты о смене власти в России.

— Мысль моя такова, — втолковывал Борис Вадиму, — чтобы попытаться придать более или менее организованную форму зеленому движению и вызвать обширное и массовое крестьянское восстание. С этой целью и следует послать в Россию эмиссаров. Посмотрите...

Он разложил на столе перед посетителями отпечатанные документы.

— Это, — Савинков взял одну из бумаг, — схема соподчинения боевых отрядов. Согласно моим планам, каждая волость должна составить отряд, во главе которого заблаговременно ставится начальник, являющийся руководителем организации. Волостные организации объединяются уездным руководителем, уездные руководители — губернским... Им вменяется в обязанность создание дружин специального назначения... Кстати, товарищ Железный, эти свои мысли я уже изложил в письмах господам Черчиллю и Сосновскому, военному министру Польши...

— Замечательно, — задумчиво сказал Вадим, просматривая бумаги. — Ну и что они?

— Сосновский, с легкой руки маршала Пилсудского, обещал помочь военной силой. А Черчилль молчит... Именно поэтому я и вызвал вас сюда — чтобы вы стали представителем центра в Лондоне и связались с Черчиллем. Вы ведь, кажется, лично знакомы?

— Знаком — это сильно сказано, — усмехнулся Вадим. — Я был у него на приеме в позапрошлом го-

ду... Вряд ли английский военный министр помнит о моем существовании...

— А вы напомните, — тоном, не терпящим возражений, сказал Савинков. — Когда заходит речь об интересах России, полагаю, требуется на время забыть о приличиях и ложной скромности... Вы согласны со мною?

— Во всяком случае, мне нечего возразить...

— Вот и хорошо. Ваша задача — сделать так, чтобы англичане возобновили интерес к русскому вопросу и выделили нам субсидии. С моей стороны, я приложу все усилия для составления единого и однородного отряда, до 5 тысяч штыков и сабель, чтобы он мог поддержать восстание в России. Между прочим, в лагерях и казармах Польши обосновались остатки армий Булак-Балаховича и Перемыкина, по моим подсчетам — около 15 тысяч человек. Думаю, их можно будет мобилизовать на новую войну...

Железный с восхищением посмотрел на Бориса. Вот кто времени даром не терял! Савинков — как птица Феникс, каждый раз возрождается из пепла. И откуда такая воля, такая уверенность, такая надежда в этом человеке?! Как ему удалось сохранить все это, несмотря на страшные поражения, через которые ему довелось пройти?

— ...считаю необходимым внедрять своих людей в Красную Армию, — продолжал между тем Борис, — с целью создания военных противосоветских организаций, а также для проникновения в советские учреждения. Своим агентам я настоятельно рекомендую не просто проникать в армию и партию, но и стараться расти в них по служебной лестнице. Мною уже посланы люди в Петроград, Москву, Минск, Чернигов, Харьков, Киев, Курск...

До позднего вечера находился Железный в роскошном номере отеля «Брюль», где располагалась штаб-квартира Русского политического комитета. Он обнаружил, что, несмотря на многочисленные про-

валы эмигрантского и белогвардейского движения, от которого Вадим на время отошел после краха колчаковской армии и бесславной гибели адмирала, возглавляемая Савинковым организация активно действует. Это явствовало даже из непрекращающихся телефонных звонков и бесконечного потока посетителей, настроенных весьма по-деловому.

Только около десяти часов они с Борисом вышли наконец на свежий воздух.

— Я чертовски проголодался, — вдруг вспомнил Савинков, — по-моему, последний раз я ел только за завтраком.

И они направились в маленький ресторанчик, находившийся неподалеку.

— Все-таки русская водка лучше, — заметил Железный, поставив на стол опорожненную стопку из-под старки.

— Все русское лучше, — глубокомысленно вздохнул Борис. — Но где она, наша Россия...

Он немного помолчал, а потом вдруг спросил:

— Не находите ли вы, что настало время для возобновления деятельности «Союза защиты родины и свободы»? Теперь-то мы учтем прежние ошибки и не допустим провала.

Вадим замялся. Он не хотел вспоминать о «Союзе», ибо в том, что большевики раскусили блестящий савинковский замысел, оказалась виновной его жена... Правда, об этом никто, кроме самого Штейнберга, не знал.

— Отчего же вы молчите? — Савинков пристально смотрел на него.

— Право, не знаю... Я как-то не думал об этом...

— А я думал. И пришел к выводу, что теперь все можно повернуть вспять. Надеюсь, вы примете предложение стать членом «Союза»?

— Несомненно... — Вадим очень хотел перевести разговор на другую тему. — Я слышал, вы решили снова вернуться к литературе?

— Да, — небрежно бросил Борис. — Написал роман...

— О чем же?

— О революционной борьбе. На основе личных впечатлений и воспоминаний.

— Как любопытно! — восхитился Железный. — Я тоже, знаете ли, занимаюсь сочинительством. Немного для заработка, немного для себя... Но, чувствую, таланту маловато... А как называется ваш роман?

— «Конь бледный»...

— Попахивает декадентством...

— Ну и что? Но сам текст вполне в реалистическом духе.

— Дадите почитать?

— Ради Бога... Если хотите, можете перевести на английский.

— Вы это серьезно?

Савинков пожал плечами:

— Почему бы и нет?

— Ну что ж, я с удовольствием попробую...

Вернувшись в Лондон, Железный и в самом деле взялся за перевод савинковского романа, тем более что издатель, к которому он обратился, с энтузиазмом откликнулся на предложение и выплатил неплохой аванс. К своей работе Вадим подключил нового приятеля Поля Дюкса, который недавно вернулся из Петрограда, где, как говорили, он вел разведывательную деятельность по заданию «Интеллидженс Сервис». Такую дружбу, как справедливо рассудил Вадим, следовало укреплять общими интересами.

Немного истории

Занятый возобновлением контактов с деловыми и политическими кругами Англии и переводом савинковского романа, Железный не нашел времени выехать на съезд возобновленного «Нацио-

нального союза защиты свободы и родины», который состоялся в июне 1921-го в Варшаве. На съезде присутствовал 31 человек, среди делегатов были и представители иностранных держав: офицеры французской, английской, итальянской и американской военных миссий в польской столице и офицер службы связи между министерствами иностранных дел и военным министром Польши Сологуб. После недолгих дебатов участники съезда пришли к единому мнению: использовать террор как средство для деморализации коммунистов и как повод для прекращения притока свежих сил в РКП(б). Обязанности по финансированию организации взяли на себя второй отдел польского генерального штаба и французская военная миссия.

На территории России и Белоруссии «Союз» создал ряд губернских комитетов, которые, в свою очередь, организовали уездные и городские комитеты и ячейки в советских учреждениях и на предприятиях. Ставка была сделана на крестьянские восстания.

— Огромное большинство России — крестьянская демократия, — мотивировал направление деятельности «Национального союза» Савинков. — Не очевидно ли поэтому, что, пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы, иными словами, пока патриотическая армия не поставит себе целью защиту интересов крестьянской демократии, и только ее, большевизм не может быть побежден в России...

Но времена изменились: Савинков не учел того, что уставшие от войны, запуганные красным террором, изголодавшиеся люди хотят только одного — покоя. Вот почему в его отряды ринулись не крестьяне, казалось бы, кровно заинтересованные в решении своих проблем, а люмпены, бездельники, бандиты... Их «акции» превращались в зверство, массовые убийства, поджоги.

Командовавший одним из таких отрядов полковник Павловский регулярно совершал со своей бригадой рейды из Польши на советскую территорию. Во время первого рейда отряд Павловского ворвался в город Холм, где бандиты убили 250 и ранили 310 человек. Отступая в направлении Старой Руссы, они прошли через Демянск, разгромили там все советские учреждения, выпустили из тюрьмы уголовников и убили 192 человека.

При втором рейде в районе Пинска головорезы захватили в плен 14 молодых людей из отряда ЧОН и заставили рыть себе могилы, после чего полковник Павловский лично расстрелял их. Потом его «орлы» ограбили банки в уездных центрах Духовщина, Белый, Поречье и Рудня.

В следующий раз головорезы, совершив налет на погранзаставу, убили спящих после дежурства десятых красноармейцев, повесили беременную жену начальника заставы.

4 июля 1921 года Советское правительство направило Польше ноту с требованием ликвидировать на территории страны организации, действующие против Советской России, Белоруссии и Украины, изгнать их руководителей.

«В ноте подробно характеризовалась враждебная Советскому государству деятельность савинковских организаций и приводились многочисленные факты связи их с польской разведкой. В ноте говорилось также о том, что польский генеральный штаб содействовал отправке в Россию яда с целью массового отравления красноармейских частей в момент восстания. Так, например, 2-й отдел польского генерального штаба за подписью майора польского генерального штаба Бека выдал агентам Савинкова документ на провоз в Россию якобы для исследовательских целей двух килограммов яда».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

В октябре 1921 года между советским и польским правительствами был подписан протокол, по которому руководители антисоветских организаций должны были покинуть территорию Польши. Но Бориса Савинкова к тому времени уже не было в польской столице.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Обосновавшись в Париже, Борис благо-разумно рассудил, что ему следует на время уйти в подполье. Однако это вовсе не означало, что он сложил руки. Напротив, Савинков продолжал работать еще активнее. Я всегда поражался его неумной энергии и великолепным организаторским способностям. Если бы он когда-либо решил разбогатеть, то стал бы самым богатым человеком мира. Он умел раскрутить колесико так, что оно продолжало вертеться с бешеной скоростью и очень долгое время без его последующего участия.

Начав в Варшаве выпускать газету «Свобода» еще в лучшие времена работы Русского политического комитета, Борис продолжал руководить изданием и после своей высылки из Польши. Он сумел привлечь к делу журналиста и писателя А. Амфитеатрова и профессора литературы Д. Философова, которые приложили все старания, чтобы газета не скатилась до уровня обычного желтого листка, каких теперь много, а продолжала оставаться рупором русской прогрессивной эмиграции. Философову даже после высылки из Варшавы удалось получить под издание субсидию от министерства иностранных дел Польши.

Что касается меня, то Борис, который в силу сложившихся обстоятельств не мог находиться вне Парижа, попросил быть его представителем в тех странах, правительства которых продолжают борьбу

против новой русской власти. Вот почему мне пришлось помотаться по свету!

Обо всех своих действиях я должен был немедленно информировать Савинкова. Я не умел пользоваться шифрами, псевдоним Железный был уже хорошо знаком агентам ВЧК, которые во множестве рыскали по всему миру, выявляя и уничтожая контрреволюционеров, и Пепита предложила мне взять другую фамилию — Рейли.

— Почему Рейли? — недоуменно спросил я.

— Почему бы и нет? — парировала жена. — Джордж Рейли, разве не звучит?

Черт возьми! Еще как звучит! Внезапно я вспомнил это имя. Конечно же, Джордж Рейли — тот самый социалист, англичанин, с которым меня когда-то познакомили в России соратники по Боевой организации эсеров. Как же я мог забыть? Он здорово помог нам тогда, переправив из Лондона химикаты для динамитной мастерской. Рейли, конечно же, Рейли. И все-таки...

Не вдаваясь в подробности, я сказал:

— Звучит, но... Я русский человек!

Пепита вздохнула с таким видом, будто она имеет дело с маленьким ребенком:

— Вадим, иногда я поражаюсь твоей наивности... Что сделают чекисты с русским человеком, уличенным в помощи контрреволюционерам, тем более Савинкову?

— Убьют... Могут подстроить, например, автокатастрофу, как это сделали с графом Олсуфьевым...

— Вот видишь... Ты и сам все понимаешь... Немцем ты быть не можешь...

— Не могу...

— Следовательно, ты должен сделаться англичанином. Даже если чекисты выйдут на твой след, они решат, что ты действуешь по заданию «Интеллидженс Сервис», и максимум, на что они решатся, —

это облить тебя грязью в их советских газетенках. Убить тебя они не посмеют, арестовать — тем более... А то, что о тебе напишут какую-нибудь гадость, — тебе же на руку. Посмотри, как резко возросла популярность Савинкова после того, что Советы приписали ему массовые убийства...

Все-таки Пепита была замечательно умной женщиной!

— Ты совершенно права, — вынужден был согласиться я. — Хорошо, сделаюсь англичанином. Одно меня смущает: если вдруг что случится, подозрение падет на настоящего Джорджа Рейли...

— Не падет, — заверила меня Пепита. — Дело в том, что этот человек давно умер.

— Откуда ты знаешь?

— Я была с ним знакома... в юности... он погиб во время войны.

— Жаль, — вздохнул я. — Он был славный...

С тех пор письма к Борису я подписывал так: «Дж. Рейли».

«Можете себе представить, что здесь я мобилизовал все и вся. Громадные услуги мне оказал Крамарж. Вы знаете почему? Из-за Вас, потому что я ему сказал, на что пойдет часть денег, которые я зарабатываю. Великолепный старик».

(Из письма Железного-Рейли Савинкову.
Прага, 7 мая 1922 года.)

«Приехал я сюда и немедленно должен был заняться поисками денег, и что Вы думаете? Ни один из тех людей, которые... в первые годы войны заработали миллион долларов, не дал мне ни единого цента! Кстати, я подумал о некоем римлянине. (Под «неким римлянином» Вадим имел в виду Муссолини. — Прим. авт.) Вот если бы Вам к нему найти дорогу! Неужели

нет путей? Его симпатии, наверное, на нашей стороне».

(Из письма Железного-Рейли Савинкову.
Нью-Йорк, 28 августа 1922 года.)

«Вам нужно познакомиться с Вальской. Она вышла замуж за величайшего американского богача и получила от него свадебный подарок — 5 миллионов долларов наличными... Она будет в Париже после 12 сентября... Если бы вы с ней познакомились, вы могли бы увлечь ее на деятельную помощь... Помните, я Вам всегда говорил, что нашему делу недостает подходящей влиятельной женщины».

(Из письма Железного-Рейли Савинкову,
Лондон, 31 января 1923 года.)

«Только что встретил Черчилля (не пройдя на парламентских выборах 1922 года, У. Черчилль вынужден был уйти в отставку. — Прим. авт.). Спросил его, не может ли он нам помочь, указав подходящих людей со средствами. Он, по-видимому, был искренне озабочен и просил меня ему написать, т. к. он завтра утром уезжает. Прошу Вас немедленно дать мне схему для письма, кроме того, думаю, что было бы хорошо, если бы Вы приложили собственное письмо...»

(Из письма Железного-Рейли Савинкову.
Лондон, 31 января 1923 года.)

«Сейчас отправил Черчиллю Ваше письмо с приложением длинного письма от себя, объясняющего все положение согласно Вашим указаниям. Будем надеяться, что он что-то сделает и скоро ответит».

(Из письма Железного-Рейли Савинкову.
Лондон, 5 февраля 1923 года.)

«Муссолини же, по-видимому, взвесив тяжесть положения в Италии, и затруднения в западноевропейской

политике, сказал своим энтузиастам: уймитесь, не время».

(Из письма Амфитеатрова Савинкову, Рим, 12 июня 1923 года.)

«Римская комбинация, по-видимому, окончательно померла».

(Из письма Железного-Рейли Савинкову.
Лондон, 15 июня 1923 года.)

1979 год

*Москва, пункт приема вторсырья
№ 398/2*

Вика оглянулась. Поблизости никого не было. И она бочком проскользнула в дверь.

Эдик, лежа на кушетке, читал «Крушение антисоветского подполья в СССР».

— Привет, — сказал он, увидев Вику, и неохотно поднялся.

— Здравствуй, — Вика прошла в свой угол и села, обхватив колени руками.

— Как дела? — Бодягин вложил в книгу закладку.

— Нормально... А у тебя?

— И у меня, — Эдик воткнул вилку в розетку. — Чай будешь?

— Буду...

После беседы в КГБ Вику будто подменили. То она устраивала истерики, то была вялой и безучастной, как сейчас. Ее визиты становились все более тягостными для Эдика. Но он чувствовал себя невольным виновником ее состояния и прекратить отношения не мог.

Чтобы прервать затянувшуюся паузу, Бодягин кивнул на книгу Д. Голикова:

— Читала?

— Нет...

— Зря, — он старался казаться непринужден-

ным. — Много любопытных фактов. Хотя трактовка... И столько белых ниток торчит из каждого дела. Здесь, кстати, несколько глав посвящено, представь себе, Рейли.

— Ну и что? — Вика равнодушно дула на чай.

— Вообще концы с концами не сходятся. Взять хотя бы биографию. До сорока лет чувак живет в Петербурге так, что вообще никто ничего не знает о его существовании. Скажи, разве так бывает? Да возьмем хоть любого, самого обычного человека. У каждого есть родственники, друзья, сослуживцы. Есть бумаги, документы, заявления, счета... — он потряс пачкой квитанций. — Это в наше время. А раньше? Они же все, как ненормальные, катали письма и воспоминания. Какой-нибудь хмырик, ничтожество — а фигурирует в мемуарах княгини там или графа, потому что они видели его из окна. А тут чувак таскался на балы всю свою жизнь и был знаком со всеми подряд — и до революции о нем никто ни слова, ни полслова...

— Не производил впечатления, — без всякого выражения произнесла Вика. — Или был глубоко законспирирован...

— Ты посуди сама: после революции глубоко законспирированный британский агент открыто идет по улице, со всеми раскланивается, и каждая собака знает, что это известный всему миру шпион Рейли. У него так в визитке и написано: «Шпион». Приложены также домашний и служебный адреса и телефончик.

Вика хихикнула.

Воодушевленный ее реакцией, Бодягин продолжал с еще большим пылом:

— Или эта заварушка с послами. Там все время крутились три-четыре наших Штирлица, любое передвижение каждого участника заговора тут же становилось известным «железному Феликсу». И что? Всех послов взяли за задницу, а широко разрекламированный шпион со всеми адресами и телефо-

нами сделал ЧК ручкой и сказал: «Ребята, чуть позже. Сейчас не могу, по горло занят. Мне срочно нужно к генералу Деникину, он без меня совсем пропадет». А эти козлы из «Свободной Европы», когда читали воспоминания генерала Деникина, почему-то забыли сообщить в эфир о его верном соратнике Рейли. А Савинков? Он же не только метал бомбы. Он книги всю жизнь писал. О себе, между прочим, о своем окружении. По-видимому, только глубокий и неизлечимый склероз помешал ему посвятить хотя бы строчку своему лучшему другу Рейли. А про какую-нибудь Маруську-эсерку не забыл... Опять же Черчилль. Он просто спать не ложился, пока не позвонит агенту «Интеллидженс Сервис»: «Алло, старик, у меня опять проблемы с русскими. Не подскажешь ли, как им насолить очередной раз?» А Рейли ему отвечает: «Нужно устроить экономическую блокаду, изн'т ит?» «Сэнк ю вери мач, — говорит ему Черчилль. — Что бы я без тебя делал? Бай, май фрэнд! Я иду бай-бай!» Наверно, Рейли был очень тайный советник, потому что ни в одной книге о Черчилле его никто даже не упоминает. Видимо, телефон английского премьера не прослушивался.

Вика хохотала.

— А как тебе нравится это покушение на Чичерина? Сидит себе Рейли в Штатах, возглавляет фирму и считает миллионы. Тут телеграмма от коллеги из британской разведки: «Друг Рейли тчк есть оказия кокнуть Чичерина тчк выезжай немедленно Берлин вск». Чувак бросает на фиг миллионы, надевает шляпу, целует жену и детей и сваливает. А жена ему вслед: «Милый! Возьми ружье! В Берлине дефицит оружия. И кстати, есть ли у тебя там блат, чтобы подделать документы?»

Скрипнула дверь. Вика перестала смеяться и вся сжалась.

Эдик недовольно обернулся.

— Чего тебе опять? — спросил он шуплого мужичка с пропитой физиономией.

— Едуард! — с неожиданной силой пьянчужка ударил себя в грудь. — Последний раз! Ей-богу, верну! Завтра же! С себя последнее продам, а верну! Это долг чести! А Иван Никанорыч долги чести платит всегда!

— Сколько? — утомленно спросил Бодягин.

— Восемнадцать... — мужик что-то сосчитал в уме и уточнил: — Тридцать две...

Эдик отсчитал мелочь и ссыпал в пригоршню мужику.

— Спасибо, Едуард, — прислонившись к дверному косяку, Иван Никанорыч зашевелил губами, пересчитывая медяки. — Нет, — вдруг строго сказал он, протягивая своему благодетелю три копейки. — Лишнего нам не надо. Но, — пошатываясь, он сделал шаг к Бодягину, схватился за его плечо и взглянул в глаза:

— Едуард! Я верну тебе все до копейки! Вот получу — и верну. Ты думаешь, я забыл? Дядя Ваня помнит все, девушка, — внезапно переключился он на Вику. — Семь копеек с прошлой недели, еще в субботу одиннадцать, вчера двадцать три и сегодня тридцать две. Едуард! Ты человек ученый, сосчитай на счетах, сколько получится!

— Да ладно, дядь Вань, иди... — Бодягин попытался отгеснить пьянчужку за дверь.

Но тот не сдавался:

— Ты сперва сосчитай, потом я уйду!

Эдик обреченно пощелкал костяшками:

— Итого семьдесят три копейки.

— Едуард! — Иван Никанорыч еще маленько побил себя в грудь: — Ты меня знаешь, бу спокоен! За мной не заржавеет. Семьдесят три. Девушка, ты свидетель. Ешшо никто не мог пожаловаться на дядю Ваню. Он никого никогда не обижает.

— Да уйдешь ты наконец или нет? — психанул Бодягин.

— Едуард! — забулдыга ухватился за косяк обеими руками и попытался подмигнуть. — Иван Никанорыч все понимает. Он сам был молодой. Меня уже нет!

После ухода дяди Вани стало пусто и скучно. Сжавшись в своем уголке, Вика наблюдала за Эдиком. Он запер дверь, достал из ящика стола простыню, небрежно раскинул ее на кушетке и начал раздеваться.

Вика молча сняла с себя свитер и погасила свет.

Глава 4 ПОКУШЕНИЕ В ГЕНУЕ

Лондон, март 1922 года

Пепита прихорашивалась перед зеркалом, примеряя новое боа. Несмотря на возраст, который, кстати, до сих пор никто не мог определить, она оставалась удивительно хороша собой — ни вертикальных складок от крыльев носа до кончиков губ, ни целлюлита, словом, ничего из того, что заставляет мужей с грустью отмечать: «Увы, она постарела...»

Вадим, только вчера вернувшийся из очередной поездки, растянувшись на диване, штудировал присланный с оказией из России номер «Известий».

— Какая ложь! — периодически восклицал он, прочитывая очередное сообщение об успехах советской власти. — Какая гнусная ложь!..

Супруга не обращала на него никакого внимания.

— Пепита! — вдруг Вадим сорвался с места так, будто его ужалила оса. — Пепита! Ты только посмотри, что они пишут: «Единый бандитско-черносотенный фронт. Контрреволюционная сволочь, давясь от ненависти, предпринимает все новые и

новые шаги для борьбы с молодой Советской республикой. Ярый антикоммунист и человеконенавистник, шпион английской и польской разведок, ставленник мирового империализма Борис Савинков, организовавший массовые зверства на территории России и Белоруссии, отчаявшись от того, что мировой пролетариат и все прогрессивные круги отвергли его притязания стать диктатором России, бросился в объятия новых друзей. Это Муссолини и его пособники, фашисты, душителю трудового народа, которые, преследуя свои гнусные цели, хотят развязать новую войну. Савинков, этот осколок старого режима, встречался с Муссолини в Риме...»

Пепита перекинула боа через левое плечо и обернулась к мужу:

— Вадим, тебе не надоело?

Железный осекся.

— Что именно?

— Все это, — сказала Пепита. — Меня, например, тошнит от этих газет...

— Все правильно. У нормального человека и не может быть другой реакции на советскую прессу. Но согласись: здесь, — он потряс газетой над головой, — нет ни единого слова правды. Во-первых, Савинков никогда лично не встречался с итальянским диктатором...

— Какое это имеет значение, встречался — не встречался... Мне абсолютно все равно. Главное, чтобы он регулярно выплачивал тебе жалованье... Мог бы повысить, кстати, ведь ты для него добываешь такие деньги...

— Сколько раз тебе говорить, — Вадим раздраженно отшвырнул «Известия» в сторону. — Я добываю деньги не для него, а для нашего общего дела. Святого дела, — он мельком взглянул на себя в зеркало и гордо приосанился. — Когда мы освободим Россию...

— Боже, опять этот бред, — театральным жестом

Пепита приложила пальцы к вискам. — Ты болен, Вадим, ты просто нездоров.

— Я бы...

Но Пепита не дала ему договорить.

— Тебе надо думать о будущем! О ребенке! Мальчик уже взрослый, а его отец, которого я с таким трудом разыскала, вместо того чтобы заняться образованием сына, играет в бирюльки!.. В детские игры! Он борется с коммунистами! Коммунисты далеко, они не имеют к тебе никакого отношения! Оставь свои бредни, отрезвей! Послушай, — она села на кровать и похлопала по покрывалу, приглашая Вадима сесть рядом, — тебе нужно делать капитал. Политика из тебя не получилось. Но может получиться литератор. Я прочла страницы из твоих дневников...

— Ах, вот как! — заорал Вадим, снова вскакивая. — Ты шпионишь за мной?! Лазаешь в мои бумаги?! О, теперь я знаю... я знаю, откуда чекистам становятся известны все наши планы! У тебя богатый опыт...

Пепита тоже вскочила и со всего маху дала мужу пощечину:

— Мразь!

— Шлюха! Вспомнила о сыне... А где он, мой сын? Ты избавилась от него, сунула в закрытый пансион, чтобы он не мешал тебе делать грязные делишки! Да-да! Я знаю, именно для этого, а не для того, чтобы дать ему образование!

— Тьфу!

Вадим утер плевков с лица и вдруг, как это случается с нервическими натурами после большого выплеска энергии, как-то сразу обмяк. Он опустился на кровать и закрыл лицо руками.

— Тряпка, — презрительно сказала Пепита.

В дверь позвонили.

Женщина еще раз взглянула на себя в зеркало, поправила волосы и как ни в чем не бывало пошла открывать.

Уставший и разбитый Вадим поплелся в гостиную на зов супруги.

В кресле сидел Борис Савинков собственной персоной.

«...После того как «зеленое движение» потерпело крах, Савинков сделал ставку на террор. Вильям Браун, защитивший диссертацию о Борисе Савинкове в университете Джорджа Вашингтона, писал о том, что Савинков и Рейли планировали организовать покушение на Чичерина. После того как эта попытка провалилась, Савинков 13 апреля 1922 года был задержан в Генуе. У него был обнаружен план гостиницы, где останавливалась советская делегация во время Генуэзской конференции».

(Из книги Л. Шкаренкова «Агония белой эмиграции».)

«...И тут появился в Париже представитель «Интеллидженс Сервис» Рейли, тесно связанный с Савинковым. Он поддержал план покушения на советскую делегацию и обещал свое содействие в Берлине, где делегация должна была задержаться по пути в Геную. Рейли поручил резиденту «Интеллидженс Сервис» в Берлине русскому эмигранту В. Орлову оказать содействие террористической группе. Орлов достал для приехавших в Берлин Эльвенгрена и Савинкова пять револьверов, фотографические карточки членов советской делегации, два фиктивных паспорта и другие принадлежности для террористической работы.

Недели через две в Берлин явились вызванные Савинковым из Варшавы три савинковца, а из Гельсингфорса прибыл вызванный Эльвенгреном бывший полковник Озолин. Все они включились в работу, им было выдано оружие.

Вскоре в Берлин прибыл и Рейли. Эльвенгрен характеризует его проезд как «инспекторский». «Как-то

мне позвонил по телефону Орлов, — показал он при расследовании, — и сказал мне, чтобы я передал Савинкову, что хозяин приехал... Я очень удивился и не знал, кто это может быть. На мой вопрос Орлов ответил, что Савинков поймет. Потом Савинков сказал, что это приехал Рейли, и что Орлов так его называет. Савинков быстро собрался для встречи с ним». Рассказывая о встречах с Рейли, Эльвенгрэн продолжал: «Первая встреча была на квартире Орлова, Савинков рассказал Рейли о положении, о том, что до сих пор ничего не удастся, о затруднениях с приездом сотрудников и т. д. Рейли спрашивал, доволен ли он помощью Орлова, надеется ли он все же что-нибудь сделать, в чем главное затруднение и т. п. Савинков сказал, что будет пытаться, но не особенно рассчитывает, так как средств совершенно недостаточно... что не знает, как с оставшимися деньгами дотянуть до конца».

Таким образом, подготовка террористического акта проходила под общим руководством и при помощи сотрудников «Интеллидженс Сервис» Сиднея Рейли и других. Савинков и его друзья были лишь исполнителями воли «хозяев».

Террористы сделали все приготовления к покушению на членов советской делегации, вели слежку за прибывшим в Берлин наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, но им все же не удалось осуществить свои преступные замыслы. Средства, отпущенные террористам, иссякли, и они разъехались по домам».

(Из книги Д. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

«Покушение не состоялось лишь потому, что советская делегация задержалась на приеме».

(Из книги Л. Никулина «Мертвая зыбь».)

«О, жалкие, ничтожные людишки! Они пытаются представить нас бездушными и кровожадными марионетками, выполняющими чью-то злую волю! Они меряют нас по своей мерке, пытаясь доказать, что за нашей спиной была мощная поддержка. Между тем единственным человеком, который нас поддержал, был Орлов. Он изготовил мне паспорт на имя британского подданного Джорджа Рейли.

И вообще, все было не так, совсем не так... Мы приехали в Геную вдвоем и остановились в гостинице «Риц». В связи с ожиданием большого числа людей, которые придут на конференцию, в первую очередь журналистов, нам предоставили не самые лучшие апартаменты, зато с видом на море. Мы записались в книге гостей как коммерсанты из Англии. Но Борис наотрез отказался пользоваться псевдонимом. Я же поставил росчерк с завитушкой: Джордж Рейли.

Вечером, когда, нагулявшись по набережной, мы вдоволь надышались мягким южным воздухом, когда поужинали в маленьком ресторанчике макрелью по-итальянски, запивая нежное мясо ароматным вином, Борис поднялся ко мне в номер.

— Вы волнуетесь? — спросил он.

— Как вам сказать... Мне не приходилось еще убивать людей, даже тогда, когда я состоял в рядах Боевой организации эсеров...

— Ленин — не человек, — злобно отрезал Савинков. — Сотни тысяч, миллионы людей вздохнут свободно, когда вы сотрете с лица земли это мерзкое чудовище. А это, — он подбросил на ладони пистолет, — будет храниться в Британском музее в назидание потомкам...

Я почувствовал, как легкий холодок поднимается по моей спине. Мне казалось, что и Борис слышит, как бьется мое сердце. Наконец-то после столь-

ких лет работы, после стольких лет безвестности (если, конечно, не считать нескольких десятков эмигрантов, в среде которых я пользовался популярностью), наконец-то я совершу ДЕЛО. И плевать, что потом меня могут найти, поймать, арестовать, приговорить к расстрелу... Вероятнее всего, большевики приложат все усилия, чтобы отомстить за своего главаря, как это уже было с эсеркой Каплан, с десятками людей, поплатившихся за убийство Урицкого, — пусть. Пусть я погибну, но после моего выстрела жизнь в России изменится. Моя многострадальная родина снова станет мощной державой и займет достойное место в мире!»

Генуя, апрель 1922 года

Хоть рассмотреть его сначала...

Когда-то, еще в самом начале революционной деятельности, Вадим был немного знаком с тем человеком, которого теперь весь мир знает под именем Ленин. Железный был тогда молод, горяч и бесконечно увлечен идеями Маркса. Некоторое время он даже водил дружбу с социалистами из группы «Спартак», одна из активисток которой, Роза Люксембург, и познакомила его с начинающим журналистом из России, редактором подпольной газеты «Искра» Владимиром Ульяновым.

— Вы не представляете себе, товарищ Железный, что это за личность! — восхищенно воскликнула Роза, указывая на невысокого молодого человека с хитрым прищуром раскосых глаз. — Герой! Мученик! Был в ссылке в Шушенском... глушь, Сибирь... комары... Условия ужасные... крестьянский дом... никакой связи с внешним миром... Несмотря на то, что получил право проживания лишь во Пскове, не побоявшись филеров охранки, инкогнито поехал в Петербург... Ах, товарищ Владимир, ваши страдания должны окупиться...

Ульянов польщенно улыбнулся:

— Наши ст'адания, това'ищ Люксембу'г, наши ст'адания... Все мы п'иносим свои жизни в же'тву одному общему делу...

Вадим хмыкнул: ему еще не приходилось встречать картавых Демосфенов. Интересно, какими такими пламенными речами он увлекает за собой массы?

Вообще Ульянов ему не приглянулся. Так, весьма средний человек с замашками весьма среднего российского буржуа. Многословен и властолюбив — это видно с первого взгляда. А газета, которую он редактирует, — сплошные лозунги и ничего кроме... Единственное, что тогда еще поразило Железного, — бешеная работоспособность Владимира. И когда он успевает строчить статейки да еще активничать в революционном подполье?

И кто бы мог подумать...

Сидя за столиком у окна в вокзальном ресторане, Вадим наблюдал за перроном. Часы показывали уже половину третьего, а поезда из Санта-Мargarето, где разместили советскую делегацию, все еще не было. Между тем конференция начинается ровно в три...

Без двадцати...

Железный начал волноваться. Неужели их привезут во дворец Сан-Джорджо на автомобилях? Нет, вряд ли... Красных не удостоят такой чести...

Наконец раздался гудок паровоза. Стрелки на часах дрогнули: без одной минуты три... Ай да большевики! Ай да правительство! Опоздать на конференцию, где собрались представители крупнейших мировых держав, где Ленин и его клика впервые будут представлять новую Россию, — такого еще не было!

Из вагона вышло несколько человек. Ага, Литвинов, представляющий Россию в Великобритании, этот, в безупречном смокинге, кажется, нарком

иностранных дел Чичерин — Вадим знал его по фотографиям в газетах, рядом с ним, наверное, Красин... А это кто? Воровский? Бог его знает — Вадим не запомнил всех членов русской делегации, хотя их фамилии были опубликованы в прессе.

Но где же Ленин?

Железный еще раз внимательно оглядел небольшую группу на перроне. Ленина там не было.

Поезд вздохнул, дернулся и медленно покатил дальше. Делегаты направились к автомобилям, ожидавшим их, чтобы отвезти во дворец Сан-Джорджо.

Немного истории

Генуэзская конференция 1922 года считается первой победой советской дипломатии. Возглавлять делегацию из России должен был Ленин, но чуть ли не в последний момент перед тем, как русские отправились в Италию, он отказался от поездки, передав свои полномочия Чичерину.

Георгий Чичерин был одним из образованнейших людей нового российского правительства. После Февральской революции он входил в лондонскую делегатскую комиссию для содействия возвращению политэмигрантов на родину. Летом 1917 года английская полиция арестовала нескольких активных членов комиссии, в число которых попал и Чичерин. В январе 1918-го Советское правительство обменяло Чичерина на Бьюкенена, который много лет был послом Англии в царской России.

В своей речи на Генуэзской конференции нарком иностранных дел говорил о возможности мирного сосуществования двух систем — капиталистической и социалистической, ратовал за разоружение и за созыв всемирного антивоенного конгресса.

Говорил он по-французски.

«В этом французском было лексическое богатство, как и красота звучания, подсказанная красотой французского слова. ... Речь, прервавшая блокаду... Зал все понял: он сполна воздал русскому делегату — вряд ли такие аплодисменты когда-либо раздавались в стенах дворца Сан-Джорджо». (С. Дангулов. «Заутреня в Рапалло».)

В то время, когда зал рукоплескал Чичерину, Борис Савинков оперативно принял новое решение: совершить террористический акт в отношении наркома иностранных дел.

Генуя, апрель 1922 года

— Таким образом, — рассуждал Борис, нервно расхаживая из угла в угол, — мы уьем двух зайцев: заставим большевиков вспомнить о том, что мы не сложили оружие и не собираемся этого делать, а также уничтожим популиста Чичерина, который набирает очки России не столько своими реальными делами, сколько красноречием. Вы согласны? — он повернулся на каблуках и посмотрел на Железного.

Вадим чувствовал себя глубоко разочарованным. Чичерин — это не Ульянов, это следствие, а не суть, это симптом, а не болезнь. На его место найдут другого — мало ль ренегатов, блестяще образованных и со знанием языков, осталось на службе у красных тварей?

Он вздохнул.

— Но ведь по плану... — начал было Вадим.

— План остается прежним, — прервал его Савинков. — Здесь ничего не меняется. Повторим... — он вытащил из кармана исчерченный листок бумаги. — Вот схема отеля «Палаццо д'Империале» в Санта-Маргарето. 2-й этаж... Номера русских — вот по этой линии, справа. Крестиком обозначен номер, где

должен был остановиться Ленин. Вместо него здесь живет Чичерин...

— Откуда вам это известно? — перебил Савинкова Вадим.

Борис усмехнулся:

— Деньги, дорогой друг, деньги и умение общаться с прислугой... Между прочим, эта информация стоила не очень дорого... Однако вернемся к гостинице. Видите кружочек? Это вентиляционная шахта. Вы остаетесь там до возвращения Чичерина. Когда они все будут проходить мимо вас, стреляете и по этой вот линии выбираетесь наружу. Вы попадаете на хозяйственный двор, далее через эти продуктовые склады выбираетесь на дорогу, пересекаете ее и оказываетесь в Рапалло, где находится резиденция немецкой делегации. Там полно людей, и вам легко будет скрыться в толпе... Поезда ходят часто, вы возвращаетесь в Геную еще до рассвета. Я буду ждать вас в ресторане вокзала Принчипо, откуда мы первым поездом отправимся в Рим. Я все подсчитал: между прибытием локомотива из Рапалло и отправлением поезда в Рим — один час двенадцать минут. Вы успеете даже в том случае, если рапальский состав придет с опозданием... Единственная ваша задача — выбраться из Санта-Мargarето. Да, и еще... Будьте предельно осторожны: в связи с прибытием делегации охрана проверяет абсолютно все помещения отеля «Палаццо д'Империале». Обход начинается в половине двенадцатого. Но, думаю, к этому времени все уже будет кончено.

Санта-Маргарето, апрель 1922 года

Притаившись в вентиляционной шахте, Вадим ждал. Он растянулся во весь рост и лежал, прижавшись щекой к холодному каменному днищу узкой и бесконечно длинной трубы. Уши словно ва-

той заложило: все доносящиеся снаружи звуки казались глухими и далекими. В правой руке Вадим ощущал холодную сталь браунинга.

Благодаря подкупленной Савинковым прислуге из русских эмигрантов Железный пробрался в шахту давно, вскоре после полудня. Теперь уже вечер. Вот-вот должны вернуться с заседания члены советской делегации.

Вадим заблаговременно положил свой брегет прямо на уровне глаз и теперь коротал время, наблюдая за минутной стрелкой. Половина одиннадцатого. Пора бы... Но за стеной, в коридоре, не слышалось ни шагов, ни голосов.

Одиннадцать. Пять минут двенадцатого... Пятнадцать... На какое-то время Вадиму показалось, будто он слышит отдаленный смех. Он весь напрягся, приготовившись к выстрелу. Но смех исчез и опять стало тихо.

Двадцать минут двенадцатого. Русские не появились. Зато через десять минут придет охрана... Черт возьми! Неужели все впустую?

Через две минуты, опасаясь быть схваченным ни за что, Железный ползком двинулся к выходу.

Чертыхаясь, он наконец прыгнул в хлипкую грязь под вентиляционным отверстием, а далее все сделал согласно плану Савинкова. Через два с половиной часа он был уже на вокзале Принчипо в Генуе.

Сидевший за угловым столиком ресторана Савинков читал газету, время от времени отхлебывая кофе. Вполне добропорядочный господин. Он казался совершенно спокойным, но Вадим знал, какие бури бушуют в его душе.

— Вы позволите? — Железный присел за его столик.

Борис поднял на него тяжелый взгляд:

— Что?

— Ничего, — тихо ответил Вадим, но в его голосе прозвучали агрессивные нотки, — Они не пришли.

— Как? Почему? — лицо Савинкова стало растерянным.

— Не знаю. Я убрался оттуда в двадцать две минуты двенадцатого.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Борис.

— Я тоже...

Стеклянная дверь отворилась, и в полупустой зал вошел полицейский. Оглядев посетителей, он направился к столику, где сидели русские. Вадим покрылся холодным потом.

— Господа, — вежливо козырнул карабинер, — проверка документов. Предъявите ваши бумаги.

Савинков полез за документом. Железный протянул поддельный паспорт на имя британского подданного Джорджа Рейли.

Полицейский внимательно все изучил, снова козырнул и вернул бумаги мужчинам:

— Благодарю вас. Все в порядке.

— А в чем дело? — небрежным тоном поинтересовался Борис.

— Обычная формальность, — улыбнулся блюститель порядка. — Во избежание недоразумений... Теперь в Генуе представители высоких иностранных держав... Мы обязаны усилить внимание...

И, еще раз откозыряв, он подошел к другому столику.

Глава 5

ТАЙНА «ПИСЬМА КОМИНТЕРНА»

Немного истории

«В 1923—1927 годах страны капиталистического мира были наводнены антисоветскими фальшивками. «Документы о подрывной деятельности» Советского правительства и Коммунистического Интернационала должны были «свидетельствовать» о том,

что коммунисты и Советское правительство руководят «заговорами» в капиталистических странах.

В 1924 году произошел скандальный случай использования таких фальшивок в Англии. В октябре лейбористское правительство назначило выборы в парламент. Во время избирательной кампании соперничающая с лейбористами партия опубликовала сенсационное «Письмо Коминтерна» от 15 сентября 1924 года, в котором «Коминтерн» будто бы предлагал Центральному Комитету Британской Коммунистической партии готовиться к вооруженному восстанию в Англии, создавать «ячейки во всех войсковых частях и на военных складах».

Советское правительство категорически опровергло так называемое «Письмо Коминтерна» и ноту английского правительства по этому поводу...»

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«По способам провокационной деятельности они перещеголяли так ненавидимую ими царскую охранку. По сравнению с чекистами дореволюционные филеры — джентльмены, честнейшие люди, ведущие достойную игру. По крайней мере, они были брезгливы по отношению к предателям... У нынешних агентов ОГПУ напрочь отсутствуют человеческие чувства: они готовы продать родного отца, лишь бы добиться своих гнусных целей.

Борис стал их жертвой, смелый и мужественный человек, умница, талант...

Господи, если Ты есть, воздай им за грехи!

Он стал жертвой провокации, мне известно это наверняка. При всем его опыте, при всей пронизательности Борис иногда бывал на редкость наивным. Взять хотя бы его дружбу с полковником Павловским. Еще в двадцать первом я предупреждал Савин-

кова, что этот грубый и жестокий солдафон крайне опасен. Это он и его люди, совершавшие вылазки в Белоруссию и зверствовавшие там безмерно, стали причиной провала возрожденного «Союза». Если бы не Павловский, мы еще тогда сумели бы поднять в России массовое крестьянское восстание, свергли бы коммунистов и вернулись на родину. И Борис остался бы в живых...

Но Савинков не внял моим советам...

В июне двадцать третьего мы узнали о существовании в Москве подпольной противосоветской организации наподобие нашего «Союза защиты» или кадетского «Национального центра». Горстка мужественных людей решила продолжить дело, начатое русскими революционерами в 1918-м, — освободить родину от красного террора. Я гордился тем, что, несмотря на все беды и лишения, которые свалились на голову нашему поколению, есть еще храбрецы, способные выстоять, не сломиться в самых нечеловеческих условиях.

Зная об огромном опыте Савинкова, о его преданности делу революции и освобождения России от большевиков, члены московской делегации связались с Борисом через своего представителя в Париже Мухина. Он сообщил, что руководство организации хотело бы привлечь к работе Бориса Викторовича, так как в рядах членов начались разногласия.

— Ликвидировать их и сплотить наши ряды можете только вы, — подчеркнул Мухин.

— Поедете? — спросил я Бориса, когда он рассказал о визитере из России.

Савинков пожал плечами:

— Сначала я должен удостовериться, что это не провокация... Свяжусь с Павловским.

Вскоре пришла телеграмма от полковника:

«Сведения товаре подтвердились тчк вышлите согласие концессию».

Я провожал Бориса на вокзале Ватерлоо. Был

очень жаркий день, солнце расплавляло мозги, беседа не клеилась, и я молил Бога, чтобы поезд поскорее отправился. О, если б я знал тогда, что вижу Бориса в последний раз!

На следующий день, купив газеты, я на первой же странице обнаружил чудовищную информацию:

«Стала известна судьба полковника Павловского, «прославившегося» своими зверствами на территории западных областей России и Белоруссии в 1921 году. Два года назад, когда красными была раскрыта его банда, Павловскому удалось бежать. Он скрывался до сентября 1923 года, а потом вдруг объявился в Москве, где и был арестован сотрудниками ОГПУ. В настоящее время полковник Павловский в ожидании расстрела содержится в Бутырской тюрьме».

В глазах у меня потемнело. Значит, чекисты хитростью выманили Савинкова в Россию! Значит, они перехватили письмо Бориса полковнику и сами дали телеграмму, заставившую моего друга покинуть Францию!

Но еще больший удар ждал меня вечером того же дня, когда из Варшавы позвонил ближайший помощник Савинкова по руководству «Национальным союзом» и сообщил, что Борис благополучно добрался до Польши и в данный момент нелегально пересекает границу с Россией!

— Это провокация! — крикнул я, но в трубке уже послышались короткие гудки.

Через несколько дней, в августе 1924-го, в «Известиях» появилось сообщение, которого я ждал и боялся:

«В двадцатых числах августа на территории Советской России органами ОГПУ был задержан Борис Викторович Савинков, один из самых непримиримых и опасных врагов рабоче-крестьянской России...»

А еще через несколько месяцев — короткая информация в «Таймсе»:

«7 мая 1925 года в Москве покончил с собой видный деятель антисоветского движения Борис Савинков... В ожидании расстрела, назначенного ему судом, он содержался во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянской площади... Воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки, Борис Савинков выбросился из окна и разбился насмерть...»

Интересно, что это за тюрьма без решеток на окнах?!

Бориса нет. Но я продолжу начатое им дело! Я жизнь свою положу, чтобы стереть с лица земли красную сволочь!»

Берлин, начало октября 1924 года

— Таким образом, я пришел к выводу, что в новых условиях мы должны отказаться от идеи массовых вооруженных восстаний и террористических актов и перейти к более действенной пропаганде, — закончил Вадим и внимательно оглядел всех собравшихся в офисе Владимира Орлова, русского белоэмигранта, бывшего следователя по особо важным делам при департаменте полиции Петербурга, открывшего в Берлине разведывательную фирму.

— Да уж, — усмехнулся помощник Орлова, сын царского сенатора Алексей Бельгардт. — Что касается пропаганды — тут нам следует поучиться у большевиков. Здорово у них это получается — подлоги и подтасовка фактов...

— И тем не менее, — строго возразил Орлов, — их методы оказываются весьма действенными... Их пропаганда в глазах пролетариев весьма заманчива. Посмотрите, что делается: рабочие передают большевистские газеты из рук в руки, они слепо верят

всему, о чем там говорится, они заразились новыми идеями, чего доброго, скоро и впрямь революционная эпидемия охватит весь мир... Я полностью согласен с господином Железным...

— Это хорошо, — важно кивнул Вадим. — Но мы с вами имеем в виду совершенно разную пропаганду...

— То есть? — не понял Орлов.

— Объясняю. Меня волнует то, что зарубежные партнеры — Англия, Франция, Германия и даже Польша — охладели к нашим проблемам... Увы, Советы признаны как государство...

— Это естественно, — нетерпеливо перебил Вадима Бельгардт. — Это совершенно закономерно. Надо свыкнуться с горькой правдой. Тогда, в семнадцатом, восемнадцатом и даже девятнадцатом, Советы представляли реальную опасность для всего мира... Как гниль на яблоке, которая, если ее не уничтожить вовремя, охватит весь плод... Тогда нам помогали. Теперь же выяснилось, что красная зараза локализовалась лишь на территории одной страны, и наши друзья просто махнули на Россию рукой. Более того, страны Антанты пошли даже на экономические и торговые соглашения с Советами. Верить им нельзя: наша родина — это наше горе... личное...

— Ах, молодой человек, — сокрушенно покачал головой Вадим. — До чего же ваше поколение толерантно по отношению к обстоятельствам... Глядишь, еще немного — и вы будете заодно с красными... Нельзя же так легко мириться с беспринципностью Ллойд-Джорджа и Керзона... Но это, друг мой, а гророс... Позвольте мне продолжить свою мысль о пропаганде.

Бельгардт закинул ногу на ногу и принял вид оскорбленной добродетели.

— Итак, — продолжал Железный, — мысль моя такова: мы должны дискредитировать не просто Советы, но сам коммунизм в глазах мировой общест-

венности. Таким образом мы снова вызовем всплеск интереса международных политических и финансовых кругов к своим проблемам. Мы напомним о реальной опасности красной заразы, показав ее масштабы и возможности. Тогда правительства крупных держав нами снова заинтересуются. Мы получим так необходимую нам помощь. Но воспользуемся ею не так бездарно, как в прошедшие годы...

— Резонно, — заметил Орлов.

— Ну и как вы собираетесь воплотить все это в жизнь? — иронически спросил Бельгардт. — Может быть, поймаем одного промышленника и растолкуем ему, как велика опасность коммунистических партий? А может, под видом коммунистов совершим какой-нибудь акт?

— Вот именно, — кивнул Вадим, словно не заметив иронии. — Мы совершим акт именно под видом коммунистов.

— Но каким образом? — растерялся Орлов. — Наденем кожаные тужурки и пройдемся по Берлину с маузерами?

Вадим тонко улыбнулся.

— Зачем же — тужурки? Мы сделаем изящнее... Вы знаете, что Англия теперь накануне парламентских выборов. Пока лидируют лейбористы... Естественно, консерваторам это очень не нравится. Мы только сыграем им на руку, если под видом Коминтерна обратимся к ЦК коммунистов Британского королевства с призывом активизировать свои действия...

Бельгардт, забыв про обиду, подался вперед. Вадим заметил это движение.

— О, молодой человек, вы, кажется, уже уловили мою идею...

— Да! — горячо воскликнул Алексей. — Тогда в прессе поднимется шумиха, лейбористы проиграют, а консерваторы, всерьез обеспокоенные новой акци-

ей Советов, пересмотрят свое отношение к России на правительственном уровне.

— И с их помощью мы выиграем войну! — подхватил Орлов. Все рассмеялись.

— Нет, это гениально! — захлебывался от восторга Бельгардт. — Позвольте мне пожать вашу руку, господин Железный!

И только молчавший все это время офицер Жемчужников вдруг криво ухмыльнулся.

— Вам не нравится? — высокомерно спросил его Вадим. — Но, милый мой, теперь все средства хороши, даже подлог... С волками жить — по-волчьи выть...

— Интересно, — не обращая внимания на слова Железного, сказал Жемчужников. — Кто нам оплатит это предприятие? Согласитесь, расходы предстоят немалые: изготовление коминтерновских бланков, печатание, оплата издателям газет, которые это опубликуют...

— Не беспокойтесь, господин офицер, — ледяным тоном отозвался Вадим. — Здесь тоже все продумано. Слава Богу, еще есть люди, готовые субсидировать нашу деятельность. Мой лондонский приятель, господин Дюкс, в свое время познакомил меня с членом палаты общин консервативного правительства господином Миддлом. Последний берет на себя все расходы...

«Шумно оглашенное в печати сенсационное «Письмо Коминтерна» сыграло роль в избирательной кампании. Оно «доказывало ошибочность» политики лейбористов, установивших дипломатические отношения с Советским правительством. Поднятая шумная кампания напугала английского обывателя, и консерваторам удалось получить на выборах большинство голосов, свалить лейбористов и прийти к власти».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

«Черчилль оказался в своей стихии. Используя фальшивку, он с новой энергией обрушился на английских лейбористов и на Советский Союз. «Они, — заявил он, имея в виду советских руководителей, — отдают письменный приказ о подготовке восстания, о начале гражданской войны... Я утверждаю, что такое положение никогда не имело места в истории Англии».

(Из книги В. Трухановского «Уинстон Черчилль».)

«... Это письмо, в котором перечислялись различные способы организации государственного переворота и захвата власти коммунистами, послужило поводом для обвинения Советского правительства во вмешательстве во внутренние дела Англии. Позже в Берлине состоялся суд по делу белоэмигрантов Орлова и Павлушевского, также обвинявшихся в подделке документов... Германские власти вынуждены были судить мошенников, разоблаченных неопровержимыми уликами (однако наказания они фактически не понесли). Выступивший на этом суде эксперт доктор Фосс указал на слишком грубые приемы подделки. От русских эмигрантов, по его мнению, вообще не следовало брать никаких сообщений о русских делах».

(Из книги Л. Шкаренкова «Агония белой эмиграции».)

«8 февраля 1968 года в английской газете «Санди таймс» на первой полосе появилась статья, в которой редакция сообщала о новой возможности найти ключ «к одной из наиболее зловещих политических загадок Британии в нашем веке» — тайм происхождения «Письма Коминтерна», сыгравшего такую большую роль в Англии.

Научный сотрудник юридического факультета Гарвардского университета Уильям Батлер неожиданно нашел в подвалах университета оригинал «Письма Коминтерна» — четыре страницы русского текста, снятые на фотографических пластинках, и еще две страницы какого-то другого документа, явно поддель-

ного. Исследования Батлера, опубликованные в «Бюллетене Гарвардской библиотеки», привели его к заключению, что «Письмо Коминтерна» — подделка.

Редакция «Санди таймс» воспроизвела на своих страницах русский оригинал «Письма Коминтерна», найденный Батлером, и высказала предположение, что если кто-либо опознает почерк, которым написано письмо, то это, возможно, поможет выяснить, почему фальшивка была принята за подлинное «Письмо Коминтерна» и использована в предвыборной кампании 1924 года против «красной опасности». Редакция предложила всем читателям помочь в решении этой исторической загадки.

Статья газеты «Санди таймс» вызвала интерес английской общественности. Некий Майкл Кетти, историк, представил в редакцию образец почерка Сиднея Рейли, взятый из книги «Приключения Сиднея Рейли», отредактированной женой шпиона и опубликованной в 1931 г., и сообщил, что ему бросилось в глаза сходство между почерком Сиднея Рейли и оригиналом русского текста «Письма Коминтерна».

Тогда редакция «Санди тайме» пригласила известного в Англии эксперта по исследованию спорных документов, члена Британской академии криминалистики Джона Конвея для экспертизы. Ему были представлены фотокопии несомненного письма Сиднея Рейли и полный текст оригинала «Письма Коминтерна» на фотопластинках, найденных Батлером.

Изучив эти документы, Джон Конвей дал следующее заключение: «Я сравнил эти два текста и, исходя из характера почерков, то есть нажима, расстояния между буквами, написания букв, их размера и других характерных признаков, убедился, что они были написаны одним и тем же человеком... То, что тексты написаны на языках с различным алфавитом, несколько затрудняет сравнение, однако внешний вид и манера написания букв одинаковы. Ни один из этих признаков в отдельности не мог быть сочтен исчерпывающим доказательством,

однако совокупность их заставляет полагать, что они характерны для почерка одного и того же человека...

Таким образом, данные советской разведки о причастности Сиднея Рейли к «Письму Коминтерна», об обстоятельствах его изготовления получили дополнительное подтверждение».

(Из книги Д. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

Лондон, январь 1925 года

Вадим впал в глубокую депрессию. Его расчеты не оправдались: получив в парламенте большинство голосов, не без участия его, Вадима Штейнберга, который лично сочинил текст «Письма» и лично перевел его на русский язык, консерваторы не стали рвать дипломатических отношений с Советами, и шумиха, поднятая вокруг сфабрикованного документа, улеглась сразу после выборов.

— А что вы от меня хотите? — развел руками мистер Миддл. — Субсидировав ваше предприятие, я сделал все возможное. Надеюсь, что и вы, господин Железный, в обиде не остались? Что же касается России... Я ведь не премьер, друг мой, а всего лишь скромный член палаты общин...

Вадим проклинал тот день, когда он ввязался в эту историю, пошел на подлог, наплевав на собственные принципы. Но дело было сделано...

В прихожей хлопнула дверь. Вернулась откуда-то Пепита.

— Угадай, где я сейчас была, — игриво спросила она.

Вадим промолчал.

— Между прочим, я занималась твоими делами, — обиделась жена. — Была в издательстве, у господина Волынского. С твоими сраными воспоминаниями.

Вадим снова промолчал. Ему было абсолютно все равно, как оценивает Пепита его литературные способности. Равно как и этот недоучка Вольтинский...

Пепита начала заводиться:

— Идиот! — Она в сердцах кинула на стол увесистую рукопись. От удара листки разлетелись во все стороны. — Скотина! Бездарь! Именно так сказал Вольтинский: бездарь! Он сказал, что более нудной вещи в жизни не читал! Что такой ярый революционер, как ты, мог бы напихать туда приключений и стать героем дня! Что ты молчишь?! — она перешла на крик.

Вадим вздохнул и перевернулся на другой бок.

Глава 6 ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»

Немного истории

«Синдикат-2» — так называлась операция, разработанная чекистами в 1923—1924 годах. Она была задумана специально для того, чтобы заманить Бориса Савинкова на территорию Советской России. На ее выполнение были брошены огромные средства, десятки людей участвовали в этом трагическом спектакле как с той, так и с другой стороны советской границы. Лично председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, а также его заместитель В. Р. Менжинский и начальник контрразведывательного отдела ВЧК — ОГПУ А. Х. Артузов разработали план-легенду, согласно которой в Москве и других крупных городах России якобы сформировалась и готовилась к выступлению подпольная антисоветская организация либеральных демократов (ЛД). Необходимо было заставить Савинкова поверить в эту легенду, а также в то, что на территории Москвы якобы возобновило работу отделение «Национального союза защиты родины

и свободы», которое-де намерено слиться с ЛД. Человек с «чистыми руками и горячим сердцем» Андрей Федоров, молодой чекист с поддельными документами на имя Мухина, играя роль члена ЦК ЛД, убеждал Савинкова в том, что только он один способен объединить и возглавить две эти организации, но для этого он должен выехать в Россию. Довольно долгое время Савинков не соглашался, небезосновательно опасаясь, что это провокация. Тогда чекисты включили в игру Павловского, арестованного еще летом 1923 года. Под угрозой избиения и пыток он написал Савинкову письмо, где подтверждал необходимость его присутствия в Москве. Следом за письмом пришла телеграмма, известная Железному.

В ночь на 15 августа 1925 года Савинков перешел советско-польскую границу, а в 10 часов утра 18 августа был арестован в Минске.

Успех «Синдиката-2» воодушевил чекистов на еще одну широкомасштабную операцию.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Но мыслить они мне не запретят. Кого они боялись? Горстки людей, потерявших родину, выброшенных за борт истории, оставшихся без дома, без средств, без завтрашнего дня? Людей, у которых не оставалось ничего, кроме веры и надежды? Но такой слабой надежды, что запускать против нее махину под названием «Операция «Трест» абсурдно и нелепо. В конце концов, шел двадцать пятый год и ничего нельзя было повернуть вспять.

Что такое «Операция «Трест»? Очередная выдумка Дзержинского и ему подобных, выдумка, которая должна была показать, что ЧК всегда начеку. С несчастными эмигрантами и теми, кого называли контрреволюционерами, бороться было куда легче, чем со стоявшими у власти временщиками, жестокими и кровожадными фанатиками идеи.

А еще они боялись. Они боялись мыслящих людей, потому что последние могли рассказать всю правду будущим поколениям.

Недавно по телевизору показывали фильм «Операция «Трест». Мой старенький «Рекорд» то гас, то снова зажигался, по экрану ползли полосы, а звука не было вообще. Но кое-что я все-таки смог посмотреть. Что и говорить — прекрасный актерский букет!

Горбачев в роли Якушева очень убедителен. А Касаткина — Мария Захарченко-Шульц — настоящая эсерка, фанатичная и нервическая. Ну и конечно Артузов... Джигарханян есть Джигарханян...

А ведь на самом деле все они были не такими, и вообще все было не так.

Чекисты придумали, будто существовала некая монархическая организация с центром в России и якобы ее цель — свержение существующего строя и восстановление монархии. Главную роль в этой афере исполнял ренегат А. А. Якушев, бывший действительный статский советник, и другой предатель — бывший генерал русской армии Н. М. Потапов, перебежавший к красным еще в ноябре 1917-го. Эти двое должны были разыскивать в России и за границей так называемых контрреволюционеров и приводить их на заклание к чекистам. На государственные денежки Якушев покатался по европейским столицам: был в Берлине, Париже, Лондоне. Он был очень неглупой и небесталанной личностью. Как вспоминал потом бывший сенатор Чебышев, близкий к Врангелю человек, Якушев и в самом деле производил благоприятное впечатление: «Держался спокойно, говорил без всяких жестикуляций... ни тихо, ни громко, гладко, самоуверенно, немного свысока».

Якушев сумел обаять даже генерала Климовича, некогда директора департамента полиции. А уж Климович был тертый калач, недаром он позднее служил у Врангеля начальником разведки.

Потом провокатор встречался и с Врангелем, и с великим князем Николаем Николаичем... Лично знал Гучкова, Кутепова, бывшего премьера Коковцова...

И чем больше людей было таким образом вовлечено в орбиту «Треста», тем больше наград получали brave ребята из ЧК. Кому паек дополнительный, кому часы именные, а кого, глядишь, и в звании повысят. Да, эти ребята знали, за что убивают...»

Лондон, 26 июля 1925 года

Как и было условлено, Штейнберг встретился с Алексеем Бельгардтом в одном из маленьких кафе на Пикадилли.

— Что с вами, господин Железный?! — воскликнул Алексей, увидев его. — Здоровы ль вы?

Вадим и в самом деле здорово сдал за последний год. Под глазами появились мешки, на высоком лбу — резкие морщины, виски поседели...

— Постарел, да? — грустно спросил он.

— Ну как вам сказать... — Бельгардт пожалел о допущенной бестактности.

— Ну, а вы как? Слышал, был суд по поводу того «Письма»...

— Был, да сплыл, — рассмеялся молодой человек. — Нас поругали и отпустили. Правда, господину Орлову пришлось закрыть свое предприятие... Зато на денежки, полученные от мистера Миддла, он сумел основать мелкооптовую торговлю мануфактурой... Господин Жемчужников ретировался в Россию. Теперь мода такая пошла: назад к красным бежать. Вы не представляете, сколько наших уехало из Берлина! Ну, а ваш покорный слуга, — он хлопнул себя по груди, — продолжает заниматься черт знает чем. Сейчас пописываю статейки в эмигрантские газетенки. Вы ведь тоже пишете?

— Сильно сказано — пишу! Так, для себя... Воспоминания...

— Да уж, вам есть что вспомнить, — завистливо протянул Бельгардт. — А ведь я к вам по делу, господин Железный. Зная ваш бойцовский характер, спешу сообщить приятное известие: в Москве создана и действует весьма авторитетная и обширная монархическая организация. Подпольно, конечно.

После смерти Бориса Савинкова Вадим стал чрезвычайно подозрителен даже по отношению к хорошо знакомым людям.

— Вы что ж, — усмехнулся он, — специально приехали из Берлина, чтоб мне об этом сообщить? Или сами стали членом этой организации? Помните, батенька, вы весьма скептически относились к подобного рода затеям...

Алексей, кажется, обиделся.

— Хотите сказать, что я провокатор? Премного благодарен-с. Но, чтобы развеять ваши сомнения, все же объясню. Я приехал в Лондон вовсе не с целью повидать вас, а жениться. Моя невеста — англичанка. Это первое. Второе: я и теперь скептически отношусь к подобного рода затеям и ни за что никуда вступать больше не буду. Хватит. А проинформировал вас об этом только затем, чтобы порадовать, — и он отвернулся к окну.

Железный почувствовал себя неловко.

— Простите меня, старика, — сказал он. — Ей-богу, не хотел вас обидеть. Просто время теперь такое, сами знаете. Но откуда же вам известно об организации?

— От племянницы генерала Кутепова Марии Захарченко-Шульц. Она сказала мне об этом в Париже, прежде чем отправиться в Россию. Мадам Шульц уж полгода как уехала. Нелегально перебралась через границу, добралась до Москвы... С ней все в порядке: мой приятель Шульгин недавно побывал в России и виделся с ней.

— Интересно... — Вадим почувствовал хорошо

знакомое ему волнение, чувство, которое возникает у заядлого охотника, когда он видит добычу.

— Филиалы этой организации есть уже в Париже и в Варшаве, а еще, кажется, в Гельсингфорсе и в Ревеле... Да, еще в этом... — Алексей щелкнул пальцами в воздухе, будто что-то припоминая, — в Ленинграде.

— Вы хотите сказать, в Петербурге?

— Да, простите, оговорился.

— И что же, генерал Кутепов тоже в этой организации состоит?

— По-моему, нет. Но он в курсе всего через свою племянницу.

— Голубчик, — Вадим порывисто схватил Алексея за руку, — умоляю, сведите меня с генералом. Кажется, не все еще потеряно.

Немного истории

В конце 1925 года Якушев через «Трест» предложил поездку в Москву известному эмигрантскому деятелю Василию Витальевичу Шульгину. Бывший член Государственной думы, помещик Волынской губернии, вместе с А. И. Гучковым присутствовавший при отречении Николая Второго от престола, Шульгин был убежденным монархистом, в годы гражданской войны состоял при штабе Деникина. С паспортом на имя Иосифа Карловича Шварца Шульгин в ночь на 23 декабря был принят через «окно» в Столбцах, побывал в Киеве, Москве и Ленинграде и 6 февраля 1926 года благополучно перешел границу. Эту поездку Василий Витальевич впоследствии живо описал в своей книге «Три столицы», рукопись которой внимательно читалась не только Якушевым, но и руководящими сотрудниками ОГПУ. Чекисты могли быть довольны: свидетельство такой персоны, как Шульгин, укрепляло

доверие к «Тресту» среди эмигрантов и вообще за границей.

Москва, июль 1925 года

Окна были занавешены, несмотря на духоту летнего дня, и на столе неярким светом горела настольная лампа. Якушев докладывал начальнику разведывательного отдела ВЧК Артузову о результатах проделанной работы.

— Значит, генерал не собирается к нам в гости? — постукивая пальцами по столу, спросил Артур Христофорович.

— Не собирается, — с сожалением вздохнул Якушев. — Во всяком случае, пока.

— Плохо... — Артузов прикурил одну папиросу от другой. — Очень нехорошо, Александр Александрович... Нам сейчас нужна птица высокого полета.

Якушев обреченно развел руками:

— Да где ее взять-то, товарищ Артузов?

— Монархисты должны быть уверены, что их организация пользуется вниманием со стороны влиятельных кругов. Гучков тоже не собирается?

— Увы... И Климович тоже...

— И что же мы имеем? Мелкую шушеру...

Внезапно Артузов вскочил и вытянулся по стойке «смирно». Якушев повернул голову. На пороге комнаты бесшумно появился сам председатель ОГПУ товарищ Дзержинский.

— Садитесь, Артур Христофорович, — по-своему кивнул он Артузову. — Здравствуйте, Александр Александрович. Рад вас видеть. Чем порадуете?

— Увы, пока ничем... Я все изложил в записке товарищу Артузову.

— Мы тут вот о чем размышляем, Феликс Эдмундович, — вмешался тот. — Время-то идет, а с притоком новых сил в «организацию» туговато. Вот Алек-

сандр Александрович по миру помотался, эмигранты с энтузиазмом воспринимали идею свержения нашей власти, но предпочитают, чтобы все было сделано чужими руками. Верно ведь, Александр Александрович?

— Да, — кивнул Якушев. — Именно так.

— А в Москве уже сомнения начались. Они, видите ли, действовать хотят. Шульц высказывает подозрения, что все это — игра.

— Нехорошо, — покачал головой Дзержинский. — Александр Александрович! Дайте ей какое-нибудь задание.

— Да не в задании дело! Она вон месяц мороженым торговала в Ленинграде около Исакия, якобы для связи. Наши люди ей «информацию» передавали вроде как из зарубежных филиалов. Но ведь эта дама — ненормальная! Ей не мороженым торговать хочется, а стрелять в кого-нибудь! Я из последних сил ее удерживаю, все рвется кого-нибудь кокнуть.

— Этого нельзя допустить! — всполошился Артузов. — Если она задумает теракт, мы обязаны будем ее арестовать. А вдруг она расколется на допросе! Тогда вся операция к черту. Нет, нужно какое-то реальное, причем известное в кругах контры лицо, которое отвлекло бы внимание Шульц на себя, во-первых, а во-вторых, убедило бы ее, что подрывная работа в организации ведется. Но кто это будет? Слушайте! — внезапно осенило его. — Феликс Эдмундович, а помните, в восемнадцатом, был такой парень, англичанин, который был замешан в деле Локкарта и сбежал потом? Он ведь, кажется, был приговорен к смертной казни? Вот бы его втянуть!

— Вспомнили, Артур Христофорович! — рассмеялся Дзержинский. — Британца звали Сидней Рейли. Но на самом деле то был Реллинский.

— Который? — изумился Артузов. — Георгий Васильевич? Из петроградской уловки? Так я его знаю! Ну, вы даете, ребята! Да вы авантюристы! Я

сам на эту удочку со шпионом купился! О! — он поднял вверх указательный палец. — Придумал! А если Реллинского снова подключить?

— Не получится, — охладил его пыл Дзержинский. — Реллинский уже не тот. Совсем, говорят, спился... Еще алкогольный психоз начнется, все дело завалит...

— Жаль, — расстроился Артур Христофорович. — А то бы разыграли комедию...

— Есть еще один человек, — задумчиво произнес Якушев. — Но не знаю, жив ли он...

— О ком вы? — заинтересованно спросил Дзержинский.

— Был в последние годы у Савинкова такой приятель — Вадим Штейнберг, или Железный — как хотите. Ярый антисоветчик. Я слышал о нем от Шульц. Но лично они, кажется, не знакомы...

— Железный? — Феликс Эдмундович потербил бородку. — Впервые слышу...

— Шульц говорит, что он принимал весьма активное участие в деятельности Боевой организации эсеров, а уехав после октября за границу, добывал деньги для савинковских сумасбродных прожектов. Одно время, году этак в девятнадцатом, был весьма популярен в эмигрантских кругах. По некоторым сведениям, имел дело с самим Черчиллем. Последние годы, кажется, жил в Лондоне.

— Это нам подходит! — вновь воодушевился Артузов. — Значит, так, Александр Александрович. Разведайте, жив ли он, где и чем занимается, составьте послужной список и выгаскивайте его к нам.

— Но только без всяких арестов, — строго предупредил Артура Христофоровича Дзержинский. — Он должен побывать в Москве и благополучно вернуться обратно. Как Шульгин. Помните: Железный — это наживка для крупных рыб.

— О чем вы говорите? — в глазах Артузова появилось укоризненное выражение. — Разве я сам не понимаю?

Хельсинки, 30 июля 1925 года

Как обычно, ввод в операцию нового лица из эмигрантов был обставлен с помпой и в условиях строжайшей конспирации, разработанных начальником отдела ВЧК Артузовым. Из Москвы Якушев отправился в Петроград, где его уже ждала Мария Шульц. Потом они в разных вагонах доехали до Сестрорецка, откуда глубокой ночью «подкупленный» Якушевым пограничник перевел их на сторону финнов. Погода была теплая, но всю ночь капал дождик, поэтому идти пришлось по скользкой грязи, что делало путь еще более опасным и романтическим. Сев опять-таки в разные вагоны поезда, по подложным документам (Якушев воспользовался псевдонимом «Федоров»), они наконец добрались до Хельсинки, до «финского штаба организации», которым руководил некий Бунаков, по сведениям ОГПУ, работавший на британскую разведку. По своим каналам, через генерала Кутепова, он выяснил, что Железный жив-здоров и находится теперь в Лондоне.

— Вот, — сказал Бунаков Якушеву, — вчера получил от Железного письмо, — и протянул гостям лист бумаги, исписанный рваным, нервным почерком.

«Власть медленно, но неминуемо отмирает. Героический период закончен весной 1921 года, наступивший затем период консолидации власти и стремление к строительству (нэп) не мог дать желательных результатов ввиду страшного напора голода и экономического развала. Красная Армия для меня до сих пор неразрешимая загадка. Существенный вопрос: что идет скорее — инфильтрация в армию здорового крестьянского элемента или коммунизация рекрутов? Вероятно, в первых стадиях переворота больше всего надо считаться со специальными частями ГПУ и ЧОН. О них я мало знаю достоверного, но допускаю, что и они, хотя бы ввиду своей численности, не

могут в удачный момент избегнуть закона общего действия солдатского бунта, то есть должны поддаться массовому настроению окружающей среды.

Среду создадим мы. Полагаю, следует использовать старые испытанные методы: пропаганду, террор, диверсии. Расшифровываю: пропаганда проводится с учетом существующих условий и изменившейся психологии масс. Она должна вестись не впрямую, как это делают большевики, но косвенно — чтобы у масс возникли сомнения в правильности действий новых властей. Пропаганда подкрепляется террористическими актами — для устрашения. Предлагаю воспользоваться опытом Боевой организации эсеров. И, наконец, диверсии, цель которых — доказать большевикам, что против них существует реальная сила, с которой нельзя не считаться. Диверсии могут быть как идеологическими, так и террористическими — организация взрывов на промышленных предприятиях и железных дорогах, в советских учреждениях и т. д., поджоги, массовые отравления...

Господа! Я несказанно рад, что нашлись силы, способные объединить разрозненных и разбросанных по свету патриотов в единую мощную организацию. За себя скажу следующее: это дело для меня есть самое важное дело в жизни. Я готов служить ему всем, чем только могу. Вадим Железный».

Прочитав письмо, Мария Шульц благоговейно положила его на стол.

— Именно такие люди могут составить честь нашей организации! — восторженно воскликнула она.

Якушев кивнул.

— Хорошо бы с ним встретиться... Вы сможете это устроить?

Бунаков с сомнением покачал головой.

— Боюсь, после истории с Савинковым он вряд ли согласится выехать в Россию...

— Опасения Вадима можно понять, — вмешалась Шульц. — В конце концов, ОГПУ только и ждет, чтобы в лапы чекистам попался такой лакомый кусочек, как Железный. Может быть, договоримся встретиться с ним в Париже? — она вопросительно взглянула на Якушева. — У генерала Кутепова?

Александр Александрович сидел с задумчивым видом. Он бы с удовольствием съездил в Париж, но вот Шульц вывозить туда нельзя. Пусть лучше будет в России, под присмотром... А кроме того, сметой операции такие расходы не предусмотрены...

— Нет, — наконец сказал он. — Лучше все же организовать встречу в России, так сказать, на месте действия. Ведь господин Железный, насколько я понимаю, не был в стране с семнадцатого года, следовательно, вовсе не знает обстановки, которая сложилась при Советах. Для успеха общего дела необходимо, чтобы он знал реальную подоплеку того, что происходит на самом деле.

— Логично, — вынуждена была согласиться Шульц.

— А что, если... — Якушеву в голову пришла блестящая мысль, — что, если пригласить его сюда, в Хельсинки? Даже если мы не сможем уговорить Железного отправиться с нами в Россию, он встретится здесь с членами московской и петроградской организаций... Реально ли такое, господин Бунаков?

— Думаю, что да, — кивнул руководитель финского филиала. — Я немедленно свяжусь с генералом Кутеповым, а еще лучше — с самим Железным...

Париж, 24 августа 1925 года

Железный и Кутепов не понравились друг другу с первого взгляда. Генерал вообще не терпел нервных хлюпиков, каждую минуту готовых впасть в истерику. А Железный не переносил, когда с ним

говорили свысока да еще менторским тоном. Тем не менее встреча прошла более или менее успешно.

— Полагаю, вам все же необходимо выехать в Хельсинки, — сказал генерал, уставившись на Вадима своими стальными холодными глазами. — Во-первых, чтобы мы могли лишний раз убедиться в жизнедеятельности организации и в том, что она не фикция. Во-вторых, чтобы разъяснить нашим российским друзьям главные направления работы. Ну, и наконец...

— Не знаю, — Железный заерзал на стуле. — Не знаю, поеду ли я. Ведь вы же этого не делаете... Не хотите в лапы ОГПУ? А как чужими руками вытаскивать каштаны из огня...

— Меня еще никто не обвинял в трусости, — нахмурился генерал. — Я поеду, едва потребуется моя помощь. Я — человек сугубо военный. Мое дело — тактика и боевые действия. А стратегию, уж будьте любезны, разрабатывайте вы. Если, конечно, вы и в самом деле беспокоитесь о судьбе России. Я не хочу дискутировать с вами, дам лишь один совет: поезжайте. Тем более, речь идет о Хельсинки, где вас ОГПУ не достанет...

Лондон, 22 сентября 1925 года

— Все-таки решился! — блестя глазами, сообщил Вадим жене. — Я поеду! Просто обязан сделать это как русский патриот и человек чести!

— Поезжай, — равнодушно отозвалась Пепита. — Только не морочь больше мне голову.

Вадим забросил в дорожный саквояж чистую сорочку и патетически воскликнул:

— Боже мой! И так говорит моя жена! Подруга жизни, соратница!

— Никакая я тебе не соратница, — отрезала супруга. — Я не эта... как ее там... ваша княгиня, которая поехала за мужем на Урал...

- В Сибирь, — поправил ее Железный. — Декабристки отправились вслед за своими мужьями в Сибирь, ибо готовы были разделить страдания тех, с кем связали свою жизнь перед Богом!

— Наверное, мужья хорошо их содержали, — философски заметила Пепита. — А что я вижу от твоей «революционной деятельности»? Ни денег, ни славы... Даже свои поганые мемуары издать не смог... А всего-то и надо сделать их немножко повеселее и напихать побольше приключений...

— Ты опять? — с рыданиями в голосе спросил Вадим. — Опять соль на раны! О, скорее бы уехать... Сначала в Хельсинки, потом в Штеттин...

— А Штеттин зачем? — сварливо спросила жена. — Тоже по делам организации?

— Бельгардт обещал познакомить меня в Штеттине с влиятельными людьми, которые могут субсидировать наше предприятие.

Пепита закатила глаза и выразительно промолчала.

— Да, скажи, — вдруг спохватился Железный. — Ты не знаешь, где мой паспорт на имя Рейли? Хочу захватить его на случай, если вдруг в Хельсинки нагрянут чекисты. Британского подданного они не посмеют тронуть.

— Кажется, в шкатулке, — вспомнила Пепита, — где лежат неоплаченные счета...

22 сентября 1925 года Вадим Железный отбыл из Лондона в финскую столицу.

25 сентября 1925 года произошла встреча Якушева с Железным на квартире у Бунакова.

«Он был одет в серое пальто, безукоризненный серый в клеточку костюм. Впечатление неприятное. Что-то жестокое, колючее во взгляде выпуклых черных глаз, резко выпяченная нижняя губа. Очень элегантен. В тоне разговора — высокомерие, надменность. Сел в кресло,

поправил складку брюк, выставил носки и желтые новенькие туфли. Начал с того, что не может сейчас ехать в Россию. Поедет через два-три месяца, чтобы познакомиться с «Трестом».

Я сказал:

— Обидно, добравшись почти до Выборга, остановиться у порога.

Железный сообщил, что собирается уехать в субботу на пароходе в Штеттин... До 30 сентября в Москве ничего не успеешь сделать, а задержаться он не может.

Когда Железный заявил, что он в данное время не может ехать, я как можно спокойнее сказал, что если встает вопрос о сроке, то берусь организовать поездку в Москву таким образом, чтобы в субботу утром быть в Ленинграде, вечером оттуда выехать в Москву. Целого дня вполне достаточно для знакомства с Политическим советом «Треста». Затем вечером обратно в Ленинград, понедельник провести в городе, а ночью через «окно» — в Хельсинки. Это будет вторник, в среду есть пароход, отправляющийся в Штеттин».

(Из докладной записки Якушева начальнику КРО ОГПУ Артузову.)

«...И что бы ты там ни говорила, я убедился в своей правоте. Организация есть, и она действует...»

(Из письма Железного Пепите Бобадилья, отправленного из Хельсинки 25 сентября 1925 года.)

Москва, 27 сентября 1925 года

На даче в Малаховке, где заседал Политический совет организации, не было ни одного человека, который не получал бы жалованье в органах ОГПУ. Переодетые чекисты собрались здесь специально для того, чтобы у Железного создалось впечатление об активной деятельности и авторитете орга-

низации. Вел «заседание» Николай Михайлович Потапов.

— И, конечно же, средства, — сказал он. — Нам необходимы большие субсидии. Где их взять — вот в чем вопрос?

Он внимательно оглядел присутствующих.

— У меня есть одна идея, — откликнулся фальшивый «штабс-капитан» Дорожинский. — Она связана с невозможностью получить средства от иностранных держав. План мой грубый, но действенный...

— А именно? — Потапов поднял на лоб очки.

— В России остались громадные художественные ценности. В музеях хранятся уникальные картины, скульптуры, рукописи. Их направо и налево разбазаривают большевики. Культура им не нужна. Поэтому я предлагаю реквизировать и продать за границу наиболее ценные раритеты.

— То есть как реквизировать? — поперхнулся Потапов.

— Украсть, — сказал Дорожинский таким тоном, будто речь шла о самых обыденных вещах.

— Что-о? — поднявшись со стула, Вадим подался вперед и хлопнул ладонью по столу. — Вы предлагаете пойти на уголовное дело? Поставить себя в один ряд с коммунистическими преступниками? Ну уж нет... — он едва не задышался от ярости. — Нет, господа, что хотите, но если вы станете действовать подобным образом, я вынужден буду покинуть ряды организации! Я русский человек, надеюсь когда-нибудь вернуться на родину и не позволю, чтобы достоинство могущественной России разбазаривалось по миру!

— Это же только предложение... — пристыженно пролепетал Дорожинский.

— В самом деле, господин Железный, — миролюбиво сказал Якушев, испугавшийся, что Вадим и впрямь покинет «ряды членов». — Что это вы так

разбушевались? Идея штабс-капитана и впрямь нам не подходит, вы совершенно правы. Но, может, у вас есть какие-то другие мысли на сей счет?

Вадим немного успокоился.

— Мое мнение остается прежним, — заявил он. — Контакты с влиятельными эмигрантскими кругами и поиск сочувствующих нам граждан среди иностранных промышленников и банкиров. Именно с этой целью я и собираюсь в Штеттин... Лучше я для общего дела пойду с протянутой рукой по миру, нежели заклею себя тавром вора!

— В таком случае, — заключил Потапов, — мы будем просить вас взять на себя поиск субсидий...

«В тот же день чекисты арестовали Рейли. А для того, чтобы скрыть факт поимки этого известного разведчика, в ночь на 29 сентября (в эту ночь соучастники Рейли должны были ждать его возвращения на финской стороне) на границе чекисты инсценировали перестрелку и создали видимость, будто Рейли и его сопровождающие наткнулись на советскую заставу и были убиты. Инсценировка удалась.

А между тем Сидней Рейли, пойманный в ловушку, давал показания в ОГПУ».

(Из книги Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».)

*Ленинградская область,
станция Парголово,
28 сентября 1925 года*

Щегольски одетый гражданин в желтых ботинках вышел из вагона поезда и чуть ли не бегом направился к деревянному строению, стоявшему несколько особняком от прочих станционных построек. Он задержался там довольно долго: из-за дощатой двери с маленьким окошечком-сердечком доноси-

лись пыхтение и вздохи. Когда же уборная снова отворилась, из нее вышел сутулый крестьянского вида мужик в телогрейке и кирзовых сапогах. На голове у него был суконный серый треух, в руках — большой узел из бабьего платка.

Мужик остановился посреди перрона и махнул рукой в одно из окошек отъезжающего поезда. К нему тотчас же подошел человек в пограничной форме.

— Моя фамилия — Деревщиков, — вполголоса представился пограничник. — Пойдете со мной... Но я жду еще одного вашего попутчика, так что, товарищ Железный, посидите пока здесь... — и он кивнул на стоящую поодаль подводу, запряженную грустной гнедой кобылой.

Вадим вздохнул, послушно взобрался на телегу и сам не заметил, как задремал...

1979 год

Москва, пункт приема вторсырья

№ 398/2

— Теперь все ясно, — Эдик захлопнул «Блок-ночь». — Настоящий Рейли, из энциклопедии — это Железный. Практически все сходится: и друг Савинкова, и ярый антисоветчик, кровно заинтересованный в свержении большевиков. К тому же он был эсер, а эсеры по части конспирации — большие доки. Вот почему у него несколько псевдонимов. Да, интересно, чем отличаются правые эсеры от левых?

— Не помню, — честно призналась девушка. — Мы что-то учили...

— Впрочем, это неважно. И те и другие — говно хорошее. Под статью большевикам. Как проститутки готовы были то с этим, то с тем, потом хватались — а уже поздно, — Эдик прилег на кушетку, закинув

руки за голову. — Вообще всякой дряни много водилось. Вот Потапов, например. Спрашивается, какого черта он связался с чекистами? Ладно, перешел к красным, ты военный, служи в армии. Там с этими рабочими и крестьянами военспецы нужны были позарез. Не хочешь в армию — иди бухгалтером. Начальник департамента полиции Петербурга Лопухин щелкал же на счетах в конторе до самой своей смерти — и ничего, ему было не запаadlo. Но он не стал провокатором и не закладывал своих, как старый пердун Потапов. То же самое Якушев... А считали себя интеллигентами, твою мать!

— Ну что ты всех судишь? — возразила Вика. — Может быть, их поставили в безвыходную ситуацию? Шантажировали? Принуждали? Ты же знаешь этих гэбэшников...

— Угу, вот как заговорила...

— К чему твоя ирония? Ты что, недоволен? Сам призывал открыть глаза и не повторять того, что вдалбливали в голову... И вообще, каждый человек вправе менять свое мнение...

Она присела на край кушетки и погладила Эдика по груди.

— Ну что мы все спорим?

— Мы не спорим, а дискутируем. Ты что, потеряла интерес ко всей этой истории? Подумаешь, не можешь больше заказывать документы в спецхране... Информации кругом полно, нужно только уметь ею пользоваться и критически осмыслять. Вот он, спецхран, — Эдик похлопал себя по лбу.

— А потом тебя вместе с твоим спецхраном помещают в психушку или отправляют на Лубянку, а оттуда напрямиком в лагеря... И ты сидишь там и критически осмысляешь...

— Что же ты предлагаешь — не думать?

— Эдик! — Вика порывисто обняла его. — Мне страшно! Давай уедем!

— Куда?

— Туда, где они нас не достанут! Поедем в Израиль! Или, хочешь, в Штаты!

— Ты с ума сошла! — оторопел Бодягин.

— Я уже все продумала, — лихорадочно заговорила девушка. — Мы поженимся, это самое главное. И знаешь почему? Мамина мама, моя бабушка, Берта Иосифовна Юдович, была самой настоящей еврейкой. По израильским законам моя мама еврейка, а значит, и я! Я потеряю паспорт. А в новом запишусь еврейкой! И тебя вывезу отсюда! Ну что ты молчишь?

— Я думаю...

— У тебя были неприятности с КГБ, а это значит, что в Израиле тебя примут с распростертыми объятиями. Ты будешь политическим беженцем. Тебе сразу дадут работу! Ты забудешь про этот вонючий подвал! Мы будем счастливы!

— А предки твои?

— Я поговорю с ними, они все поймут. Я познакомлю вас, они увидят, какой ты... В конце концов, родители не желают мне зла!

Эдик поднялся с кушетки и закурил. Он долго смотрел в окно, выпуская дым в форточку. Вика терпеливо ждала ответа.

Наконец Бодягин выбросил окурочек, сел рядом с ней на кушетку и сказал:

— У тебя замечательный план. Практически без изъянов. Но... Во-первых, нас могут не выпустить...

— Тогда, — мгновенно переориентировалась Вика, — мы уедем в Сибирь. В глухомань, в тайгу...

— И будут между деревьями ходить два жида порхатых и один лось сохатый... — невесело пошутил Эдик. — Но ты меня не дослушала. Ты представляешь себе, что такое семейная жизнь?

— Конечно, — уверенно кивнула девушка.

— Ни фиги ты не представляешь... Тебя мама-папа кормят, холят, лелеют... У тебя никаких забот. А выйдешь замуж — с первой же недели начнется под-

счет денег, которых вечно не хватает, начнутся бытовые проблемы, которые ты сейчас так презираешь... А главное, обнаружится, что мы почему-то совершенно разные люди. И то, что казалось особенно привлекательным, начнет раздражать, выводить из себя... В один прекрасный день ты возненавидишь меня за то, что я не люблю мыть посуду, а я тебя за то, что ты выдавливаешь зубную пасту не с того конца тюбика... И все эти наши общие интересы — все эти Рейли и прочие шпионы вместе с чекистами отправятся по известному адресу. Только не говори, что мы исключение из общего правила.

— Ты что, меня не любишь? — осторожно спросила Вика.

— Вик, ну не в этом дело...

— Именно в этом. Если мы любим друг друга, то легче переживем и материальные трудности, и быт, и посуду я буду мыть сама!

— Какая ты еще маленькая, — Эдик прижал ее к себе.

ВИНЧЕНЦО МАССИНО, БЕЛЫЙ КОМБИНАТОР

«Реши также имел близкое касательство к Петербургской фирме Мандроховича и Лубенского, которая занималась главным образом экспортом и импортом оружия... Фирма Мандро также закупала всякое военно-морское снаряжение для России, а Рейли несколько раз перед первой мировой войной побывал в США, где при закупках получал большую комиссию. Последнюю, самую крупную, он, однако, получить не успел из-за Февральской революции. Позже, уже в 1923 году, он подал на своих американских контрагентов в суд. Но дело проиграл».

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина»).

«В 1917 году, в декабре, в торгово-промышленных кругах Петрограда и Москвы интересующее нас лицо появляется под фамилией месье Массино как «турецких и восточных стран негодант». Вскоре знакомых месье Массино и многочисленных жен и невест его арестует ВЧК как разоблаченных контрреволюционеров. Самому месье Массино удастся благополучно скрыться».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

Глава 1 ДЕЛА И ДЕЛИШКИ

Петербург, 1911 год

— Сколько, — спросил Массино вполголоса.

— Десять процентов, — подумав, сказал Мандрохович. — Не считая мелочи, которую ты получишь от другой стороны.

— Пятнадцать, — попытался торговаться Винченцо. — И оплата дороги за твой счет.

— Разбежался! — иронически заметил Иштван. — За такие деньги я сам поеду на край света.

— Ладно, — Массино вздохнул, как человек, вынужденный жертвовать собой ради общего блага. — Только для нашей дружбы.

Разговор этот велся вполголоса в одном из обшарпанных залов, где собиралась столичная богема. Вот и теперь на небольшой эстраде, картинно заламывая руки, нараспев и немного в нос читал свои стихи никому не известный молодой поэт с накрашенными губами и словно приклеенной ко лбу темной челкой, что придавало ему несколько педерастический вид.

— ...распятая, как запятая,
Раскинулась ты на постели...
Подмышка твоя золотая
Струит аромат еле-еле...

— Чушь какая-то, — проворчал Иштван. — Чьи-то подмышки... Да хоть и золотые! Нашел что нюхать.

— Давай лучше разговеемся, — предложил Массино.

Они выпили за успех дела и закусили гусиным паштетом.

— И поделом, поделом! — горячился субъект за соседним столом, блестя стеклышками пенсне. —

Нечего было разрушать основу основ исконно русского крестьянства — общину, мир...

— Не скажите, — возражал густым басом плотный господин. — Реформы необходимы нашей стране, иначе мы рискуем остаться в стороне от столбовой дороги прогресса...

Речь шла об убийстве премьера Столыпина, которого застрелил в Киеве местный еврейчик-анархист. Злые языки поговаривали, будто бы покушение на Петра Аркадьевича совершено было с ведома самой государыни, люто его ненавидевшей, а Гришка Распутин теперь-де возносит к небу молитвы за то, что избавился наконец от своего злейшего врага.

— Никуда не деться от этой политики, — поморщился Винченцо, опрокидывая рюмку коньяку. — Надоело! Со всех сторон только и слышишь — анархисты, кадеты, эсеры...

— А я считаю, что уважающий себя коммерсант должен быть в курсе последних событий, — возразил Мандрохович. — Немножко политики делам не помеха, особенно если знаешь, на какие рычажки когда нажимать, чтобы извлечь выгоду!

Массино не стал спорить. Иштван был прав и к тому же не любил, когда ему перечили. А он, Винченцо, сейчас, как никогда, нуждался в его благоволении и покровительстве. Мандро стоит крепко, биржевые потрясения для него значат не больше, чем комариные укусы, а Массино приходится крутиться, как белке в колесе.

Поэта, воспевавшего подмышки, сменила знаменитая актриса. Она была по-модному тощей, а под глазами нарисовала себе такие глубокие синие тени, словно находилась в последней стадии чахотки. Изображая волнение, актриса попыталась вздымать грудь, но это получалось плохо из-за отсутствия таковой. Телодвижения, которые она совершала, должны были, по-видимому, означать нечто эротическое и страстное, но выглядели анемично и натужно. Со-

рвав несколько жидких хлопков, чахоточная знаменитость раскланялась.

— Ты бы хотел такую иметь? — провожая ее ленивым взглядом, поинтересовался Иштван. — Кокаинистка, неврастеничка, Лубенский утверждает — неукротимый темперамент...

— По мне, лучше лечь с трупом, — невольно передернулся Массино. — Я предпочитаю здоровых девок в теле... Помню, в Баку у меня была одна персианочка, — оживился он. — Все при ней — бюст, задница... Танцевала танец живота. Ты не поверишь, что вытворяла в постели...

Свой первый миллион Массино сделал в 1898 году, выгодно перепродавая оружие, которое ему — тогда еще Дмитрию Таукчи — было поручено доставить бесплатно индусам-мятежникам. Несмотря на свой сравнительно юный возраст — двадцать четыре года, — Винченцо здраво рассудил, что деваться азиатам все равно некуда, стрелять-то из чего-нибудь нужно, купят, как миленькие, а смыться он всегда успеет, если всплывет на поверхность правда... И вообще с этими индусами ему детей не крестить. Гораздо опасней был тот человек, который поручил ему транспортировку винтовок и патронов: эдакий пылкий и благородный мститель, гибрид капитана Немо и графа Монте-Кристо. Такой не станет церемониться и шлепнет на месте за обман. Поэтому Массино пришлось сменить имя и какое-то время разъезжать по делам инкогнито.

Именно тогда он крупно вложился на Дальнем Востоке, но началась японская война, и все пропало. Пришлось снова подыматься с нуля. Но к тому времени Дмитрий разжился самым главным для делового человека — обширными связями. Ценнейшим приобретением в десятые годы он считал дружбу с Мандроховичем. Мандрохович был такой же персоной без роду-племени, как и Таукчи, вот только везло ему больше. Никто не знал, откуда он появился и

чем занимается. Друзья называли его Иштваном фон Мандро, но кто перед ними — немец, румын, венгр или поляк, никому известно не было. Винченцо сразу понял, что они с Иштваном — одного поля ягоды, и постарался это использовать. Роднила их и общая неразборчивость в средствах. Именно по совету Таукчи-Массино фон Мандро избавился от своего первого компаньона, графа Лубенского, которого время от времени мучили абсолютно философские проблемы: а гуманно ли торговать оружием? Иштван соединил капиталы с Шуберским, директором одной из российских железных дорог, и прочно обосновался в Петербурге.

— Ты и в самом деле итальянец? — спросил Мандро без особого интереса. — Или прикидываешься?

— Натуральный, — подтвердил Дмитрий. — Правда, папаша у меня был неизвестно кто, а маман — наполовину болгарка, наполовину румынка... А фамилия очень удобная. Если делать ударение на последнем слоге, звучит вполне по-французски... А ты, если не секрет, откуда?

— Это давно потеряло всякое значение, — пожал плечами Иштван. — Я тот, кем необходимо быть в каждый конкретный момент. Допустим, с англичанином я — среднеевропейский предприниматель. С контрабандистом — его лучший друг и почти родственник... А в светском салоне — джентльмен безупречного происхождения и прекрасных манер... Понимаешь? Без этого в нашем деле не обойтись. Посмотри на себя... Одет кое-как, обаятелен, но вульгарен, в глазах вечно голодный злой блеск... Хочешь добиться успеха? Для этого нужен лоск, братец... Иначе выше афер средней руки не подымешься...

— Легко давать советы в твоём положении! — обиделся Массино. — А мне каково? Каждый раз начинаю на пустом месте...

— А ты в казино пореже навывайся, — спокой-

но сказал Мандро. — И не вкладывай средства в сомнительные предприятия. Думаешь, я наследство получил или мне деньги с потолка сваливаются? Нет, братец, пришлось немало потрудиться, прежде чем открыть счета в швейцарских банках... А сколько усилий нужно было приложить, чтобы всякая великосветская сволочь начала подавать мне руку... Противно вспоминать...

— То-то и оно, что противно! — живо откликнулся Винченцо, облизывая толстые губы.

— А ты перетерпи, братец... Потом, когда будешь в силе, они начнут плясать под твою дудку... Потому что на деньгах держится весь этот проклятый мир...

Нью-Йорк, 1913 год

— Сигару, мистер Массино? — Макдауэлл любезно раскрыл коробку. — Или вы не курите?

Винченцо с трудом удержался, чтобы не схватить сигару мгновенно. Уроки фон Мандро не пропали. Теперь он тщательно взвешивал не только каждое свое слово, но и любое движение.

Медленно взял сигару. Дождался, пока американец предложит свой ножичек. Обрезал конец из скрученных табачных листьев... И только когда Макдауэлл щелкнул зажигалкой, неторопливо склонился и прикурил. Пусть попляшет этот толстосум! В поставках России военно-морского снаряжения заинтересован он, а не Массино.

Винченцо развалился в кресле, закинул ноги на край журнального столика и, блаженствуя, пустил к потолку струю дыма. Приятно было лицезреть отутюженные складки своих дорогих брюк, новенькие желтые штиблеты и шелковые носки в тон.

— Я заплачу вам хорошие комиссионные, — вкрадчиво пообещал Макдауэлл.

И снова Массино пришлось умирять себя. Вместо

жадного: «Сколько»? он отделался неопределенным хмыканьем.

— Десять процентов от общей суммы, — сказал американец.

Винченцо с деланным безразличием следил за кольцами дыма, всплывающими над сигарой.

— Пятьдесят тысяч немедленно, — голос Макдауэлла дрогнул.

Массино неторопливо повернул к нему голову.

— Это действительно неплохо, — лениво, подражая интонациям Иштвана, процедил он. — Однако мистер О'Хара готов заплатить пятнадцать процентов и семьдесят пять кусков.

— Чертов О'Хара! — американец стукнул кулаком по столу. — Вечно он путается у меня под ногами! Когда-нибудь я его достану... Ладно, даю столько же.

— Принимаю ваши условия, — такой удачи Винченцо не ожидал. Имя О'Хары он использовал только потому, что знал о его вечной конкуренции с Макдауэллом. — Исключительно ради нашей дружбы с вами, дорогой Конни...

Американец зашелестел чековой книжкой. Вид у него был настолько победный, что Массино с трудом удержался от хохота.

Иштван, как всегда, оказался прав. Этих янки дурачить гораздо проще, чем самых бедных контрабандистов в Европе.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Чем я только не занимался! Воровал, торговал вразнос, служил мальчиком на побегушках, снова воровал, бывал бит, сидел в кутузке... Пока не понял: ловят за руку и больно бьют только тогда, когда крадешь мало! Сорвать бы однажды такой куш, чтобы хватило на всю жизнь... Потом сиди, поплеывай в потолок — денежки твои в надежных сей-

фах, регулярно капает процент с капитала... Так бы оно и было уже давно, если бы не этот вечный зуд — рискнуть, сыграть, вложиться! Надо быть предельно осторожным. Богатому есть что терять — и это бывает очень больно, гораздо больнее, чем от побоев. И еще одно правило. Деньги не пахнут. Никого не интересует, где ты их взял, если их много, — зарезал родного отца или украл на большой дороге. Самое выгодное — торговля оружием. Всегда на земном шаре кто-то с кем-то воюет. И все время производится оружие нового образца. Но вот изобрели что-нибудь не просто новое — новейшее. Берешь у производителя устаревшее по бросовым ценам и везешь туда, где — пиф-паф! — дураки дерутся из-за клочка земли или идейных разногласий. Они покупают у тебя все, что может стрелять и убивать, — ружья, порох, патроны, пулеметы, автоматы, бомбы, взрывчатку, напалм... Да еще и говорят «спасибо» за то, что ты позволяешь им играть в их глупые игры. И без всякой передышки снова: пиф-паф! Им и в голову не приходит, что с другой стороны стреляют из такого же оружия, произведенного теми же торговцами.

А наркотики! Вот где золотое дно. Никогда не мог понять идиотов, которые нюхают, курят и глотают всякую дрянь. Что за удовольствие они в этом находят? Ну да Бог с ними, пока они набивают мне карман за понюшку кокаина, шарик опиума или горстку анаши. И готовы зарезать первого встречного ради этой гадости! Хороший товар: места занимает немного, весу небольшого, сырье дешевое — а навар огромный. Правда, при доставке случаются досадные оплошности, если, допустим, план обнаруживают, ты теряешь и товар, и ту цену, которую взял бы за него, и курьера — в Европе его посадят, в Азии вообще отрубят голову... Но это обычные издержки, и надо относиться к ним как к явлению природы: засуха — неурожай, ливни — все сгнило... Зато в случае

благополучной доставки ты король и сам черт тебе не брат!

...Купить с пенсии «Беломору» так, чтобы хватило на целый месяц. Без разносолов я еще могу обойтись, а без курева совсем худо...»

Одесса, 1913 год

— В такую погоду не пойду, — упрямо твердил Шелушенко. — Шаланда, не к ночи будь сказано, потопнет или того хуже... — Он суеверно сплюнул через левое плечо, при лунном свете в ухе блеснула стертая серебряная серьга. — Такого уговору не было.

— Плачу вдвое, — настаивал Массино.

— Мне моя голова дороже стоит, — не соглашался контрабандист. — Если не дай Бог шо, ты, шо ли, моим детям дашь хлеба?

— Ты же знаешь меня не первый год, — Винченцо по-свойски похлопал Архипа по плечу. — Я твою семью не оставлю. Пойми, мне позарез нужно получить товар. Заказчики нервничают, а я не могу их подвести — в следующий раз другого найдут.

— Мне от твоих заказчиков ни холодно, ни жарко, — Шелушенко шмыгнул носом и подтянул какую-то веревку, чтобы ветер не трепал попусту парус. — Вот стихнет, тогда выхожу. А раньше — ни-ни.

— Зачем от денег отказываться? — Массино с надеждой смотрел на волнующееся море. — Может, тебе кто-то больше предлагает?

— Не-е... Платишь ты хорошо, — контрабандист приложил руку козырьком ко лбу. — Кажись, собирается распогодиться, шобы не сглазить. А много ма-рафету?

— Три мешка.

— Не боишься, шо зацапають? — Архип сгал лов-

ко разматывать конец. — Плакали тогда твои денежки...

— Ты больше рискуешь, — желая подольститься к норовистому рыбаку, заметил Винченцо. — А деньги... Что такое деньги? Тьфу, чепуха...

— Когда их куры не клюют, — хмыкнул Шелушенко. — Так дашь вдвое, не зажмешь?

— Вот тебе святой истинный крест, — побожился Массино. Сейчас он готов был заложить душу дьяволу, только бы три заветных мешка прибыли в Одессу, к этому обрывистому, подмытому прибоем берегу. — Клянусь матерью.

— Ладно, пора... Подтолкни-ка, — распорядился контрабандист, впрыгивая в шаланду.

Массино изо всех сил оттолкнул лодку. Архип взялся за весла, под белой драной сорочкой забугрились мощные мускулы.

— Ни пуха! — вполголоса напутствовал его Винченцо.

— Ага! — Шелушенко снова сплюнул. Отгребя от берега, он поставил небольшой заплатанный парус, и шаланда быстро заскользила по волнам.

Винченцо поплотнее укутался в предусмотрительно захваченное с собой одеяло. Костер разводить он боялся, хотя было ветрено и сыро. Так и просидел, скорчившись, изредка задремывая, почти до рассвета, пока вдали не показался еле различимый силуэт паруса.

Как было условлено, зажег фонарь и трижды помахал им из стороны в сторону. Контрабандист направил шаланду к этому импровизированному маяку. И вскоре причалил к берегу.

— Быстрее давай! — командовал он, когда они вдвоем перетаскивали на берег мешки с марафетом. — Скоро совсем засветлеет, могут засечь...

Массино перегрузил товар в тюки, перекинутые через спину смиренного ослика.

— А расчет? — окликнул его Шелушенко. — Уговаривались вдвое.

Он бережно разгладил и спрятал в кожаный пояс сто рублей. Для него это была огромная сумма. Винченцо же прикидывал, сколько тысяч он получит за всю партию...

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Хорошая девочка стоит хороших денег, как любит повторять Иштван. И это правда. Самые захватывающие амурные истории мне довелось пережить с тех пор, как завелся кой-какой капитал. А раньше? И вспомнить особенно нечего... Позже, когда я уже научился разбираться, что к чему в этой жизни, понял простую истину: чем больше платишь, тем больше получаешь. Все бабы шлюхи, и разница только в цене...

Мы ехали в авто по ночному Парижу, вокруг дефилировали роскошные дамы, и Мандро посвящал меня в то, какая сколько стоит.

— А порядочные женщины в этом городишке есть? — наконец не выдержал я.

— Ты еще не настолько богат, — заржал Иштван. — погоди, всему свое время...

И объяснил, что порядочная женщина — это не та идиотка, которая хранит верность мужу или любовнику! Нет! Порядочная — это очень дорогая шлюха, умеющая себя вести, с которой не стыдно показаться в обществе... И чем лучше ты ее одеваешь, чем роскошней для нее особняк, тем выше твой престиж среди чистой публики.

— Так что скупиться на баб не стоит, — заключил мой многоопытный друг. — Это, братец, всегда окупается.

Примерно тогда же я впервые увидел Пепиту. Да, это был высокий класс, не толстозадая бакинская

Зулейка. Даже голос у нее звенел, как золотая монета, брошенная на серебряный поднос. Грудь — высокая, как курс доллара на международных торгах. А держалась она с такой гордостью, будто родилась принцессой или дочерью банкира.

— Какая фемина! — я не мог не выдать своего восхищения. — Господи, я бы отдал половину всего, что имею, только бы приблизиться к ней!

— Маловато, — усмехнулся Мандро. — Обычно сеньорита Бобадилья вытряхивает из своих избранников не половину, а все до последнего сантиметра...

Его реплика отдавала чудовищным цинизмом. Меня покорило. Такая женщина, как она, не просит, не требует денег — ей отдают добровольно... Впрочем, Иштван, как всегда, прав, — Пепиточка обходится втридорога: она не признает ни дешевых квартир, ни дешевых вещей, ни дешевых развлечений. Зато и обладать ею — умной, красивой, дорогостоящей шлюхой — высший шик.

— До чего ты мне надоел! — подзадоривает она меня, когда я лезу к ней под юбку. И слова у нее такие тягучие, как мед. — Винтик, ну невозможно же все время заниматься только любовью. Мне хочется куда-нибудь выйти, встретиться с друзьями, посетить Опера...

На ее языке это все означает деньги, много денег. Она блистает и развлекается, а я плачу — и плачу горькими слезами. Вот что такое большая, настоящая любовь...

...Соседка по коммуналке Светлана Кирилловна еще очень бодрая для своих лет и день-деньской хлопочет по хозяйству. Она печет такие пирожки, что просто пальчики оближешь. Хорошо бы провести остаток наших дней, наслаждаясь совместной жизнью...»

Глава 2 ВСЕ ПРОДАЕТСЯ И ПОКУПАЕТСЯ

Мюнхен, 1915 год

Поезд дернулся и остановился.

— Приехали, что ли? — Массино выглянул в окно вагона. В лицо ударили огни перронных фонарей. — Где это мы?

По коридору затопали сапоги, в дверь купе застучали прикладами. Послышалась грубая, тяжелая немецкая речь.

— Сейчас, сейчас, господа, — засуетился Винченцо, поспешно перепрятывая алмазы из дорожного баула под стельки ботинок. — Сию минуту! Момент!

Он открыл дверь, деланно зевая и завязывая шелковые шнурки ночного халата. И отлетел в сторону, отброшенный весомой солдатской рукой. Кто-то поднял его за шиворот и здорово тряхнул.

— Битте... — Массино втянул голову в плечи. — Я есть друг германского рейха... Занимаюсь коммерцией... Вот мои бумаги... — Он протянул офицеру паспорт на имя Франца Беренса, гражданина Швейцарии. — Их бин... нейтральная страна... герр лейтенант...

Немец просмотрел документы и сунул их себе в карман. Сказал что-то солдатам. Те принялись рыться в багаже.

— Я не понимаю, — Винченцо перешел на ломаный язык, как будто так проверяющие разобрали бы хоть слово. — Комерц... Германия — великий страна...

Вещи из баула разлетались в разные стороны. Массино обрадовался, что вовремя перепрятал камушки. Но его схватили и стали выводить из купе.

— Э-э! Куда? — закричал торговец, отчаянно вырываясь к выглядывающим из-под спальной полки ботинкам. — Дайте, сволочи, одеться. Их бин больной! Мне нельзя простужаться!

Солдат ткнул его в спину прикладом. Почему-то боль от удара воскресила в Винченцо некоторые познания в языке Гете и Шиллера.

— Дойчен швайне! — яростно отбивался он. — Вас ист дас? Их бин иностранец! Эй, кто-нибудь! Хельфен зим мир, битте!

Но его призывы остались без ответа. Массино выволокли из вагона, офицер ударил его по голове рукояткой пистолета, и гражданин Швейцарии Франц Беренс потерял сознание.

Очнулся он от чьих-то громких голосов. Опасливо приоткрыл глаза и заметил, что над ним склонился человек в белом халате.

— Доктор! — прошептал Винченцо. — Я вас озолочу, только помогите!

— Отшень карашо, галюптшик, — кивнул доктор. — Вы мошете кафарит. Отфетшайт на фапросы.

Другой голос что-то пролаял по-немецки. И, скосив глаза, Массино узнал офицера, руководившего его арестом.

— Господин лейтенант спрашивает, — перевел доктор, — кто вы такой и с каким заданием проникли на территорию Германии.

— Я швейцарский подданный... Моя фамилия — Беренс, занимаюсь коммерцией...

— У нас другие сведения. Вы — русский разведчик и преследуете шпионские цели. Кто ваш связной? Где назначена встреча?

— Помилуйте, — озадаченно спросил Винченцо, — какой связной? Я занимаюсь куплей и продажей, а к политике не имею никакой причастности...

— Ваши документы — фальшивка. На самом деле вы гражданин воюющей с нами России. Говорите правду, иначе к вам применят пытки, — монотонно переводил доктор.

— Ладно, хрен с вами! — отчаялся Массино. — Я действительно не швейцарец, а итальянец. Италия-но... Парларе италиано? Нет! Так какого черта морочите мне голову? Я буду жаловаться, учтите! У

меня связи в самых высоких финансово-промышленных сферах. Круппа знаете? Ну, так я пожалуйюсь самому Круппу!

Немцы о чем-то посовещались между собой.

— Немедленно развяжите мне руки! — потребовал вошедший в раж Винченцо. — Иначе я за себя не ручаюсь!

Офицер подошел к стоящему в углу телефонному аппарату и принялся накручивать ручку. «Вдруг и в самом деле позвонит Круппу?» — струхнул было Массино. Но терять ему было нечего. Мошенников обирают, а шпионов расстреливают.

— Яволь! — немец вытянулся в струнку с телефонной трубкой у уха. Наверно, получил выволочку от начальства. — Яволь, герр генерал!

Он сделал знак, и задержанному развязали руки.

— Что, распекли тебя, лейтенант? — развязно спросил Винченцо, растирая затекшие запястья. — То-то же! Не будешь в следующий раз трогать невинного коммерсанта.

— Энтшульдигунг, господин Беренс, — доктор протянул Массино его паспорт. — Примите наши извинения. Нас неверно информировали. Вы можете быть свободны и еще успеете на поезд.

...Оказавшись снова в своем купе, «честный коммерсант» первым делом запер дверь и вытащил из-под полки ботинки. Дрожащей рукой прощупал их внутри... Слава Богу, алмазы были на месте! Винченцо переобулся и вздохнул с облегчением. Если бы камушки пропали, он во век бы не рассчитался с Мандроховичем. Все обошлось лучше, чем можно было надеяться. Даже взятку глупым геррам не пришлось давать. Сами отпустили.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Не люблю я эти общественные потрясения. Об исторических событиях приятно прочитать в книжке на сон грядущий. А жить, когда вокруг стре-

ляют, мне не очень нравится. Вот, пожалуйста, из-за Февральской революции не успел получить коммиссионные от мистера Макдауэлла! За последнюю партию снаряжения для флота, самую крупную. Утешает только то, что все прежние суммы он выплачивал с американской аккуратностью. Если удастся вырваться в Соединенные Штаты, потребую свое. Не отвертится! А пока половлю рыбку в мутной воде родной сторонужки... Пусть белые и красные бьют друг другу морды. Оружие малыми и большими транспортами пригодится всем. Итак, снова берусь за старый промысел...

...С ними можно иметь дело. Культурная нация. Один недостаток — свысока глядят на всех остальных. Оно и понятно — мировая держава, колонии по всему земному шару. Удивительно, как они держатся за всю эту обветшалую рухлядь — королева, лорды, сэры и пэры... И, однако, великую Британию создали не они, а глазговские да ливерпульские купчины, на своих допотопных парусниках ввозя в старушку Европу перец, корицу, имбирь... А что, это отличная идея! Пряности! Решено — занимаюсь пряностями и немножко кокаином... Это прекрасное прикрытие для винтовок и пушек...»

Петроград, конец 1917 года

— Еленочка Шарлевна, радость моя! — Массино игриво пощекотал женщину за ушком, где трогательно завивались колечки волос.

— Отстань, — лениво отмахнулась она. — Ты платишь мне деньги за комнату, а этих глупостей мне и даром не надо.

— Ну почему же? — удивился Винченцо. — Я высоко оценю твою благосклонность. Хочешь бриллиантовое кольцо?

— На кой ляд мне твое кольцо? — огрызнулась Елена. — Раздобудь лучше хлеба, пшена и картошки,

иначе загнемся с голоду. За твое кольцо на базаре ржавой селедки не дадут!

— Со мной ты не пропадешь, золотко, — Массино поймал и на лету чмокнул хорошенькую ручку. — Перебой с продуктами — не беда... Я знаю еще несколько мест, где всегда можно разжиться кое-чем повкуснее селедки. Ты сможешь питаться, как королева, если не будешь мне отказывать в маленьких радостях жизни...

Елена Шарлевна презрительно фыркнула:

— Пока я от тебя ничего не видела, кроме пустых обещаний... Дай мне наесться и выпить хорошего вина, а уж потом заводи разговоры о постели...

— Твое желание для меня — закон! Бегу, лечу его исполнять! — Винченцо сделал пируэт на «счастливых» довоенных ботинках, спасших ему два года назад мандроховические алмазы. — Доставай пока ска-терть, тарелки и рюмки, радость моя!

От еды Елена отяжелела, смотрела сонно и вяло реагировала на ласки своего квартиранта. Но он все равно был доволен — здесь по крайней мере была гарантия, что не подхватишь триппер или, хуже того, льюэс. Ищи потом венеролога!

— Ну, проснись же, детка, — жарко дышал в ухо женщине коммерсант, — обними своего зайчика... В двери забарабанили.

— А, черт! — Массино слез с кровати и принялся одеваться. — Кто это в такой час?

— Наверно, с обыском, — зевая, предположила Елена Шарлевна. — Все ходят, ходят, а чего ищут? Неизвестно...

...Когда постояльца увели, хозяйка достала из-за божницы толстый бумажник и пересчитала купюры. На месяц хватит, а там видно будет. Колье она тоже припрятала заранее, перед тем как донести на Винченцо в ЧК, и на селедку менять его не собиралась.

— Слава Богу, — сказала она себе, — что обыскивали только комнату моего зайчика и не обшарили всю квартиру...

К немалому изумлению Елены Шарлевны, под утро Массино уже вернулся и стал лихорадочно собирать вещички.

— Вот радость-то! — растерянно повторяла женщина, проклиная про себя гуманность чекистов. — Могли ведь и расстрелять...

— Типун тебе на язык! — коммерсант бросал в баул все подряд. — Черт возьми, куда подевался бумажник?

— Может, останешься? — торопливо спросила хозяйка. — Столько еще не съедено, не выпито...

Но Винченцо не так легко было обвести вокруг пальца.

— Где мой бумажник, сука? — прорычал он, схватив Елену за горло. — При обыске его не нашли... Это твоих рук дело!

— Я... ничего... не знаю... — полузадушенно хрипела женщина. — Пусти! Отдам!

— Вот тварь! — квартирант отшвырнул ее в угол. — Воспользовалась арестом... Думала небось, что я больше не вернусь? А я — вот он! Гони деньги!

— Подавись, скотина! — Елена Шарлевна швырнула бумажник в обросшее щетиной лицо «турецких и восточных стран негоцианта». — Глаза бы мои тебя не видели! Убирайся!

— Жаль, нет времени, не то я бы тебя проучил. — Массино застегнул баул. — Продажная сука, ты еще легко отделалась!

— Проваливай! — крикнула она ему вслед. Входная дверь хлопнула. — Спекулянт паршивый! Хорошо, что про колье не вспомнил...

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Господа большевики так же продаются и покупаются, как и все прочие. Единственное различие — в идейной подкладке. Для немцев, допустим,

я был русским шпионом, для чекистов — буржум. Ну и так далее. Как меня только схватили, я сразу заприметил этого парня и сделал ставку на него, как на фаворита на бегах. В глазах у него была ненасытная алчность. Я невольно представил, как после моего расстрела этот вчерашний крестьянин жадно обшаривает мой труп, и мне остро не захотелось расставаться с жизнью и становиться добычей мародера.

— Хочешь денег? — шепнул я ему, когда меня выводили по черной лестнице.

— Сколько дашь? — почти неслышно отозвался мерзкий стервятник.

Это был вопрос вопросов. Сколько раз я слышал его за те годы, что живу на свете. Недоплатить — это еще полбеды. Гораздо опасней переплачивать. Этот красный еще не знает своего аппетита. Посулить ему слишком много — и он захочет отнять у меня все.

— Тысяча, — сказал я. И не ошибся. Это было ни много, ни мало — в самый раз. Недобор и перебор караются расстрелом.

Когда меня заперли, он первым попросился в охрану. И стоило только остальным большевикам удалиться, стукнул в дверь:

— Давай деньги.

У меня всегда есть при себе некоторая сумма. В искусстве обыска чекисты еще не слишком поднаторели, под заветные стельки заглянуть не догадались. Но с этим парнем надо было беречься.

— Нужно отпороть подкладку, — схитрил я. — У тебя ножницы найдутся?

После некоторых колебаний он просунул мне в полуоткрытую дверь перочинный ножичек. Я прикинулся, будто извлекаю обещанную взятку из указанного места. Дверь открылась шире. В глазах моего охранника горел алчный интерес. Винтовку он, конечно же, оставил снаружи.

— Держи, — я протянул ему приготовленные за-

ранее купюры. Он жадно схватил их и вырвал у меня из рук пиджак: надеялся пожить. Я только того и ждал! И в мгновение ока очутился за пределами своего узилища... Под сорочкой на мне была поддета теплая фуфайка наподобие морской — еще одна мера предосторожности, которой я обучился за время своих странствий по свету. Я резво бежал по улицам, опасаясь только наткнуться на случайный патруль. Выстрелов сзади я не боялся: этот дурак продолжал рьяно потрошить мой пиджак...»

Петроград, 1918 год

— Барышня! Алле, барышня! — Массино подул в трубку. — Опять треск... Наладьте связь, золотко! Плохо слышно...

— Делаю, что могу, — сварливо отзывалась телефонистка. — Скажите спасибо, что вообще соединяю...

— Спасибо, детка, большое спасибо! Без вас, дорогуша, вообще как без рук...

Но телефонная барышня куда-то исчезла, а сквозь треск прорвался знакомый и такой родной голос Мандроховича:

— ...Бросай все к чертовой матери и приезжай! Что ты там потерял, в этом дохлом городе?..

— Не могу, Иштван, дорогой! — надрывался Винченцо. — Передал родственникам посылку, а они не вернули ящик...

— Какие, твою мать, родственники? — удивился Мандро на другом конце провода. — Что за ящики, братец? Ты уже начал заговариваться?

— Потом все объясню, — приходилось изъясняться обиняками, чтобы не поняла телефонистка. Под родственниками коммерсант подразумевал англичан-союзников. Посылка означала партию оружия, а ящик — соответствующую оплату за него. —

Короче, меня держат тут дела. Скажи лучше, к кому обратиться в случае необходимости?

Иштван принялся перечислять имена, а Массино только головой качал: тот выслан, этот арестован, третий подался на юг...

— ...Зайди в Английский клуб, там собираются деловые люди... — пробилось сквозь шум и треск.

Это было важное напоминание. Даже издали Мандрохович ухитрялся помогать добрым советом.

Наведя справки, «турецких и восточных стран негоциант» узнал, что вышеупомянутый клуб носит ныне имя Латышского. Но там по-прежнему бывает избранная публика.

В этой атмосфере Массино чувствовал себя, как рыба в воде. Людей в форме — этих новых «красных» командиров и комиссаров — он обходил за версту, зато господам в приличных костюмах делал различные предложения, и не всегда безуспешно. Например, знакомому анархисту, Петьке Аршинову, за пустяковую сумму в десять тысяч он подсказал:

— Есть опиум. Двести пакетов по десять фунтов каждый.

— Где? — Петькины ноздри хищно затрепетали.

Винченцо загадочно молчал. Он знал эту публику. Среди них каждый третий — наркоман или алкоголик.

— Где? — Аршинов выложил на столик еще тридцать тысяч. Это уже была стоящая цена.

— Товарищество «Кавказ и Меркурий», — понизив голос, сообщил Массино. — Не здесь... В Москве.

Через несколько дней по Петрограду поползли слухи: группа так называемых анархистов-коммунистов заявила в частную московскую контору «Кавказа и Меркурия» и, предъявив мандат, потребовала выдачи хранившегося на складе наркотика, для того якобы, чтобы уничтожить этот опасный для общества продукт... Дело расследовала ЧК и лично Дзержинский. В гостинице «Метрополь» арестовали

нескольких участников операции, изъяли бомбы, револьверы и крупную сумму денег. А опий как в воду канул. Винченцо узнал по своим каналам: всю партию оптом сдали перекупщику за сто тысяч, деньги получил известный артист-анархист Мамонт Дальский. С этой сделки Массино имел сорок процентов...

Но не все проходило гладко. Однажды коммерсант предложил свои услуги прилично одетому господину с холеным лицом. Тот отказался, не захотел с ним связываться. Присмотревшись к господину внимательней, Винченцо похолодел. Он вспомнил, где раньше видел этот волевой подбородок, эти пронизательные глаза. Господином вырядился чекист, который арестовал его, Массино, в прошлом году в квартире продажной суки Еленочки... Наверняка она негласная осведомительница ЧК, эта стерва, в трудную минуту укравшая у него бумажник и бриллиантовое кольцо...

Винченцо видел, как переодетый чекист подсел к человеку в английской морской форме. Послышались радостные восклицания.

— Надо предупредить моряка! — пробормотал Массино себе под нос. — Ему наверняка расставляют ловушку...

Он решил дожидаться минуты, когда англичанин останется один. Сколько фунтов стерлингов запросить за столь важное сообщение? Сто много, двадцать пять мало... Тридцать? Сорок? Пятьдесят? Судя по нашивкам, моряк в звании капитана... Семьдесят пять? По некотором размышлении коммерсант остановился на шестидесяти.

Но время шло, а чекист и не думал уходить. Наоборот, они с англичанином пили и закусывали, словно никуда не торопились. И вообще выглядели старинными приятелями.

У Винченцо засосало под ложечкой. Но он боялся отвлечься. И сидел в дальнем уголке зала, чтобы не

вызвать подозрений переодетого господина: чекист тоже мог узнать его.

— Чертов англичанин! — пробормотал он, теряя терпение. — Хоть бы в уборную вышел!

Но мочевого пузыря у моряка был, видно, крепким: сколько он ни пил, опорожняться не собирался. Зато засвербило в паху у Массино, да так, что он еще раз недобрым словом помянул Елену Шарлевну. Не дай Бог, наградила его триппером! Потом он понял — ничего страшного, просто захотелось пи-пи.

— Фрэнк! — чекист хлопал англичанина по плечу. — Дружище!

Мелко семеня, Винченцо вышел в туалет и долго стоял над писсуаром. Когда ему полегчало, вернулся в зал. Но интересующих его людей и след простыл. Скорее всего, они ушли вместе.

Плакали шестьдесят фунтов стерлингов!

Глава 3 ЗОЛОТО ПОД НОГАМИ .

Екатеринославская губерния, 1919 год

— Кто таков? — спросил небольшого роста человек с длинными волосами. — Куда направляешься?

И хотя он был худ и мал, как подросток, Массино испугался.

— Я по торговой части, — пролепетал в ответ. — Езжу туда-сюда, предлагаю товар, сам кое-что покупаю...

— Не врешь? — серые глаза сверлили. — Не обманываешь батьку Махно?

— Вот как на духу! — Винченцо размашисто перекрестился. — Святой истинный...

— Это ты брось, — Махно поморщился. — Не пытайся казаться глупее, чем ты есть... Документов у те-

бя на целый полк. Какой паспорт настоящий? И кто ты на самом деле? Массино или Беренс? Итальянец, француз, швейцарец? Отвечай.

«Турецких и восточных стран негоциант» не знал, что сказать. Разве что начать с самого начала...

Отца своего он никогда не видел. Да и был ли в природе человек, которого он мог бы назвать папой? Мать сходилась то с одним, то с другим мужчиной, но ненадолго, и маленький Думитру не успевал ни к кому из них привязаться. Думитру было румынское имя, а дед-болгарин в пику бабке называл внука Димой. Они-то, старики, и увезли мальчика в далекую Бразилию. Что они там искали, какое счастье? Дед, крепкий средних лет человек, благодаря своему техническому образованию устроился инженером на серебряном руднике, и вскоре его внук уже свободно болтал по-испански. Накопив кое-какие сбережения, старики собрались домой, в родную Буджакскую степь, на юг Бессарабии. Но Дима-Думитру зартачился. Ему хотелось повидать свет. Дед в сердцах пригрозил оставить внука без гроша. Тогда подросток сбежал ночью, прихватив с собой львиную долю заработанных дедом денег...

— Не желаешь отвечать? — неожиданно истерично выкрикнул Махно. — У нас с молчунами разговор короткий — к стенке!

— Да что вы, Нестор Иванович! — взмолился Массино. — Просто не знаю, с чего начать. Жизнь у меня так богата приключениями...

Долго ли, коротко ли скитался Дмитрий по свету, но в конце концов судьба забросила его в Италию. Здесь ему понравилось, и он надолго задержался во Флоренции. Смьшленный юноша пришелся по нраву хозяину магазина, в котором работал, а пуще того — дочке хозяина. Когда выяснилось, что у этой обоюдной симпатии есть последствия, молодому авантюристу пришлось спешно сказать «арриведерчи» и прекрасному городу цветов, и беременной Клаудии.

От благодатного итальянского периода у него остался только звучный псевдоним, которым Дмитрий пользовался и много лет спустя. Потом была Франция... Англия... Россия... Массино научился сносно разговаривать на разных языках. Вот только немецкий недолюбливал, избалованный благозвучием славянских и романских наречий. Впрочем, коммерческим успехам это не мешало... Но жизнь торговца полна неожиданностей. Когда его захватили махновцы, то сперва приняли за еврея.

— Хлопци! — тщетно взывал к ним Винченцо. — Та який же я жид? Свий я, с-под Одэссы!

Он не мог допустить, чтобы из-за глупой ошибки, сгоряча его расстреляли. Подозрительного типа доставили в штаб. И вот теперь его допрашивал сам батько.

Пришлось вкратце рассказать свою биографию. Естественно, опуская многие подробности, известные только Мандроховичу и Пепите. В своей исповеди Массино в основном упирал на присущую ему любовь к анархистам. Вот когда пригодилась история с «Кавказом и Меркурием»! Махно слушал внимательно, не перебивая. Но ни разу не засмеялся и не улыбнулся, хотя Винченцо старался расцветить рассказ шутками и анекдотами.

Об афере с опиумом Нестор Иванович был наслышан. Но не поверил, будто Массино каким-то образом к ней причастен:

— Чем докажешь?

Пришлось назвать имя знакомого петроградского анархиста. И тут Винченцо несказанно повезло. Выяснилось, что Петька Аршинов, заплативший за наводку сорок тысяч, находится здесь, в Гуляйполе. Батько распорядился вызвать его для очной ставки. И вскоре Аршинов прибыл. Войдя в штаб, поздоровался:

— Здорово, Нестор Иванович! Привет, месье Массино! Ты как сюда попал?

Петька подтвердил правдивость показаний Масино и даже предложил ему написать статейку для газеты «Путь к свободе», которую выпускал у Махно. Но Винченцо сослался на отсутствие литературных способностей и отказался. Он предпочитал настоящую свободу...

— Жаль, — покачал головой Аршинов. — Вот Нестор Иванович никогда не пренебрегает печатным словом. Что, батько, написал заметку, как мы с тобой сидели в Бутырке?

Атаман, неожиданно сконфузясь, протянул Петьке сдвоенный листок бумаги и искательно заглянул ему в глаза. Аршинов по-редакторски бесцеремонно что-то почеркал в заметке и снисходительно бросил:

— Что ж, довольно недурно...

И странно было видеть, как расцвел от этой похвалы страшный для многих Махно.

А у Масино в дополнение ко всем его документам прибавился еще один — пропуск на юг, подписанный Нестором Ивановичем.

Там, на юге, Винченцо должен был встретиться с Иштваном Мандроховичем. События в России приобретали слишком непредсказуемый характер. Пора было покидать эти бурлящие пространства.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Мандро, как всегда, прав — давно надо было отсюда уехать. Сейчас, когда все бегут из России, как крысы с тонущего корабля, это не организованный, цивилизованный отъезд, а исход. В людской мешанине и неразберихе я больше всего боюсь потерять моего друга. Сколько глупостей я делаю, когда его нет рядом и некому удержать меня от безрассудных поступков!..

Сейчас самое главное — уехать. Хоть куда. Турция? Пусть будет Турция! В Константинополе у меня оста-

лись кое-какие связи по старым делам. Да и где их нет? Выброси меня волна на необитаемый остров — и там найдется туземец, которому я когда-то сплавил винтовку, или девочку, или, на худой конец, дешевые бусы. Нет, меня не съедят аборигены, как Магеллана — или кого они там у себя съели.

Иштван настроен менее оптимистично. Бедняга, он столько вложил в недвижимость, а теперь его собственность топчут хамы, господа большевики имеют своих блядей в номерах его гостиниц... Мне, разумеется, проще. Да и Мандро не стоит прибедняться — за границей у него остается достаточно, чтобы безбедно прожить самому, да еще хватит на детей, внуков и правнуков.

С грехом пополам нам удалось пристроиться на какой-то обшарпанный пароходишко, который грозил развалиться надвое от перегрузивших его толп... Публика весьма пестрая, видел несколько приличных лиц, а в основном всякая шушера без гроша в кармане. Что они собираются делать за морем? Барышни помоложе и посвежее пойдут на панель... А остальные?

Наш Ноев ковчег причалил... Давненько не бывал я в Константинополе! Пыльный, шумный город быстро поглотил разношерстных русских беглецов. Белые солдаты и офицеры отбыли в специальные лагеря... Вот идиоты! Не надоело им еще воевать? Четыре года кормили вшей на германской войне, потом — гражданская бойня... Меня никакими коврижками не заманишь, никакими мундирами и чинами не соблазнишь зачем-то бежать в атаку, разевая рот в бессмысленном крике «Ура!». Но попробуй сказать это кому-нибудь из них — пристрелят! Только и слышно:

— Ах, Россия! Ах, мы потеряли родину!

А для большинства эта родина — либо нищий клоповник, либо папенькина усадьба, где сынок впервые пощупал девку... Другое дело те, кто владел землями, фабриками, магазинами или, как Мандро-

хович, гостиницами. Это, я понимаю, большая потеря, есть о чем жалеть. А убиваться просто так, ради красного словца...

Ясно, что этот кусок жизни навсегда отрезан. Значит, надо просто забыть, как будто его не было в помине. И начинать все с начала. Мне не привыкать! Чем хуже другие? Допустим, Россия — страна неплохая (была), но не век же сидеть на месте. Есть и другие государства, ничем не хуже, а многие — так вообще обустроенней и удобней для современного человека. Вот, к примеру, Соединенные Штаты. Кстати, не забыть! Макдауэлл все еще не расплатился со мной по старым, довоенным комиссионным. Сколько же лет прошло? Ага, почти пять. Можно попробовать отсудить. Все по закону, как полагается в цивилизованной стране. Это вам не Россия, господа крикуны. Слава Богу, что я не какой-то там славянофил, я деловой человек. И моя родина — банковский счет».

Стамбул, конец 1920 года

Массино шел по узким восточным улицам, отталкивая назойливых продавцов, выбегавших из лавок в надежде заманить к прилавку такого солидного на вид и, вероятно, богатого господина.

— Иди, иди, чорбаджи, — приговаривал Винченцо, — такое барахло мне и даром не надо.

Кое-кого из старых знакомых ему уже удалось отыскать. Но после поражения генерала Врангеля поставлять оружие было некому, по крайней мере вблизи от этих мест. Да и вообще... Слишком много в Константинополе русских беженцев, к тому же без гроша. Нет, надо отсюда уезжать. И климат здешний в его возрасте трудно переносить. Декабрь, а солнце палит нещадно. Почему-то вспомнились снежные петербургские зимы...

Массино утер носовым платком вспотевший лоб. Очень хотелось пить, но покупать воду у водоноса он брезговал. Да и опасно: можно подхватить любую заразу, вплоть до холеры. Оставалось только найти какое-нибудь кафе почище. Но вокруг, кроме лавок, ничего подходящего.

Вдруг в глаза бросилась вывеска крупными буквами по-русски: «Театр миниатюр. Подаются напитки».

— Забавное сочетание, — усмехнулся Винченцо. — Так и быть, придется потратиться.

Он купил у пожилой, интеллигентного вида кассирши входной билет и откинул полог. Народу в крохотном зальчике было немного. На наспех сколоченной сцене уныло вскидывали ноги в выцветших трико четыре девицы.

— Эй, — окликнул коммерсант барышню в аляповатом кокошнике и с подносом, — подай, милейшая, водицы.

Девушка подошла.

— Ой! — она чуть не выронила поднос. — Месье Массино, это вы?

Под кокошником с трудом угадывалась старая знакомая — Сашенька Петровская, актрисулька из театра миниатюр на Троицкой. Но белокурые кудряшки жалко свисали вдоль щек. И куда только подевалась прежняя миловидность?

— Сколько зим, сколько лет! — с наигранной бодростью произнес Винченцо. — Налей, золотко, воды, умираю от жажды... А помнишь розовое шампанское? Какими судьбами ты здесь?

— Как все, — всхлипнула Сашенька. — Села на пароход — и вот...

— Но в последний раз мы виделись в столице...

— Два года назад, — заплакала Петровская. — Тогда ты меня и бросил... И началось! Арестовали, держали три месяца на Гороховой, потом в Бутырской... Страшно вспоминать! Допрашивали, мучили... А все из-за тебя!

— Ну-ну, не преувеличивай, — досадливо поморщился Массино. — Тогда всех брали.

— Всех твоих знакомых! — девушка сжала кулачок. — Всех твоих любовниц! Следовательно смеялся мне в лицо... Ты пользовался мною, как и другими...

— Разве нам было плохо вдвоем? — пожал плечами Винченцо. — Я тебя вроде бы ничем не обидел. — Он уже сожалел, что зашел в этот шатер. Черт дернул!

— Все мои несчастья из-за тебя, — Сашенька рыдала в три ручья. Зрители, отвернувшись от жалкого зрелища на сцене, с любопытством поглядывали на нее. — Я здесь одна-одинешенька, сбежала от большевиков в чем была...

— Тебе нужны деньги, золотко? — Массино полез за бумажником. — Столько тебя устроит?

— Негодяй! — Петровская бросила ему в лицо скомканные купюры. — Дешево хочешь отделаться! После всех моих несчастий... Забери меня отсюда, увези в Европу...

— Это невозможно, детка. Я и сам пока не знаю, куда направлюсь. И потом... Что ты будешь там делать — подавать воду?

— Он еще издевается?! — Сашенька истерически закричала, зрители повскакивали с мест. — Посмотрите на этого изверга, моего погубителя!

— Тише, дура! — Винченцо бросил на поднос полсотни фунтов стерлингов и торопливо, почти бегом кинулся вон из шатра. Вслед ему неслись рыдания.

На следующий день он выехал из Константинополя Восточным экспрессом.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Я сделал ошибку, расставшись с Мандро из-за пустяковой размолвки. Удача отвернулась от меня, и я снова превратился в мелкого афериста, с

чего когда-то начинал. А таким типам, как известно, бьют морду, их преследуют обманутые граждане, на них косо поглядывает полиция... В Софии меня едва не застрелил давно забытый мною человек, которому когда-то я всучил недоброкачественную кожу... В Праге Леночка Отгон слово в слово повторила обвинения Сашеньки Петровской... В Берлине мне удалось было стать на ноги. Эмиграция ничему не научила моих сограждан. Они доверчиво несли мне в клюве все, что им удалось спасти, убегая из разоренной России... Только идиот мог рассчитывать на пятнадцать процентов в месяц с выгодно помещенного капитала! Когда глаза у них открылись, мне пришлось бежать... В Париже Пепита (даже она!) наорала на меня за разрыв с Иштваном и за то, что я дурно распорядился ее деньгами, которые она просила поместить в надежное дело... А уж ее-то я никогда не дурачил: знал, что себе обойдется дороже... Я плюнул на все, сел на океанский пароход и причалил в Соединенных Штатах. Ведь я не забывал все эти годы, что с Макдауэлла причитается некий должок... Американский суд разочаровал меня. Сколько денег я насовал господам присяжным, как подмазывал!.. Мои претензии сочли необоснованными. Закон, видите ли, есть закон! Сволочи сытые, последнюю рубашку готовы снять с ближнего, а тем более с дальнего...

Пришлось выложить последний козырь — алмазы. Мандрохович, естественно, и не подозревал, что они благополучно пережили мюнхенскую мою эпопею пятнадцатого года. Он до сих пор уверен, что камушки были отобраны у меня при аресте. Сколько раз с тех пор я благословлял надежные стельки моих ботинок! Иштван, как всегда, прав, когда говорит, как важны для делового человека добротная обувь и приличный костюм.

Итак, месье Массино, так сильно наследивший в России, Турции и Европе, мирно почил в бозе. По-

сле проигранного процесса ему нечего делать и в Штатах. Теперь на свет извлекаем немного обветшавшего, но все еще жизнеспособного Франца Беренса, бывшего гражданина Швейцарии. На английский лад мое новое имя звучит как Френсис Барнс. Фирма моя так и называется: «Френсис Барнс. Индийский хлопок». Я существую вполне легально и делаю, как здесь принято говорить, свой маленький бизнес. Маленький, потому что хлопком (разумеется, не из Индии, а из южных штатов) я занимаюсь постольку-поскольку, а основной оборот составляет старый добрый марафет. В Новом Свете люди травят себя этой дрянью точно так же, как и повсюду в мире. Что ж, это их личное дело, заботиться об их здоровье я не намерен...

...Взял отпуск, посетил Лондон и вместе с Пепитой смотался в Париж. Она рада была встряхнуться. К тому же во Франции к нам присоединился Мандро. Слава Богу, наши отношения с ним потихоньку налаживаются. Мне хотелось по-настоящему погулять, но Пепита предпочитала благопристойные светские вечера (сменила статус и стала замужней дамой, потому и ведет себя так), а Иштван зачем-то потащил нас любоваться всякой рухлядью в Лувр. Я зевал, расхаживая по залам... И был потрясен, узнав, сколько стоят на международных аукционах все эти глупые портреты и пейзажи... Ничего себе! Первая мысль была — организовать похищение... Но я сказал себе: стоп, не увлекайся! Где ты продашь холст, растиражированный по всему свету в тысячах репродукций? Вторая идея: нанять бригаду безработных художников и заставить их малевать картины в стиле благородной старины... По размышлении отказался от нее — эти мазилы придерживаются безумных новейших течений и попросту не сумеют работать в добротной реалистической манере. Да-а, захирело нынче искусство... Жаль, а ведь можно было сбывать подделки под видом вывезенных из России оригиналов...

И тут меня по-настоящему осенило!

Зачем заниматься подделками, если достаточно нагнуться и подобрать золото, валяющееся под ногами?! Ведь где-то в России остались сокровища, вывезенные Романовыми из Царского Села! Сначала в Тобольск, потом в Екатеринбург... Часть, конечно, присвоили большевики. Но не все, далеко не все! Император, его семья и приближенные добирались до Тобольска на трех пароходах! Кто-то мне говорил об этом, не помню... Везли все, вплоть до дворцовой мебели. Так неужели же не позаботились о настоящих ценностях? В корсеты великих княжон Александра Федоровна чуть ли не собственноручно зашивала бриллианты и жемчуга — это тоже общеизвестно... Из Тобольска Романовы выезжали на 19 упряжках! Ну допустим, в нескольких тарантасах сидели они сами, их приближенные и охрана. Но на всех остальных везли багаж! Именно тогда липовый большевик Василий Яковлев пытался спасти царскую семью вместе с сокровищами... Даже следователь Николай Соколов, уже после расстрела, сумел вывезти из дома Ипатьева не только грошовые романовские реликвии, но и разрозненные бриллианты, сапфиры, жемчужины... Если такой «мусор» валялся повсюду в доме после отступления красных, то сколько всего было ценностей? А главное — где они?

На какое-то время мне пришлось стать ярым монархистом. Первым делом разыскал «Иллюстрацион» за двадцатый год с воспоминаниями Пьера Жильяра — он обучал французскому языку наследника Алексея... Воспользовался тем, что нахожусь в Париже, и нанес визиты — великому князю Николаю Николаевичу и Феликсу Юсупову — он женат на племяннице царя и держит ателье мод... Сведений собрал крайне мало, все очень скудное и недостоверное...»

Глава 4 КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

1979 год

Москва, ст. м. «Преображенская
площадь», ул. Просторная, 63

Вика мыла посуду. В прихожей хлопнула дверь: вернулся Эдик с продуктами.

— Вот, — сказал он, взгромождая на стол болоньевую сумку и авоську. — Отчитываюсь по списку: капуста — есть, картошка, два кэгэ, — есть, свекла — имеется, сметану купил, также десяток яиц, хлеб, лук в наличии, килька в томате — две банки... А, черт, майонез забыл...

— Как? — расстроилась Вика. — Ты же знаешь, оливье без майонеза...

— Да ладно, — беспечно отмахнулся Бодягин. — Сделай винегрет. Я его даже больше люблю.

— Слушаюсь, товарищ командир, — шутливо откозыряла девушка.

— К пустой голове руку не прикладывают, — начальственным тоном напомнил ей Эдик. — Вольно!

Комнату нельзя было узнать. Переселившись в холостяцкую берлогу, Вика не просто навела здесь порядок: квартира Бодягина сияла теперь чистотой и манила уютом.

Эдик с удовольствием растянулся на диване, закинув руки за голову.

— Столица нашей Родины Москва готовится к Олимпиаде, — восторженно провещала радиоточка. — На строительстве олимпийского комплекса сданы в эксплуатацию последние спортивные объекты. Все готово к приему советских и зарубежных рекордсменов. По заявкам радиослушателей передаем песни, посвященные спорту и его героям... — после короткой паузы женский голос сменился мужским:

— «Суровый бой ведет ледовая дружина, мы верим в мужество отчаянных парней...»

— Трус не играет в хоккей! — блаженно промурлыкал Эдик и выключил радиоточку, над которой красовался собственноручно исполненный им плакат: «Пункт первый. Командир всегда прав! Пункт второй. Если командир не прав, см. пункт первый!»

— Викуля! — позвал он. — В паспортном была?

— Была! — откликнулась из кухни хозяйка. — Через три дня будет готово. И сразу подадим заявление.

— Подадим, подадим, куда теперь деваться... — проворчал себе под нос Бодягин. И громко спросил: — А предкам своим звонила?

В дверях комнаты показалась Вика в переднике и с красными, словно обогранными кровью ладонями.

— У-у-у! Я страшный и ужасный Бармалей! — она зловеще нависла над диваном.

— Бр-р! — поежился Эдик. — Ты что, уже убила кого-нибудь?

— Зарезала! Свеклу зарезала!

— Уберите от меня эту кровожадную женщину! Эту леди Макбет! Уберите, ибо я за себя не отвечаю!

— Слушаюсь, командир! — Вика поспешно спрятала руки за спину.

— Рядовой Лютикова! Отвечайте по уставу: вступали ли вы в телефонный контакт с вышестоящими товарищами Лютиковыми?

Вика нахмурилась:

— Не звонила и не буду.

— Викуль, это ты зря, — вздохнул Бодягин. — Не стоит обострять отношения. Все равно рано или поздно нужно будет поладить с предками. Хотя бы для того, чтобы подать документы в ОВИР. Тебе понадобится их письменное разрешение.

— К тому времени они сами придут сюда с извинениями, — упорствовала Вика. — Ты же знаешь, я пыталась... Объяснила им все по-человечески. И мама была не против... Но вот папа... Я от него этого не ожидала. Ничего-ничего, я его прекрасно знаю. Сперва он всегда говорит «нет». А потом сам же начинает

подлизываться. Погоди, закупит подарков, возьмет бутылку «Столичной» и придет знакомиться с будущим зятем...

В дверь позвонили.

— Ну вот! А я что говорила! Недолго же они выдержали!

Девушка бросилась на кухню мыть руки. Эдик торопливо поднялся, поправил покрывало на диване и пригладил волосы. Вика с полотенцем в руках уже мчалась в прихожую.

На пороге стояли двое незнакомых мужчин, а из-за их спин выглядывали соседи снизу — муж и жена.

Не дав им и рта раскрыть, Вика затараторила:

— Это не у нас течет... У нас у самих на кухне стена мокрая. Это, наверное, выше прорвало...

— Гражданин Бодягин здесь проживает? — строго спросил один из незнакомцев.

— Да... — Вика растерянно отступила в сторону. И вся четверка незваных гостей гуськом проследовала в комнату.

— Ваши документы, — потребовал у Эдика тот же человек в штатском.

— А в чем дело? — Бодягин старался не терять самообладания.

— Документы! — не терпящим возражения тоном повторил незнакомец.

— Это у вас самих надо проверить документы! — вспыхнула Вика. — Кто вы такие? И по какому праву врываетесь в чужую квартиру?

— Помолчи! — остановил ее Эдик, доставая паспорт из кармана куртки.

Человек в штатском внимательно изучил все записи.

— Та-ак... Кооперативная, 3, корпус 10... Почему проживаете не по месту прописки?

— Товарищ уехал в командировку, попросил посторожить квартиру, — невозмутимо ответил Эдик.

— Лжете, молодой человек, — немедленно встряла соседка. — Сергей Архипович второй год за границей работает. Он вам квартиру сдает. За сорок рублей в месяц.

Она искательно посмотрела на штатского.

— Да, он уехал в заграничную командировку, — спокойно подтвердил Бодягин. — И мы договорились, что я буду следить за порядком и оплачивать коммунальные услуги.

— Разберемся, — сказал человек в штатском, передавая товарищу паспорт Эдика. — Ваши документы, гражданка, — обратился он к Вике.

— Это моя знакомая, она здесь в гостях, — торопливо опередил девушку Бодягин.

— Знакомая! — издевательски передразнила соседка. — Сожительница она его. Две недели как переехала. С чемоданом, — она презрительно оглядела Вику. — Есть некоторые бессовестные, которые мужчинам на шею сами вешаются, без расписки.

— Не ваше дело, — огрызнулась Вика.

Соседка открыла было рот, чтобы еще раз осудить безнравственность нынешней молодежи, но штатский отодвинул ее.

— Документы, — повторил он.

— У меня только служебный пропуск, — Вика протянула ему синюю книжечку. — Паспорт был мною утерян, о чем сделано соответствующее заявление в Краснопресненский РОВД, — как по писаному, отчеканила она.

Эдик сжал ей локоть.

Штатский внимательно изучал удостоверение. Потом пристально стал разглядывать девушку.

— Чья это фотография? — вдруг спросил он.

— Моя, — удивилась Вика. — Что, разве непохожа?

— Комаров, взгляни-ка, — мужчина передал напарнику синюю книжечку. — Она?

— Липа, — бросив беглый взгляд на документ, заключил тот. — Еще и криво приклеено.

— Да вы что? — возмутилась Вика. — Это мой пропуск. Мне выдали его в отделе кадров!

Комаров уже накручивал диск телефона.

— Алло? Архив? Мне нужен отдел кадров... — помолчав немного, он сказал: — Отдел кадров? Вас беспокоят из комитета госбезопасности, лейтенант Комаров. Нас интересует, числится ли у вас в штате гражданка, — он заглянул в удостоверение, — Лютикова Виктория Валентиновна, архивариус... Что? Когда? С понедельника? Ага... Ну, спасибо... спасибо, — повесил трубку.

— Гражданка Лютикова, Виктория Валентиновна, — глядя на девушку, сообщил он, — три дня назад, 28 ноября, уволена по статье за прогулы...

— Как уволена?! — обомлела Вика. — Какие прогулы? Да у меня отгулов за выходные накопилось полмесяца. Я только три дня и использовала, Галина Алексеевна сама разрешила...

— Разберемся, — Комаров сунул синюю книжечку в папку, где уже лежал паспорт Бодягина.

В прихожей хлопнула дверь.

— Не опоздал? — и в комнате появился Юрий Владимирович Дрига собственной персоной. — О, Виктория Валентиновна, и вы здесь! — разулыбался он Вике, как старой знакомой. — Вот видите, как нехорошо получилось, я же вас предупреждал... Ну что, Эдуард Самуилович, впутали-таки милую девушку в неприятную историю?

Эдик и Вика молчали. Соседи торжествующе поглядывали на них.

— А мы, собственно говоря, к вам по делу, — продолжал Дрига.

Он вынул из кармана сложенную вчетверо бумажку и помахал ею в воздухе:

— Вот ордер на обыск.

— А на каком основании? — хмуро спросил Эдик.

— Вообще-то я не обязан перед вами отчитываться, — Юрий Владимирович фамильярно похлопал его по плечу. — К тому же, мой юный друг, основания всегда найдутся. Но так и быть, имея в виду нашу старую дружбу с Викторией Валентиновной и вами... Накануне Олимпиады решением Моссовета проводится чистка образцового коммунистического города от тунеядцев, спекулянтов, проституток и прочих антисоциальных элементов. Насколько мне известно, Виктория Валентиновна нигде не работает и неразборчива в связях... Вас устраивает такое объяснение?

Вика беспомощно взглянула на Эдика.

— Подонки, — процедил он сквозь зубы.

— А вот оскорбления при исполнении... — Юрий Владимирович значительно побарабанил пальцами по столу. — Надеюсь, до открытого сопротивления дело не дойдет? Начинайте обыск, — распорядился он. — Граждане Лютикова и Бодягин, пройдите сюда, — Дрига указал на диван. — Понятые — вон на те стулья.

Вика сидела, как оглушенная. Она едва воспринимала все, что происходит вокруг. Безымянный в штатском за столом заполнял какие-то бумаги. Комаров вываливал на пол содержимое шкафа. В воздух летели платья, рубашки, нижнее белье, простыни и пододеяльники. Дрига собственноручно перетряхивал книги. Некоторые он откладывал в сторону и диктовал безымянному их названия:

— Лев Троцкий, «Моя жизнь»... Записал? Леонид Андреев, «Рассказ о семи повешенных»... Сартр, Жан-Поль, «Слова»... «Вопросы философии», журнал, номера два, пять, девять за 1966 год... Вернадский В. И. «Философские мысли натуралиста»... успеваешь?..

Понятые о чем-то тихо переговаривались между собой.

— Антисоветчик! — донеслось до Вики. — Ишь какие книжки держит...

Эдик, который до сих пор сидел с каменным лицом, презрительно бросил:

— Для вас любая книга — антисоветчина...

— Молчать! — рывком на него Юрий Владимирович. И вновь обернулся к безмянному: — Бахтин Михаил, «Проблемы поэтики Достоевского»...

— Чего-чего там по этике? — переспросил тот, почесывая ручкой за ухом.

— Не по этике, а поэтики, в одно слово, — поправил его Дрига. — Комаров, тайники какие-нибудь обнаружены?

— Пока нет, — басом отозвался тот, закончив простукивать плинтусы. — Ну-ка, поднимитесь!

Вика и Эдик встали с дивана.

Комаров, крикнув, рывком поднял сиденье — и тут же уронил его.

— Блядь! — выругался он.

— Что такое? — немедленно подскочил к нему Юрий Владимирович.

— Р-р-рука, — заикаясь, выговорил лейтенант.

Соседка побледнела. Ее муж напрягся.

— Чья? — в абсолютной тишине прозвучал голос Дриги.

— Ч-человечья... — доложил Комаров.

Юрий Владимирович медленно и осторожно приподнял сиденье.

— Ф-фу, — он утер пот со лба. — Ну, Комаров, ты даешь... — Дрига извлек из дивана ручной протез с гипсовой кистью телесного цвета.

— Твою мать! — сплюнул безмянный. — Я уж думал, расчлененка.

— Это чье? — Юрий Владимирович брезгливо, на отлете, держал неожиданную находку.

Эдик поднял руки вверх:

— Как видите, не мое. — Он не скрывал иронии.

— Приобщить к делу? — деловито поинтересовался безымянный.

— Да хрен с ней! — Дрига швырнул протез на пол. Гипсовая кисть раскололась на части. — Жуть какая-то.

— Это соседских детишек пугать, — ухмыльнулся Эдик. — Вы же знаете, товарищ капитан, я ненормальный, у меня и справка есть.

— Но-но! — погрозил пальцем Юрий Владимирович. — Ты мне эти шуточки брось, Бодягин. Прибереги их для психиатров... Так, с жилым помещением покончено... Перейдем к остальной площади.

Безымянный, примостившись за кухонным столом, снова что-то строчил.

— В бачке ничего подозрительного не обнаружено, — гулко донесся из туалета бас Комарова.

— Под ванной проверь, — крикнул Дрига, изучая содержимое холодильника.

— Зря ищите, компромат мы уже весь съели, — бессильно бросил Эдик.

— Поговори у меня! — цыкнул на него Юрий Владимирович. — Я тебе, сволочь...

— Тут кафель... Что делать? — Комаров ждал новых распоряжений. — Отбивать?

— Оставить! Сюда иди.

Кухня малометражки с трудом вмещала такое количество людей, и рассыпать крупы и макароны Комарову пришлось в коридоре.

— Бриллианты ищут, — отчетливо шепнула сметливая соседка своему супругу.

Юрий Владимирович гремел посудой. С полки упала на пол и, жалобно звякнув, разбилась новенькая красная в белый горошек чашка.

— Извиняюсь, — пробормотал Дрига, наступая на осколки.

— Вы за все заплатите! — внезапно закричала Вика. — Варвары! Для вас нет ничего святого!

— Успокойтесь, Виктория Валентиновна, — ласково улыбнулся капитан. — Стоит ли так расстраиваться из-за копеечной чашки? Мы возместим ущерб.

Вика заплакала. Эдик обнял ее за плечи.

— А там что такое? — Дрига встрепенулся, придвинул табуретку к буфету и залез на нее. — Это уже любопытно... — он спрыгнул на пол, держа в руках пожелтевшие от времени тетрадки, исписанные мелким неровным почерком. — Ну что ж, недаром поработали... Пиши, — велел он безымянному, — рукописных документов шесть единиц, неизвестного содержания, старого вида.

Вика сквозь слезы смотрела, как Дрига поочередно вытряхивал над столом письма, записки и открытки, адресованные автору «Блокъ-нотов».

— Кому это принадлежит? — Юрий Владимирович спрашивал отрывисто, резко. — Вам, Бодягин? Ей? Третьим лицам?

— Третьим лицам, — в тон ему отвечал Эдик.

— Фамилия владельца?

— Неизвестна...

— Как документы попали к вам?

— Нашел среди макулатуры.

— С какой целью принесли в квартиру?

— С целью прочитать...

— Интересно, — вкрадчиво протянул капитан. — Значит, злоупотребляя служебным положением, роетесь во вторсырье, сданном населением... И вместо того, чтобы передать государству положенные килограммы бумажного утиля, вы расхищаете народное добро... Приносите на чужую жилплощадь антисоветские измышления...

— С чего вы взяли, что антисоветские? — перебил его Бодягин.

— А советскими вы не интересуетесь, Эдуард Самуилович. Итак, вы приносите на чужую жилплощадь антисоветские измышления для того, чтобы

передать их на Запад? Или снять копию и размножить?

— А это уж ваши измышления...

— Предположения, Эдуард Самуилович, только лишь предположения. Вы же отказываетесь назвать владельца этих э-э... материалов и фамилию автора. Таким образом, отвечать за все написанное здесь придется лично вам. Приобщите к делу, — Дрига аккуратно сложил тетрадки стопочкой и пододвинул их к безымянному.

Понятые расписались под протоколом обыска. Юрий Владимирович закрыл папку и обернулся к Бодягину:

— Мы вас вызовем, Эдуард Самуилович, когда вы понадобится. Надеюсь, с вас не надо брать подписку о невыезде? А гражданка Лютикова поедет с нами. Для выяснения некоторых обстоятельств.

Глава 5 **КАВАЛЕР ОРДЕНА ПОДВЯЗКИ**

Бессарабия, 1923 год

Френсис Барнс неторопливо шел по мощенным булыжником улицам Кишинева.

— Боже мой, ну и дыра! — вздохнул он, отбиваясь тростью от бросившейся на него из подворотни шавки. — Пшла вон, кынеле!

В эти места его забросила отнюдь не ностальгия по полузабытым воспоминаниям детства. И не коммерческие интересы: что делать процветающему американскому бизнесмену на бывшей провинциальной окраине Российской империи, ныне принадлежащей королевству Румыния?

Вот уже целый год Массино шел по горячему следу потерянных царских сокровищ. Легально и нелегально он побывал в Тобольске и Екатеринбурге,

повторил маршрут следователя Соколова, вывезшего через Харбин материалы, связанные с расследованием убийства Романовых... И вот теперь он искал человека, который в восемнадцатом году пытался спасти обреченного Николая II...

Поравнявшись с кинотеатром «Одеон», Массино сверился с записанным в блокноте адресом. Где-то здесь... Он огляделся.

Из Александровского сада доносилась музыка — играл военный духовой оркестр. Грохотала по бульжнику каруца. Нарядные дамы конфузливо зажимали носы, когда лошадка на ходу усеивала мостовую конскими яблоками. Мимо пробежала замурзанная девочка и показала Массино язык.

— Эй, есть кто-нибудь? — крикнул Винченцо в полуподвальное окно трактирчика с претенциозной вывеской «РЕСТОРАНЪ «ЯРЪ» Г-НА ЕСАУЛА МАМКИНА». Из окна сильно тянуло недобродившим молодым вином, луком и брынзой.

— Врецъ чева? — на пороге стоял усатый человек в замызганной белой куртке. — Извольте откушать?

— Это можно, — согласился Массино и нагнулся, входя, под низкой притолокой. — Что вы можете предложить?

— На горячее зама из курицы... — усач предупредительно смел крошки со стола. — Вторые блюда — костица и мититеи на гратаре, сэрмале, кырнэцеи... Рекомендую закуску «Завтрак чабана»... Ну и, конечно, тулбурел... Винцо легкое, приятное, не пьянит, а только кружит голову...

— Пейте свой тулбурел сами, — Барнс грузно плюхнулся на стул. — Сто граммов водки, брынзу с помидорами и костицу... И кувшин холодной воды.

— Слушаюсь, — усач щелкнул стоптанными каблуками. — Сию минуту все подам-с...

Перекусив, коммерсант вынул бумажник. Усач благоговейно принял из его рук доллары.

— Мерси-с... Это не румынские леи... Премного благодарны...

— Послушайте, милейший, — прервал его Масино. — Я ищу капитана Ростовцева... Вы ведь есаул Мамкин, не так ли?

— Мамкин, Григорий Степаныч, — подтвердил усач. — Так точно. Но Алексея Петровича здесь нет-с. Их благородие все тосковали да плакали, а потом вернулись в Петербург... То есть в Петроград, по-нынешнему. А для чего вам нужен господин капитан?

— Десятого июня восемнадцатого года, — мистер Барнс неторопливо отпил воды из кувшина, — группа офицеров попыталась пробиться из предместий Екатеринбургa к дому Ипатьева и освободить царскую семью... Верно?

— Так точно, — лицо есаула сморщилось, словно он собирался заплакать. — Только ничего у нас не получилось... Налетели красные, порубили шашками, весь отряд рассеяли... Алексей Петрович раненные были, чуть не померли...

— Насколько мне известно, — продолжал Масино, — капитан Ростовцев впоследствии занимался поисками пропавших царских реликвий... Я тоже убежденный монархист, господин Мамкин, и тоже следопыт... Мне бы хотелось объединить наши с Алексеем Петровичем усилия.

Хозяин ресторана перекрестился, его выпцветшие голубенькие глазки наполнились слезами:

— Упокой, Господи, души великомучеников!.. Святое, благородное дело делаете, господин... Я черкну вам адресок их благородия...

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«Купить румынских пограничников, при том задешево, — дело нехитрое... И вскоре я уже был на другом берегу Днестра... В Киеве удалось сесть в поезд, следующий на север... К великому сожалению, капитан Ростовцев не смог сообщить мне ничего нового: все те же отрывочные и малодостовер-

ные сведения... Но я напал на другой след! Со-служивец Алексея Петровича рассказал мне, что примерно год назад, отгружая художественные ценности для Русского музея, он будто бы своими глазами видел саблю наследника цесаревича... Простейшая логика подсказывает, что там же должны быть и прочие сокровища Романовых... Сильно поиздержался, но в случае удачи сорву такой куш, что небесам станет жарко...»

Ленинград, 1924 год

— История вас не забудет, дорогой Дмитрий Иванович, — Ростовцев вынул из портфеля и разложил на обеденном столе бумаги. — К сожалению, вынужден был взять на дом... Срочно готовлю квартальный финансовый отчет.

Бывший белый капитан служил скромным бухгалтером в одной из многочисленных советских контор.

— Увы, — Массино развел руками. — Все мои поиски ничем не увенчались. Представляю, как огорчится великий князь Николай Николаевич, когда узнает об этом...

— Не все еще потеряно, — Алексей Петрович приготовил чернильницу, перьевую ручку и пресс-папье. — Нельзя терять надежды.

— Вы правы, — Винченцо жутко раздражал этот монархист-бухгалтер, но пока что у него не было другого надежного угла. — Рано или поздно режим рухнет, и Романовы снова воцарятся на престоле своего несчастного отечества...

Он сам не верил в эту болтовню, но не говорить же Ростовцеву о том, что розыски пропавших сокровищ он давно уже забросил и теперь понемногу занимался старыми, испытанными махинациями: спирт, кокаин, оружие, купля-продажа... Благодаря нэпу в городе существовало множество подпольных

фирм и тайных притонов. Так что и поставщиков, и покупателей у Массино было в избытке. Не брезговал он и ростовщицеством. А для хозяина всегда наготове байка о встречах с заграничными монархистами и неустанных поисках царских реликвий.

Алексей Петрович защелкал костяшками счетов.

— Ну, не стану вам мешать, пойду к себе, — Винченцо прошел в свою комнатку, бывшую кладовую, и запер дверь. Выдвинул из-под кровати небольшой дорожный баул и вынул из него жестяную коробку от леденцов «Ландрин». Здесь, в уютном ватном гнездышке, лежали настоящие, а не выдуманные сокровища — драгоценные камни. Блестели, играя гранями, бриллианты чистой воды. Матово светились жемчуга. Бросали на потолок кровавый отблеск рубины. Нежно, по-весеннему, зеленели изумруды.

Вооружившись иглой и ниткой, Массино принялся зашивать камушки под подкладку пиджака. Он знал, что рано или поздно нэп отменят и тогда придется немедленно уносить ноги. И к этому нужно готовиться заранее.

— Дмитрий Иванович, можно вас на минутку? — деликатно постучал в дверь Ростовцев.

— Сейчас, только закончу шифровать сообщение для великого князя, — таинственным голосом ответил квартирант, делая последние стежки. — Осталось только воспользоваться симпатическими чернилами. А что, у вас что-то срочное?

— Ничего, я подожду, — экс-капитан снова защелкал счетами.

Винченцо привел комнату в порядок и вышел.

— Простите, что потревожил, — Алексей Петрович держал бланк телеграммы. — Только что принесли. Срочная! Мне пришлось расписаться в получении.

— Благодарю, — Массино пробежал глазами текст: «Пятьсот литров по десять завтра утром». —

Это код, — сказал он на тот случай, если Ростовцев прочитал телеграмму. На самом деле речь в ней шла о партии спирта. — Необходимо срочно дать ответ. Придется его продублировать. Алексей Петрович, не в службу, а в дружбу... Отнесете на почту, а?

— А как же отчет? — растерялся Ростовцев. — Ладно, посижу над ним ночью...

Через десять минут он вышел из дома. А еще через полчаса сдал на почту две телеграммы. Одна из них содержала ответ Массино на предложение купить партию спирта: «Согласен вашу цену». Другая была адресована в Лондон, Пепите Бобадилья: «Дождайся моего возвращения тчк ничего не предпринимай тчк везу подарки тчк всегда твой». Бухгалтер-монархист был счастлив служить правому делу.

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«...Вложились в мою поездку и теперь имеет право получить обратно часть накопленного. Разумеется, я себя не обижу. Но и с Пепитой ссориться невыгодно. Она соавтор моих самых блестящих операций. Я смело назвал бы ее финансовым гением, если бы такой комплимент мог польстить все еще хорошенькой женщине. И какого черта ей взбрело в голову связываться с этим ничтожным эсером? Судя по ее словам, он фанатик, таким людям я не доверяю. Они готовы жертвовать не только собой, не только своими близкими, но и целым миром ради достижения бредовых целей. Чего он добивается, этот ее муженек? Если уж арестован сам Савинков, если он раскаялся и зарекся бороться с Советами... Кто такой в этом случае Железный? Ничтожная персона, всю жизнь в тени Савинкова, эдакий несостоявшийся Наполеон... Что нашла в нем Пепита, почему вышла за него замуж? Между ними нет ничего общего. А ведь она могла бы сделать блестящую партию, получить все мыслимые и немыслимые богатст-

ва, да еще и титулы — у них в Англии это важно. А может быть, все дело в том, что ее сын — не от меня, а от Вадима?»

Ленинград, весна 1925 года

— ...Есть также картины и иконы, — прошептал Петренко. — На Западе идут нарасхват.

— Лучше не надо, — покачал головой *Массино*. — Не хочу связывать себе руки. Меня интересуют исключительно малые объемы... То, что не требует особой транспортировки. Понимаете?

— Могу предложить вот это, — оглядевшись по сторонам, Петренко положил на садовую скамью между собой и своим собеседником небольшую изящную вещицу, похожую на небольшую книжку. — Походный трехстворчатый образ Богоматери.

Винченцо взвесил вещицу на ладони. Презрительно выпятил губу:

— Серебро... И тянет всего граммов на четыреста...

— Семнадцатый век, — обиделся Петренко. — Раритет... Практически бесценный образ...

— Бесценный — это значит: не имеет цены, — съехидничал *Массино*. — Ладно, беру, места все равно много не займет.

Он расплатился и сказал:

— Идите в одну сторону аллеи, а я — в другую, чуть позже... На всякий случай предупреждаю: мы с вами незнакомы и никогда не встречались...

Петренко, все еще сохраняя на лице выражение оскорбленного достоинства, удалился. Он ведал сортировкой реквизируемых художественных ценностей и оказал *Массино* немало услуг. Но теперь, когда вопрос с отъездом был решен, церемониться с посредником не имело смысла.

Винченцо сунул новое приобретение в карман. Рассмотрит его дома: здесь, в саду, это делать опас-

но. Неужто и впрямь этот образок — настолько редкая штука?

Он вышел на улицу и сел в трамвай. Предстояло нанести визит одной даме.

— Что вам угодно? — резко спросила Елена Шарлевна.

Коммерсант молча разглядывал ее. Постарела, подурнела. В руке дымится папироса, папилютки на голове, из-под халата виднеется подол ночной сорочки.

Женщина близоруко сощурилась.

— Боже мой! — она неожиданно узнала своего бывшего квартиранта. — Винченцо! Это ты?

Довольный произведенным эффектом, Массино сделал шаг в прихожую. Она показалась ему маленькой и темной.

— Но ведь ты уехал за границу... — все еще не веря собственным глазам, Елена Шарлевна шла за неожиданным гостем. — Так мне, по крайней мере, говорили...

— Тут нет никакой ошибки, — решил напустить туману Винченцо. — Я здесь проездом. Заключил с Советским правительством договор на концессию... Разработка платины и прочих драгоценных металлов...

Женщина всплеснула руками:

— То-то, я смотрю, ты так одет... Как лорд Керзон!

— Я не лорд, — скромно отозвался Массино. — Всего только пэр... Но орден Подвязки получил... из рук самой королевы...

Елена Шарлевна ахнула и закатила глаза.

— Какой ты стал важной персоной! Сама королева... Мне приятно, что ты не задираешь нос и не забыл старых друзей, — с тяжеловесной игривостью заметила она.

— Из знакомых мало кто здесь остался, — вполне искренне ответил делец. — А ты даже на другую квартиру не съехала.

— Куда уж мне, — женщина со вздохом стала

жаловаться на свою трудную, полную лишений жизнь, на нынешнюю дороговизну и маленький оклад жалованья...

Чтобы не поддаваться жалости, коммерсант повторял про себя: «Эта сука продала меня чекистам... Донесла на меня, сволочь...»

— А как твоя личная жизнь? — приветливо улыбалась Елена Шарлевна. — Ты женат?

— А как же! — мистер Барнс отвечал не менее обворожительной улыбкой. — Моя супруга... дети... родовое поместье... особняк в Лондоне... светские обязанности так утомительны...

— Ах, как живо я представляю все это! — воскликнула женщина. — Подумать только, а ведь твою женой могла быть я... Я так любила тебя, Винченцо! Безумно... Я боготворила тебя... Когда ты бросил меня так внезапно, я чуть с ума не сошла от горя!

В порыве чувств Елена Шарлевна обвила руками шею Массино. Он удивленно отстранился и еще раз напомнил себе: «Она украла у меня кольцо... И пыталась слямзить бумажник! Старая гримза!»

А вслух сказал:

— Я так рад, что вырвался на полчаса повидать тебя, золотко. К сожалению, должен ехать... Сегодня вечером у меня встреча в Москве с министром цветной металлургии...

Массино шагал по улице, чувствуя себя человеком, который окончательно расплатился по старым долгам. Еленочка чуть ли не платком ему вслед махала. «Безумно любила!» Вот стерва!..

Он подошел к трамвайной остановке. У людей были тусклые, погасшие лица, одежда на них висела мешковато и казалась неглаженной и нечистой.

— Ничего, скоро меня здесь не будет! — сказал себе Винченцо. Он взобрался на заднюю площадку трамвая и стоял, глядя через стекло на блестящие в свете уличных фонарей рельсы. Ему казалось, что он уезжает домой.

Рядом дышал перегаром какой-то гражданин.

Массино брезгливо отодвинулся. Но ужасный запах окружал его плотным облаком.

— Послушайте, товарищ, вы не могли бы немного отойти в сторону? — с внезапным раздражением обратился коммерсант к пассажиру. — А то дышать нечем...

Пьяный угрюмо смотрел на него. Это лицо показалось Винченцо смутно знакомым. Взгляд исподлобья, тяжелый подбородок с ямкой... Где, когда он мог видеть этого нетрезвого гражданина?

— Извиняюсь, — пробормотал незнакомец. — Перебрал немного, — и неверными шагами двинулся по проходу между сиденьями.

В голове Винченцо словно молния блеснула. Он вспомнил.

Семнадцатый год... Арест у Еленочки... Мрачный чекист, возглавлявший отряд... И еще, через год, в Латышском клубе, тот же человек, в добротной визитке, дружески хлопает по плечу английского моряка... Тот же переодетый чекист!

Пьяный в проходе обернулся. Взгляд его выражал подозрительность. Следит! А пьяным просто притворяется. Рубаху облил водкой для запаха...

Мистеру Барнсу показалось, что он уже слышит, как за ним с жутким лязганьем закрываются двери тюремной камеры...

Не помня себя, он в панике спрыгнул с трамвая на полном ходу. Больно ударился о камни и потерял сознание...

Из «БЛОКЪ-НОТА» неизвестного

«В Советской России есть громадные художественные ценности. Выкрасть их из музеев не представляет особого труда, нужны только деньги. В Европе и Соединенных Штатах произведения искусства имеют неограниченный сбыт... В цивилизованных странах украденное из страны большевиков считается спасенным, а не похищенным.

Брать следует не то, что выставлено в залах. В некоторых музеях установлена сигнализация, есть соответствующая охрана. Это ненужный риск. Существуют запасники — там, в упакованном виде, спрятаны величайшие шедевры, которых никто не видит и не знает. Взять их гораздо легче, да и продать тоже. Вся проблема только в том, как организовать их отправку за границу. Можно использовать дипломатические каналы, но для этого нужны связи в посольствах. Есть и другой путь — нелегальный вывоз, с помощью профессиональных контрабандистов. За небольшую плату эти люди протащат в обход пограничных кордонов все, что угодно, хоть целый паровозный состав. Главное — чтобы они не знали, что именно транспортируют. Тогда у них не будет искушения присвоить себе то, что добыто нами с такими трудностями...

Брать нужно следующие произведения:

1. Офорты старых голландцев, прежде всего Рембрандта.

3. Гравюры французских и английских мастеров восемнадцатого века с необрезанными краями. Миниатюры XVIII и начала XIX века.

3. Монеты античные, золотые, не стершиеся, с четкой чеканкой.

4. Итальянские и фламандские примитивы.

5. Холсты голландцев, испанцев, итальянцев...»

Глава 6 ПОСЛЕДНЯЯ АВАНТЮРА

Ленинград, 1925 год

— Ну, как ваша голова? — сочувственно спросил Ростовцев. — Сильно болит?

— О-о-о! — Массино попробовал приподняться и не смог. — Что со мной? Я ранен?

— Нет, — бывший капитан сменил компресс у

него на лбу. — Спрыгнули на ходу с трамвая и расшиблись... Как это вас угораздило?

Винченцо начал припоминать последние события дня.

— За мной была слезка, — простонал он, держась за виски. — Надо было оторваться... Даже ценой собственной жизни.

— Понимаю, — сообщнически закивал Алексей Петрович. — Спасали всю организацию. Вы, Дмитрий Иванович, настоящий герой!

— На моем месте и вы поступили бы так же, — заскромничал Массино, наплетший бухгалтеру-монархисту историю о якобы организованной им группе по отысканию царских реликвий. — А какое сегодня число? — вдруг спохватился он.

— Двадцать шестое, — взглянув на отрывной календарь, сообщил Ростовцев.

— О-о-о! — взвыл мистер Барнс. — Все пропало!

— Почему? — удивился экс-капитан. — Вы скоро выздоровеете.

— Вчера я должен был перейти границу, — понизил голос Массино. — С той стороны, в Финляндии, у меня назначена встреча... с курьером от великого князя Николая Николаевича. Представьте, курьер ждет, а я здесь валяюсь и даже не могу подняться.

— Не беда, — успокоил его Ростовцев. — Как только вам полегчает, вас проведут.

— Кто проведет? Где я буду искать человека, с которым договаривался? — искренне волновался Винченцо.

— Да лягте, не пытайтесь встать! — урезонивал его Алексей Петрович. — Я свяжусь с одним моим знакомым... Он иногда промышляет контрабандой... Сам служит на границе, понимаете? Здесь неподалеку, около Парголова. К нему можно обратиться в любой момент.

— Свяжитесь с ним немедленно! — взмолился

Винченцо. — Я чувствую себя лучше! Я совсем здоров! Нельзя терять ни минуты! Курьер его высочества не может ждать!

Про курьера он приплел для пущей внушительности.

— Хорошо, — немного поразмыслив, согласился Ростовцев. — Я скоро вернусь. А вы пока не вставайте и не снимайте компресс.

Но сразу же после его ухода Массино попытался приподняться. И тут же со стоном опустился на подушки. Голова кружилась, сильно тошнило.

— Черт меня дернул прыгать с подножки! — в отчаянии воскликнул коммерсант. — Помстилось, вот и все... Почему я решил, что пьянчуга — переодетый чекист? Расплачивайся теперь сотрясением мозга!

Вернулся капитан.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Винченцо. — Договорились?

— Этот человек вас проведет.

— Сегодня? Да говорите скорее, голубчик, не томите душу!

— Послезавтра!

— Но это невозможно! Курьер не будет ждать столько дней!

— Раньше вы все равно не сможете подняться на ноги и тем более осилить весь путь, — возразил Ростовцев.

Алексей Петрович был прав. Ничего другого не оставалось, как подчиниться обстоятельствам.

«В ночь с 28 на 29 сентября четверо контрабандистов попытались перейти финскую границу. В результате двое были убиты. Третий, оказавшийся финским солдатом, арестован, а четвертый умер в результате тяжелого ранения».

(«Известия», октябрь 1925 года.)

«На границе, близ деревни Ала-Кюль, инсценирована перестрелка, шум, разыграна сцена, будто бы Рейли и его сопровождающие наткнулись на заставу и в завязавшейся перестрелке убиты».

(Из книги Л. Никулина «Мертвая зыбь».)

«Вспоминая про инсценировку, Петров начисто обходился молчанием свою собственную роль в ней и объясняет происхождение только одного «трупа» — роль «трупа» играл «двойник» Рейли, облитый заранее приготовленной кровью. Финская стража с той стороны (метраж в двухстах) наблюдала за всей перестрелкой и последующим «опознанием» трупа при свете автомобильных фар... Интересно бы знать, кто были те трое, которые одолжили свои трупы пограничникам для инсценировки?..»

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

*Ленинградская область,
28 сентября 1925 года*

Дорожный баул был набит так плотно, что ремни затянулись с трудом. Туда вошло многое из того, чем разжился Массино в России. В чертежном тубусе лежали плотно скатанные рулоном пожелтевшие от времени рисунки (Петренко клялся и божился, что два-три из них принадлежат Рембрандту, но правда ли это, выяснится только за границей), толстенькой колбасой были увязаны римские золотые и медные монеты, в отдельном свертке хранились предметы культа, в том числе трехстворчатый образ Богоматери семнадцатого века, змеей извивалась массивная золотая цепь, в жестяной коробке из-под леденцов «Ландрин» позвякивали кольца и перстни... Все остальное Массино нес на себе: камушки были вшиты под подкладку, а самые мелкие он суеверно спрятал в ботинки под стельки — повезло же

в Мюнхене в пятнадцатом году, авось пронесет и сейчас...

Ростовцев был молчалив и сосредоточен, словно бы сам собирался на randevу с мифическим курьером великого князя. Поездом они доехали до станции Парголово. На перроне уже ждал человек в пограничной форме.

— Здорово, Алексей, — он крепко пожал руку бывшему белому капитану и цепко осмотрел Массино. — С нами пойдет еще один гражданин.

— Но позвольте... — запротестовал было Винченцо, однако пограничник прервал его:

— Мы договорились с ним заранее. Так что желаете вы или нет...

Массино решил не спорить. Главное — пусть переведут, а уж сколько будет попутчиков, все равно. Простился с Ростовцевым и по знаку Деревщикова — так назвался проводник — сел на телегу, где уже ждал, нахохлившись, другой человек.

Колея была размыта дождями, сильно трясло. Винченцо терпел, прижимая к груди заветный баул. Снова разболелась голова.

Деревщиков чмокал губами, понукал лошадь, но та ничуть не ускоряла шаг. Ехали молча, как на похоронах. Наконец проводник нарушил молчание:

— Слезайте. Дальше идем пешком.

Он бросил поводья, и лошадка, как ученая собака, сразу же затрусила обратно.

Идти было трудно, ноги разъезжались в грязи. Массино ощущал тошноту, хотелось отойти в кусты и вырвать, но он понимал, что это невозможно.

— Сейчас выйдем на берег, — тихо сказал Деревщиков. — Там нас встретит финский друг. Он переправит вас на другой берег. Давайте деньги.

Массино и неизвестный попутчик расплатились. Где-то невдалеке слышался уже плеск речной воды.

*Пограничная застава в 17 км
от станции Парголово,
28 сентября 1925 года*

Ване Извекову выпало идти в дозор со старым солдатом Василием Черновым. Но у Чернова так схватило живот, что его пришлось увезти на станцию. Василий сильно стонал, и Ваня боялся, как бы он не помер по дороге. Путь-то неблизкий до Парголово — семнадцать верст... Чернова увезли, а Извекову дали напарника, такого же зеленого новичка, как он сам. Но Ваня держался бывалым воином и свысока поучал Куделина:

— Ты как, Сашко, винтовку повесил? Неправильно... Вдруг лазутчик аль шпион ползет... Пока ты расчухаешь, что к чему, он уже к нам в тыл проникнет...

— Ага, — виновато шмыгал носом Куделин и вешал оружие на плечо, как полагается. — Мы ж непривычные...

Болтать в дозоре запрещалось уставом, но ехать верхом и словом не перекинуться было и скучно, и боязно, поэтому разговор продолжался.

— Ничего, обвыкнешься... Тут, на кордоне, чему только не обучишься! — Извеков придержал Орлика, чтобы Сашко ехал рядом. — Лазутчик — он не дурак. И следы путает, и коровьи копыта на ноги надевает, и задом наперед ходит... Но мы ученые... Из каких местов сам будешь?

— Тамбовские мы...

— А я курский. Деревня Покровское Щигровского уезда... Слышал?

— Не-а, — Куделин пристыженно шмыгнул носом. — Я, окромя нашей деревни да Тамбова, нигде не бывал. Ну, еще в Ленинграде... Только не видел ничего, потому как ночью привезли и ночью увезли...

— М-да... Темный ты, как я погляжу, — снисходительно откликнулся Извеков. — Деревенский, а на лошади кулем сидишь... Тс-с-с... Слышишь?

— Вода журчит...

— «Вода-а!» — передразнил Ваня. — Это река, Сестра называется.

— Чудное имя...

— Ничуть не чудное. Граница тут. С этой стороны — мы, а на том берегу — финляндцы. Народ они ничего, смирные, работающие... Третье языком не любят... И ты никому ни слова, понял? А то нехотя какую-нибудь военную тайну расскажешь. Бдительность и еще раз она же. Болтун — находка для шпиона. Слышал такую поговорку?

— Ага...

— Загакал... Отвечай четко, по уставу: так точно, есть, служу Советской родине! Тс-с-с... Слышишь?

— Река Сестра журчит...

— Сам ты журчишь, — сердито оборвал напарника Ваня. — Голоса... Люди идут.

Они замолчали и прислушались. В самом деле, прямо к ним кто-то двигался.

— Ой, мамочки! — Куделин вжал голову в плечи. — Шпиены...

— Не трусь, Сашок! — храбрился Извеков, до боли сжимая винтовку в руках. — Нехай только сунутся... Подпустим поближе, вдруг кто свои?

По шороху кустов можно было определить, что люди уже близко. Голоса звучали все отчетливее.

— Стой, кто идет? — звонко крикнул Ваня. — Стрелять буду!

«Шпиены» ответить не успели. Куделин, наверно от страха, начал стрелять. В кустах кто-то упал. Извеков, чтобы не отставать, тоже принялся палить в темноту. Голоса стихли. Шорохи тоже.

Пограничники растерянно переглянулись. Все инструкции, как вести себя в таких случаях, напрочь вылетели из головы.

— Помогите... — прошептал кто-то в кустах. — Мы свои... Раненые...

Сашко сделал было шаг вперед, но Ваня удержал его и громко сказал:

— Свои дома сидят, а не через границу шастают.

— Вот дурень! — ругнулся раненый. — Если пересрал, беги на заставу, подмогу зови... Всех пострелял, стрелок хренов!

Извеков свесился с Орлика и осторожно раздвинул руками прибрежные заросли. Людей было четверо. Трое лежали неподвижно, один шевелился, внутри у него что-то булькало.

— Зови на помощь, — велел Ваня Куделину. — Да гони побыстрее, пока шпиен не помер!..

Вскоре прибыл грузовик с кордона. При свете включенных фар Извеков увидел лужи крови под двумя неподвижными телами. Раненым оказался свой же старшина, Серега Деревщиков. А четвертый, белобрысый финн, вообще был целехоньким — ни царапины. После оклика: «Стой! Кто идет?» он бросился ничком на землю и потому ничуть не пострадал.

— Ну, Ванька, натворил ты делов! — сердито кричал начальник заставы. — Тут же «окно», твою мать, проход был плановый...

— Откуда же мне знать? — оправдывался Извеков. — Мы слышим, люди идут... Действовали строго по уставу...

— По уставу! — начальник склонился над Деревщиковым. — Держись, Серега, сейчас тебе сделают перевязку...

Носилки тронулись с места. Белобрысого финского «шпиена», не пострадавшего в перестрелке, усадили в кузов. Он все еще молча трясся.

— Операцию завалили, — бормотал начальник, ощупывая труп и рассматривая в свете фар документы. — Глянь, Штейнберг, купец... Железный... Этот должен был уйти на ту сторону! Теперь с меня голову снимут!

— Простите, Афанасий Тимофеич... — заныл Извеков. — Меня никто не инструктировал...

— А ты и не должен был ничего знать, — сердито

отозвался командир. — Чернова предупредили, угрозило его загреметь в лазарет... Погоди... А это что еще за тело?

Покойник, в хорошем костюме и крепких ботинках, крепко прижимал к груди кожаный чемоданчик, перетянутый ремнями.

— Откуда только взялся? — с досадой сказал начальник заставы. — Эх, Деревщиков, на буржуйские деньги клюнул! Если выживет Серега — под трибунал пойдет... — Он раскрыл бумаги «незапланированного» трупа. — Так-ак... Любопытно! Френсис Барнс... Винченцо Массино... Дмитрий Иванович Таукчи... Важная, видать, птица! Может, зачтут это нам? Эх...

На финском берегу тоже поднялся переполох. Вспыхивали огоньки фонариков, слышались голоса...

— Гаси фары! — распорядился командир. — Грузи тела! Уходим немедленно...

Ленинград, 30 сентября 1925 года

— Ответите по всей строгости закона! — кричал Мессинг. — И ты, Петров, и ты, Вяхья!

В такой ярости Афанасий Тимофеевич видел полномочного представителя ОГПУ по Ленобласти впервые и понимал, что тот сам напуган до полусмерти.

— Так точно! — четко отвечал начальник заставы. — Под суд пойду! Искуплю вину перед родной Советской властью!

— А я не согласен, Станислав Адамович, — мягко возразил белобрысый «шпиен» Тойво Вяхья. — Почему я должен садиться за решетку из-за чужих грехов? Моя задача была — встретить «гостя» и переправить его через реку... Так бы я и поступил, если бы пограничники не начали пальбу...

— Трибунал разберется, кто за что должен отвечать, — Мессинг, успокаиваясь, потер свой бритый

наголо череп. — И определит степень вины каждого. Из-за вашей халатности поставлена под удар большая группа засекреченных товарищей. Ладно... Идите. И ждите... А я еду в Москву...

Станислава Адамовича самого вызывали «на ковер». Подчиненные не были посвящены во все детали. Но он-то знал, чем грозит ему срыв операции. Вадим Штейнберг по плану должен был беспрепятственно перейти границу и вернуться в Хельсинки. Так велел сам Артузов. Теперь — хана. Отстранят от дел. Уволят с должности. Посадят в тюрьму. Ушлют, куда Макар телят не гонял. И дернул же черт дозорных проявить бдительность в самый неподходящий момент!

И все же Мессинг надеялся на лучшее. Он вез в столицу козырь — ценности, найденные в бауле Массино, и камни, зашитые в его вещах. Преступная жадность, проявленная Сергеем Деревщиковым, может оказаться спасительной. А вину свалить не на кого... Деревщиков скончался от раны, полученной в перестрелке.

7. СЛОВА ПЕПИТА БОБАДИЛЬЯ, ВДОВА

«...И сын Рейли, и жена его (последняя из его жен — законная, католически обвенчанная Пепита Бобадилья), да и сам Рейли только и делали, что писали мемуары о том, каким он был искусным разведчиком. Книжки эти — различных годов издания, от двадцатых до шестидесятых, — продаются на Западе свободно».

(Из очерка Р. Пименова «Как я искал шпиона Рейли».)

«...Пепита выпустила о нем книгу, включив в нее, кроме своих о нем воспоминаний, краткую автобиографию самого Рейли-Реллинского, которая, весьма возможно, тоже была написана ею самой. Вся книга не стоит бумаги, на которой она напечатана, но кое-что можно узнать о Рейли из его писем к Пепите, часть которых приведена целиком, и даже в факсимиле. От всей книги тем не менее остается впечатление, что Пепита была не только неумна, но и совершенно несведуща в русских делах...»

(Из книги Н. Берберовой «Железная женщина».)

Москва, 1 октября 1925 года

— Ты мне голову не морочь! — Артузов медленно и грозно подымался из-за стола. — Какая, к чертовой матери, шальная пуля? Ты лично отвечал за проведение операции на границе!

— Артур Христофорович... Ну, Артур Христофорович... — беспомощно лепетал Мессинг. — Кто мог знать? Чернов попал в лазарет... Ребята молодые, неграмотные... Бдительность проявили... И потом, ценности... Спасли для государства на несколько миллионов...

— Погоди, какие ценности? Ничего не понимаю! Железного должны были выпустить через «окно»!

— Какого Железного? — в свою очередь изумился Станислав Адамович. — Там, кроме Деревщикова и Тойво Вякхи, были двое. Один с ценностями... — Мессинг суетливо порылся в портфеле и дрожащей рукой выложил на стол удостоверения, изъятые у контрабандистов. — Вот...

Артузов взял бумаги и близоруко прищурился:

— Френсис Барнс... Таукчи Дмитрий Иванович... Винченцо Массино... Штейнберг! Вот он, Железный! Я лично это удостоверение подписывал! Идиоты! — он в сердцах швырнул бумажку на стол и взял следующую. Брови его поползли вверх: — Рейли, твою мать, британский подданный... При чем тут Рейли? Реллинский?

Мессинг молчал.

— Он, что ли, ценности нес? Ни хрена ж себе... — Артузов почесал затылок. — Ай да Реллинский! Ай да чекист! Так вы, выходит, Георгия Васильевича кокнули?

— При чем здесь Георгий Васильевич? — вконец растерялся Мессинг. — Да я его вчера видел... живого... и даже трезвого... В Питере, в управлении...

— Блядь! А это тогда кто же? — Артузов помахал в воздухе паспортом Джорджа Рейли.

— Это у второго было... Который Штейнберг...

Артур Христофорович без сил опустился на стул и глубоко задумался.

Воспользовавшись паузой, Мессинг с торжествующим видом поставил на стол начальника КРО небольшой, туго набитый баул.

Артузов поднял голову:

— Что это ты мне суешь?

— Ценности, — Станислав Адамович торопливо расстегивал ремни. По бордовому сукну раскатились золотые монеты, прозрачные и разноцветные камни. Тускло блестели золотые церковные чаши. Сам собой растворился походный образок и оттуда строго и печально взглянула на Артузова Божья Матерь...

— Убери эту рухлядь в жопу, — распорядился Артур Христофорович, отводя глаза. — В музей... А что мне теперь прикажешь делать? «Трест» проваливается...

*«Посылка пропала бесследно зпт ждем вас ближай-
шие дни».*

(Телеграмма от Марии Захарченко-Шульц в Лондон
от 29 сентября 1925 года.)

«Немедленно выезжаю тчк»

(Ответ Пепиты Бобадилю в Хельсинки
от 30 сентября 1925 года.)

*Москва, Кремлевская больница,
1 октября 1925 года*

Дзержинский закашлялся. Лицо его побелело от натуги. Артузов вежливо переждал, пока пройдет приступ.

— Кхе-кхе, — Феликс Эдмундович в изнеможении откинулся на подушки. — У чекистов... не бывает... провалов...

— Виновные будут наказаны, — торопливо заверил больного председателя ОГПУ Артузов. — Мессинг уже сложил с себя полномочия...

— Неправильно мыслишь, Артур... — Дзержинский утер рот платком. — Никаких виновных! Все, участвовавшие в операции, будут награждены...

— То есть... как? — оторопел Артур Христофорович.

— Пиши... Мой приказ... — Феликс Эдмундович прикрыл глаза и начал диктовать: — Чтобы обезвредить опаснейшего врага Советской власти, сотрудники ОГПУ под видом деятелей якобы существующей в СССР подпольной антисоветской организации вошли в доверие к коварному агенту британской разведки и американских спецслужб Сиднею Рейли... Заманив матерого шпиона... Или нет, погоди... Сделаем по-другому.

Артузов замер с карандашом наготове.

— Ты сейчас свяжешься с ребятами из «Известий» и дашь им информацию... Дескать, пытаюсь проникнуть на нашу территорию, матерый шпион был убит на границе... Пусть видят, — глаза Феликса Эдмундовича загорелись, — как работают советские пограничники. Кстати, поощри там как-нибудь своих ребят...

— Простите, товарищ Дзержинский! — запротестовал Артузов. — А как же «Трест»?

— Спокойно! К «Тресту» инцидент не имеет никакого отношения. Убит шпион Рейли, а эсер Железный благополучно выбрался из страны. Куда он потом делся — это его личное дело. Он, кажется, в Штеттин собирался?

— А Захарченко? Проклятая баба что-то заподозрит...

— Якушев ей объяснит, что в целях безопасности Железного переправили другим путем.

«Личность убитого при нарушении границы установлена. Им оказался капитан С. Д. Рейли, сотрудник британских секретных служб, еще в 1918 году заочно приговоренный Верховным революционным трибуналом к смертной казни...»

(«Известия», 2 октября 1925 года.)

*Москва, Кремлевская больница,
раннее утро 3 октября 1925 года*

— Вот и хорошо, еще одну ложечку...

Капля каши упала на сорочку, и медицинская сестра заботливо убрала ее с груди больного накрахмаленной салфеткой.

— А теперь молочка поьем... Ну, не капризничайте... Вы должны хорошо кушать, чтобы поправиться...

Дверь громко хлопнула. Медицинская сестра вздрогнула от неожиданности и вскочила. По одеялу растеклась белая лужица.

— Кто вам позволил? — всплыла девушка, лихорадочно промокая салфеткой пролитое молоко. — Кто вас сюда пропустил? Больного нельзя тревожить!

Не обращая на ее протесты никакого внимания, ранний посетитель напрямик направился к постели больного, размахивая над головой вчерашними «Известиями».

— Феликс Эдмундович! Они все что там, с ума посходили? Как его могли убить на границе?

— Идите, Тасенька... — Дзержинский ошарашенно уставился на молодого человека. — В чем дело, товарищ Стырне? Что еще произошло?

— Ну как же?! — следователь КРО бесцеремонно отодвинул в сторону худые ноги председателя ОГПУ и плюхнулся на кровать. — Это что же получается: я ловлю, раскручиваю, он все признает, подписывает... А эти — чужие лавры себе присваивают...

— Объясните еще раз толком, — потребовал Дзержинский. — Кого вы ловите? Кто все признает?

— Рей-ли, — внятно, по слогам произнес Стырне. — Сидней Джордж Рейли.

— Разве его не застрелили на границе? — Феликс Эдмундович был крайне удивлен.

— Какая граница? Он у нас на Лубянке во внут-

ренной тюрьме с двадцать четвертого года... Вначале, конечно, отпирался... Прикрывался фальшивыми именами... Зелинский, Розенблюм... Но после соответствующей обработки... Мы старались, Феликс Эдмундович, очень старались... Он все признал. Теперь все протоколы подписаны.

— А где вы его взяли? — недоверчиво поинтересовался Дзержинский.

— В поезде. Знаете, о ком я говорю? Помните, в прошлом году вы нас собирали на расширенный актив? Вы тогда сказали: «Враг не дремлет. Он пользуется любой лазейкой... Шпионы иностранных держав спят и видят во сне...» Знаете, кто такой Рейли? Его приговорили к расстрелу еще в восемнадцатом году... Жаль, я тогда был еще совсем дитя. Но я поклялся себе, что найду и выведу этого гада на чистую воду, чего бы мне это ни стоило! И я поймал его, схватил за руку! Что с вами, Феликс Эдмундович?

Дзержинский уткнулся в подушку. Он издавал какие-то странные звуки.

— Вам плохо? — перепугался Стырне. — Сестра! Доктор! Помогите!

— Не надо, — сквозь смех с трудом выговорил больной. — Ой, не могу! Воистину, правая рука не ведает, что творит левая! Ха-ха-ха! Значит, есть еще один Рейли?!

— Почему еще один? — обиделся следователь. — Единственный...

— Вы молодец, Владимир Арнольдович, — председатель ОГПУ слабо похлопал его по коленке. — Идите и работайте. Так держать и впредь... Какой, говорите, у него псевдоним?

— К нам он проник под фамилией Зелинского, — обида Стырне сменилась гордостью, — а вообще он обычно действует как Розенблюм.

— Отлично! — похвалил подчиненного Феликс Эдмундович. — Держите меня в курсе дела и дальше.

Стырне сделал несколько шагов по направлению к двери, но вдруг растерянно обернулся.

— А это как же? — показал он газету.

— Не беспокойтесь... — Дзержинский потербил бородку. — Это всего лишь для отвода глаз. Инсценировка. Чтобы скрыть от западных разведок факт поимки знаменитого агента.

— Зачем? — не понял Стырне. — Наоборот...

— Т-с-с... — Феликс Эдмундович приложил палец к губам. — А это, батенька, государственная тайна.

— Понял, — Стырне озабоченно нахмурился и тихо-тихо прикрыл за собой дверь.

Хельсинки, 4 октября 1925 года

— Так вот будьте любезны, милочка, — супруга Вадима Железного с головы до ног окатила Марию Шульц ледяным взглядом, — дать разъяснения по поводу исчезновения моего мужа.

— Господи! — Захарченко сжала руками виски. — Я сама ничего не знаю! Надо срочно ехать в Москву... Я не прошу себе, если с ним что-то случилось! На границе, в районе нашего «окна», была перестрелка... Как раз в тот день, когда мы ждали господина Железного обратно... Не дождавшись его, я тотчас же телеграфировала вам... Будем надеяться, он жив...

— Что значит, надеяться?! — вскинула брови сеньора Штейнберг. — Что вы хотите этим сказать? Отправляясь в Хельсинки, муж вообще не собирался ни в какую Россию... Он должен был ехать по делам в Штеттин, а оттуда в Лондон. Как вы уговорили его двинуться в лапы к большевикам? Чем заманили?

— Простите, миссис... — на Марию Шульц жалко было смотреть. — Это целиком и полностью моя вина...

— Ваши угрызения совести оставьте при себе, —

отрезала Пепита. — И верните мне моего мужа. Нет, вы только поглядите на нее — она мучается! А мне какво? Я сразу почувствовала неладное, получив от него письмо. Вот... — она порылась в сумочке и бросила на стол конверт. — Читайте, читайте...

Трясущимися руками Захарченко развернула сложенный вчетверо листок бумаги.

«Мне непременно нужно съездить на три дня в Петроград и Москву. Я выезжаю сегодня вечером и вернусь во вторник утром. Я хочу, чтобы ты знала, что я не предпринял бы этого путешествия без крайней необходимости и без уверенности в полном отсутствии риска, сопряженного с ним. Пишу это письмо лишь на тот маловероятный случай, если бы меня постигла неудача. Даже если это случился, прошу тебя не предпринимать никаких шагов, они ни к чему бы не привели, а только всполошили бы большевиков и способствовали бы выяснению моей личности. Меня могут арестовать в России лишь случайно, по самому ничтожному, пустяковому поводу. А мои новые друзья достаточно влиятельны, чтобы добиться моего освобождения».

Пепита выжидательно смотрела на Шульц.

— Если он только жив, я спасу его! Организую побег... — в глазах у Захарченко блестели слезы. — Верьте мне! Прошу вас, дорогая, не волнуйтесь. Сегодня должен прибыть Александр Александрович... Якушев все прояснит, он приедет прямо из Москвы...

Чтобы не коротать время с пренеприятнейшей революционеркой в ожидании Якушева, Пепита отправилась прогуляться. Хельсинкские магазины не воодушевили ее ни на какую покупку. Впрочем, их финские дамы ничего лучшего и не заслуживали. Широкие плоские лица, прямые белесые волосы, крупные топорные фигуры... Естественно, миссис Штейнберг воспринималась здешней публикой как синематографическая дива. Мужчины едва ли не сво-

рачивали себе шеи, провожая ее восхищенными взглядами.

Поблуждав немного по хельсинкским улочкам, Пепита почувствовала нестерпимый голод и заглянула в небольшой ресторанчик с забавным названием «Петербург».

Словно из-под земли перед нею вырос официант в косоворотке с хорошей военной выправкой.

— Не утруждайте себя, голубчик, — прервала его Пепита, когда он обратился к ней по-фински. — Принесите лучше что-нибудь на ваш выбор. Я голодна, как волк. Да, и еще сто граммов водки.

— Слушаю-с, — щелкнули каблуками сапоги, и официант испарился.

Женщина лениво оглядела зал. Хоть бы одно интересное лицо... Она вздохнула:

— Вот я и говорю, — слышался рядом приятный баритон. — Не на ком взгляду отдохнуть... Такие рожи, простите, мадам...

Пепита удивленно оглянулась. За соседним столиком сидел молодой человек с правильными чертами благородного лица.

— Вы тоже приезжий? — миссис Штейнберг мгновенно оценила его гардероб: все вплоть до лежавших рядом со шляпой перчаток было приобретено не здесь.

— Ваша проницательность делает вам честь, — шутливо поклонился незнакомец и, не дожидаясь приглашения, пересел к ней за столик. — Позвольте представиться: Алексей Бельгардт, международный журналист, обозреватель газеты «Свобода».

— Жозефина де Совиньи, — Пепита протянула ему два пальца.

Алексей энергично пожал их и весело продолжал:

— До чего же финны скучный народ. Каждое слово из них приходится вытягивать просто клещами. Как журналист я предпочитаю более разговорчивые нации. Французов, русских... Вы, кстати, прекрасно

владеете языком... О, наши заказы. Голубчик, — обратился он к официанту, — накрой мне здесь. Надеюсь, вы позволите, мадам?

Пепита улыбнулась.

Разговор крутился вокруг общих тем. Бельгардт блистал своей осведомленностью. Он рассказывал собеседнице о событиях в России, Китае и Южной Африке. Сплетничал о склоках и грызне среди эмигрантов, хвалил парижские моды.

— А эти финны, — тоскливо проводил он глазами блеклую местную красавицу, занявшую угловой столик, — как снулые рыбы. Хоть бы что их взбудоражило. Чухонцы! И газетчики такие же! Представьте, приношу им жареный факт, горячий материал... Да любое издание в мире немедленно купило бы такую корреспонденцию! А они что-то лепечут о нейтралитете, суверенитете и добрососедских отношениях. Ха! — он залпом осушил стопку водки. — На границе перестреляли кучу народа... Контрабандисты... Четыре труп... А ценностей у них — на миллионы, если не на миллиарды. Картины, церковная утварь, золото, камни... Красные, конечно, все это под шумок прибрали к рукам. Бедный итальянец!

— Какой такой итальянец? — насторожилась Пепита.

— Контрабандист... Я наверняка знаю, что он был итальянцем. Совершенно точно известно: этот макаронник искал сокровища дома Романовых и нашел их! Кокнули!

— Когда? — спросила Пепита с замиранием сердца.

— Почти неделю назад. Я уже повсюду разослал сообщения...

Пепита достала из портмоне деньги и положила их на стол.

— Как? — удивился Бельгардт. — А десерт?

— Мне пора. Прощайте.

Чертов Массино! Скотина! Безмозглый идиот!

Втянул ее в авантюру, которая ничем не увенчалась. Ему-то что? Подох себе и подох! А она потеряла деньги, причем немалые.

Пепиту трясло от негодования. Она неслась с такой скоростью, что сама не заметила, как вернулась в гостиницу к Шульц.

Кроме эсерки в номере сидел безукоризненно одетый пожилой господин.

— Слава Богу! — радостно встретила ее Мария Захарченко. — У меня от сердца отлегло! Господин Якушев сообщил... Впрочем, Александр Александрович, расскажите сами!

— Садитесь, сударыня, — Якушев помог Пепите снять пальто и подвел ее к глубокому креслу. — Счастлив развеять ваши тревоги. Мария Владимировна перепугалась сама и переполошила всех нас, хотя с господином Железным ровным счетом ничего не произошло дурного и он уже, наверное, ищет вас в Лондоне.

Все еще вне себя, Пепита с трудом вникала в смысл его слов.

— Господин Железный жив! — торжествующе воскликнула Шульц. — После случившегося на финской границе Александр Александрович решил не рисковать драгоценной жизнью вашего супруга. В этом помог случай. Господин Железный и в самом деле направлялся в тот день в сторону Парголова. Но представьте себе, на петроградский вокзал вообще не подали состав. Вы же знаете, дорогая, какая царит при Советах анархия. Виданое ли дело, чтобы где-нибудь в Германии или во Франции ни с того ни с сего отменили поезд?! А тут — пожалуйста! В ту же ночь и произошло несчастье. Но с другими!

— Господин Железный очень волновался, — подхватил Якушев. — Он опаздывал на пароход. Я переправил его через запасное, глубоко законспирированное «окно», предназначенное для экстренных случаев... И вот, глядите-ка...

Он протянул Пепите телеграфный бланк.

«Добрался благополучно тчк спасибо помощь тчк скоро вышлю товар тчк Вадим тчк».

Даже Мария Захарченко-Шульц с ее пронизательностью и подозрительностью не ставила под сомнение истинность этого сообщения. А между тем телеграмма по личной просьбе заместителя председателя ОГПУ Менжинского была отправлена председателем московской организации «Треста» Потаповым, которому вследствие последних событий пришлось срочно отправиться к устью Одера.

— А кого же тогда убили? — с вызовом спросила Пепита. — Чей труп на границе?

— К сожалению, там погиб человек, который мог бы быть нам очень полезен, — вздохнул Якушев, доставая из своего портфеля свежие московские газеты. — Вы, вероятно, слышали о нем. Его фамилия Рейли, — и он протянул Пепите «Известия».

— Тот самый? — ахнула Шульц.

— Тот самый, — печально подтвердил Якушев.

На мгновение у Пепиты потемнело в глазах. Но она тотчас же взяла себя в руки.

— Упокой его душу, Господи, — вслух сказала она и перекрестилась.

«Сидней Джордж Рейли убит 28 сентября войсками ГПУ у деревни Аллекюль в России. Безутешная вдова скорбит о безвременной потере супруга».

(Из некролога, помещенного Пепитой Бобадилья в газете «Дейли экспресс».)

Лондон, начало ноября 1925 года

Что и говорить, находиться в положении вдовы Рейли было гораздо приятнее, престижней и выгодней, чем быть женой Вадима Железного. Хотя, прочитав о смерти Рейли в «Известиях», Пепита чуть

было не проговорились, что Джордж и Штейнберг — одно и то же лицо. И очень рада, что не сделала этого: пусть эти истерички и ублюдки продолжают играть в свои революционные игры, если им так хочется. Пускай создают свои организации, таскаются через границу с поддельными документами, шлют друг другу фальшивые телеграммы... Ее, Пепиты Бобадилья, это нисколько не касается. Ей выпала такая редкостная удача, и она не позволит всяким трестам, якушевым и шульцам отхватывать куски от лакомого пирога.

Муж умер вовремя. И при обстоятельствах, которыми следовало немедленно воспользоваться. Шумиха, поднятая в красной и мировой печати, сыграла ей только на руку.

«С 1918 года этот мужественный человек находился на переднем плане борьбы с большевизмом».

(Из журнала «Шпигель».)

«Спасая национальное достояние российской короны, пал под пулями красных как герой. Это имя будет впечатано золотыми буквами в мартиролог мучеников идеи — Сидней Джордж Рейли...»

(Из корреспонденции А. Бельгардта в газете «Свобода».)

«Агент «Интеллидженс Сервис», которого все давно считали погибшим, Сидней Джордж Рейли, снова вынырнул из небытия, чтобы, подобно Георгию Победоносцу, опять поразить чудовище, именуемое Советской властью... Я был дружен с ним тогда, в восемнадцатом... К счастью, ему удалось бежать...»

(Из корреспонденции Р. Локкарта в газете «Ивнинг стандарт».)

— Все-таки почему Сидней? — недоумевала Пепита, аккуратно подклеивая в альбом очередную газетную публикацию. — Джордж Герберт Рейли... А впрочем, не все ли равно, какое имя досталось мне

после смерти мужа. Не стоит спорить с официальной версией.

Предаваться досужим размышлениям ей было некогда. Она трудилась не покладая рук и даже всерьез увлеклась литературной работой. Бездарные мемуары Вадима Штейнберга, о котором никто уже и не вспоминал, под игривым пером сеньоры Бобадилья претерпели разительные метаморфозы. Скучный анализ положения в России до и после революции сменился захватывающим калейдоскопом невероятных приключений. Никому не интересные полемики с несуществующими политическими противниками уступили место галантным любовным похождениям. Из всех женщин, конечно, выделялась одна — вечно юная и прекрасная Пепита Бобадилья, огромную любовь к которой покойный Рейли пронес через всю свою жизнь. Крест-накрест жирно перечеркнув унылые жалобы Железного на то, что его никто не понимает, начинающая писательница вдохновенно повествовала о тесной дружбе, связывающей ее незабываемого супруга с нынешним премьер-министром Великобритании. И не видать бы Черчиллю премьерства, если бы он не прислушивался к тактичным, компетентным и таким своевременным советам крупнейшего специалиста по всем мировым вопросам, каковым являлся Сидней Джордж Рейли.

Лондон, конец декабря 1925 года

Пепите чрезвычайно шел траур. Пришлось раскошелиться на новую черную шляпку из Парижа с умопомрачительной вуалью. И новое пальто в талию. В скорбной, но элегантно и полной достоинства позе вдова сидела в кабинете издателя Вольнского.

— Книга может иметь успех, — сдержанно сказал издатель, разглядывая женщину поверх очков. — Вы

хорошо потрудились над мемуарами своего мужа. Правда, если мне не изменяет память, у него было другое имя. И другая фамилия...

Пепита пожала плечами:

— Если хотите, это объясняется соображениями большой секретности...

— Да что вы! — усмехнулся Вольнский. — А эти приключения плаща и шпаги? Право же, никогда бы не подумал, что господин Железный на такое способен. Он казался мне личностью скорее меланхолического склада...

— Периоды депрессии, — Пепита поправила вуаль, — чередовались у покойного мужа с периодами невероятно бурной деятельности. Только после его безвременной кончины открылось многое, о чем не подозревала даже я, его самый близкий друг и соратник.

— Ах, миссис Штейнберг! — ележно протянул старик. — Вы самая удивительная женщина и самая необыкновенная вдова из всех, кого я когда-либо знал...

Пепита тонко улыбнулась.

— Миссис Рейли, мой друг, — мягко поправила она Вольнского, — миссис Сидней Джордж Рейли!

— Ну что ж, — пробормотал издатель, проводив посетительницу. — Какое мне, в сущности, дело, чья она вдова? Как бы сомнительно ни пахла вся эта история, мой нюх меня не обманывает. Пожалуй, стоит сохранить набор для дополнительного тиража...

ЭПИЛОГ

*1990 год
Москва*

Город встретил господина Шелла неласково. Моросил дождь. По тротуарам ходили серые хмурые люди. У магазинов толпились очереди. В гостиничном номере отсутствовала горячая вода и наволочка была гораздо шире подушки. Господин Шелл с удивлением понял, как быстро он отвык от советских порядков, точнее, беспорядков. Хваленая горбачевская перестройка, по-видимому, ничего не изменила в глубинном ходе российской жизни, разве что всколыхнула в людях надежды на лучшее.

Он включил телевизор.

— Процесс пошел, — убежденно сообщил Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, — по пути реформ, ...ускорение... не захлопывайте... семимильными шагами... Азербайжан...

Шелл лениво ткнул пальцем в другую кнопку:

— ...вывода войск, — трое молодых людей обменивались взглядами. — ...из Афганистана...

По питерской программе мордатый тип с наглыми глазами сладострастно описывал:

— ...и съел своего товарища. Остатки мяса, чтобы не испортились, он засолил и закатал в трехлитровые банки. Вот как выглядит консервированная человечина...

Шелл метнулся в ванную комнату и склонился

над раковиной. От советской гласности его вывернуло наизнанку.

Слава Богу, по учебной программе шел урок немецкого языка. Чистые и нарядные дети танцевали и с чудовищным акцентом распевали песенку альпийских стрелков.

Под это ангельское пение герр Шелл наконец заснул.

*Москва, Центральный лекторий
общества «Знание»*

До начала симпозиума еще оставалось время. И господин Шелл зашел в посольство. Здесь, как и повсюду в Москве, царил беспорядок. В связи с объединением Западной и Восточной Германии шла реорганизация. Ни в одном кабинете не было чиновников: они носились взад-вперед по коридорам, нагруженные кипами бумаг, папок и канцтоваров. Шелл долго слонялся между ними, пока наконец не нашел нужного ему человека.

— Как погода в фатерлянде? — в глазах секретаря светилась ностальгия.

— Да уж лучше, чем в Москве, — с чувством ответил Шелл.

— А стена? — сентиментально осведомился немец.

— Ломают... Уже почти снесли, — успокоил его Шелл. — Благодарю вас, — он забрал свои бумаги. — Ауфвидерзейн!

На ступеньках Политехнического музея Шелл еще раз проверил, работает ли диктофон. Качество звука было хорошее: сквозь привычно произнесенные им слова «айн, цвай, драй...» пробилась посторонняя фраза:

— Мистер, подайте участнику перестройки!

На ступеньках, прямо у входа, уселся нищий. Рваная фуфайка, на голове грязный треух, в протянутой

руке — кепка с мелочью, среди которой одиноко валялся мятый рубль. На небритом лице серебрилась щетина. Глаза были молодые, сытые, нахальные.

— Русише швайне! — пробормотал герр Шелл, брезгливо обходя попрошайку. Тот вызывал в нем такую же тошноту, как и «человеческие консервы».

— Вы участник симпозиума? — налетела на него в фойе энергичная полногрудая дама. — Подойдите к столику, получите папочку!

— Я журналист, — на чистейшем русском языке представился ей герр Шелл. — Радио «Немецкая волна».

— О! — с уважением протянула дама. — Зарегистрируйтесь в пресс-центре и получите пропуск в ложу прессы.

На отведенных для журналистов местах было немного народу. Видимо, мировая общественность мало интересовалась сугубо академической темой симпозиума «Некоторые социологические аспекты пропагандистской деятельности средств массовой информации в условиях тоталитарных режимов».

Открывший заседание седовласый академик огласил повестку дня и сообщил, что завтра и послезавтра работа пойдет уже в отдельных семинарах.

— Что это со мной? — Шелл потер лоб. — Забыл взять программку. Ладно, потом...

Он включил диктофон. Первым выступал чилиец.

— ...Когда людей загоняли на стадионы... хунта... фашистская агитация... подпольная демократическая печать... листовки...

Слава Богу, на чтение каждого реферата отводилось всего по десять минут.

— Но пасаран! — выкрикнул чилиец, и зал вяло захлопал.

Шелл был разочарован: ничего, кроме лозунгов и давно известных фактов, в рефератах не прозвучало. Придется таскаться на семинары в поисках какой-

либо свежатинки. Чтобы не тратить даром пленку, он выключил диктофон и прикрыл глаза.

Корейца с его идеями чучхе сменил испанец с его генералом Франке, китайца с его Мао Цзедуну — профессор из Берлина с проклятиями фашизму.

Извиняясь перед соседями, Шелл, согнувшись, стал пробираться к выходу. Уже у самых дверей он услышал начало следующего выступления:

— Формирование образа врага в сознании советских людей...

Шелл обернулся. Место за трибуной заняла молодая женщина, и в первую минуту он ее не узнал.

— ...Целенаправленное создание негативного отношения...

Но этот голос!

— Позвольте программку, — Шелл выхватил отксерокопированную брошюру из рук сидящего у прохода толстяка и пробежал глазами список участников первого заседания.

Докладчица что-то сказала, и в зале засмеялись.

— Лютикова В. В., — прочел Шелл. — «Советская пропаганда. Формирование образа врага».

Шелл включил диктофон и пошел по проходу к трибуне.

— Вика! — позвал он женщину, остановившись метрах в двух от нее. — Вика!

Седовласый академик в президиуме поспешно вскочил и замахал на него коротенькими ручками. Докладчица скосила глаза, запнулась, покраснела и снова заговорила, быстро-быстро. Публика в первом ряду оживилась и с научным интересом осмотрела журналиста. Шелл плюхнулся на свободное место и выставил вперед диктофон.

Зал бурно зааплодировал.

Лютикова В. В. спустилась с подмоста и торопливо направилась к выходу. Шелл вскочил и, забыв выключить диктофон, побежал за ней.

Москва, улица Горького

— Ты без очков совсем другая...

— А ты в очках совсем другой...

Оба рассмеялись.

— У меня линзы, — сказала Вика. — Пока привыкла, чувствовала себя голой, а теперь ничего... А у тебя сколько?

— На правом минус три, а на левом — минус два с половиной... У меня давно близорукость, я и сам не знал. А теперь приходится много работать с бумагами, — Эдвард Шелл снял и протер очки.

— Ты правда сильно изменилась, — сказал он. — Взрослой такой стала... И очень похорошела...

— Ты тоже здорово возмужал. И производишь впечатление солидного человека.

— А я и есть солидный человек, — сказал Эдик. — Специальный корреспондент радиостанции «Немецкая волна» по странам Восточной Европы.

— Значит, по командировкам все время? А где же ты ведешь оседлый образ жизни?

— В Кельне.

Они вышли на Пушкинскую площадь. Несмотря на осеннюю хмарь, усиленно работал фонтан. Какой-то чудик бросал туда монетку за монеткой, словно в игровой автомат. На скамейках, потягивая «Фанту», гоготали подростки. Фотограф с удавом на шее приставал к прохожим. Но они охотнее шли к его конкуренту, который пристроил рядом с Пушкиным своего фанерного Горбачева. Постовой милиционер индифферентно лужгал семечки.

— Отвык я все-таки от советской действительности, — хмыкнул Эдик. — Давай сядем где-нибудь в тихом месте. О, — вспомнил он, — поехали в «Метлу».

— Ну уж нет! — наотрез отказалась Вика. — Там теперь такой бардак!

— Тогда в «Арагви».

Шеллу было приятно, что на его спутницу обращаются посетители ресторана. Что-то в ней появилось такое, чего он и сам не мог определить. В зале были женщины и покрасивей, и понаряднее, но Вика выделялась среди всех. Во Франции это ее новое качество назвали бы шармом, в Англии — стилем, а в Германии таких женщин не было, нет и не будет.

— Ну рассказывай, — Вика поднесла к губам бокал с «Киндзмараули». — Как ты попал в Кельн?

— Женился, — не слишком охотно ответил Эдик. — На немке.

Вика рассмеялась.

— Извини, — она подавила смешок, — просто я вспомнила...

— Про тысячу долларов и невесту-иностранку? — понимающе кивнул Шелл. — Все обошлось гораздо дешевле. Моника стажировалась в МГУ как славист...

— И однажды случайно принесла тебе макулатуру? — поддела его Вика.

Эдик оглушительно захохотал. Ему импонировала ее ироничность.

— Да нет, мы познакомились более прозаическим образом. В библиотеке. Потом... мне нужно было срочно уносить ноги. Я думал, что женюсь по расчету.

— А оказалось — по любви? — Вика залпом допила вино.

— Трудно сказать... — Эдик пожал плечами. — У нас уже двое детей. Игорю — три с половиной, Юля на год моложе...

— Русские имена? — удивилась Вика.

— Ну не Гансом же сына называть, согласись...

— Звучит красиво, — не стала спорить Вика. — Юля Бодягина.

— Юля Шелл, — поправил Эдик. — А я — Эдвард Шелл. Это фамилия Моника...

— Эдвард Шелл, — повторила женщина. — Странно... Значит, все получилось, как ты хотел...

— Не совсем так, но близко, — Эдик отщипнул кусочек сулугуни. — Ну, хватит обо мне. Среди нас есть гораздо более интересные личности. Например, некая Виктория Валентиновна Лютикова, сорвавшая орации на международном симпозиуме... Погоди-ка, — он выложил на столик диктофон и включил его: — Фрау Лютиков, радио «Немецкая волна», позвольте задать вам несколько вопросов. Кто вы по профессии?

— Архивариус. Начальник отдела Центрального Государственного архива.

— Имеете ли научные звания, степени?

— Доктор исторических наук. Доцент историко-архивного института.

— Ого! — Эдик выключил диктофон. — Ну ты, старуха, даешь... Первый раз вижу такого молодого и красивого доктора наук!

— По-моему, ты научился говорить комплименты... — улыбнулась Вика.

— Нет, правда, я поражен.

— Мою кандидатскую засчитали как докторскую, вот и весь секрет.

— Тем более! — восхитился Шелл. — Давай выпьем за тебя!

Опорожнив бокал, он спросил:

— Ты замужем?

— «Немецкую волну» интересуется личная жизнь архивариусов? — Вика сделала глоток. — Согласитесь, герр Шелл, этот вопрос не по теме нашей сегодняшней беседы.

— Отчего же? — возразил Эдик. — Вы просто пока не привыкли к подобным вопросам. Между тем западные журналисты задают всемирным знаменитостям вопросы и похлеще. Оцените мою скромность и деликатность: я хочу всего лишь узнать о вашем семейном положении. Итак, фрау Лютикова...

— Я не фрау. Я фрейлен... Вы удовлетворены?

Шелл растерялся.

— Ну и правильно, — сказал он нарочито бодрым тоном. — Нечего доктору наук мыть посуду всяким хмырям!

— Посуду все равно приходится мыть, — тонко улыбнулась Вика.

— Э-э-э... Черт возьми! Ты меня ставишь в тупик.

— Чем еще интересуются ваши радиослушатели, герр Шелл?

— Что госпожа Лютикова делает сегодня вечером?

— А если госпожа Лютикова ответит, что вечер у нее свободный?

— Тогда я попрошу ее провести его со мной.

Вика выдержала паузу. Эдик не сводил с нее глаз.

— Нет, — сказала наконец она. — Нет. Я не могу тебе отказать.

— Выпьем! — поднял бокал Эдик.

*Москва, ст. м. «Речной вокзал»,
улица Смольная, 52*

— Потрясающе, — сказал Шелл, — у тебя есть горячая вода.

— А что, у вас в Кельне с этим перебоем? — удивилась Вика.

В какие-то моменты Эдик чувствовал себя рядом с ней идиотом. Но ему это даже нравилось.

— Нет, — простонал он сквозь смех. — Я про гостиницу.

Он с увлечением мыл посуду. Сидя за кухонным столом и подперев голову рукой, Вика смотрела на него.

— Здорово у тебя получается, — заметила она. — Ты и дома этим занимаешься?

— Да ты что?! У нас дома посудомоечная машина.

— Удобно, наверное... А у меня на хозяйство времени совершенно не остается. Так, сооружу что-ни-

будь на скорую руку, как сегодня, — она поднялась. И достала из холодильника бутылку шампанского: ее предусмотрительно положил в морозильник Эдик сразу после прихода.

Шелл принес в комнату бокалы.

...В живом пламени свечей Вика казалась загадочной и прекрасной. Эдик перегнулся через нее и взял сигареты.

— Будешь?

Вика приподнялась на подушках и прикурила. Эдик снова подумал, что есть вещи, которые не выразить словами. Оказывается, тело живет какой-то отдельной своей жизнью. И те ощущения, которые с годами стираются из памяти, тело помнит так же отчетливо, словно все было вчера. Может, все дело в этих чертовых свечах?

Он провел пальцем по ее профилю, ключицам, груди, животу... Поцеловал родинку на плече.

— Когда ты уезжаешь? — спросила Вика.

— Послезавтра, — он посмотрел на часы. — Нет, уже завтра... Доннерветтер!

И подавленно замолчал.

— О чем ты думаешь? — спросила Вика, следя за струйкой дыма, поднимающейся к потолку.

— Как все глупо! Мы ведь действительно могли быть счастливы. Куда ты исчезла? Не оставила ни телефона, ни адреса... Я был у тебя на работе. Твоя начальница послала меня открытым текстом. Пришлось разузнавать координаты через адресный стол... Твоя мамаша каждый раз говорила, что тебя нет дома. А когда я нарвался на отца, он спустил меня с лестницы и накрыл пятиэтажным матом. Соседка сказала, что ты уехала куда-то учиться... А потом меня снова забрали в психушку. Ну и так далее. В восемьдесят третьем я женился.

— Меня отправили к тетке, в Армавир. Вернее, я сама уехала... Не могла больше с ними оставаться. Ты ведь не знаешь... Обыск у тебя устроили из-за моего

отца. Это он написал заявление в КГБ, когда я рассказала о тебе родителям. Он боялся, что я стану еврейкой и уеду с тобой в Израиль. Струсил, что вылетит из-за этого с работы и из партии.

— Куда тебя повезли... тогда?.. — тихо спросил Эдик.

— На Лубянку. Я просидела там четыре часа, пока не приехал отец. История не имела продолжения... А у тебя?

— У меня тоже. В психушку я попал по другому делу, неохота рассказывать... И все-таки не могу понять, почему ты сразу не пришла ко мне? Разве ты виновата, что твой отец...

— Я люблю тебя, — сказала Вика. — Я боялась, что ты не простишь... Помнишь, как я взяла ночью твой паспорт? Я же чувствовала, все с тех пор изменилось...

— Я люблю тебя, — сказал Эдик.

*Москва, ст. м. «Речной вокзал»,
улица Смольная, 52, утро*

— Я понял, что нового в тебе появилось, — Эдик наблюдал, как Вика суетится у плиты. — Уверенность...

Женщина поставила на стол тарелки с яичницей.

— С колбаской... — Шелл потянул носом воздух. — Как я люблю...

— Рада стараться, товарищ командир! — козырнула Вика.

— К пустой голове... Впрочем, нет, голова у тебя очень даже не пустая! Да, вот она откуда — уверенность. Ты себя реализовала во всем, — Эдик ткнул вилкой в глазунью, — во-первых, замечательная хозяйка. Красивая женщина, дико обаятельная. Доктор, с ума сойти, наук! Кстати, по какой теме ты защищалась?

Вика разливала чай в красные чашки с белым горошком.

— Название очень длинное, — предупредила она. — «Советская пропаганда. Целенаправленное создание образа врага в массовом сознании (на примере феномена Сиднея Рейли)».

— Рейли? — обалдел Эдик. — Значит, вот чем ты занималась все эти годы!

— Нет, ну не только... — Вика помешивала ложечкой чай. — Научилась вязать. Освоила компьютер. Что еще? Но в основном, конечно, Рейли...

— Нет, это поразительно!.. — Шелл не мог прийти в себя. — Но если твою кандидатскую засчитали как докторскую... Значит, ты совершила открытие?

— В некотором роде... Видишь ли, мои выводы не соответствуют официально принятой версии. Вокруг диссертации было много споров, привлекали к работе английских и американских экспертов. Однако никто ничего не мог опровергнуть... И в конце концов дали степень. За оригинальность идеи.

— Ну, а в чем заключается твоя идея?

— Если в двух словах... Сиднея Джорджа Рейли вообще не существовало.

— То есть — как?

— Ты что, забыл, как мы жили? Нас все время призывали против кого-то бороться. Враг персонафицировался в определенном символе. Десять лет назад таким символом были диссиденты внутри страны, а вне ее — гнивающий империализм в лице какого-нибудь «дяди Сэма». До этого были стилиаги, враги народа, Чемберлен и тому подобное. А в первые годы Советской власти, учитывая психологию рабочих и крестьян, нужен был вполне конкретный, хитрый, опасный, коварный человек, эдакий «неуловимый Джо»... Но, несмотря на всю его неуловимость, матерого шпиона Рейли все-таки побеждают наши доблестные чекисты.

— Неувязочка получается, — покачал головой Шелл. — По-моему, вполне реальных врагов тогда было больше чем достаточно.

— Да, — согласилась Лютикова. — Но никто из них полностью не удовлетворял всем необходимым требованиям. Зато Рейли — это чистый тип, абсолют, лабораторное создание... гомункулус, если хочешь. Сначала этим псевдонимом воспользовались чекисты для разоблачения несуществующего «заговора послов». Но настоящего Георгия Реллинского, естественно, расстрелять не могли, чекисты еще не обладали достаточным цинизмом. И этот заочно приговоренный Рейли как бы повис в воздухе. Через несколько лет гэдэушник Стырне решил прославиться. И снова вытащил на свет Божий все того же матерого шпиона. Им оказался Розенблюм. Точно так же на его месте мог оказаться любой другой человек. Но тут произошла небольшая накладка: именно в это время, когда Стырне «раскалывал» Розенблюма, на финской границе убили сразу двух «Рейли» — Штейнберга-Железного и Массино.

— А Массино здесь при чем?

— Так же ни при чем, как и все остальные. Но и его бросили в ту же пробирку с гомункулусом. Надо отдать чекистам должное — даже откровенный прокол они умели поставить с ног на голову и преподнести его к вящей для себя славе. Миф о Рейли создавался постепенно, как устное народное творчество. Эдакий огэдэушный фольклор! И каждый вписывал по слову в эту песню. От настоящего Рейли, который жил в Англии и погиб до революции, взяли ирландские корни, храбрость, славу и дружбу с Черчиллем. Кстати, биографы британского премьера упоминают имя Джорджа Герберта Блада. Ой, — Вика увидела на столе диктофон, — ты что, все записываешь?

— Не обращай внимания, — отмахнулся Эдик. — Говори!

— Хоть бы предупредил, — проворчала женщина и продолжала: — От Розенблюма нашему синтетическому герою также перепала часть биографии. Опять-таки происхождение, миллионы, дружба с Базилем Захаровым и прочее. Ну, и последняя пуля, конечно. От Реллинского — «заговор послов», членство в партии, служба в петроградской ЧК и знакомство с Френсисом Кроми. От Железного мифический Сидней Рейли унаследовал страстную ненависть к Советской власти, участие в белом движении, дружбу с Савинковым, гемуэзское покушение, «Письмо Коминтерна», вдову и смерть. От Массино — авантюризм, махинации, погоню за художественными ценностями, делишки с Мандроховичем и гибель на границе.

— Логично, — с удивлением согласился Эдик.

— Погоди, это еще не все. В создании мифа чекистам невольно помогла вдова Железного. Конечно, она не была агентом ОГПУ, но как упустить случай прославиться и разбогатеть? И ее липовые мемуары как бы узаконили посмертное существование Сиднея Рейли. С подписью и печатью! Когда я стала распутывать все ниточки и раскладывать все по полочкам, меня поразило, как до сих пор никто не замечал очевидного: что речь идет не об одном человеке. Казалось, это лежит на поверхности. Но в массовом сознании настолько укоренился образ мощного, но побежденного «нашими» врага, что все — из года в год, из десятилетия в десятилетие — повторяли, как попугаи, нелепые и противоречивые факты. И сами не замечали их нелепости и противоречивости.

— Послушай, это фантастично! Это не укладывается в голове! Но как же ты сумела преодолеть этот стереотип восприятия? — Эдик вскочил и забегал по кухне.

— Благодаря тебе... Погоди-ка... — Вика встала на

табуретку и достала откуда-то из-под потолка, с кухонного шкафчика, старую пожелтевшую тетрадь. Спрыгнула на пол и положила ее на стол.

— Господи! — Эдик замер на месте. — Как тебе удалось ее вернуть? Ведь бумаги забрали гэбэшники...

— Она все время была у меня. Вспомни, их было семь, одну я взяла прочитать. А Дрига нашел у тебя только шесть.

Вика смахнула пыль, и на картонной обложке ясно выступила надпись «Блокъ-ноть».

— С этого все началось...

— Да-а, — Эдик перелистал исписанные мелким неровным почерком страницы. — А интересно все же, кто это написал...

— Фамилия этого человека Ступин, — сказала Вика. — Александр Михайлович Ступин. Это был тот самый старичок, после смерти которого к тебе попали тетрадки. Я нашла его адрес в твоём приемном пункте. Он был записан на обложке журнала «Политическое самообразование» из той же связки. Фамилию узнала от соседей. И начала поиски. Оказалось, Ступин был в одном лагере с Георгием Реллинским и от него впервые услышал о Рейли. Тогда Александр Михайлович и задумал свой роман. Он писал его всю жизнь, до последнего дня...

Эдик раскрыл «Блокъ-ноть».

«...Умер у меня на руках. Он так исхудал, что даже я, сам голодный и обессиленный, без труда поднял его на руки. Георгий Васильевич остался там, в общей могиле. Когда я вернулся домой, устроился на службу и поднакопил деньжат, купил место на Одинцовском кладбище и поставил там скромный памятник с табличкой: «Георгий Реллинский. 1874 — 1939 гт.» Давно я там не бывал. Могилка, наверное, заросла...

...а как мы верили, что впереди...»

...Сначала на немецком, потом на русском стюардесса сообщила:

— Наш самолет находится на высоте девять тысяч метров. В полете вам предложат ужин, напитки, сигареты, сувениры, прессу, развлекательные игры...

Эдвард Шелл расслабился в кресле и прикрыл глаза. Но уснуть не удалось. Досадно, он прилетит разбитым, усталым. А утром сдавать в редакцию материал. Чтобы не тратить времени зря, он решил поработать. Достал диктофон, нажал на кнопку воспроизведения записи. Послышался треск, шум — и больше ничего. Он прокрутил всю пленку от начала до конца.

— ...Ведь все это были живые люди, а не схема... — прорвался сквозь помехи Викин голос.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
1. ПЕПИТА БОБАДИЛЬЯ, ВДОВА	8
2. ДЖОРДЖ РЕЙЛИ, БРИТАНСКИЙ АГЕНТ	29
Глава 1. Встреча на Малакадане	—
Глава 2. Око за око	38
Глава 3. По следам человека с пятном	52
Глава 4. Первая смерть шпиона Рейли	65
Глава 5. «Личность весьма известная»	79
Глава 6. Дело Сидней-стриг	89
Глава 7. Смерть вторая и последняя	100
3. ЗИГМУНД РОЗЕНБЛЮМ, НЕЗАКОННОРОЖ- ДЕННЫЙ	117
Глава 1. Счеты с жизнью	118
Глава 2. Любовь до гроба	128
Глава 3. Желтая зараза	142
Глава 4. Вонючие деньги	156
Глава 5. Долгие проводы — лишние слезы	167
Глава 6. Будни Лубянки	179
4. ГЕОРГИЙ РЕЛЛИНСКИЙ, ПЛАМЕННЫЙ ЧЕКИСТ	197
Глава 1. Привет от тетушки	—
Глава 2. Наш человек	208
Глава 3. Охранная грамота	219
Глава 4. Все для конспирации	233
Глава 5. Конец — заговору венец	243
Глава 6. «Я прикован к этому имени»	257

Глава 7. Крест и череп	272
Глава 8. «Вас ожидает товарищ Петерс»	283
5. ВАДИМ ЖЕЛЕЗНЫЙ, ПРАВЫЙ ЭСЕР	298
Глава 1. Бегство из Ярославля	—
Глава 2. Пепел Клааса	312
Глава 3. Птица Феникс	324
Глава 4. Покушение в Генуе	339
Глава 5. Тайна «Письма Коминтерна»	351
Глава 6. Операция «Трест»	362
6. ВИНЧЕНЦО МАССИНО, ВЕЛИКИЙ КОМБИ-	
НАТОР	383
Глава 1. Дела и делишки	384
Глава 2. Все продается и покупается	395
Глава 3. Золото под ногами	405
Глава 4. Крушение иллюзий	416
Глава 5. Кавалер ордена Подвязки	425
Глава 6. Последняя авантюра	435
7. СНОВА ПЕПИТА БОБАДИЛЬЯ, ВДОВА	445
Эпилог	460

Литературно-художественное издание

*Юлия Георгиевна Семенова
Александра Петровна Юнко*

**АВАНТЮРИСТ И ЛЮБОВНИК
СИДНЕЙ РЕЙЛИ**

Редактор Е. Сергеева
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн А. С. Сергеев
Технический редактор Н. Новак
Корректор Г. Казнина

Сдано в набор 17.10.97. Подписано в печать 28.11.97.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 25,20.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 0366.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

«Олимп».

Изд. Лиц. ЛР № 07190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92

ООО «Фирма «Издательство АСТ»
Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25.

OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

РУССКИЕ ТАЙНЫ

Впервые!

Правда о ключевых моментах
истории России!

Величайшие преступления XX века,
без тайн и искажений!

Подлинные документы спецхранов
и советских архивов!

За каждой тайной – новые,
за каждым преступлением –
цепь других. История нашей
страны – впервые без прикрас.

История, полная безжалостных
сражений за власть, изощренных
интриг и кровавых секретов...

ISBN 5-237-00377-2

6811

22

9 785237 003772

